

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 10, №2 2024

Издательство Амурского государственного университета



Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

Выпуск 10, № 2, 2024

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Ли Вэньгэ д-р филол. наук, профессор (КНР, Харбинский политехнический университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Лагута Нина Владимировна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АМГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com



Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

Volume 10, Issue 2, 2024

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Li Wenge Doctor of Philology, professor (Harbin Polytechnical University, Harbin, China)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina V. Laguta PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81–11

Баландина Екатерина Сергеевна
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
г. Челябинск, Российская Федерация
balandinaes@susu.ru

Оценочность как способ моделирования пространства в географических очерках XIX века

Аннотация

Статья посвящена изучению оценочности как одного из ключевых приёмов, используемых при моделировании пространства в текстах географических очерков. Цель настоящей статьи состоит в определении разнообразия и частотности использования оценочных языковых средств лексического, грамматического и текстового уровней при вербальном моделировании географического пространства. Материалом для исследования послужили географические очерки XIX века, которые были изучены с помощью методов дискурс-анализа. В результате выявлено, что наиболее полно оценка в анализируемых текстах представлена на лексическом уровне. В ходе исследования были выделены следующие группы оценки: общая аксиологическая, сенсорная, сублимированная, сенсорно-психологическая и рационалистическая. На грамматическом уровне отмечены примеры словообразовательных моделей превосходной и сравнительной степеней прилагательных, а также синтаксические конструкции с оценочной семантикой, позволяющие представить более полное описание географического пространства. В то же время на текстовом уровне авторы географических очерков XIX века стремились выдержать баланс в плане аксиологической оценки, поскольку их ключевая цель состояла не в художественном описании, а в научно-документальной фиксации фактов, связанных с географическими особенностями той или иной местности. Очевидно, что географические очерки XIX века представляют особый вид дискурса, в котором сочетаются элементы художественного и научного стилей, что напрямую влияет на выбор оценочных средств при описании географического пространства.

Ключевые слова: оценочность, географический очерк, дискурс, авторская позиция, моделирование пространства

© Баландина Е. С. 2024

Для цитирования: Баландина Е. С. Оценочность как способ моделирования пространства в географических очерках XIX века // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 5–14.

Ekaterina S. Balandina
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
balandinaes@susu.ru

Evaluation as a way of in-space modeling in geographical essays of the XIX century

Abstract

The article aims to study evaluation as a key technique in modeling space in geographical essays. It gives an overview of various language means of expressing evaluation on lexical, grammatical and textual levels. Geographical essays of the XIX century were collected and studied by means of discourse analysis. As a result, various ways of expressing evaluation were identified. It was shown that the most diverse means of evaluation can be represented on the lexical level by the following groups of evaluation: general axiological, sensory, sublimated,

sensory-psychological and rationalistic. On the grammatical level, different examples of degrees of comparison and syntactic structures with evaluative semantics were found. All these means of evaluation presented a complete and vivid description of geographical space. Meanwhile, on the textual level, geographical essays of the XIX century tended to maintain a balance in terms of axiological evaluation, since their key goal was not a literal description, but a scientific and documentary fixation of facts related to geographical features of a particular area. The finding clearly demonstrate that geographical essays constitute a unique type of discourse where the features of scientific and fiction styles are combined to influence the choice of language means of evaluation.

Keywords: evaluation, geographical essay, discourse, author's position, space modeling

© Balandina E. S. 2024

For citation: Balandina, E. S. (2024). Otsenochnost' kak sposob modelirovaniya prostranstva v geograficheskikh ocherkakh XIX veka [Evaluation as a way of in-space modeling in geographical essays of the XIX century]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 5–14.

1. Введение [Introduction]

XIX век можно назвать веком стремительного содержательного и концептуального развития географического очерка. К этому времени в Европе, Америке и России происходит активное становление культуры географических описаний, которые, с одной стороны, были связаны с традициями естественнонаучных знаний, а с другой, с художественными зарисовками и путевыми дневниками. В настоящее время интерес к географическому дискурсу – очерку и близким поджанрам – не ослабевает. Дневники путешественника, газетные статьи о путешествиях, совмещающие черты рекламного текста и публицистики, кибертуризм для категорий, которым реальный туризм недоступен [Prelipsean et al., 2018 ; Brett, 2023 ; Kiani et al., 2024] и многие другие интереснейшие аспекты географического дискурса становятся предметом отдельных исследований. Географическому дискурсу посвящены отдельные периодические издания, например “Studies in Travel Writing” (<https://www.tandfonline.com/journals/rstw20>), “Journal of Travel Research” (<https://journals.sagepub.com/home/jtr>).

Географический очерк XIX века можно рассматривать как особый вид дискурса, в котором синтезируется научно-документальная фиксация пространства и его образно-географическое описание. При этом автор географического очерка становится координирующим центром, который определяет специфику формирования и построения дискурса. Пространство, являющееся объектом описания очерков подобного рода, предстает перед читателем не только с позиции его объективных характеристик, но и через призму субъективного авторского мнения и мировосприятия, за счёт включения в текст разнообразных символов, ассоциаций, ярких и запоминающихся черт, связанных с той или иной территорией. В этой связи значимым становится изучение способов выражения авторской позиции при моделировании пространства, поскольку оно позволяет увидеть особенности репрезентации территории с помощью выбранных автором средств.

Среди различных приёмов, используемых авторами для выражения широкого спектра отношений к тому или иному объекту описания, оценочность (т. е. репрезентация оценки языковыми средствами [Строкан, 2020]) является одним из наиболее эффективных. Категория оценки (т. е. соответствующего ментального действия) рассматривается большинством учёных с позиции её аксиологической интерпретации, то есть выделения положительных или отрицательных характеристик объекта, которые могут выражаться на различных уровнях: лексическом, грамматическом, текстовом, графическом [Арутюнова, 1999 ; Чернявская 2001 ; Синепупова, 2006 ; Асташкина, 2020].

Ц е л ь представленной статьи состоит в определении разнообразия и частотности использования оценочных языковых средств лексического, грамматического и текстового уровней при вербальном моделировании географического пространства.

На лексическом уровне проследить типологию оценочности можно на примере различных классификаций. Ю. Д. Апресян в своих работах выделял три типа основных оценочных компонентов:

1) интеллектуально-логический тип, основанный на логических и рациональных суждениях об объективно присущих референту свойствах;

2) эмоциональный тип, основанный на чувствах, эмоциях, переживаниях, связанных с приписываемыми воображением свойствами, которые объективно не присущи референту;

3) эмоционально-интеллектуальный тип, основанный на рационально-оценочных суждениях, эмоциях в органическом единстве [Апресян, 1974].

Н. Д. Арутюнова разделяет оценку на общую и частную. При этом в последней она выделяет следующие подгруппы [Арутюнова, 1999]:

1) сенсорные, связанные с восприятием и чувственным опытом:

- сенсорно-вкусовые (вкусный – невкусный)
- психологические, включающие элемент рационализации и осмысления:
 - интеллектуальные (интересный / увлекательный / глупый / поверхностный).
 - эмоциональные (радостный / весёлый / печальный)

2) сублимированные оценки:

- эстетические (*красивый – некрасивый*);
- этические (*моральный – аморальный*);

3) рационалистические оценки, ассоциированные с практической деятельностью и опытом человека:

- утилитарные, отражающие рациональную оценку с точки зрения полезности (*полезный – бесполезный*);
- нормативные оценки (*нормальный – ненормальный / стандартный – нестандартный*);
- телеологические оценки (*удачный – неудачный / эффективный – неэффективный*).

Л. М. Васильев предлагает выделять три типа оценочных предикатов, основываясь на наличии эмоционального или рационального компонента в оценке [Васильев, 1996]:

1) модально-оценочные, выражающие рациональную оценку с точки зрения возможности (*безусловно / абсолютно / возможно*);

2) общеоценочные предикаты, в которых заложена общая эмоционально-рациональная оценка (*хороший – плохой / отличный – отвратительный*);

3) частнооценочные, в которых отдельно выделяются:

- утилитарные предикаты (*рентабельный – нерентабельный*);
- предикаты с компонентом этической оценки, характеризующие объект с позиции морали (*жестокый / отзывчивый / гостеприимный*);
- предикаты с компонентом эстетической оценки, характеризующие объект с позиции норм красоты (*красивый / симпатичный / страшный*);
- сенсорные предикаты, отражающие перцептивные восприятие объекта (*горький / сладкий*);
- аксиологические предикаты, обозначающие сам акт оценки и выполняющие в большей степени связующую, а не оценочную функцию (*считать красивым / поступать благородно*).

В нашей работе мы будем придерживаться классификации Н. Д. Арутюновой, поскольку она позволяет разграничивать общую и частную оценку, в которой чётко определяется характер описания и уровень эмоционального – рационального начала.

Классификация Л. Д. Васильева также представляется полной, однако, на наш взгляд, в семантике модально-оценочных предикатов в русском языке отсутствует аксиологический компонент оценки «хорошо – плохо», в связи с чем данная классификация является не вполне подходящей для нашего исследования.

На грамматическом уровне оценочность может быть представлена с помощью:

1) морфологических средств, применяемых главным образом для усиления отдельных компонентов лексического значения, а также для выражения сравнительной оценки.

2) структурно-синтаксических конструкций с оценочной семантикой:

- *всем* сущ. + сущ.
- *Вот это* + сущ.!
- *Что за* + сущ. и т.д.

3) параллельных конструкций для усиления выражения оценочной семантики, повторов, градации, сегментации, объективации – скрытого диалога с аудиторией, в котором даётся оценка какому-либо объекту или событию [Зими́на, 2003].

На текстовом уровне особое значение приобретает общий контекст, поскольку оценочность в данном случае закладывается не в номинации, а в общей системе взаимодействия разнообразных текстовых элементов, формирующих аксиологическое поле или структуру самого текста. Анализ оценочности на данном уровне представляется одним из наиболее сложных аспектов, что объясняется размытостью границ текстового пространства. В узком ключе изучение оценочности текста предполагает исследование совокупности разноуровневых оценочных средств и анализ их взаимодействия, для создания общей стилистической окраски и композиции. Однако в широком смысле текстовое поле не ограничено рамками самого текста, поскольку представленные в нём характеристики и смыслы актуализируют культурологические, ценностные нормы, принятые в обществе, что выводит анализ оценочности на аксиологический уровень [Марьянчик, 2011].

На графическом уровне оценочность может выражаться через использование курсива, кавычек или любых других выделений текста с целью привлечения внимания к информации, выражающей оценочное суждение.

Таким образом, изучение оценочности как способа выражения авторской позиции в географических очерках следует рассматривать на основе обобщённого анализа её аксиологической интерпретации на различных уровнях.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для анализа были выбраны 7 очерков различных авторов, опубликованных в период с 1845 по 1899 гг., находящихся в электронной президентской библиотеке им. Б. Н. Ельцина: Аристов Н. О земле полонецкой: (историко-географический очерк) (1877); Белдыцкий Н. Очерки Вишерского края (1899); Врангель Ф. Очерк пути из Ситхи в С.-Петербург (1836); Гагемейстер Ю. А. Закавказские очерки (1845); Елпатьевский С. Я. Очерки Сибири (1893); Овчинников М. Очерк Нижегородской губернии в историко-географическом отношении (1885); Сергеев А. Географические очерки России (1866). На основе метода сплошной выборки были отобраны разнообразные оценочные языковые средства лексического, грамматического и текстового уровней. Поиск примеров проводился вручную, поскольку оцифрованные версии географических очерков не дают возможности осуществления автоматических запросов по заданным критериям. Метод дискурс-анализа также позволил детально изучить различные средства и способы выражения оценочности, являющейся основным инструментом автора при моделировании географического пространства.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Выражение оценочности в географических очерках XIX века наиболее полно может быть представлено на лексическом уровне, посредством различных частей речи. В общей сложности было отобрано 2642 случая употребления оценочности на лексическом уровне.

Общая аксиологическая оценка «хорошо – плохо» встречается в текстах очерков в 6% случаев (158 употреблений), среди которых были отмечены 96 примеров положительной оценки и 62 случая отрицательной оценки: *хороший урожай, хороший прием, плохой улов, плохое состояніе жилищъ*.

Однако особый интерес вызывают примеры (104 случая употребления), когда аксиологическая оценка дополняется различными вариациями частной оценки объекта или территории, которая и позволяет читателю получить полную картину окружающего пространства.

- Хлѣбопашествомъ здѣсь, по причинѣ суровости климата, занимались немного и рѣдко ... Такая земля давала довольно *хорошіе* урожаи въ продолженіе четырехъ лѣтъ, а затѣмъ истощалась и такъ какъ удабривать ее было нечѣм, то она и забрасывалась [Белдыцкий, 1899. с. 4].

В данном примере мы можем видеть синтез общей положительной оценки ведению хозяйственной деятельности местным населением (*хорошіе* урожаи), несмотря на трудности, вызванные неблагоприятными климатическими условиями (сенсорно-эмоциональная оценка через существительное: *суровость* климата) и скудностью почвы (рационалистическая – утилитарная оценка через глагол: земля *истощалась*).

- Туземныя мельницы, съ однимъ только ходомъ, самаго плохого устройства, дѣйствуютъ весьма неуспешно, но могут доставлять изрядную крупитчатую муку [Гегемейстер, 1845. с. 114].

Этот отрывок представляет оценку работы мельниц, используемых в хозяйственной деятельности Закавказья. Общая аксиологическая оценка *плохо* в сочетании с теологической оценкой, выраженной через лексическую единицу *неуспешно*, иллюстрируют сложности ведения дел на данных территориях. Однако употребление словосочетания *изрядная* (= хорошая) *крупитчатая мука* подчёркивает качество продукции, выпускаемой по окончании работ.

Подобное сочетание разнооценочных лексических единиц даёт автору возможность более чётко моделировать пространственный образ территории, находящихся на ней объектов, местного населения, а также деятельности людей.

В то же время, анализ очерков XIX века показал, что для различного вида географического описания характерен тот или иной тип оценочности. К примеру, при моделировании природного ландшафта авторы используют разнообразные прилагательные с положительной и отрицательной семантикой, входящие в сенсорную группу, составляющую 38% или 1012 случаев употребления. В данной группе наблюдается значительное доминирование положительной оценки над отрицательной (74% и 26% соответственно).

Сенсорная оценка, чаще всего представлена через лексические единицы с семантикой зрительной перцепции.

- Взоръ зрителя всего больше приковываютъ къ себѣ вершины *гигантскихъ* камней, такъ гордо поднявшихся надъ землей.

- Характерную черту русскаго ландшафта и составляетъ сочетаніе нагорнаго *высокаго* берега реки и *широкаго* раздолья разстилающаго передъ нимъ луговья низменности [Овчинников, 1885, с. 3].

Частотность данной оценки во многом объясняется стремлением авторов представить читателю детальное описание географического пространства с его уни-

кальными, присущими только этому месту особенностями. При этом следует отметить, что аксиологический потенциал подобных лексических единиц раскрывается через контекст.

Однако очень часто можно встретить сочетание нескольких оценочных единиц, входящих в разные группы, что даёт автору возможность многоуровневого и многогранного отражения пространственного восприятия территории:

- Къ сѣверо-западу отъ Онежскаго, въ *дикой*, совершенно *бесплодной* и *суровой* странѣ, тѣснится цѣлая сѣть озеръ [Сергеев, 1866, с. 26].

В данном примере мы видим негативно-оценочное изображение местности, созданное автором за счёт включения в одно предложение рационалистической нормативной (*дикой* в значении ‘не обработанный человеком’) и утилитарной (*бесплодной* ‘не дающий плода’) оценки с сенсорной (*суровой* ‘холодный’). Для определения значения оценочных лексических единиц был использован Толковый Словарь живого великорусского языка В. И. Даля [Даль, 1905].

Совсем другой эффект достигается в предложении, в котором сочетаются лексические единицы с положительным оценочным компонентом (сенсорное / зрительное и сублимированное эстетическое):

- Отъ вятскаго устья до Богородска Кама течеть еще 40 версть. Здѣсь она *широка* и *величественна* [Сергеев, 1866, с. 26].

Комбинация и контраст положительных и отрицательных оценочных компонентов позволяет представить всё разнообразие географического ландшафта и его природных особенностей.

- И все это вмѣсте: эта *громадная* Обь, эти *плоскіе* берега, эти *плоскія* и *жалкія* фигуры, съ *голосомъ скрепучей* березы – все это *удивительно гармонирует!* [Елпатьевский, 1893, с. 6].

При описании местного населения и племён различных территорий чаще всего мы можем встретить примеры сублимированной (17% или 438 случаев употребления) и сенсорно-психологической (19% или 503 случая употребления) оценки. Интересно отметить, что при упоминании коренных народов, проживающих на отдалённых от центральной России землях, авторами чаще всего были использованы лексические единицы с отрицательным оценочным компонентом (57%). В следующем предложении мы видим пример сублимированной эстетической оценки, выраженной кратким прилагательным *некрасива* с существительным *физиономія* (в значении ‘некрасивое лицо’) [Даль, 1905].

- Физиономія калмыка *некрасива* [Сергеев, 1866, с. 23].

Сенсорно-психологическая оценка используется для передачи эмоционально-психологического состояния, которое испытывают путешественники под влиянием впечатлений от местного населения.

- *Гнетущее* впечатлѣніе производятъ эти остяки [Елпатьевский, 1893, с. 5].

В свою очередь, русское население описываемых территорий, наоборот, представляются в географических очерках в позиции положительной оценки (43%):

- Сибирякъ – человекъ *смѣлый* и *бывалый* [Сергеев, 1866, с. 15].

Доминирование сублимированной и сенсорно-психологической оценки при описании людей, населяющих те или иные географические просторы, даёт возможность интенсивнее воздействовать на читателя и выстраивать в его сознании те образы, которые изначально были смоделированы в авторском мировосприятии.

Уклад жизни, хозяйственная и экономическая деятельность, характерные для той или иной местности, чаще всего описываются с позиции рационалистической оценки (20% или 531 случай употребления), где общее распределение положительных и отрицательных оценок представлено соотношением 52% к 48%. Данная оценка встречается в географических очерках в нескольких вариациях:

Рационалистическая утилитарная оценка (46%):

- Представляется также *выгоднымъ* учреждение мыловаренного и свѣчнаго завода, предполагаемаго въ Тифлисѣ иностранцемъ.

- Настоящее отношеніе Закавказскаго-Края къ Россіи ставить его въ весьма *невыгодныя* торговль условія [Гагемейстер, 1845, с. 10].

Рационалистическая теологическая оценка (35%):

- Первое его посѣщеніе этого края вышло *крайне неудачнымъ* (о московском купце Овсянникове, посетившем Вишерский край) [Белдыцкий, 1899, с. 34].

При описании уклада жизни населения также встречаются примеры рационалистическо-нормативной оценки (19%):

- ... чтобы обезопасить новыя селенія русскихъ Барановъ основалъ небольшую крепость Ново-Архангельскъ и завелъ *строгую* дисциплину ... [Аристов, 1877, с. 34].

Выбор данного типа оценки позволяет представить географическое описание территории и жизни на ней с точки зрения «эффективности – неэффективности» / «полезности – бесполезности», «нормальности – ненормальности».

Таким образом, мы видим, что в очерках XIX века оценочность на лексическом уровне представлена относительно разнообразно, а использование оценок разного типа даёт возможность поэтапного и многоаспектного моделирования пространства через призму авторского восприятия.

На грамматическом уровне в очерках было выявлено 932 примера оценочности. Самая большая группа представлена примерами синтетической или аналитической форм образования превосходной и сравнительной степеней прилагательных (679 случаев), среди которых 57% примеров положительной оценки и 43% – отрицательной:

- *Величайшее* изъ озеръ не только сѣверо-западнаго угла Россіи, но и всей Европы – есть Ладожское древнее Нево [Сергеев, 1866, с. 98].

- Климат здѣсь *суровѣе*, чѣмъ на Ситхъ, которая отъ сѣверныхъ вѣтровъ защищена высокими горными массама [Врангель, 1836, с. 7].

- Но *самый* удачный походъ сдѣлалъ князя въ 1111 году [Аристов, 1877, с. 7].

Синтаксические конструкции с оценочным компонентом в текстах очерков употребляются сравнительно редко (253 случая), однако они эффективно используются авторами для общения с читателями и детального моделирования пространства. При этом следует отметить, что 84% подобных конструкций имеют отрицательную оценку.

- Быть можетъ, *долгіе* и *долгіе* еще годы кутимская руда не подверглась бы экспуатаціи. (пример повтора)

- Изъ этого сухого перечня фактовъ читатель наглядно может убѣдиться *какъ вяло, какъ неумело* ведутся на Руси дѣла, требующія частной инициативы. (пример параллельной конструкции) [Овчинников, 1885, с. 29].

Данные конструкции можно встретить в цитатах и повествованиях от первого лица, в том случае если автор хотел дать возможность читателю почувствовать колорит и атмосферу, царящую в той или иной местности:

- (реакция проводника на рассказ местного о кладе, спрятанном в горе) *Что за вишерцы!* Этим подлецамъ слова нельзя вѣрить! [Белдыцкий, 1899, с. 23].

- (беседа местных жителей) *Вотъ тебѣ и льто!* Гдѣ – гдѣ солнышко проглянетъ и опять дождь [Елпатьевский, 1893, с. 8].

В приведённых примерах представлены предложения с негативно-оценочной коннотацией, которая выражается через синтаксические конструкции «Что за + сущ.», «Вот тебе и + сущ.».

На текстовом уровне географические очерки XIX века оказалось довольно сложно охарактеризовать с точки зрения их аксиологического потенциала, поскольку они представляют собой гибридный тип дискурса, в котором сочетаются научно-документальная фикса-

ция фактов, не предполагающая оценочности с позиции «хорошо – плохо», и художественное описание пространства, дополняющее общий контекст. В этой связи мы можем сделать вывод, что, несмотря на присутствие отдельных лексических и грамматических элементов оценки при описании того или иного аспекта территориального образования, авторы тем не менее пытались представить целостную картину географического пространства с позиции общего баланса его положительных и отрицательных особенностей.

На графическом уровне оценочных компонентов также выявлено не было, поскольку выделения использовались, главным образом, для обозначения терминов, географических территорий, этимологии географических названий:

- (выделение этимологии слова) Название Сибирь производят различно: от тунгусского слова «*Сабурь*» – равнина, болото; а другие от татарских слов «*Сибь-Ирь*» – обсыпаться или засыпаться землей [Сергеев, 1866, с. 3].

- (выделение термина и его определения): *Видимый нами кругъ земной поверхности, дальше котораго мы не видимъ и который ограничиваетъ небесный сводъ, называется горизонтомъ* (от греческого глагола означающего – ограничивать) [Овчинников, 1885, с. 7].

3. Заключение [Conclusion]

В заключение мы можем сделать вывод, что географические очерки XIX века являются особым видом дискурса, сочетающим элементы научного и художественного дискурсов, что напрямую влияет на выбор средств оценочности, используемых авторами. На лексическом и грамматическом уровнях авторы применяли разнообразные стратегии и подходы к описанию пространства, населения, хозяйственной и экономической деятельности регионов.

На лексическом уровне наиболее частотной является сенсорная оценка (38%), поскольку окружающий мир воспринимается человеком в первую очередь через различные органы чувств. Описание географического пространства с помощью разнообразных лексических единиц с перцептивной семантикой даёт возможность всестороннего и детального представления территории.

Сублимированная (17%), сенсорно-психологическая (19%) и рационалистическая (20%) оценочность в процентном соотношении распределены в очерках относительно равномерно. Однако частота встречаемости каждой из них в текстах зависит от тематического раздела. К примеру, сублимированная и сенсорно-психологическая оценка чаще употребляются при описании людей или местного населения, тогда как рационалистическая доминирует там, где представлены сведения о хозяйственной и экономической деятельности.

Группа общей аксиологической оценочности «хорошо – плохо» встречается в текстах очерков XIX века реже всего (6%), поскольку авторы стремились не просто описать пространство с позиции «хорошо – плохо», а представить многоаспектную картину природных богатств, быта и деятельности человека.

Именно разнообразие территориальных особенностей и масштаб охвата материала приводят к тому, что в анализируемом дискурсе встречается большое количество лексических единиц с положительной и отрицательной оценочной коннотацией. Их распределение напрямую зависит от тематики повествования. Положительная оценка чаще всего представлена при описании природы, ландшафта, населения Центральной России, казаков. Отрицательная оценка встречается в разделах, посвящённых описанию автохтонного населения или сложных климатических условий. При описании хозяйственной и экономической деятельности человека положительные и отрицательные характеристики распределены достаточно равномерно.

На грамматическом уровне были выявлены примеры синтетической или аналитической формы образования превосходной и сравнительной степеней прилагательных, а также синтаксические конструкции с оценочным компонентом. Их употребление позволило авторам географических очерков подчеркнуть специфические особенности пространства, расставить акценты и обратить внимание читателя на детали.

Разнообразие оценочных лексических единиц и грамматических конструкций приводит к сложности определения общей аксиологической направленности географических очерков на уровне текста. Гибридный характер дискурса, в котором сочетаются элементы научного и художественного стилей, напрямую влияет на выбор и распределение средств оценочности. В результате, очерки представляют целостную картину географического пространства с позиции общего баланса его положительных и отрицательных особенностей.

Библиографический список

- Апресян, 1974 – Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 368 с.
- Асташкина, 2020 – Асташкина П. Г. Язык медиа и национальная идентичность: русско-немецкие параллели: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Нижний Новгород, 2020. 25 с.
- Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Васильев, 1996 – Васильев Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике. Уфа, 1996. С. 54–61.
- Даль, 1905 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1905.
- Зими́на, 2003 – Зими́на Е. А. Категория оценки в свете лингвопрагматики // Актуальные проблемы германистики и романистики. Вып. 7. Смоленск : СГПУ, 2003. С. 193–203.
- Марьянич, 2011 – Марьянич В. А. Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 100–103.
- Синепупова, 2006 – Синепупова О. С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте (на материале печатных СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2006. 26 с.
- Строкан, 2020 – Строкан Е. В. Оценка и оценочность: к вопросу о разграничении понятий // Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования : материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2020. С. 121–127.
- Чернявская, 2001 – Чернявская Е. А. Оценка и оценочность в языке художественной речи: на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Брянск, 2001. 25 с.
- Brett, 2023 – Brett D. F. Is Travel Journalism more similar to Newspaper Language or the Language of Tourism? A corpus-based study // Studies in Travel Writing. 2023. Vol. 26, Iss. 2. P. 152–167. <https://doi.org/10.1080/13645145.2023.2261635>
- Kiani et al., 2024 – Kiani M., Tavakoli R., & Mura P. Iranian Women Traveling in vTime: A Cyberfeminist Approach // Journal of Travel Research. 2024. Vol. 63, Iss. 1, P. 27–43. <https://doi.org/10.1177/00472875221149202>
- Prelicean et al., 2018 – Prelicean A. C., Susilo Y. O., Gidófalvi G. Collecting travel diaries: Current state of the art, best practices, and future research directions // Transportation Research Procedia. 2018. Vol. 32. P. 155–166. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2018.10.029>

References

- Aprésyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. [Lexical semantics. Synonymous language means]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka. [Language and the human world]*. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).

- Astashkina, P. G. (2020). *Yazyk media i natsional'naya identichnost': russko-nemetskie paralleli [Media language and national identity: Russian-German parallels]*: PhD in Philological sci. diss. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Chernyavskaya, E. A. (2001). *Otsenka i otsenochnost' v yazyke khudozhestvennoy rechi: na materiale poeticheskogo, prozaicheskogo i epistolyarnogo naslediya A. S. Pushkina [Evaluation and appraisal in the language of artistic speech: Based on the poetic, prose and epistolary heritage of A. S. Pushkin]*: PhD in Philological sci. diss. Bryansk. (In Russ.).
- Dahl, V. I. (1905). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]*. In 4 volumes. 3rd edn, revised and edited by prof. I. A. Baudouin-de-Courtenay. St Petersburg ; Moscow : M. O. Vol'f. (In Russ.).
- Mar'yanchik, V. A. (2011). Otsenka kak kategoriya teksta [Evaluation as a category of text]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University]*, 2, 100–103. (In Russ.).
- Sinepupova, O. S. (2006). *Otsenochnaya «kartina mira» v publitsisticheskom tekste (na materiale pechatnykh SMI) [Estimated “worldview” in a journalistic text (Based on print media)]*: PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Strokan, E. V. (2020). Otsenka i otsenochnost': k voprosu o razgranichenii ponyatiy [Evaluation and evaluativity: Revisiting the distinctions between the terms]. *Sinergiya yazykov i kul'tur: mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Synergy of languages and cultures: Interdisciplinary studies] : International conf. proc.* (pp. 121–127). St Petersburg : St Petersburg State University Press.
- Vasil'ev, L. M. (1999). Semanticheskaya kategoriya otsenki i otsenochnye predikaty [Semantic category of evaluation and evaluation predicates]. *Issledovaniya po semantike [Research in semantics]* (pp. 54–61). Ufa. (In Russ.).
- Zimina, E. A. (2003). Kategoriya otsenki v svete lingvopragmatiki [The category of assessment in the light of linguopragmatics]. *Aktual'nye problemy germanistiki i romanistiki [Current issues of Germanic and Romance studies]* (Vol. 7, pp. 193–203). Smolensk : Smolensk State University Press. (In Russ.).
- Brett, D. F. (2023). Is Travel Journalism more similar to Newspaper Language or the Language of Tourism? A corpus-based study. *Studies in Travel Writing*, 26 (2), 152–167. <https://doi.org/10.1080/13645145.2023.2261635>
- Kiani, M., Tavakoli, R., & Mura, P. (2024). Iranian Women Traveling in vTime: A Cyberfeminist Approach. *Journal of Travel Research*, 63 (1), 27–43. <https://doi.org/10.1177/00472875221149202>
- Prelicean, A. C., Susilo, Y. O., Gidófalvi, G. (2018). Collecting travel diaries: Current state of the art, best practices, and future research directions. *Transportation Research Procedia*, 32, 155–166. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2018.10.029>

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 13.02.2024.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 13.02.2024.

УДК 81.2.2

Горбунова Виктория Александровна
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
vicgor89@mail.ru

Аффиксальное образование наречий в ульчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским)

Аннотация

В статье рассматриваются аффиксальные модели словообразования наречий в ульчском языке. Целью было определить круг мотивирующих основ разных лексико-грамматических типов, используемые аффиксы и передаваемые словообразовательные значения. Исследование проводилось на материале выборки из словарей и словарных материалов, опубликованных в источниках по ульчскому языку (порядка 200 словообразовательных пар), с применением методов сплошной выборки, компонентного анализа, количественного анализа, а также сравнительно-сопоставительного метода. В результате в общей сложности было выделено около 20 моделей адвербиального производства от глаголов, прилагательных, существительных, других наречий и числительных. При этом в некоторых из них фигурируют идентичные форманты, которые обнаруживают возможность сочетаться с основами разной частеречной принадлежности. Это составляет отличительную особенность ульчской языковой системы, которая отмечалась нами для субстантивного и адъективного словообразования. Примечательным для адвербиального словопроизводства является нечёткая граница между аффиксальной и неаффиксальной его разновидностями: 1) использование аффиксов, вероятно, восходящих к словоизменительным формантам из застывших при конверсии форм; 2) применение смешанного способа (редупликации в сочетании с аффиксацией).

Ключевые слова: ульчский язык, словообразование наречий, аффиксальное словообразование, словообразовательные суффиксы, словообразовательные модели

© Горбунова В. А. 2024

Для цитирования: Горбунова В. А. Аффиксальное образование наречий в ульчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 15–26.

Viktoriya A. Gorbunova
Institute of Philology, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
vicgor89@mail.ru

Adverb production by affixation in the Ulch language (Comparing Nanai and Orok)

Abstract

The paper examines the patterns of adverb formation by affixation in the Ulch language. The aim is to identify the range of grammatical types of stems and suffixes used in the patterns as well as the change in meaning triggered by the derivation process for each pattern. The tokens for analysis were selected by continuous sampling from Ulch dictionaries and glossaries found in published studies on the Ulch language. The total of about 200 'producing stem + derivate' pairs were selected and further processed using component, comparative and qualitative analysis. As a result, about twenty patterns were discovered including verb-to-adverb, adjective-to-adverb, noun-to-adverb, adverb-based and numeral-to-adverb patterns. Some of the patterns were found to operate identical suffixes that display an ability to combine with stems belonging to various parts of speech. This

turns out a distinguishing feature of the Ulch grammatical system we previously documented for noun and adjective production. The characteristic feature of the adverb production is the lack of a strict border between affix and non-affix patterns making itself evident by such phenomena as (i) the use of derivational suffixes possibly originating from inflectional affixes figuring in the forms that underwent conversion, (ii) the use of mixed methods (reduplication combined with affixation).

Keywords: the Ulch language, adverb derivation, affixation, derivational suffixes, derivational patterns

© Gorbunova V. A. 2024

For citation: Gorbunova, V. A. (2024). Affiksial'noe obrazovanie narechii v ul'chskom yazyke (v sopostavlenii s nanayskim i orokskim) [Adverb production by affixation in the Ulch language (Comparing Nanai and Oroch)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 15–26.

1. Введение [Introduction]

Данная статья представляет третью часть комплексного исследования аффиксального словообразования в малоизученном ульчском языке [Горбунова, 2020 ; Горбунова, 2021]. На сегодняшний день описание ульчской словообразовательной системы ограничивается отдельными наблюдениями, которые содержатся в основополагающих для ульчеведения трудах [Петрова, 1936 ; Суник, 1985], а также небольшим кругом современных работ, описывающих обособленные словообразовательные модели [Заксор, Наумова, 2014 ; Заксор, Наумова, 2014 а ; Стойнова, 2018]. Серия статей, предлагаемая автором, призвана обобщить, уточнить и расширить имеющиеся сведения о наборе продуктивных и архаичных словообразовательных моделей в ульчском языке, выявить полный круг формантов, участвующих в словопроизводстве, соотнести их с определёнными словообразовательными значениями и, наконец, выявить особенности, характеризующие ульчское словопроизводство как автономную систему и как органическую часть тунгусской языковой общности. Обращение к данным родственных языков (прежде всего нанайского и орокского, близкое сходство которых с ульчским отмечалось исследователями [Певнов, 2018, с. 444 ; Петрова, 1936, с. 12–13]) используется как в сравнительно-сопоставительных целях, так и для проверки выдвигаемых гипотез в случаях, когда доступного языкового материала оказывается недостаточно для однозначных выводов.

Описание словообразования наречий в тунгусо-маньчжурских языках осложняется тем, что оно, по сравнению с номинальным и адъективным словопроизводством, значительно теснее связано с процессами конверсии – многие структурные разновидности наречий появились в результате окаменения определённых форм существительных и глаголов. В некоторых случаях, описывая явления на границе между аффиксальным и неаффиксальным словообразованием, происхождение формантов и др., мы будем обращаться также к другим типам моделей – конверсии и редупликации.

М а т е р и а л о м для исследования послужила выборка из опубликованных словарных материалов [Петрова, 1936 ; Суник, 1985], а также из Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков [ССТМЯ, 1975–1977] и учебного словаря [Вальдю, 2005]. Суммарно из их словников методом сплошной выборки нами было отобрано около 200 производных наречий, содержащих в своей основе суффикс, квалифицируемый как словообразовательный, а также соответствующее количество производящих основ разных частей речи, которые образуют словообразовательные пары с этими наречиями. Для выявления словообразовательных значений применялся метод компонентного анализа, оценка частотности моделей словопроизводства осуществлялась с опорой на количественный анализ, исследование специфики ульчского словообразования проводилось сравнительно-сопоставительным методом с привлечением материалов других языков

тунгусо-маньчжурской семьи. Дефиниции, приводимые для лексических единиц, представляют скомпонованные выдержки из этих источников. При описании явлений близкородственных языков мы опирались на данные соответствующих грамматик.

2. Модели образования наречий [Patterns of adverb derivation]

В производстве наречий в ульчском языке участвуют шесть разновидностей основ: глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные, синкретичные, а также основы числительных.

2.1. Образование наречий от глаголов [Adverbs derived from verbs]

Отглагольные образования составляют наиболее обширную (65 дериватов – 33% от общей выборки) и разнообразную группу среди производных наречий в ульчском языке; их производство происходит по пяти аффиксальным моделям разной степени распространённости и продуктивности.

Особенно высокой продуктивностью (25 дериватов – 38% отглагольной группы) отличается модель с суффиксом *-дала/-доло/-дула/-дэлэ* и значением предельности признака, определяемой в соответствии с состоянием или результативным действием, которые называют мотивирующие глагольные основы. Лексемы подобной структуры и значения известны и в других тунгусо-маньчжурских языках, где получают двойное толкование: часть исследователей рассматривает их как деепричастные наречия [Авролин, Болдырев, 2001, с. 374], часть – как собственно наречия [Озолина, 2013, с. 285]. Мы присоединяемся ко второй точке зрения, интерпретируя ульчские лексемы подобной структуры как самостоятельные лексемы адвербиальной категориальной принадлежности с вычленимым аффиксом.

Высокая продуктивность модели обеспечивается способностью суффикса *-дала/-доло/-дула/-дэлэ* свободно сочетаться с глаголами различных лексико-семантических групп и валентностных свойств. Среди основ, к которым может присоединяться этот формант, выделяется несколько смысловых разновидностей:

- физиологическое состояние человека или другого живого существа: *али-* ‘изнемогать, уставать’ > *алидала* ‘до устали, до изнеможения’; *бали-* ‘ослепнуть’ > *балидала* ‘до ослепления, до слепоты’; *булбу-* ‘умереть, погибнуть’ > *будэдэлэ* ‘до смерти’; *сй-* ‘охрипнуть’ > *сйдэлэ* ‘до хрипоты’;
- физическое состояние объекта окружающей действительности: *мада-* ‘увеличиться, разбухнуть, распухнуть’ > *мададала* ‘до разбухания, до увеличения’; *пуйси-* ‘кипеть, пениться’ > *пуйсидэлэ* ‘до кипения, пока не закипит’;
- состояние природы, окружающей среды: *долбозу-* ‘наступать ночи’ > *долбозудала* ‘до наступления ночи’; *гарпа-* ‘светить (о солнце)’ > *гарпидула* ‘пока не взойдет (солнце)’;
- действие, направленное на объект (часто деструктивного характера): *вā-* ‘убить кого-либо; добыть (зверя, рыбу)’ > *вāдала* ‘до смерти’; *дахала-* ‘победить, подчинить, покорить’ > *дахалидала* ‘до полной победы, пока не покорят’; *бақа-* ‘находить, получать’ > *бақадала* ‘до тех пор, пока не найдется, не получится’.

Многочисленность словообразовательных пар данного типа даёт нам обильный материал для анализа семантического соотношения производящих основ с осложнённой, многокомпонентной смысловой структурой и производных слов, которые могут воспроизводить её с разной степенью полноты. Данные показывают, что в ульчском языке обнаруживается тенденция к утрате части смыслового наполнения в процессе межкатегорического словопроизводства. Наречие, образованное от многозначного глагола, как правило, реализует только один из лексико-семантических вариантов, входящих в се-

мантику последнего: *илу*- ‘поднять’; ‘встать’ > *илидала* ‘пока не встанет, пока не остановится’; *тихала*- ‘согласиться’; ‘хотеть, желать’ > *тихалидала* ‘до изъявления согласия, пока не согласятся’; *элэ*- ‘насытиться, поесть чего-нибудь вдоволь’; ‘надоесть’ > *элэдэлэ* ‘вдосталь, досыта’; *эдэнэ*- ‘поглупеть’; ‘захиреть, увянуть’ > *эдэнэдүлэ* ‘до одурения’.

Тем не менее в выборке зафиксирован и ряд случаев, когда производная основа с точностью повторяет семантическую структуру исходной, отражая все её внутренние трансформационные процессы: *гарпа*- ‘стрелять (из лука)’; ‘светить (о солнце)’ > *гарпидула* ‘пока не взойдёт (солнце)’; ‘пока не выстрелит (из лука)’; *қақтарси*- ‘чувствовать, ощущать едкость, солёность’; ‘плохо чувствовать себя после ссоры, скандала’ > *қақтарсидала* ‘до пересола, до полной едкости’; ‘до плохого самочувствия, состояния’; *мана*- ‘уничтожать, разрушать’; ‘кончаться, расходоваться’ > *манадала* ‘до полного уничтожения’; ‘[до полного] окончания’.

Варьирования словообразовательного значения в выборке практически не наблюдается: во всех случаях дополнение суффиксом *-дала/-доло/-дула/-дэлэ* представляет действие, названное исходной глагольной основой, как результативный признак, достижение которого задаёт предел для основного действия (в предложении оно будет выражаться глаголом-сказуемым, подчиняющим себе наречие). Случаи, когда это значение вытесняется или сочетается с другими, обычно темпоральными, единичны, например: *энүлү*- ‘заболеть’ > *энүлүдэлэ* ‘до болезни, до того, как заболеть; пока не заболит’.

Суффиксы *-пси* и *-псули* также активно применяются для производства отглагольных ульчских наречий (13 дериватов – 20% отглагольной группы), но, в отличие от описанного выше форманта, характеризуются узкой сочетаемостью. Они регулярно присоединяются к глагольным основам, выражающим разные типы настроения (реже – физического состояния) человека, формируя адвербиальное значение признака по эмоциональному / внутреннему состоянию:

-пси: *булдазу*- ‘впасть в тоску, в уныние’ > *булдазипси* ‘тоскливо, нудно’; *йада*- ‘устать, утомиться’ > *йадапси* ‘утомительно’; *ңэлэ*- ‘бояться, пугаться, страшиться, трусить’ > *ңэлэпси* ‘страшно; опасно’;

-псули: *агда*- обрадоваться > *агдапсули* ‘радостно’; *бāрачу*- ‘радоваться’ > *бāрачупсули* ‘радостно’; *игдэсу*- ‘стыдиться’ > *игдэпсули* ‘стыдно, неловко’; *кэсэ*- ‘обессилеть, изнемогать’ > *кэсэпсули* ‘тяжело, тяжело, мучительно’; *таңгаза*- ‘удивляться, поражаться’ > *таңгазাপсули* ‘удивительно, поразительно’.

Отметим, что ранее мы включали суффиксы *-пси*, *-псули* в список формантов, участвующих в производстве прилагательных [Горбунова, 2021, с. 229]. Это вызывает вопрос о том, следует ли считать адвербиальные и адъективные модели омонимичными по отношению друг к другу или же рассматривать какие-то из них как исходные, а прочие – как вторичные, образовавшиеся по аналогии, в результате переноса на основы иного категориального типа. Данный вопрос может быть с определённой разрешён для моделей с формантом *-псули*: существенные различия в типовых значениях производящих основ (‘тип поведения’ в адъективных моделях, ‘настроение или состояние’ в адвербиальных) и словообразовательных значениях (‘признак по склонности к действию’ и ‘признак по внутреннему состоянию’ соответственно) указывают на их автономность по отношению друг к другу. Сложнее для анализа оказываются модели, где применяется суффикс *-пси*: они имеют приблизительно одинаковую степень распространённости, используют в качестве мотивирующих основ одну и ту же группу глаголов, а значения производных прилагательных и наречий обнаруживают близость – у обоих в основе лежит характеристика по эмоциональному состоянию (испытываемому субъектом действия для наречий и возбуждаемому определяемым предметом для прилагательных). Весомым аргументом в пользу того, что адъективные модели являются первичной и основной вариацией, пред-

ставляется тот факт, что они с большей регулярностью, чем адвербиальные, фигурируют в родственных языках [Аврорин, 1959, с. 203 ; Озолия, 2013, с. 54–55].

Ещё одна отглагольная модель, оперирующая суффиксом *-вами/-вэми*, выделяется среди прочих ограниченным употреблением (6 дериватов – 9% отглагольной группы) и узостью словообразовательного значения. Наречия, образованные по данной схеме, являются замыкающими членами словообразовательных рядов вида ‘существительное, называющее время года или дня > глагол, обозначающий наступление соответствующего временного отрезка > наречие с семантикой временного признака, связанного с наступлением соответствующего временного отрезка’: *инэңи* ‘день’ > *инэзу-* ‘наступать дню’ > *инэзувэми* ‘как только наступил день’; *туэ* ‘зима’ > *туэзу-* ‘наступить зиме’ > *туэзувэми* ‘зимой, как только наступит зима’.

При этом в некоторых случаях средний член словообразовательного ряда не получает отражения в лексикографических материалах (возможно, из-за ограниченного распространения на определённом этапе жизни языка или затруднительности исчерпывающего освещения лексического материала), однако без труда восстанавливается по аналогии с примерами выше: *боло* ‘осень’ > **болозу-* ‘наступать осени’ > *болозувами* ‘как только / когда наступит осень’; *зуа* ‘лето’ > **зуазу-* ‘наступать лету’ > *зуазувами* ‘летом’.

Несмотря на малоупотребительность на современном этапе развития языка достаточно хорошо (10 дериватов – 16% от данной группы) представлен в выборке суффикс *-пти*, имеющий широкое хождение в тунгусских языках. Путь его развития, как представляется, повторяет тот, который В. А. Аврорин описал для нанайского суффикса *-пчи* [Аврорин, 1959, с. 184]. Данный аффикс, вероятно, восходит к архаичному словоизменительному форманту, который передавал одно из местных падежных значений. Образованные с его участием формы существительных регулярно подвергались конверсионным процессам, итогом которых становилось появление омонимичных наречий места. Однако в дальнейшем суффикс того же фонетического состава начинает появляться также в отглагольных наречиях, в том числе и из разряда качественных. Подобное расхождение в сочетаемости и семантике свидетельствует, на наш взгляд, об отделении нового автономного форманта словообразовательного типа.

На современном этапе развития языка суффикс *-пти* передаёт общее направительное значение и присоединяется к глагольным основам с широким спектром значений – общим для всех них является наличие идеи направленного движения в семантической структуре: *ача-* ‘соответствовать, соединять’ > *ачапти* ‘навстречу’; *чāлу-* ‘резать, отрезать’ > *чāлупти* ‘поперёк’; *чором-* ‘упасть на спину’ > *чоропти* ‘на спине’; *ңэнэ-* ‘двигаться, идти, ехать’ > *ңэнэпти* ‘по пути движения’; ‘по ветру’.

На архаичность наречий с суффиксом *-пти* и малую продуктивность соответствующей модели указывает то, что выявленная в выборке группа практически полностью совпадает со списком наречий направительной семантики с фонетически близким суффиксом *-пчи*, который представлен В. А. Аврориным для нанайского языка [Аврорин, 1959, с. 184]. Некоторые из этих лексем отмечаются и в орокском языке [Озолия, 2013, с. 254].

2.2. Наречия, образованные от прилагательных [Adverbs derived from adjectives]

Значительную часть выборки (47 дериватов – 23%) составляют наречия, образованные от прилагательных и синкретичных основ. Структурное разнообразие в этом сегменте относительно невелико – здесь регулярно функционируют только три форманта – однако две из трёх представленных моделей отличаются высокой продуктивностью.

Наиболее многочисленны (25 дериватов – 53% данной группы) отадективные наречия с суффиксом *-зи*, статус которого необходимо обозначить особым образом. Суффикс *-зи* известен в тунгусских языках как формообразующий аффикс, передающий граммати-

ческие значения творительного и исходного падежей имён существительных. В связи с этим производные наречия, в структуре которых содержится компонент *-зи*, трактуются исследователями неоднозначно. Так, Т. И. Петрова устанавливает тождество между этими двумя элементами, отмечая, что «выступая в качестве наречий, [прилагательные] могут принимать суффикс *Instructivi -zi*» [Петрова, 1936, с. 41]. О. П. Суник также усматривает между ними связь, однако лишь в диахроническом аспекте: в его интерпретации суффикс *-зи* восходит к «окончанию творительного падежа» [Суник, 1985, с. 50]¹.

Если рассматривать все ульчские наречия со структурным компонентом *-зи* как продукт адвербиализации, их описание следовало бы исключить из обзора аффиксального словообразования. Однако сомнение здесь вызывает тот факт, что словообразовательные пары, в которых первым членом выступает существительное – склоняемая часть речи, в выборке единичны (*абулту(н)* ‘недостаток, недоделка, нехватка’ > *абултузи* ‘недостаточно’; *дали(н)* ‘помощь, посредство в чем-либо’ > *далинзи* ‘посредством, с помощью кого-либо’; *сусэ* ‘беспорядок, смута’ > *сусэзи* ‘беспорядочно, небрежно’). Основная масса производных наречий на *-зи* происходит от прилагательных – иными словами, как мотивирующее слово, так и дериват относятся в таких парах к классам слов, которые в ульчском языке не обладают категорией падежа. Соответственно, в существующей грамматической парадигме причины внедрения падежного показателя как промежуточного этапа конверсии остаются неясными.

В свете сказанного мы предполагаем, что *-зи*, который изначально предстал в рамках неаффиксальной словообразовательной модели как десемантизированный компонент застывшей основы, впоследствии получил новое смысловое наполнение и стал ассоциироваться с обобщённым адвербиальным значением. Иными словами, наряду с суффиксом творительного падежа *-зи* в ульчском языке появилась омонимичная значимая морфологическая единица словообразовательного типа. В этом качестве суффикс стал употребляться для образования наречий от других классов слов, теперь уже независимо от требований словоизменения.

В чистом виде аффиксальная модель с данным формантом реализуется в тех словообразовательных парах, где производное слово имеет строго адъективную принадлежность, а дополнение суффиксом *-зи* переводит её в разряд наречий, заменяя исходную семантику признака предмета на семантику признака действия: *н'кичи(н)* ‘слабый, щуплый’ > *н'кичинзи* ‘слабо’; *чуки(н)* ‘негодный, плохой, подлый, скверный’ > *чукинзи* ‘плохо, по-плохому, скверно’; *улэ(н)* ‘хороший’ > *улэнзи* ‘хорошо’; *сэчэ(н)* ‘старательный, усердный, прилежный’ > *сэчэнзи* ‘старательно, охотно’; *мутуху(н)* ‘упорный, настойчивый, старательный’ > *мутухунзи* ‘упорно, настойчиво, старательно’.

Однако не менее многочисленны (около половины дериватов данной подгруппы) и случаи, когда мотивирующая основа не является прилагательным в строгом смысле. Такие основы в тунгусоманьчжуроведении называют синкретичными, конверсивными или омонимичными: на уровне языка они заключают в себе сразу несколько взаимоисключающих категориальных значений, но в предложениях реализуются в виде единиц определённой части речи. Мотивирующие основы, которые мы объединяем в данной группе, могут предстать в речи в виде прилагательного или наречия – иными словами, они изначально содержат в себе адвербиальный компонент. Присоединение суффикса *-зи* эксплицирует этот компонент на структурном уровне и нивелирует адъективный компонент, трансформируя основу из синкретичной в наречную и не привнося никаких других изменений: *бэли* ‘готовый’; ‘готово’ > *бэлизи* ‘готово’; *тургэ(н)* ‘быстрый’; ‘бы-

¹В грамматиках близкородственных языков качественные наречия на *-зи* по большей части не получают подробного комментария. Следует, однако, упомянуть, что И. В. Кормушин в своих очерках по грамматике удэгейского языка занимает позицию, противоположную точке зрения Т. И. Петровой – он говорит о *-зи* как об автономном словообразовательном суффиксе, вообще не соотнося его с падежным показателем [Кормушин, 1998, с. 98].

стро' > *тургэнзи* 'быстро'; *орки(н)* 'плохой, безобразный'; 'плохо' > *оркинзи* 'плохо'; *намтиңза(н)* 'удобный'; 'ловкий; быстрый, скорый, живой'; 'удобно'; 'ловко; быстро, скоро' > *намтиңзанзи* 'удобно'; 'ловко, быстро, скоро'.

В примерах выше значения прилагательных и производных от них наречий эквивалентны, за вычетом разницы в категориальном компоненте. Уточним, что в ряде случаев при введении суффикса *-зи* частеречная трансформация сопровождается сужением, конкретизацией семантики исходного прилагательного или существенным смысловым сдвигом: *ларги(н)* 'хороший, приятный'; 'усердный, старательный' > *ларгинзи* 'хорошо, ловко (работать)'; *хата(н)* 'крепкий'; 'острый'; 'быстрый'; 'смелый, резкий' > *хатанзи* 'горячо, с жаром'; *зулу* 'передний, первый' > *зулузи* 'раньше, прежде, сначала'; *голи* 'широкий' > *голизи* 'широко'; 'с промежутками, редко'.

В составе выборки зафиксированы немногочисленные отглагольные наречия с суффиксом *-ми* (порядка десяти единиц). Пока представляется затруднительным установить, имеет ли данный словообразовательный формант историческую связь с формообразующим суффиксом *-ми*, который используется в ульчском и других тунгусских языках для образования форм одновременных деепричастий [Аврорин, 1959, с. 140; Озолиня, 2013, с. 94; Суник, 1985, с. 180]. Во всех трёх словообразовательных системах эти формы регулярно подвергались адвербиализации, теряя процессуальную семантику и способность к словоизменению (варьированию по числам). Не исключено, что впоследствии, подобно суффиксу *-зи*, десемантизированный структурный элемент *-ми* обрёл новую роль маркера адвербиальности, обобщённое значение признака действия по качеству, что позволило ему комбинироваться и с именными основами: *айақта* 'злой, сердитый' > *айақтами* 'грубо, сердито, зло'; *габала(н)* 'жадный, ненасытный' > *габалами* 'жадно, с жадностью, жадничая'. Однако образования такого рода встречаются слишком редко (в отадъективной группе – 6 дериватов – 12%), чтобы можно было говорить о выраженной тенденции.

Неоднозначную роль в ульчском словообразовании играет суффикс *-ули/-вли*, который в равной степени характерен для адъективных и адвербиальных дериватов (12 единиц – 26% от рассматриваемой группы). Он присоединяется, как правило, к синкретичным основам, которые могут принимать в пределах конкретной синтаксической единицы характеристики прилагательного или наречия. Производная лексема при этом чаще сохраняет категориальную амбивалентность и только в отдельных случаях приобретает определённую лексико-грамматическую принадлежность: *н'ама* 'тепло'; 'тёплый' > *н'амули* 'тёплый'; 'тепло'; *нақти* 'тёмный'; 'темно' > *нақтули* 'тёмный'; 'темно'; *мочо* 'неловкий'; 'неловко' > *мочовли* 'неудобно, неловко'.

Функцию этого форманта, таким образом, нельзя свести к экспликации категориального признака, которую мы наблюдали у суффикса *-зи*. Однако предельная близость (нередко полное совпадение) значений мотивирующей и производной основ препятствует выявлению словообразовательного значения. Данная модель требует дополнительного углублённого исследования, максимального уточнения значений, передаваемых лексическими единицами такого рода, и анализа их употребления в предложении.

2.3. Образование наречий от существительных [Adverbs derived from nouns]

Производство наречий от существительных происходит по четырём моделям, использующим неспецифичные форманты, уже описанные нами при характеристике других источников словообразования. Большая часть этих моделей, вероятно, является вторичной, то есть образовавшейся в результате расширения сочетаемости суффиксов, изначально присоединявшихся к другим типам основ. Словообразовательные процессы в этом сегменте протекают менее активно, чем у прилагательных и существительных, поэтому объём выборки оказывается существенно меньше (33 деривата – 17% от общего числа).

Так, суффикс *-дала/-доло/-дула/-дэлэ*, выражающий значение предельности как признака, преимущественно фигурирует в отглагольных лексемах, однако обнаруживает ограниченную сочетаемость и с субстантивными основами (13 дериватов – 39% от данной группы). Семантика этих существительных соответствует передаваемому производным наречием значению предельности – они, как правило, обозначают либо точку в пространстве, либо временной отрезок, которые могут выступать в качестве рубежа:

- *даба* ‘горная цепь; название перевейка’ > *дабадала* ‘до края, до предела’; *қалта* ‘половина’ > *қалтадала* ‘до половины’; *умалича* ‘поясница’ > *умаличала* ‘по пояс’; *хава(н)* ‘подмышка’ > *хавандула* ‘до подмышки, по грудь’;

- *долбо* ‘ночь’ > *долбодоло* ‘до ночи, пока не наступит ночь’; *сиксэ* ‘вечер’ > *сиксэдэлэ* ‘до вечера’; *эру(н)* ‘время, пора, период, отрезок времени’ > *эрундулэ* ‘во время’.

Так же, как и в отглагольной группе, здесь отмечаются редкие случаи отклонения от семантики предельности в сторону темпоральности: *эру(н)* ‘время, пора, период, отрезок времени’ > *эрундулэ* ‘во время’.

Аналогичную картину мы наблюдаем у суффикса *-пти* (6 дериватов – 18% от данной группы), выражающего идею направительности, с той лишь разницей, что он, в силу происхождения, о котором говорилось выше, напротив, изначально тяготел к субстантивным основам, а на глагольные перешёл впоследствии. Но определяющим для его сочетаемости становится наличие в смысловой структуре лексической единицы, независимо от её категориальной принадлежности, пространственных компонентов, задающих соответствующее направление: *холдо(н)* ‘бок’ > *холдопти* ‘боком, на боку’; *хэжэ* ‘течение’ > *хэжэпти* ‘вниз по течению’; *қолмила* ‘длина’ > *қолмиланти* ‘вдоль, в длину’.

В отдельных парах указание на направление в семантике мотивирующей основы отсутствует и смысловое соотношение производящего существительного с производным наречием оказывается менее прозрачным. Вероятно, мотивация в таких случаях строится на сложных ассоциативных связях: *кита* ‘иголка’ > *китанти* ‘наизнанку, обратной стороной’ (‘стороной иголки?’).

Модель с суффиксом *-ули/-вли* (7 дериватов – 21% от данной группы) отличается от своего отадъективного аналога большей определённой принадлежностью членов: мотивирующие основы здесь принадлежат только классу существительных, производные – только классу наречий: *амта* ‘вкус, сладость’ > *амтаули* ‘вкусно, сладко’; *иламу* ‘стыд’ > *иламули* ‘стыдно’; *эну* ‘болезнь, недуг, хворь, мука’ > *энувли* ‘больно’; *пэку* ‘жара, зной’ > *пэку(в)ли* ‘жарко’.

Суффикс *-ми*, который также функционирует в сфере отадъективного словопроизводства и, возможно, восходит к омонимичному аффиксу, применяющемуся для образования причастной формы глаголов, в данной модели соотносится с узким, конкретным значением – ‘признак по типу организации множества существ’ (5 дериватов – 15% от данной группы). Существительные, к которым он присоединяется, представляют собой собирательные наименования крупных групп лиц или животных: *мāнду* ‘стая’ > *мāндуми* ‘стаями’; *зэрги* ‘ряд, строй, колонна’ > *зэргими* ‘строем, рядами’.

2.4. Осложнение наречных основ [Adding to adverb stems]

Во внутрикатегориальном словопроизводстве (31 дериват – 16% от общей выборки), то есть осложнении наречных основ дополнительными формантами с сохранением категориальной принадлежности, центральное место занимает продуктивная модель с суффиксом *-ла/-лэ* и качественным наречием в роли мотивирующего слова, обладающая словообразовательным значением степени проявления качества (12 дериватов – 45% от данной группы). Использование данного форманта для уточнения, в какой мере выражен признак, называемый мотивирующей адвербиальной основой, широко распространено в тунгусских языках, в частности отмечается в нанайском и орокском.

Исследователи по-разному характеризуют семантический объём суффикса *-ла/-лэ*. Л. В. Озолиня рассматривает его как показатель сравнительной степени наречия, который может указывать только на высокую степень проявления качества [Озолиня, 2013, с. 277]. В. А. Аврорин предлагает расширенное определение смысловой сущности суффикса, говоря о нём как о выразителе «категории неполной или усиленной степени» [Аврорин, 1959, с. 188]. На наш взгляд, ульчский языковой материал также даёт основания принять последнюю, расширительную трактовку значения форманта. В выборке примерно в равной степени представлены две разновидности производных наречий подобной структуры: в одной из них утверждается степень качества, превосходящая некоторый стандарт, другая же передаёт идею смягчённого его проявления.

- усиленная степень проявления качества: *балана* ‘давно, прежде, раньше’ > *баланала* ‘очень давно’; *зā* ‘легко, нетрудно’ > *зāла* ‘полегче, менее трудно’; *зэс* ‘плотно, наглухо’ > *зэслэ* ‘плотнее’; *йэбэ* ‘легко’ > *йэбэлэ* ‘легче, полегче, потише’; *ой* ‘мало’ > *оила* ‘поменьше’;

- неполная степень проявления качества: *кэт* ‘очень’ > *кэтэлэ* ‘не совсем, едва, почти; чуть-чуть’; *маңга* ‘трудно, тяжело, очень сильно’ > *маңгала* ‘трудновато, потруднее’; *эгди* ‘много’ > *эгдилэ* ‘многовато’; *н’ама* ‘тепло’ > *н’амалā* ‘теповато’; *эркэ* ‘медленно, тихо, едва, еле-еле’ > *эркэлэ* ‘замедленно’.

Широкая сочетаемость суффикса *-зи* охватывает и небольшой круг основ (5 дериватов – 16% от группы) со строго адвербиальным значением, для которых не свойственны синкретизм или конверсионные процессы. В таких случаях значения производящего и производного слов часто обнаруживают существенные различия, вызванные расширением, сужением или трансформацией семантики у последнего: *вақа* ‘хорошо, как надо’ > *вақазу* ‘старательно, порядочно, мастерски’; *сāваси* ‘неизвестно, незаметно’ > *сāвасизу* ‘тайком, незаметно’; *умуту* ‘подобно, одинаково’ > *умутузи* ‘одинаково, поровну’.

Впрочем, в некоторых парах идентичность дефиниций не позволяет установить словообразовательное значение, привносимое формантом, как например: *зуза* ‘близко’ > *зузизу* ‘близко’.

Подобным же образом суффикс *-дала/-доло/-дула/-дэлэ* может сочетаться с отдельными основами наречий (5 дериватов – 15% от данной группы), хотя такое применение этой схемы словопроизводства носит окказиональный характер в сравнении с отглагольной и даже отсубстантивной разновидностями: *мутэвэси* ‘не одолеть, невозможно, невыполнимо’ > *мутэвэсдэлэ* ‘до изнеможения’; *маңга* ‘трудно, тяжело’ > *маңгада* ‘до устали, до изнеможения’; *пақти* ‘темно’ > *пақтидала* ‘до наступления темноты’.

Отдельную подгруппу внутри адвербиального словообразования (9 дериватов – 29% от группы) образуют модели, в которых в качестве мотивирующей основы выступает местоимение-наречие. В таких парах словообразовательное значение чаще всего дополняет исходную адвербиальную семантику элементом неопределённости. Наиболее последовательно эту функцию в ульчском языке выполняет суффикс *-ну*: *ҳаваси* ‘куда’ > *ҳаваси-ну* ‘куда-то’; *хайду* ‘где’ > *хайду-ну* ‘где-то’; *ҳāли* ‘когда’ > *ҳāли-ну* ‘когда-то’; *ҳаваси* ‘куда’ > *ҳаваси-ну* ‘куда-то’.

Менее семантически однородными в лексикографическом описании предстают производные наречия с суффиксом *-да*. Некоторые из них интерпретируются как неопределённые, другие – как отрицательные. Ср: *хайми* (*хаймари*) ‘почему’ > *хайми-да* ‘почему-то’, *ҳаваси* ‘куда’ > *ҳаваси-да* ‘никуда’.

Многофункциональность наречий со структурным компонентом *-да* отмечается также в орокском языке, где они могут передавать неопределённое или отрицательное значение в зависимости от типа предложения, в котором фигурируют [Озолиня, 2013, с. 287–288]. Очевидно, подобная схема актуализации значений реализуется и в ульчском языке. Неопределённость отображения двух типов семантики в словарях, возможно, связана с

ограниченным употреблением наречий данного типа в источниках, препятствующим фиксации их полного семантического диапазона. Так или иначе, подобная разнородность отличает эти образования от менее семантически диффузных наречий с суффиксом *-ну*.

2.5. Образование наречий от числительных [Adverbs derived from numerals]

Производство наречий от числительных по большей части осуществляется неаффиксальными способами. В чистом виде аффиксация используется только в двух моделях с формантами *-ра/-рэ* и *-та/-тэ* (обе отмечаются также в орокском языке [Озолина, 2013, с. 289]), присоединяющимися к основам количественных числительных первого десятка (18 дериватов – 9% от выборки).

Дериваты с суффиксом *-ра/-рэ* имеют семантику повторяемости, кратности: *зақпун* ‘восемь’ > *зақпура* ‘восемь раз’; *дуи(н)* ‘четыре’ > *дуирэ* ‘четыре раза, четырежды’; *зуа(н)* ‘десять’ > *зуара* ‘десять раз’; *ила(н)* ‘три’ > *илара* ‘три раза’.

Среди наречий кратности также выделяются сложные слова, образованные смешанным способом. Они представляют собой дважды повторённые основы количественных числительных первого десятка, каждая из которых дополнена суффиксом *-зи*: *умун’зи-умун’зи* ‘по одному’; *зуэлзи-зуэлзи* ‘по два’; *илан’зи-илан’зи* ‘по три’.

О том, что суффикс *-зи* в этих примерах является не частью застывшей основы, образованной от формы творительного падежа, а словообразовательным компонентом, который вводится с целью экспликации категориальной принадлежности производного слова, свидетельствует факт наличия в лексической системе целого ряда синонимичных единиц, произведённых при помощи одной редупликации, без применения аффиксации: *зуэл-зуэл* ‘по два’; *(н)-ила(н)* ‘по три’; *дуи(н)-дуи(н)* ‘по четыре’; *нада(н)-нада(н)* ‘по семи’.

На то же указывает и наличие аналогичной модели образования наречий кратности с удвоением простых основ количественных числительных, но без добавочных формантов в нанайском языке [Аврорин, 1959, с. 192]. Таким образом, лексическая группа наречий кратности обнаруживает выраженную тенденцию к избыточности: она пополняется за счёт трёх равноправных словообразовательных моделей – аффиксальной, неаффиксальной и модели смешанного типа.

Дериваты с суффиксом *-та/-тэ* выражают дистрибутивное значение: *зақпун* ‘восемь’ > *зақпунта* ‘по восемь’; *зуэл(и)* ‘два’ > *зуэтэ* ‘по два’; *зуэлтэ* ‘оба, вдвоём’; *зуа(н)* ‘десять’ > *зуанта* ‘по десять’; *тунза* ‘пять’ > *тун’зата* ‘по пяти’; *уму(н)* ‘один’ > *умуту* ‘по одному’.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ показывает, что адвербиальное словообразование представлено в ульском языке развёрнутой системой моделей – в общей сложности их насчитывается около двадцати. В качестве источников мотивирующих основ для производства наречий выступают все самостоятельные части речи, а также класс синкретичных основ. Наиболее регулярно для производства наречий используются глагольные (33% от выборки), адъективные и синкретичные (суммарно 23%) основы. Доля отсубстантивных образований достигает 17%; на внутрикатегориальное словопроизводство приходится 15%, включая наречия, происходящие от местоимённых основ, которые составляют примерно треть данной группы. Небольшую группу (около 9%) образуют дериваты числительных.

Специфичные суффиксы крайне немногочисленны и, как правило, задействованы в малопродуктивных моделях. Большая часть формантов участвует в двух или более моделях, сочетаясь с основами разных лексико-грамматических типов, что соответствует общей тенденции, которая прослеживается в ульском словообразовании. Уникаль-

ных для тунгусской языковой группы суффиксов, не имеющих аналогов в родственных языках, в ульчском практически не отмечается. Ряд суффиксов (-зи, -пти, -ми), которые сейчас функционируют в языке в роли полноценных словообразовательных формантов, вероятно, восходит к показателям определённых грамматических форм, регулярно подвергавшихся адвербиализации; отмечаются случаи применения моделей смешанного типа (аффиксация + редупликация). Ввиду подобного размытия границ между аффиксальным и неаффиксальным словообразованием представляется необходимым провести исследование последнего, чтобы получить полное представление о структуре и динамике развития адъективного сегмента ульчского словообразования.

Библиографический список

- Аврорин, 1959 – Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Л. : Академия наук, 1959. 283 с.
- Вальдю, 2005 – Вальдю Г. Г. Ульчско-русский словарь. Богородское, 2005. 88 с.
- Горбунова, 2021 – Горбунова В. А. Аффиксальное словообразование прилагательных в ульчском языке в сопоставлении с нанайским и орокским // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 222–234. <https://doi.org/10.17223/18137083/75/16>
- Горбунова, 2020 – Горбунова В. А. Словообразование имени существительного в ульчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 9–19. <https://doi.org/10.17223/18137083/71/15>
- Заксор, Наумова 2014 а – Заксор Л. Ж., Наумова И. М. Непродуктивные основообразующие суффиксы в ульчских существительных // Север, олени и не только... СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С. 68–74.
- Заксор, Наумова 2014 б – Заксор Л. Ж., Наумова И. М. Об отдельных словообразовательных суффиксах имен существительных в ульчском языке // Молодежь в инновационном развитии Арктики : сб. материалов круглого стола молодых исследователей Якутии (С.-Петербург. гос. ун-т, 29 мая, 2014). СПб. : Изд-во ВВМ, 2014. С. 449–450.
- Кормушин И. В. Удыгейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М. : Наука, 1998. 320 с.
- Озолиня, 2013 – Озолиня Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск : Гео, 2013. 373 с.
- Певнов, 2018 – Певнов А. М. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований. 2018. Т. XIV. Ч. 1. С. 441–464. <https://doi.org/10.30842/alp2306573714115>
- Петрова, 1936 – Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М. ; Л. : Учпедгиз, 1936. 154 с.
- ССТМЯ, 1975–1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю: в 2 т. / под ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука, 1975–1977. Т. 1. 672 с. Т. 2. 992 с.
- Стойнова, 2018 – Стойнова Н. М. Глаголы ‘искать’ и ‘находить’ и их дериваты в диалектах нанайского и ульчского языков // ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной. М. : Лабиринт, 2018. С. 218–244.
- Суник, 1985 – Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л. : Наука, 1985. 264 с.

References

- Avrorin, V. A. (1959). *Grammatika nanayskogo yazyka [Grammar of the Nanai language]*. Leningrad : Akademiya Nauk Press. (In Russ.).
- Val'dyu, G. G. (2005). *Ul'chsko-russkiy slovar' [Ulcha-Russian vocabulary]*. Bogorodskoe. (In Russ.).
- Gorbunova, V. A. (2021). Affiksals'noe slovoobrazovanie prilagatel'nykh v ul'chskom yazyke v sopostavlenii s nanayskim i orojskim [Adjective derivation through affixation in the Ulch language in comparison with Nanai and Oroch languages]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2, 222–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/75/16>
- Gorbunova, V. A. (2020). Slovoobrazovanie imeni sushchestvitel'nogo v ul'chskom yazyke (v sopostavlenii s nanayskim i orojskim) [Noun derivation through affixation in the Ulch language

- (In comparison with Nanai and Oroch languages)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2, 9–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/71/15>
- Zaksor, L. Zh., Naumova, I. M. (2014 a). Neproduktivnye osnovoobrazuyushchie suffiksy v ul'chskikh sushchestvitel'nykh [Unproductive stem-forming suffixes in the Ulch nouns]. *Sever, oleni i ne tol'ko... [The north, deer and more...]* (pp. 68–74). St Petersburg: Herzen University Press. (In Russ.).
- Zaksor, L. Zh., Naumova, I. M. (2014 b). Ob otdel'nykh slovoobrazovatel'nykh suffiksakh imen sushchestvitel'nykh v ul'chskom yazyke [On selected derivational nominal suffixes of the Ulch language]. *Molodezh' v innovatsionnom razvitii Arktiki. Sb. mat. kruglogo stola molodykh issledovateley Yakutii [The youth in innovative development of the Arctic. A coll. of materials from the open forum of young researchers of Yakutia]* (pp. 449–450). St Petersburg: VVM Press. (In Russ.).
- Kormushin, I. V. (1998). *Udyheyskiy (udegeyskiy) yazyk. Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar' [The Udehe language. Ethnographic materials. Phonetics and grammar. Texts and translations. Vocabulary]*. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Ozolinya, L. V. (2013). *Grammatika orokskogo yazyka [The grammar of the Oroch language]*. Novosibirsk: Geo Press. (In Russ.).
- Petrova, T. I. (1936). *Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka [The Ulch dialect of the Nanai language]*. Moscow, Leningrad: Uchpedgiz Press. (In Russ.).
- Pevnov, A. M. (2018). Lingvisticheskie svidetel'stva istoricheskikh kontaktov orokov i orochey na Sakhaline [Linguistic evidence of historical contacts of Orochs with Orochs on Sakhalin]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy In-ta lingvisticheskikh issledovaniy [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]*, XIV (1), 441–464. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/alp2306573714115>
- Tsintsius, V. I. (Ed.). (1975–1977). *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovar'yu [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]*. In 2 volumes. Leningrad: Nauka Press. (In Russ.).
- Stoynova, N. M. (2018). Glagoly “iskat” i “nakhodit” i ikh derivaty v dialektakh nanayskogo i ul'chskogo yazykov [Verbs “search” and “find” and their derivatives in the Nanai dialects and Ulch language]. In D. A. Ryzhova et al. (Eds), *EVRika! Sbornik statey o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoy [EUREKA! A collection of articles exploring the topic of searches and findings in celebration of E. V. Rakhilina's anniversary]* (pp. 218–244). Moscow: Labirint Press. (In Russ.).
- Sunik, O. P. (1985). *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy [The Ulch language: Studies and materials]*. Leningrad: Nauka Press. (In Russ.).

УДК 811.161.1

Завьялов Виктор Николаевич, Хэ Цзэ
Тихоокеанский государственный университет
г. Хабаровск, Российская Федерация
victorzoff@list.ru

Противительные союзы *a, no, da* в русских говорах Приамурья (коммуникативно-прагматический аспект)

Аннотация

В статье исследуются высказывания с противительными союзами *a, no, da (=no)*. Целью исследования было выявить коммуникативно-прагматические смыслы, в организации которых наряду с прочими языковыми средствами участвуют и данные союзы. Исследование проведено на материале русских говоров Приамурья. Обращение к говорам обусловлено современным направлением науки, описывающим диалектный материал на антропологической основе. В работе использовались описательный, количественный, сравнительный методы, а также семантический и коммуникативно-прагматический анализ. В результате установлено, что роль союзов *a, no, da* в высказываниях диалектоносителей сводится прежде всего к сообщениям о «нормальном» или «ненормальном» следствии между сочинёнными пропозициями. В высказываниях нормального следствия данные союзы (кроме союза *da*) используются говорящим, как правило, для пояснения-тождества, пояснения-уточнения и пояснения-описания. В высказываниях ненормального следствия сообщается (как прямо, так и опосредованно) о неких обстоятельствах объективного или субъективного характера, волонтактивно влияющих на то или иное положение дел. Результаты исследования способствуют не только пополнению сведений о категориальных особенностях противительных союзов *a, no, da*, но и более глубокому пониманию языковой картины мира не только диалектоносителей, но и носителей русского языка в целом.

Ключевые слова: сочинительный союз, синтаксис, говор, противопоставление, сопоставление, семантика, прагматика

© Завьялов В. Н., Хэ Ц. 2024

Для цитирования: Завьялов В. Н., Хэ Ц. Противительные союзы *a, no, da* в русских говорах Приамурья (коммуникативно-прагматический аспект) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 27–41.

Victor N. Zavyalov, Xe Ze
Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation
victorzoff@list.ru

The adversative conjunctions *a 'but', no 'but', da 'but'* in the Russian dialects of the Amur Region (Communicative and pragmatic aspects)

Abstract

The article examines utterances with the coordinating conjunctions *a 'but', no 'but', da (=no) 'but'* that express contrast. The aim was to identify communicative and pragmatic meanings in whose expression these conjunctions participate along with other linguistic means. The research was conducted on the material of the Russian local accents of the Amur Region. The choice of local accents was determined by the modern tendency in science to describe regional varieties on the anthropological basis. Descriptive design was used together with quantitative and comparative methods, semantic and communicative-pragmatic analyses to collect and process the

material. It was found that the role of conjunctions *a*, *no*, *da* in dialect speakers is primarily limited to messages about a “normal” or “abnormal” consequence between composed propositions. In utterances expressing normal consequence, these conjunctions (except for *da*) are used by the speaker, as a rule, for explanation-identity, explanation-clarification and explanation-description. Utterances expressing abnormal consequence report (both directly and indirectly) about certain circumstances of an objective or subjective nature that arbitrarily affect a particular state of affairs. The results of this study not only enlarge the information about the features of the coordinating conjunctions *a*, *no*, *da* expressing contrast but also contribute to a deeper understanding of the linguistic picture of the world of local accents speakers as well as native Russian speakers as a whole.

Keywords: coordinating conjunction, syntax, local accent, contrast, comparison, semantics, pragmatics

© Zavyalov V. N., Xe Z. 2024

For citation: Zavyalov, V. N., Xe, Z. (2024). Protivitel'nye soyuzy *a*, *no*, *da* v russkikh govorakh Priamur'ya (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt) [The adversative conjunctions *a* 'but', *no* 'but', *da* 'but' in the Russian dialects of the Amur Region (Communicative and pragmatic aspects)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 27–41.

1. Введение [Introduction]

Статья посвящена коммуникативно-прагматическим свойствам противительных союзов *no*, *a*, *da* (=но) в русских говорах Приамурья. Выбор их в качестве объекта описания обусловлен следующими причинами. Несмотря на то что изучение русских говоров имеет давнюю и устойчивую традицию в русистике и характеризуется самыми разными направлениями (от лексико-семантического до когнитивно-дискурсивного), функционирующие в них союзные средства представлены в исследованиях не в той полноте и мере, какую эти языковые единицы заслуживают.

Одним из первых исследований, концептуально затрагивающих этот вопрос, была монография А. Б. Шапиро, общей задачей которой ставилось «описание всех наиболее существенных явлений, относящихся к структуре предложения» [Шапиро, 1953, с. 16], в том числе особенностей «употребления некоторых служебных слов в северновеликорусских (а также в некоторых сибирских) говорах» [Там же, с. 20]. В связи с этим значительное место в монографии занимает описание средств синтаксической связи. А. Б. Шапиро отмечал, в частности, что «значения союзов, употребляемых для связывания предложений, более дифференцированы в группе сочинительных союзов и менее в группе подчинительных союзов» [Шапиро, 1953, с. 119], но при этом в их контекстуальной семантике имеет место оттенок «генерального» значения по причине сочетания союзов «с теми или иными структурными чертами предложения (простого или сложного) или в различном лексическом контексте» [Там же, с. 121].

Вопросы описания средств синтаксической связи и их специфики в говорах, поставленные в монографии А. Б. Шапиро, стали предметом рассмотрения в ряде исследований 1950–1970 гг. [Собинникова, 1958 ; Лосева, 1961 ; Зелепукина, 1965 ; Доля, 1967 ; Берестенникова, 1972 ; Чурсина, 1974 и др.]. Общим для подобных работ является структурно-синтаксический подход.

Однако на рубеже 1980-х гг. стали появляться исследования, ориентирующие на изучение говоров с точки зрения их межсистемных сходств и различий на основе взаимодействия лингвогеографии и синтаксиса. Например, в монографии В. И. Трубинского обосновываются и подчёркиваются перспективы «исчерпывающего сопоставительного изучения литературной и диалектной разновидностей устно-разговорного синтаксиса» [Трубинский, 1984, с. 207]. Исходя из этого стал развиваться коммуникативно-прагматический подход в изучении диалектных явлений речи [Преображенская, 1985 ;

Никитина, Пожарицкая, 1993 ; Кузьмина, 1993 ; Гольдин, 1997 ; Демешкина, 2000 ; Голубева, 2004 и др.], который в определённой мере затрагивал и служебные слова.

В этом отношении знаменательной является диссертация С. П. Петруниной, посвящённая грамматике слушающего и говорящего в сибирских говорах [Петрунина, 2008]. В основу исследования были поставлены диалектная коммуникация и метакоммуникация, что дало возможность взглянуть на показатели синтаксической связи (союзы, частицы, лексико-синтаксические, просодические средства и др.) с позиций их участия в выражении различных бытийных смыслов парных конструкций: толковании сказанного или его коррекции, отнесённости к реальности или гипотетичности.

Не менее значимым представляется и диссертационное исследование Е. Р. Гусевой – первое комплексное научное описание состава, этимологии, структуры и семантики союзов отдельно взятого диалектного региона – севернорусских говоров [Гусева, 2009]. Установлено, в частности, что в них «ещё не сложилась достаточно устойчивая синтаксическая система с союзами, закреплёнными за определённым видом отношений» [Там же, с. 215]. Это согласуется с выводами, сделанными в своё время А. Б. Шапиро (см. выше), о недостаточной семантической дифференцированности союзных средств в этих говорах, что убедительно свидетельствует о «жизненной силе» [Вендина, 2017] диалектной системы русского языка, несмотря на активное влияние на неё литературной нормы. Исследования союзных средств в русских говорах продолжается [Рыко, 2018 ; Попова, 2019 ; Боброва, Колосько, 2021 и др.].

Современное состояние диалектологической науки тесно связано и с антропологией. При таком подходе описываются «элементы культурной коннотации в семантике диалектного слова, осуществляется культурно-историческая интерпретация определённого фрагмента языковой картины диалектоносителей» [Вендина, 2020, с. 9–10]. Средства синтаксической связи, в том числе и союзы, как и любые другие языковые единицы, являются неотъемлемой составляющей данной картины, участвуя в её репрезентации на своих категориальных основаниях.

Исходя из этого актуальность настоящей статьи определяется необходимостью исследовать противительные союзы в русских говорах Приамурья именно с когнитивно-дискурсивных позиций. Цель настоящего исследования заключается в описании наиболее типовых коммуникативно-прагматических ситуаций, в контексте которых говорящим используются данные средства синтаксической связи. Степень разработанности проблемы применительно к амурским говорам невысокая. Имеются лишь самые общие наблюдения, представленные в монографии «Русские говоры Приамурья», где отмечается, что союзы в них в целом «выражают те же отношения и связи, что и в литературном языке» [РГП, 2011, с. 148], но при этом семантика и прагматика не рассматриваются.

Теоретическую основу исследования составляют работы, связанные с аксиологическим подходом к описанию служебных единиц, в том числе союзов [Санников, 2008 ; Урысон, 2011 ; Сакулина, 2015 ; Милованова, 2021 ; Сигал, 2022 ; Шереметьева, 2023 и др.], где в центре внимания находится их «способность выражать оценочную семантику и отображать ценностные представления» [Сигал, 2022, с. 100] (см. также [Шереметьева, 2023]).

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Исследование проводится на материале русских говоров Приамурья. Русские говоры Приамурья (далее – РГП) обладают особенными характеристиками по сравнению с говорами западных регионов России. Их относят к группе вторичных говоров, «сложившихся на севернорусской основе» [СРГП, 2007, с. 4]. Подробнее о формировании РГП, их изучении, а также о фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностях см. в [Кирпикова, 2004 ; Оглезнева, 2003, 2005 ; РГП, 2011, с. 16–24; Галуза, 2013].

С результатами исследования современного состояния РГП можно ознакомиться в изданиях периодического фольклорно-диалектологического альманаха «Слово», выпускаемого сотрудниками кафедры русского языка, журналистики и коммуникации Амурского государственного университета (АмГУ) г. Благовещенска (см.: <https://slovo.amursu.ru>). Из последних значимых работ отметим докторскую диссертацию В. К. Приходько, посвящённую «описанию средств создания эмотивности в русских говорах Приамурья, реализующихся в них как особая лингвопрагматическая категория» [Приходько, 2022, с. 5].

Однако, несмотря на то что эмпирическая база РГП продолжает пополняться и расширяться, на данном этапе исследования в статье представлен языковой материал только из второго издания «Словаря русских говоров Приамурья» [СРГП, 2007], в основе которого лежит переработанное и дополненное первое издание [СРГП, 1983]. А. Б. Шапиро отмечал, что наиболее приоритетными для изучения должны быть «самые старые по возрасту носители говора, притом такие, которые в силу условий главным образом дореволюционного быта меньше всего испытали на себе воздействие со стороны литературного языка» [Шапиро, 1953, с. 11]. «Словарь русских говоров Приамурья» соответствует этим критериям в наибольшей мере, ибо работа над ним началась в 1960-х гг., когда естественных носителей говоров ещё можно было найти в достаточном количестве среди сельского населения Приамурья. Над созданием словаря трудились преподаватели-учёные Хабаровского (Ф. П. Иванова, М. К. Давыдова, Л. Ф. Путятин и др.) и Благовещенского (Л. В. Кирпикова, О. И. Галуза, Н. П. Шенковец и др.) институтов (на тот момент) и другие их коллеги. В результате работы был выявлен и описан уникальный пласт не только русской диалектной лексики и фразеологии, но и, как мы полагаем, исходя из целей и задач настоящей статьи, не менее уникальных контекстов употребления различных служебных слов, в том числе и союзов. Обращение к материалам говоров обусловлено ещё и тем, что они представлены в основном через устные нарративы. Это предоставляет возможность изучения союзов *а*, *но*, *да* в их основной, так сказать, естественной стихии речи.

В статье применяются следующие методы исследования: описательный, количественный, сравнительный, а также семантический и коммуникативно-прагматический анализ. Выборку материала составили высказывания с противительными союзами *а*, *но* и *да* (=но). Это основные, максимально грамматикализованные противительные средства связи русского языка, имеющие прямые соответствия в современном русском литературном языке, что предоставляет возможность сравнительно-сопоставительного изучения диалектной картины мира на «литературном» основании. Противительность понимается нами как явление, связанное «сразу с несколькими понятийными формами противопоставления» [Милованова, 2021, с. 11] и реализованное на различных языковых уровнях: лексическом, грамматическом, логическом, семантическом, прагматическом и прочих.

Примеры, используемые в статье, с целью их большей индивидуализации приводятся с указанием географических данных, расшифровка которых дана на соответствующих страницах в полиграфической [СРГП, 2007, с. 16–18] и электронной [СРГП, 2007 э, с. 12–14] версиях словаря. Электронная версия предлагается также и для облегчения сверки цитируемого в статье диалектологического материала.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

3.1. Исходные статистические и эмпирические данные [Data for statistical and empirical analysis]

Методом компьютерной выборки в СРГП выявлено более 2000 употреблений союза *а*, 150 – союза *но* и 137 – союза *да*. Такое соотношение показывает, что частотность союза *а* практически на порядок выше по сравнению с частотностью союзов *но* и *да*. Это нормальная картина для говоров, поскольку союз *а* по своей языковой сути «являет-

ся связующим звеном между соединительным (*и*) и противительным (*но*) значением» [Милованова, 2021, с. 127] и для разговорной речи, основной формы существования говоров, представляется самым универсальным средством выражения противительности и сопутствующих ей логико-смысловых оттенков. В связи с этим порядок рассмотрения союзов в статье соответствует их частотности (по убыванию).

3.2. Высказывания с союзом *a* [Utterances with the conjunction *a* 'but']

Е. В. Урысон выделяет у союза *a* следующие контексты: «сопоставления», «ненормального следствия», «поворота повествования» [Урысон, 2011, с. 209–260]. При этом она называет этот союз одним «из самых идиоматичных русских слов, обладающим тонкой, иногда почти неуловимой семантикой» [Там же, с. 207]. В понимании сопоставительности как одного из частных значений союза *a* Е. В. Урысон отталкивается от интерпретации Т. М. Николаевой, которая квалифицирует её как «соединение через равноправное рассмотрение двух компонентов, не сливающихся при этом в единую картину-кадр» [Николаева, 1997, с. 18]. Однако мы полагаем, что сопоставление – это генеративный признак значения данного союза, поэтому он должен распространяться на семантику любого высказывания с ним вкупе с противительностью, т. е. союз *a* является сопоставительно-противительным по самой своей природе в силу своего пограничного положения между союзами *и* и *но* (см. [Милованова, 2021, с. 127–135]). Кроме того, понятие «ненормальное следствие» предполагает логическую противопоставленность понятию «нормальное следствие», но оно рассматривается исследователями лишь применительно к семантике союза *и* [Урысон, 2011, с. 281–290]. Между тем, мы полагаем, что такие контексты с союзом *a* также имеют место. Исходя из этого существуют два вида высказываний с противительно-сопоставительным союзом *a*: 1) высказывания нормального следствия и 2) высказывания ненормального следствия. Всё прочее мы относим к частным реализациям этих двух логико-семантических моделей.

3.2.1. Высказывания «нормального следствия» [Utterances expressing “normal consequence”]

В высказываниях нормального следствия пропозиции с союзом *a* не противостоят друг другу в плане естественного положения вещей или хода дел. С их помощью могут передаваться сопоставления-пояснения и сопоставления-описания.

1. Сопоставление-пояснение. Пояснение как лингвистическая категория предполагает «характер либо повторного обозначения, либо уточнения» [Прияткина, 2019, с. 63] (см. также: [Стародумова, 2023, с. 232–234]). Какие-либо два предмета, признака или действия сопоставляются говорящим с точки зрения способа применения, свойств, именованности и пр. как в соотношении целое – целое, так и целое – частное. В связи с этим сопоставления-пояснения подразделяются на пояснения-тождества и пояснение-уточнение.

А. Пояснение-тождество. При отношениях тождества «два члена предложения (или две синтаксические структуры – В. 3.) имеют общую денотативную отнесённость, причём она устанавливается только самим говорящим» [Прияткина, 2019, с. 64]. Пояснения подобного рода – это нейтральные в эмоциональном и оценочном плане высказывания, которые нередко сопровождаются темпоральными лексемами *раньше* – *сейчас*. Посредством таких высказываний могут соотноситься как тождественные:

– орудия труда или материалы: *Час всё дранки да горбули идут на забор, на городьбу, а раньше – слёги* (Н.-Вскр. Шим.); *Груз у закидушки из подковы или любая железка, а сейчас свинец* (Пашк. Облuch.); *Картошку копали копарульками, а сейчас делают из проволоки скребушки или царпульки* (Алб. Скв.); *Горбулями загородишь, а сейчас и сеткой даже городят стальной* (Н.-Вскр. Шим.);

– названия домашних животных: **Сейчас** ягнятами зовут, а мы звали барашками или баранчиками (Уш. Шим.). Амур. (Шим.);

– количественное соотношение чего-либо (в данном случае видов ягоды): **Сейчас** больше маленькой земляничцы, **а раньше** хрушка да рясна;

– особенности планировки и именования помещений дома: *Счас комната, а раньше перёд, куть, спальня, или зал* (Рад. Облuch.). Амур. (Арх.). Хаб. (Бир. Облuch.).

Возможны пояснения-тождества и без вербализованной привязки к моменту речи: *Седёло, или шёсток, а кто нашёт называет для кур* (Заг. Сел. Своб.); *Забайкальцы звали его борокчэн, а мы – саск, год ему или полгода* (Ам. Окт.).

Б. Пояснение-уточнение. Говорящий, описывая какие-либо два предмета, признака или явления действительности, уточняет разницу между ними в плане назначений, свойств, применения и пр. Отношение тождества между сочиненными пропозициями в данном случае отсутствует, ибо говорящий сообщает о разнице в какой-либо части денотативного содержания сочинённых пропозиций. Уточняться могут:

– орудия труда, снасти, различные приспособления: *Размер очка на миллиметры или на пальцы, на персты: двухпёрстка – это сейчас сороковка, а восьмидесятка – восемь перстов* (Н.-Петр. Кнст.). Амур. (Кнст.); *Закидушка – маленький перемёт, закидушку с берега бросают, а с перемётом плавают* (Пашк. Облuch.);

– реалии окружающей среды (флора, фауна, топография): *Клюква красная, а моховка чёрная или синяя* (Бикин); *Косатка толстая, а плеть-то чёрная, жёлтая да длинная* (Джл. Скв.); *Волчий язык или собачий язык у нас зовут: листья с одной стороны с блеском, а с внешней – сильно зелёные, цветок бледно-фиолетовый* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.); *Есть кулёмки с мотыльком, а есть без мотылька* (Лерм. Бик.).

Возможно также уточнение сути другого названия или дополнительного действия к какому-либо процессу: *Рёлка, или елань, – одно и то же, только елань в большом масштабе, а рёлка – в малом* (Джл. Скв.); *Раньше шили напалки и с марала, и с кожи, а можно и вязать* (Серг. Благ.); *Яришный хлеб пекли, а ешио тарочки, да всяки финтиклюшки* (Полярк. Мих.).

2. Сопоставление-описание. Высказывания подобного рода характеризуются тем, что посредством них описываются процессуальные или статальные непротиворечащие друг другу стороны действительности. Это может быть:

– определённая последовательность событий или действий (*сначала – потом*): *Подсушишь сено, а потом укладываешь в заколину или в закол* (Моск. Своб.). Амур. (Своб.); *Суслоны ставили по шесть снопов или по восемь, а девятым закрывали* (Башур. Облuch.); *До церкви идёшь – чёботы, бывало, в руках или на плече несёшь, а как к ней подходишь, так и надеваешь* (Благовещ.);

– пространственные реалии (*внизу –верху, справа – слева и пр.*): *Стожок смечешь или кладь накладёшь, а сверху положат ветреницы* (Лонч. Бик.); *Четыре сошки по концам юрты, а сбоку палки, и соломой крыли* (Ст. Окт.); *Здесь шворень идёт, а здесь проходят оглобли* (Сам. Окт.); *Латки делали просто: доска, а снизу наложен коровий навоз. Ребятишки с горки зимой на их катались* (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.);

– общая характеристика действий: *Муж да дети привезут ягоды море, а уж мы с матерью ей ума даём* (Н. Буз. Своб.). Амур. (Своб.); *Выстилку кладут на земле, а мы молотили молотилом, или выстилку накладывают круглую и конями молотят, пока всё в труху* (Уш. Шим.);

Говорящий может описывать и какой-нибудь предмет быта, орудие труда, снасть:

Закидушки с берега закинешь: палка тонкая, а кёй мотаузина или леска – и с берега кидашь (Кас. Арх.); *Верхонка из половинки, а половинка – с оленя она или с кого, я не знаю* (Калин. Мих.). Амур. (Мих.); *Олочи – это моришни, а на задке гладко, отседа ремешки, а вот тут язык, обмоташь ремешком* (Черн. Магд.); *Череповые брёвна – это*

верхняя обвязка, **a** на них стропила, или быки (Войк. Кнст.); Подошва – из её и подбор, кожа тонка, **a** помпа с палец шириной (Алб. Скв.); Называются дёр телеги: деревянна ось была, **a** сюда проходят дороги, **a** здесь подушка и дёр (Сам. Окт.).

Нормальным развитием событий является отказ от чего-то ненужного, предостережение, или, наоборот, безграничная вера в себя и свои возможности:

Её перепилишь доску и вѣтаишишь свинку, **a** если её не надо, то затопишь, и выгорит (Ст. Окт.). Амур. (Арх. Благ. Магд. Мих. Шим.). Хаб. (Лен. Облuch. Окт.); Поливать утром пораньше или вечером, **a** днем нельзя, **a** то запарится всё (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); Были-бы ноги да двуроги, **a** коров прокормим (Сад. Благ.). Амур. (Арх. Благ.).

3.2.2. Высказывания «ненормального следствия» [Utterances expressing “abnormal consequence”]

В высказываниях ненормального следствия имеет место несоответствие норме [Урысон, 2011, с. 209]. Норма в данном случае понимается как то, что должно быть, если всё делать согласно сложившимся традициям, обычаям, принципам и правилам бытия:

На сырой земле летом полежал да и остыл, **a** лечиться не стал (Н.- Андр. Бел.); На головах платочки носили, фальшонки, или косинки их звали, **a** я всё больше голоушей ходила (Алб. Скв.).

Нормальное развитие должно предполагать заботу как о своём здоровье (т. е. лечение), так и о своей внешности. Здесь же такая забота отсутствует, ненормальное следствие – это купание в каком-либо недостаточно пригодном месте.

Застоина какая-нибудь в луже или в яме, **a** онé купаются (Алб. Скв.). Амур. (Скв.). Вроде врёт, ластит человеку, сочувствует человеку, **a** сам близирничает (Е.-Ник. Окт.); Иишь, как близирничат дед-то на людях, **a** как уйдут, дак и шишек наставит (Пашк. Облuch.). Хаб. (Облuch. Окт.).

В данном примере осуждается двуличие человека, являющееся с точки зрения норм морали также ненормальным в плане развития действия.

Ненормальное следствие может проявляться при неудачном, по мнению говорящего, именовании чего-либо: Его бы лучше называть междулунок, **a** мы говорим пролунок (Инка Арх.). Амур. (Арх. Скв.).

Коммуникативно-прагматическим маркером ненормального следствия в этом высказывании является словоформа *лучше*.

Ненормальное следствие нередко возникает по причине какой-либо неодолимой силы. В следующих примерах это и беспрекословная воля отца, и неодолимое желание чего-либо, и отсутствие возможностей осуществить намеченное, и какие-либо другие причины:

Отец всё жадует: сам отдыхать лёг на покосе, **a** нас за ягодами послал (Черн. Магд.). Амур. (Бел. Магд.); Мотылёк на крючок насадит, **a** щука, глупая, проглатывает его (Джл. Скв.). Амур. (Скв.); Сморо́да на островах рясная да крупная, такая зарная, не хотел бы, **a** берёшь (Н.-Андр. Бел.); У ворот така колюжа стоит, **a** засыпать нечем, да и некому (Н.-Петр. Благ.). Амур. (Благ.).

Ненормальное следствие может также проявляться и как нелогичный результат – как по объективным, так и по субъективным причинам:

Морковка в этом году не ушлая вышла, посеяли, **a** она така́ мелка (Н.-Андр. Бел.). Амур. (Бел.); Он вырядился да вышел, **a** парни ему говорят: «Во, лобань какой вышел» (Кн-ка Кнст.). Амур. (Кнст.); Поставил я пасть, да и пошёл дальше, **a** натруску свою, видимо, там оставил. Вернулся, **a** она пропала (Возж. Бел.).

Таковы некоторые коммуникативно-прагматические особенности высказываний с союзом *a* в русских говорах Приамурья. Высказывания с союзами *но* и *да* будут рассматриваться нами с их учётом.

3.3. Высказывания с союзом *но* [Utterances with the conjunction *no* 'but']

Союз *но*, так же, как и союз *а*, признается специалистами очень трудным для описания, ибо его «ядерный компонент... весьма специфичен с теоретической точки зрения: он не поддаётся дефиниции на обычном семантическом языке» [Урысон, 2011, с. 172]. В. З. Санников полагает, что союз *но* «употребляется там, где нарушено представление (единое для всех говорящих!) о нормальном развитии ситуации или о нормальном положении дел [Санников, 2008, с. 259]. В свою очередь, Е. В. Урысон рассматривает его, как и союз *а*, через аналогичные контексты – «ненормального следствия», «противодействия», «обманутого ожидания» [Урысон, 2011, с. 171–206]. При этом она также не отмечает у этого союза значение нормального следствия. Однако мы на тех же самых основаниях полагаем, что оно у него тоже присутствует. Разница только в инвариантных компонентах значений союзов: если у *а* ведущей является сема сопоставительности со скрытой конъюнкцией, то у *но* это собственно противительная сема, в которой наличествует «имплицитное уступительное значение» [Милованова, 2021, с. 126], которое используется говорящим больше как оценочное, чем нарушающее статус-кво между сочинёнными пропозициями.

3.3.1. Высказывания «нормального следствия» [Utterances expressing “normal consequence”]

Высказывания нормального следствия у союза *но* более узкие по своей специфике, чем у союза *а*. Прежде всего у союза *но* отсутствует семантика пояснения-тождества, в силу того, что его значение в той или иной мере включает в себя семы отрицания, ограничения или оценки (см. [Николаева, 1997; Санников, 2008, с. 244–265; Урысон, 2011, с. 171–206; Милованова, 2021, с. 112–126]). Например, сопоставительно-пояснительное высказывание с семантикой тождества после замены в нём союза *а* на союз *но* уже не может восприниматься таковым. Ср.:

Час всё дранки да горбули идут на забор, на городьбу, а раньше – слёги // Час всё дранки да горбули идут на забор, на городьбу, но раньше – слёги.

Союз *но* превращает сопоставительно-противительные пропозиции первого высказывания в противительно-уступительные во втором, указывая на «наличие заинтересованной позиции говорящего субъекта» [Милованова, 2021, с. 26] или, говоря иначе, на «смену оценки признаков» [Шереметьева, 2023, с. 39], вследствие чего семантика пояснения-тождества преобразуется в пояснение-уточнение. Говорящий всего лишь подчёркивает разницу между пропозициями, делая акцент на том, что именно было раньше, уступая в оценочном плане тому, что происходит сейчас, но при этом никакого ненормального следствия в семантике высказывания не появляется.

Уточняться при союзе *но* нормального следствия могут:

– особенности представителей фауны (рыб, птиц, животных): *Чернобрюшка похожа на чебакá, но боле тонкая, белая и оттеняет брюшко* (Поярк. Мих.); *Трегуб ещё называют, но по цвету отличается* (Поярк. Мих.); *Колтучан наподобие тайменя, но меньше* (Алб. Скв.); *Лошак – это больше года жеребёнку, но не лошадь ешó* (Бус. Своб.); *Синявка белая, но у ейó тцвет есь синеватый* (Поярк. Мих.). Амур. (Мих.); *Стародойка – это корова в этом году не телится, но ещё доится* (Ин-ка Арх.). Амур. (Арх. Мих. Скв. Шим.);

– особенности видов флоры: *Ярбуда растёт на берегах, похожа на просо, но зерно крупнее* (Над. Бир.). Хаб. (Бир.); *Перелойка – это не ромашка, но похожа, беленьким цветёт* (Н.-Вскр. Шим.); *Тёрен как слива, но кругленький, кругленький* (Уш. Шим.). Амур. (Шим.); *Шшóтка растёт на низине, как осока, твёрдая, плоская, но мельче, чем осока, светло-зелёная* (Е.-Ник. Окт.); *Кустики маленькие, что и тальник, но отличает-*

ся от тальника: лист серый (Н.-Вскр. Шим.); Курочка похожа на подсолнух, **но** больше шестнадцати листьев не имеет (Н.-Вскр. Шим.).

– особенности одежды (качество, свойства, материал): Сутунки корóтки, **но** большого диаметра (Алб. Скв.); Носили зимой курмушки и борцáтки, **но** борцатки подлиннее были (Моск. Своб.). Амур. (Повсем.). Хаб. (Бик. Лазо Облuch. Окт.); Ботиночки были с резиночками, с каблуками, без каблуков, **но** в шнурочек и с высокой голяшкой (Е.-Ник. Окт.). Хаб. (Окт.); Козулы шкуры выделают и шьют ергач наврóде куфайки, **но** только длинне (Рад. Облuch.);

– орудия труда, ловли, охоты, постройки: Вириша как мордуша, **но** только больше (Черн. Магд.). Амур. (Магд.); Шпунтовик – то же стружóк, **но** вот такой узенький (Ст. Окт.); Это сáдьба, или лáбаз, **но** лáбаз всегда крытый (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.);

– процессы приготовления пищи, одежды, орудия труда и их свойства:

Чай белить можно яйцом, или молоком, или заправкой, **но** не вареньем (Е.-Ник. Окт.); В жарёху и мясо, и печёнку кладут, **но** не вымачивают, чтоб кровь сохранить (Бус. Своб.).

Возможны также оценочные уточнения (применительно ко всем рассмотренным выше тематическим группам):

Пока ещё маленький, глупый, качишка, **но** хорошей породы собака (Джл. Скв.); Череду у нас собачкой называют, она как собачка цепляется, **но** она пользительная (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.); Сеянка – это тёмная мука, **но** чище простомола (Уш. Шим.); Лучшие всего кедра, **но** листовяк устойчивее (Нев. Лазо). Амур. (Скв.). Хаб. (Бик. Лазо, Окт.); Косой легче косить, **но** у горбуши крепче сталь (Наг. Окт.). Амур. (Арх. Кнст.). Хаб. (Облuch. Окт.); Он средненький топорик, **но** бриткий (Ст. Окт.); Эльму ловили в Амуре, рыба жёлтая, **но** у ей костей нет (Башур. Облuch.); Хорóша кисть, **но** с зеленью (Алб. Скв.); Гребалками-то хорошо копать, быстрее, **но** картошку можно поцарапать, гнить потом будет (Арх. Арх.). Амур. (Арх. Кнст.); Ходили в оло́чах, **но** и́чиги побравé были (Е.-Ник. Окт.). Амур. (Бел. Магд. Своб. Скв. Шим.). И т.д.

К нормальному следствию в высказываниях с союзом *но* можно также отнести полезные действия, направленные на преодоление чего-либо, улучшение, устранение недостатков или на вынужденный компромисс:

Сначала шипшика была на ноге, **но** я её уксусом выжгла (Кн-ка Кнст.); Печки большой сейчас нет, **но** маленькую русочку сделала (Уш. Шим.). Амур. (Шим.); Вчера прихватила немного, **но** надьсь мне уже легче (Н. Буз. Своб.). Амур. (Своб.); Я всё время ходила кулёмой, как меня тогда называли, **но**, когда ко мне стали приглядываться парни, стала прихорашиваться (Н. Увал. Маз.); Ручка у молота одна, **но** надо брать за неё двумя руками, двоерушный молот – это двоерушный: одной рукой брать не будешь (Пашк. Облuch.). Хаб. (Облuch.); Хоть тяжело мне было хлестаться на двух работах, **но** ничё (Черн. Магд.). И т.д.

3.3.2. Высказывания «ненормального следствия»

[Utterances expressing “abnormal consequence”]

Высказывания ненормального следствия с союзом *но* характеризуются, как и в аналогичных высказываниях с союзом *а*, несоответствием результата исходному положению дел или намерениям говорящего. Это могут быть противоречащие предварительным ожиданиям:

– состояние или свойства характера человека: Я счастливой жизни завидую, **но** здорóвья нет (Голов. Бир.). Хаб. (Бир.); Кержаки кода́ жили, они, как кулаки, жили зажиточно, **но** ничем не делились с бедными (Джл. Скв.);

– трудовые процессы, действия вопреки чему-либо, недостаточные или необычные умения и навыки:

Намоташь на лентяйку тряпку и моешь, но углы-то ей не промоешь (Моск. Своб.). Амур. (Своб. Скв.); *Времянка доходила до станции, но потом почему-то убрали её* (Н.-Вскр. Шим.); *Я всё искала эту траву от сорока болезней, но сразу её не найдёшь* (Е.-Ник. Окт.); *Для орошонки берёшь бревно потолще и всю сердцевину из него выби-ра́шь, но плавать на орошонке уметь надо* (Уш. Шим.); *Здесь вот, знаете, заливные до-жди идут по четыре месяца, но картошку всё равно накопаем* (Уш. Шим.). Амур. (Шим.); *Олочи шили, но не носили* (Калин. Мих.). Амур. (Мих.); *Ягоды у нас собирали грабками, но я – руками* (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.);

– фауна и флора: *Она больш́а, ловили в неводах. Попад́ат, но мало* (Пашк. Об-луч.); *Толстолоб – рыба подвид сома, но не очень вкусная* (Кн-ка Кнст.); – флора: *Моло-ча́ разная бывает, но всегда огород забивает* (Завитинск). Амур. (Завит.);

– природа, состояние окружающей среды: *Навесь – снег на деревьях напал, но не упал* (Лерм. Бик.).

Если сравнивать рассмотренные нами высказывания с союзом *но* с высказывани-ями с союзом *а*, то отчётливо видно, что *но* это более акцентированный языковой знак, чем *а*. Однако при одинаковом логико-смысловом соотношении частей высказываний данные союзы выполняют в принципе одинаковую работу, пусть и с поправкой на мо-дально-экспрессивные особенности каждого из них.

3.4. Высказывание с союзом *да* [Utterances with the conjunction *da* 'but']

Союз *да*, как явствует из материала, обладает ещё более узким спектром употреб-лений. С его помощью невозможна передача нормального следствия во всех его прояв-лениях. Например, если в уточняющем высказывании нормального следствия с союзами *а* и *но* (*Час всё drankи да горбули идут на забор, на городьбу, а/но раньше – слéги*) употребить союз *да*, то получится маловероятное в языковом плане высказывание. Ср.: * *Час всё drankи да горбули идут на забор, на городьбу, да раньше – слéги*.

В. З. Санников указывает, что «наиболее обычным употреблением союза *да* в противительном значении является такое, когда в первой части содержится указание на гипотетическое событие, а во второй – на причину, воспрепятствовавшую его осуще-ствлению» [Санников, 2008, с. 277]. К аналогичным выводам приходит Е. А. Сакулина, отмечая, что противительная семантика в предложениях-высказываниях с союзом *да* «организуется прежде всего за счёт аксиолого-антонимических и модальных противопоставлений» [Сакулина, 2015, с. 73]. Исходя из этого отсутствие гипотетичности в рассмотренном выше высказывании с союзами *а* и *но*, по-видимому, и делает невозмож-ным функционирование в нём союза *да*.

В связи с этим у союза *да*-противительного мы выделяем только значение ненор-мального следствия. С помощью него могут передаваться:

– неосуществлённые намерения, желания, превратности судьбы: *Бродить я то-же ходил на озеро, да ничё не поймали вчера́сь* (Черн. Магд.); *Я, паря, камнем хурнул, да промазал* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); *Зага́дывала вчера пойти, да не смогла. Сёдни пой-ду в баню* (Н.Буз. Своб.). Амур. (Своб.); *Я поискал штаны, хотел облокчись, да не нашёл* (Уш. Шим.); *Добрая девка выросла, да только судьба не слóжилась* (Благовещ.). Амур. (Благ.); *Она рабóча была, да вот пила* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.); *Замуж вышла, да не пожилось ей* (Н.-Андр. Бел.);

– что-либо мешающее (противодействующее) осуществлению того или иного на-мерения, пониманию, восприятию чего-либо:

Козлы-то дики кричат, я думаю, тигра кричит, да это гуран ревет. (Пашк. Об-луч.); *Собираемся все в поле, да если хма́ра на у́лке, то посля́* (Лерм. Тамб.); *Медовуха пьётся хорошо, да пьянеешь быстро* (Н.-Андр. Благ.). Амур. (Бел. Благ.). Хаб. (Бик. Окт.); *Я бы лапшу сготовила, да мёсюшко не получатся, мука плоха* (Черн. Магд.).

Амур. (Магд.); *Гостевать хорошо, да домой надо* (Черн. Магд.). Амур. (Благ. Магд.); *Уж у нас его просили, и мы решили отдать его в дети, да жалко стало* (Черн. Магд.); *Из Амура воду для полёвки бы можно таскать, да некому* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.); *Собрались миски мыть, да отималка куда-то запропастилась* (Райчх.); *Тут ешишó подскальник должен быть, ко́ло колёсика, да потеряла* (Марк. Благ.). Амур. (Благ.); *Нонче можно всё купить, и краску тоже, да денег нет* (Серг. Благ.); *Я помню эту песню, да она нехорóша, сорóмишина* (Н.-Вскр. Шим.) и т. д.

Союз *да* может вводить новую ситуацию, не вытекающую из пресуппозиции, что тоже является показателем ненормального следствия:

Она была здесь, намалярила меня, правда сбоку, и коня моего хотела малярить, да уехала (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); *Здесь, на этом месте, тоже жили, да укочевали на другой двор* (Н.-Андр. Бел.); *Из бани шла, да заслепи́ли, тёмная стала* (Н.-Андр. Благ.); *Чё бояться их, коломенных, сбежали, да куды́ они убегут?* (Джл. Скв.); *Вёшно сеяли, да еще холодно было* (Черн. Магд.). Амур. (Магд.); *Хорошенькая была девочка, да к ей молоденская пристала* (Н.-Андр. Бел.).

На основе рассмотренных контекстов союз *да* представляется самым ирреальным по семантике в сравнении с союзами *а* и *но*.

4. Заключение [Conclusion]

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам. В русских говорах Приамурья представлены многочисленные контексты высказываний с противительными союзами *а*, *но*, *да* (=но), которые можно разграничить на две основные семантические группы: нормального и ненормального следствия, а они разбиваются на различные модально-экспрессивные подгруппы. Каждый из рассматриваемых союзов представлен в них на своих семантико-синтаксических основаниях. У союза *а* возможны реализации на всех участках противительной семантики. В свою очередь, у союза *но* в ситуации нормального следствия не выявлена семантика пояснения-тождества, а у союза *да* отсутствует семантика нормального следствия как таковая. Это обусловлено разными знаковыми сущностями данных средств синтаксической связи.

Содержательная часть высказываний с союзами *а*, *но*, *да* отражает повседневные реалии жизни и быта носителей говоров. В высказываниях фигурируют предметы быта, орудия труда, снасти, представители флоры и фауны, состояния человека и окружающей среды. Всё это пропускается говорящим через его представления о назначении и свойствах данных реалий. Эти представления могут отображать как объективное положение вещей и состояние дел, так и гипотетическое, выражающее невозможность осуществления чего-либо в силу различных обстоятельств, в том числе и неодолимой силы.

Отметим, что описание высказываний с противительными союзами *а*, *но*, *да* с опорой на коммуникативно-прагматический подход на материале русских говоров Приамурья представлено в русистике впервые. Полученные результаты расширяют наши представления не только о данных союзах, но и о языковой картине мира носителей говоров, преломленной через семантику противительности. Кроме того, в научную практику введено понятие нормального следствия для союзов *но* и *да*, рассматриваемого исследователями ранее только применительно к семантике союза *и*, а также выявлен ряд частных его реализаций: пояснение-тождество, пояснение-уточнение, пояснение-описание. Полученные данные могут быть полезны для общего изучения антропологии диалектной речи. Перспектива данного исследования состоит в расширении списка противительных средств синтаксической связи, требующих описания. Это союзы *однако* и *зато*, а также различные ограничительные и акцентирующие частицы с противительной семантикой (*только*, *лишь* и др.).

Библиографический список

- Берестенникова, 1972 – Берестенникова Т. Н. Случаи двойного и тройного подчинения в системе изъяснительных сложноподчиненных предложений ангаро-ленских говоров // Ангаро-ленские говоры. Иркутск : ИГПИ, 1972. С. 67–73.
- Боброва, Колосько, 2021 – Боброва М. В., Колосько Е. В. Союз чѣ в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2021. № 15. С. 68–79.
- Вендина, 2017 – Вендина Т. И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского гос. ун-та. 2017. Т. 23. Специальный выпуск. С. 44–49.
- Вендина, 2020 – Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М. ; СПб. Нестор-История, 2020. 684 с.
- Галуза, 2013 – Галуза О. Ю. Диалектная лексикография Приамурья: становление и современное состояние // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 41–47.
- Голубева, 2004 – Голубева Н. Л. Частицы и союзы харовского говора // Проблемы современной русской диалектологии : тез. докл. междунаро. конф. 23–25 марта 2004 г. / отв. ред. Касаткин. М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. С. 38–40.
- Гольдин, 1997 – Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. ; СГУ. Саратов, 1997. 52 с.
- Гусева, 2009 – Гусева Е. Р. Союзы севернорусских говоров (состав, семантика, структура) : дис. ... канд. филол. наук. ; ПГУ. Петрозаводск, 2009. 267 с.
- Демешкина, 2000 – Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2000. 186 с.
- Доля, 1967 – Доля Т. Г. Синтаксис простого предложения в говорах Заонежья Карельской АССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук ; ЛГУ. Л., 1967. 26 с.
- Зелепукина, 1965 – Зелепукина Л. А. Синтаксические особенности севернорусских говоров Сосновоборского района Пензенской области // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев : КГПИ, 1965. С. 102–119.
- Кирпикова, 2004 – Кирпикова Л. В. К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья : сб. статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск : БГПУ, 2004. С. 9–19.
- Кузьмина, 1993 – Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М. : Наука, 1993. 223 с.
- Лосева, 1961 – Лосева Л. М. Синтаксические особенности русских народных говоров. Черновцы : ЧГУ, 1961. 63 с.
- Милованова, 2021 – Милованова М. С. Семантика противительности: Опыт структурно-семантического анализа. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2021. 348 с.
- Никитина, Пожарицкая, 1993 – Никитина Е. Н., Пожарицкая С. К. Служебные слова в просодической организации диалектного текста // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М. : МГУ, 1993. С. 156–166.
- Николаева, 1997 – Николаева Т. М. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1997. С. 3–24.
- Оглезнева, 2003 – Оглезнева Е. А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Материалы Региональной науч.-практ. конф. «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск : БГПУ, 2003. С. 107–110.
- Оглезнева, 2005 – Оглезнева Е. А. Русские говоры Приамурья: опыт лингвогеографического изучения // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2005. Вып. 5. С. 170–176.
- Петрунина, 2008 – Петрунина С. П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций): дис. ... докт. филол. наук. Томск : ТГУ, 2008. 372 с.
- Попова, 2019 – Попова Э. Н. Роль севернорусских говоров в формировании союзов условного значения в коми-зырянских диалектах // Бюллетень Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2019. Т. 29, № 5. С. 739–744. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-5-739-744>
- Преображенская, 1985 – Преображенская М. Н. Служебное слово дак в севернорусских говорах // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию акад. В. И. Борковского. М. : Наука, 1985. С. 65–72.

- Приходько, 2022 – Приходько В. К. Эмотивный фонд русских говоров Приамурья : дис. ... д-ра филол. наук ; МПГУ. М, 2022. 402 с.
- Прияткина, 2019 – Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2019. 180 с.
- РГП, 2011 – Русские говоры Приамурья / под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск : ДВГУ, 2011. 204 с.
- Рыко, 2018 – Рыко А. И. Вопросительная частица vs. разделительный союз: ТИ в говорах русско-белорусского пограничья // Севернорусские говоры. 2018. № 17. С. 184–204. <https://doi.org/10.30842/01348515201811>
- Сакулина, 2015 – Сакулина Е. А. Условия формирования противительной семантики в однородных рядах с союзом да // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней : сб. науч. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф. (г. Иваново, 6–8 мая 2015 г.) / отв. ред. И. А. Сотова. Иваново : ИГУ, 2015. С. 68–73.
- Санников, 2008 – Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М. : Языки славянских культур, 2008. 624 с.
- Сигал, 2022 – Сигал К. Я. Аксиология в синтаксических структурах // Общая и русская лингвоаксиология / отв. ред. М. С. Милованова. М. – Ярославль : Канцлер, 2022. С. 91–148.
- Собинникова, 1958 – Собинникова В. И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремячского района Воронежской области). Воронеж : ВГУ, 1958. 173 с.
- СРГП, 1983 – Словарь русских говоров Приамурья / Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. М. : Наука, 1983. 341 с.
- СРГП, 2007 – Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин и др. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск : БГПУ, 2007. 544 с.
- СРГП, 2007 э – Словарь русских говоров Приамурья : [Электронный ресурс] / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск : БГПУ, 2007. 528 с. URL : <https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpzga7BDSJQ/> (дата обращения : 25.01.2024).
- Стародумова, 2023 – Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка. М. : ФЛИНТА, 2023. 260 с.
- Чурсина, 1974 – Чурсина Т. И. Изяснительные и присубстантивные сложноподчиненные предложения в ангаро-ленских говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск : НГУ, 1974. 23 с.
- Шапиро, 1953 – Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М. : АН СССР, 1953. 318 с.
- Шереметьева, 2023 – Шереметьева Е. С. Аксиологическая специфика градиционно-присоединительных союзов с базовым компонентом «да» // Русский язык за рубежом. 2023. № 2 (297). С. 39–44. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.297.2.008>

References

- Berestennikova, T. N. (1972). Sluchai dvoynogo i troynogo podchineniya v sisteme izyasnitel'nykh slozhnopodchinennykh predlozheniy angaro-lenskikh govorov [Double and triple subordination in the system of complement clauses in Angara-Lena local accents]. *Angaro-lenskie govory [Angara-Lena local accents]* (pp. 67–73). Irkutsk : IGPI Press. (In Russ.).
- Bobrova, M. V., Kolosko, E. V. (2021). Soyuz chyо v russkikh narodnykh govorakh [Conjunction chyо in Russian folk dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]*, 15, 68–79. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2017). Dialektnoe slovo: vchera, segodnya, zavtra [A dialect word – yesterday, today and tomorrow]. *Vestnik Kostrom. gos. un-ta [Vestnik of Kostroma State University]*, 23 (S), 44–49. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2020). *Antropologiya dialektного slova [Anthropology of dialect word]*. Moscow ; St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Galuza, O. Yu. (2013). Dialektnaya leksikografiya Priamur'ya: stanov-lenie i sovremennoe sostoyanie [Dialect lexicography of the Amur Region: Formation and present condition]. *Voprosy leksikografii [Journal of Lexicography]*, 2 (4), 41–47. (In Russ.).
- Golubeva, N. L. (2004). Chastitsy i soyuzy kharovskogo govora [Particles and conjunctions of the Kharovsky local accent]. *Problemy sovremennoy russkoy dialektologii [Issues in modern Russian dialect studies]* (pp. 38–40). Moscow : The V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS. (In Russ.).

- Gol'din, V. E. (1997). *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii [Theoretical issues of communicative dialectology]* : Doctoral in Philological sci. diss. ; Saratov State University. (In Russ.).
- Guseva, E. R. (2009). *Soyuzy severnorusskikh govorov (sostav, semantika, struktura) [Conjunctions in Northern Russian local accents (Listing, semantics, structure)]* : PhD in Philological sci. diss. ; Petrozavodsk State University. Petrozavodsk. (In Russ.).
- Demeshkina, T. A. (2000). *Teoriya dialektogo vyskazyvaniya: aspekty semantiki [The theory of a dialect utterance (Semantic aspects)]*. Tomsk : Tomsk University Press. (In Russ.).
- Dolya, T. G. (1967). *Sintaksis prostogo predlozheniya v govorakh Zaonezh'ya Karel'skoy ASSR [Syntax of a simple sentence in the local accents of the Trans-Volga Region, Karelia]*: PhD in Philological sci. diss. ; Leningrad State University. Leningrad. (In Russ.).
- Zelepukina, L. A. (1965). Sintaksicheskie osobennosti severnorusskikh govorov Sosnovoborskogo rayona Penzenskoy oblasti [Syntactic features of Northern Russian local accents of Sosnovoborskiy area in Penza Region]. *Voprosy russkoy dialektologii [Issues in Russian dialect studies]* (pp. 102–119). Kuybyshev : Kuybyshev State Pedagogical Institute Press. (In Russ.).
- Kirpikova, L. V. (2004). K istorii formirovaniya russkikh govorov Priamur'ya [On the history of the Amur Region local accents development]. *Narodnoe slovo Priamur'ya: sb. st., posvyashchennyi 20-letiyu publikatsii «Slovary russkikh govorov Priamur'ya» [Folk word of the Amur Region: A collection of papers devoted to the 20th anniversary of “The dictionary of the Amur Region local accents of Russian”]* (pp. 9–19). Blagoveshchensk : BSPU Press. (In Russ.).
- Kuz'mina, I. B. (1993). *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte [The syntax of Russian local accents: Linguistic geography]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Loseva, L. M. (1961). *Sintaksicheskie osobennosti russkikh narodnykh govorov [Syntactic features of Russian local accents]*. Chernivtsi : Chernivtsi National University Press. (In Russ.).
- Milovanova, M. S. (2021). *Semantika protivitel'nosti: Opyt strukturno-semanticheskogo analiza [The semantics of contrast: The experience of structural and semantic analysis]*. 3d edn. Moscow : FLINTA Press. (In Russ.).
- Nikitina, E. H., Pozharitskaya, S. K. (1993). Sluzhebnye slova v prosodicheskoy organizatsii dialektogo teksta [Functional words in prosodic arrangement of a dialect text]. *Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniiyu [Studies in the history of Slavic languages]* (pp. 156–166). Moscow : Lomonosov Moscow State University Press. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1997). Sochinitel'nye soyuzy A, NO, I: istoriya, skhodstva i razlichiya [Coordinating conjunctions A, NO, I: History, similarities and differences]. *Slavyanskije sochinitel'nye soyuzy [Slavic coordinating conjunctions]* (pp. 3–24). Moscow : Institute for Slavonic and Balkan Studies Press. (In Russ.).
- Oglezneva, E. A. (2003). Sovremennye russkie govory Priamur'ya kak rezul'tat mezhdialektnogo vzaimodeystviya [Modern Russian accents of the Amur Region as a result of cross-dialect interaction]. *Materialy Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Priamur'e ot pervoprophoditsev do nashikh dnei» [A collection. Priamurye. From the pioneers to our days: Proc. of the regional scientific-practical conference dedicated to the 360-year anniversary of March of V. D. Poyarkov and the 150th anniversary of the first Muraviev rafting on Amur (People, events, facts), October 23–24 2003]* (pp. 107–110). Blagoveshchensk : BSPU Press. (In Russ.).
- Oglezneva, E. A. (2005). Russkie govory Priamur'ya: opyt lingvogeograficheskogo izucheniya [Russian accents of the Amur Region: Linguistic geography approach]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh [Word: Folklore-Dialect Almanac]*, 5, 170–176. (In Russ.).
- Petrulina, S. P. (2008). *Grammatika govoryashchego i slushayushchego v sibirskikh govorakh (na materiale parnykh konstruksiy) [The grammar of the speaker and the listeners in Siberian local accents (Based on paired patterns)]*: Doctoral in Philological sci. diss. ; Tomsk State University. (In Russ.).
- Popova, E. N. (2019). Popova Rol' severnorusskikh govorov v formirovanii soyuzov uslovnogo znacheniya v komi-zyryanskikh dialektakh [The role of the Northern Russian dialects in the formation of conditional conjunctions in the Komi-Zyryan dialects]. *Byulleten' Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]*, 29 (5), 739–744. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-5-739-7>
- Preobrazhenskaya, M. N. (1985). Sluzhebnoe slovo dak v severnorusskikh govorakh [Functional word dak on Northern Russian local accents]. *Vostochnye slavyane. Yazyki. Istoriya. Kul'tura. K 85-letiyu*

- akad. V.I. Borkovskogo [Eastern Slavic people. Languages. History. Culture. To the 85th anniversary of Academician V. I. Borkovskiy]* (pp. 65–72). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Prihod'ko, V. K. (2022). *Emotivnyy fond russkikh govorov Priamur'ya [Emotive fund of Russian local accents of the Amur Region]* : Doctoral in Philological sci. diss. ; Moscow Pedagogical State University. Moscow. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. (2019). *Russkiy yazyk: sintaksis oslozhnennogo predlozheniya [The Russian language: Syntax of expanded sentence]*. 2nd edn. Moscow : FLINTA Press.
- Sadchenko, V. T. (Ed.). (2011). *Russkie govory Priamur'ya (RGP) [Russian accents of the Amur Region]*. Khabarovsk : Pacific National University Press. (In Russ.).
- Ryko, A. I. (2018). Voprositel'naya chastitsa vs. razdelitel'nyy soyuz: Ti v govorakh russko-beloruskogo pogranich'ya [Interrogative particle vs. separative conjunction: TI in the dialects of the Russian-Belarusian border region]. *Severnorusskie govory [Northern Russian Dialects]*, 17, 184–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/01348515201811>
- Sakulina, E. A. (2015). Usloviya formirovaniya protivitel'noy semantiki v odnorodnykh ryadakh s soyuzom da [Conditions for contrastive semantics in homogeneous parts of the sentence with the conjunction da]. *Semantika i funkcionirovanie yazykovykh edinits raznykh urovney [Semantics and functioning patterns of language units belonging to different levels]*: Proc. VIII International conf., Ivanovo, May 6–8, 2015 (pp. 68–73). Ivanovo : Ivanovo State University Press. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Russian syntax in semantic and pragmatic space]*. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).
- Sigal, K. Ya. (2022). Aksiologiya v sintaksicheskikh strukturakh [Axiology in syntactic structures]. In M. S. Milovanova (Ed.), *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya [General and Russian linguistic axiology]* (pp. 91–148). Moscow – Yaroslavl : Kantsler Press. (In Russ.).
- Sobinnikova, V. I. (1958). *Stroenie slozhnogo predlozheniya v narodnykh govorakh (po materialam govorov Gremyachenskogo rayona Voronezhskoy oblasti) [Complex sentence structure in folk dialects (Based on the local accents of Gremyachensk area of the Voronezh Region)]*. Voronezh : Voronezh State University Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (1983). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. 2nd edn, with corrections and addenda. Blagoveshchensk : BSPU Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007 e). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. 2nd edn, with corrections and addenda [Electronic resource]. Blagoveshchensk : BSPU Press. Retrieved January 25, 2024 from <<https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpza7BDSJQ/>>. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. (2023). *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Modern Russian syntax]*. Moscow : FLINTA Press. (In Russ.).
- Chursina, T. I. (1974). *Iz'yasnitel'nye i prisubstantivnye slozhnopodchinennye predlozheniya v angarolenskikh govorakh [Complement and subject-complement clauses in Angara-Lena local accents]*: Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Novosibirsk State University. (In Russ.).
- Shapiro, A. B. (1953). *Ocherki po sintaksisu russkikh narodnykh govorov. Stroenie predlozheniya [Essays in the syntax of Russian local accents. Sentence structure]*. Moscow : Soviet Union Academy of Science Press. (In Russ.).
- Sheremeteva, E. S. (2023). Aksiologicheskaya spetsifika gradatsionno-prisoedinitel'nyh soyuzov s bazovym komponentom «da» [Axiological specifics of Russian gradational and additive conjunctions with the basic component da]. *Russkiy yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]*, 2 (297), 39–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.37632/PI.2023.297.2.008>

УДК 81'367.634

Зарубина Елена Сергеевна, Шереметьева Елена Сергеевна✉

Дальневосточный федеральный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

sheremeteva.es@dvfu.ru

Формирование подчинительных союзов на базе производных предлогов: союз *исходя из того(,) что*

Аннотация

Цель настоящей статьи – на примере одной производной единицы союзного типа продемонстрировать типичный путь грамматикализации подобных единиц и одновременно показать специфику данного процесса у союзов, являющихся отдепричастными дериватами, имеющими ступень производности в виде предлога. Материал исследования получен методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Кроме стандартного описательного метода в ходе работы использовались контекстуальный и количественный методы анализа. В результате установлено, что в конструкциях со служебной единицей *исходя из того(,) что* обнаруживается нарушение обязательного принципа односубъектности, свойственного эталонной деепричастной конструкции. Такое нарушение свидетельствует об отрыве служебной единицы от производящей глагольной формы и о переключении её функций на оформление синтаксических связей и отношений в сложном предложении. Анализ материала показал, что *исходя из того(,) что* специализируется в выполнении только эпистемической функции и потому относится к классу причинно-аргументирующих союзов. Союз *исходя из того(,) что* формирует в сложном предложении отношения вывода-обоснования. Эта функция, а также лексико-семантическое наполнение компонента «вывод» предопределено входящим в его состав производным предлогом.

Ключевые слова: союз, составной союз, причинные предложения, причинно-аргументирующие отношения, служебные слова, грамматикализация

© Зарубина Е. С., Шереметьева Е. С. 2024

Для цитирования: Зарубина Е. С., Шереметьева Е. С. Формирование подчинительных союзов на базе производных предлогов: союз *исходя из того(,) что* // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 42–50.

Elena S. Zarubina, Elena S. Sheremeteva✉

Far East Federal University

Vladivostok, Russian Federation

sheremeteva.es@dvfu.ru

Development of subordinating conjunctions on the basis of derived prepositions: The conjunction *ishkhodya iz togo(,) chto* 'based on the fact that'

Abstract

The aim of this article is to demonstrate a typical way of grammaticalization of the conjunctive type units on the example of a derived unit and, at the same time, to show the specific features of this process in the case of conjunctions derived from the participle and having the preposition as a stage of derivation process. The material was obtained from the Russian National Corpus by continuous sampling. In addition to the standard descriptive method, contextual and quantitative methods of analysis were used. As a result, it was found that patterns with the linking expression *ishkhodya iz togo(,) chto* 'based on the fact that' display the violation of the obligatory

principle of uni-subjectivity inherent in the standard participle pattern. Such a deviation indicates the detachment of the linking expression from the derivational verb stem and the shift of its functions toward forming syntactic connections and relations in the complex sentence. The material analysis has shown that *iskhodya iz togo(,) chto* 'based on the fact that' specializes in performing only epistemic function and, therefore, belongs to the class of causative argumentative conjunctions. In a complex sentence, the conjunction forms the relations of conclusion-justification. This function, as well as the lexical and semantic content of the component “conclusion”, is determined by the derived preposition included in the pattern.

Keywords: conjunction, composite conjunction, causative clauses, causative argumentative relation, functional words, grammaticalization

© Zarubina E. S., Sheremeteva E. S. 2024

For citation: Zarubina, E. S., Sheremeteva, E. S. (2024). Formirovanie podchinitel'nykh soyuzov na baze proizvodnykh predlogov: soyuz *iskhodya iz togo(,) chto* [Development of subordinating conjunctions on the basis of derived prepositions: the conjunction *iskhodya iz togo(,) chto* 'based on the fact that']. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 42–50.

1. Введение [Introduction]

В связи с тем, что состав служебных слов постоянно расширяется за счёт процесса грамматикализации – перехода знаменательных единиц в служебные – интерес к функционированию и структуре таких единиц, в частности союзов, в современной русистике не ослабевает. Одним из путей пополнения класса союзов является образование союзов на базе производных предлогов с обязательным участием простых союзов, выполняющих в таких соединениях роль строевых элементов [Русская грамматика, 1980, с. 717]. Объект настоящего исследования относится именно к подобным союзным образованиям.

Вопросу образования союзов на базе предлогов посвящены работы ряда исследователей. В частности, образование составных союзных скреп при трансформации простого предложения с предложно-падежным сочетанием в сложноподчиненное и смена позиции событийного имени на целую предикативную единицу описаны в работе [Глушченко, 1997]. Механизм деноминализации, т. е. трансформации морфологической формы (или предложно-падежной синтаксемы) в придаточную часть сложноподчинённого предложения обсуждается в работе М. И. Конюшкевич: «в силу системности языка и изоморфизма разных его уровней способность предлога к образованию союзного средства может быть если не универсальной, то свойственной большинству предложных единиц» [Конюшкевич, 2014, с. 21]. В монографии В. Н. Завьялова подобные образования, наряду с другими типами союзов, систематизированы с точки зрения структурной (морфологическая структура союзов) [Завьялов, 2008].

Союз *исходя из того(,) что* зафиксирован в аспектных словарях [Ефремова, 2001 ; Рогожникова, 2003 ; Объяснительный словарь..., 2003 ; Бурцева, 2005], но не отмечен ни в одном из толковых словарей русского языка. В Русской грамматике 1980 он квалифицируется как причинный союз дифференцированного значения [Русская грамматика, 1980, с. 583], однако более подробная информация об этом союзе в Русской грамматике 1980 отсутствует. В работе О. Е. Пекелис, посвящённой причинным союзам, данный союз отнесён к группе книжных и официальных [Пекелис, 2017, с. 58], при этом отмечается слабая степень грамматикализации союза [Там же, с. 65] и в целом он оценивается как один из второстепенных причинных союзов, обладающих семантической специализацией [Там же, с. 118–119].

Причинные предложения указывают на внутреннюю зависимость, обусловленность явлений, о которых сообщается в предложении. В них «выражается прямая реаль-

ная стимулирующая обусловленность широкого плана, включающая не только отношения непосредственной, но и отдалённой обусловленности» [ГСРЛЯ, 1970, с. 710]. Под прямой обусловленностью понимается такое положение, при котором одно явление служит основанием для другого, под реальной – реальность обусловливающего явления, сообщаемого в придаточной части, а под стимулирующей – такие отношения, при которых зависимость направлена от обусловленного к обусловливающему, т. е. от главной предикативной единицы к придаточной.

Различаются предложения с собственно-причинным значением, в которых «придаточная часть сообщает о непосредственной истинной причине того, о чем говорится в главной части», и предложения с несобственно-причинным (причинно-аргументирующим) значением, в которых «ситуация, представленная в придаточной части, является лишь внешним поводом или косвенным свидетельством, используемым как аргумент для умозаключения о том, что сообщается в главной части» [Русская грамматика, 1980, с. 577]. Другими словами, суть сложноподчинённых предложений с не собственно-причинными отношениями заключается в том, что в них отражаются отношения не между двумя фактами (явлениями, событиями), а между явлением, событием, фактом и выводом, который делается на основе их анализа.

Конструкции с несобственно-причинным (причинно-аргументирующим) значением Е. С. Ярыгина квалифицирует как конструкции вывода-обоснования, отношения в которых представляют собой «семантическую модификацию причинно-следственных отношений» [Ярыгина, 2003, с. 13]. Модификация заключается в трансформации семантического компонента «причина» в «вывод», а семантического компонента «следствие» – в «обоснование» [Там же]. Важным признаком таких конструкций является соотношение «пропозициональных единиц» с разными модусами: модусом полагания в компоненте «вывод» и модусом знания или перцепции в компоненте «обоснование» [Там же, с. 14]. В иной терминологии (см., напр., [Пекелис, 2017]) в таких конструкциях союз выполняет эпистимическую функцию.

Ц е л ь настоящей работы – на примере конкретной единицы, не получившей ещё прочного статуса союза, показать процесс развития признаков, позволяющих рассматривать эту единицу как служебную, и выявить специфику данной единицы как союзного средства связи. Поскольку *исходя из того(,) что* в ряде работ уже квалифицируется как союз, мы будем использовать по отношению к данной единице именно этот термин.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методы [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили тексты из основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ. <https://ruscorpora.ru/>) со снятой и неснятой омонимией. Методом сплошной выборки были отобраны все предложения с *исходя из того(,) что*, затем вручную отсортированы предложения с *что* – местоимением, выполняющим функцию союзного слова, и отобраны для последующего анализа все конструкции, в которых *что* в сочетании с *исходя из* является асемантическим союзом. В итоге анализу были подвергнуты 1300 сложных предложений. Были использованы описательный метод, метод контекстуального анализа, а также метод количественного анализа.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ собранного материала показал следующее. Во-первых, со структурной точки зрения союз *исходя из того(,) что* является синтагматическим союзом синтети-

ческого типа, построенным по модели «производный предлог (*исходя из*) + *тот* + *что* в качестве опорного компонента» (см. [Завьялов, 2008, с. 52]).

Проверка возможности разрыва структуры союза вставкой частицы или вводно-модального слова показала, что такая вставка фиксируется менее чем в 1% вхождений, представленных в основном и газетном корпусе НКРЯ. Частицы и вводно-модальные слова занимают позицию после компонента союза *исходя* перед предложно-падежной формой Т-местоимения. В этой позиции зафиксированы частицы *хотя бы* (4 вхождения), *только*, *именно*, *лишь*, *исключительно*, *даже* (по 1 вхождению), а также вводно-модальные слова *видимо*, *наверное*, *например* (по 1 вхождению). Например:

(1) *Матч обещает стать очень интересным, **исходя хотя бы из того, что** играть с представителем премьер-лиги уральцам предстоит впервые в этом году* (Новый регион 2, 2009).

(2) <...> *строить объекты саммита нужно **исходя именно из того, что** в последствии ими будет пользоваться университет* (Vesti.ru, 2008).

(3) ***Исходя, например, из того, что** главный недостаток нынешних молотилок – это частый ремонт, которого они требуют, отец Антонин изобрел свою, не паровую и не сложную, а дешевенькую молотилку <...>* (В. И. Немирович-Данченко. Святые горы, 1880).

Несмотря на незначительное количество таких языковых фактов, возможность разрыва структуры союза может рассматриваться как признак ранней стадии грамматикализации *исходя из того(,) что*. Однако следует отметить, что возможность фокусной частицы оказаться внутри союза зафиксирована даже для союза *в силу того, что*, который обладает высокой степенью грамматикализации:

(4) *Николай Иванович держался того, что следует простить жену **в силу только того, что** муж – истинный христианин* (Н. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. 1930–1935).

Во-вторых, существуют признаки, на основе которых можно говорить об усилении процесса грамматикализации *исходя из того(,) что*. Поскольку базой для формирования союза является производный отглагольный, точнее, отдеепричастный предлог, необходимо рассматривать процесс развития служебной функции на фоне эталонных структур с деепричастием (аналогичный анализ был сделан в [Шереметьева, 2021] для словоформы *следуя*, также проявляющей признаки служебности).

Эталонная конструкция с деепричастием обладает обязательным свойством односубъектности деепричастной формы и спрягаемой формы глагола, при этом в структуре предложения субъект – это грамматическое подлежащее, называющее лицо. Нормативной признаётся и конструкция с деепричастием, в которой, с одной стороны, позицию предикативного ядра занимает безличный предикат с зависимым от него инфинитивом, но, с другой стороны, наблюдается односубъектность действий или состояний, названных деепричастием и компонентами предикативного ядра [Русская грамматика, Т. I, с. 182].

Для предложений с анализируемым союзом характерны обе структуры, соответствующие как эталонной деепричастной конструкции (примеры 3, 9), так и конструкции с безличным предикатом (пример 2). Однако в предложениях с союзом *исходя из того(,) что* обнаруживаются признаки отступления от нормативных структур. Наблюдаются следующие виды разрушений необходимой односубъектности.

А. Разносубъектность, связанная с пропуском модусного компонента:

(5) *Но, **исходя из того, что** в 1703-м Меншиков построил дом на Городовом острове, и только со следующего года – на Васильевском, то, вероятно, последний был подарен Меншикову именно в 1704 году* (Родина, 2011).

Здесь между субъектом, производящим анализ (*исходя из постройки дома*), и грамматическим субъектом предикативного ядра (*последний был подарен*) полностью отсутствует кореференция. – Ср. с восстановленным модусным компонентом, «возвращающим» односубъектность: *Но, исходя из того, что в 1703-м Меншиков построил дом на Городовом острове, и только со следующего года – на Васильевском, то, вероятно, [можно предположить, что] последний был подарен Меншикову именно в 1704 году.*

Аналогичный пропуск модусного компонента можно увидеть и в примере (1). Ср.: [Можно предположить, что] *матч обещает стать очень интересным, исходя хотя бы из того, что играть с представителем премьер-лиги уральцам предстоит впервые в этом году.*

Б. Разносубъектность, связанная с неличным подлежащим:

(6) *Исходя из того, что в ходе анализа остатков модели Р. Солоу обнаружилась их корреляционная связь с показателями Y4 и Y10, возникла необходимость подтверждения количественными методами взаимообусловленности процессов экономического роста и развития информационного общества* (Информационное общество, 2016).

Нарушение эталона в (6) проявляется в том, что с деепричастной формой в составе союза грамматически связано предикативное ядро с неличным подлежащим «необходимость». В (7) обнаруживается аналогичное (6) нарушение эталона – с деепричастной формой в составе союза грамматически связано предикативное ядро с неличным подлежащим «предположение»:

(7) *Они не сомневались в том, что предположение о наличии Чайтры на улице, исходя из того, что он жив и его нет дома, может относиться только к разновидности логического вывода* (История восточной философии, 1998).

Подобные структуры могут рассматриваться как типичный случай нарушения нормы употребления деепричастий. Однако особенность таких предложений заключается в том, что в них наблюдается несоответствие между грамматической разносубъектностью и семантической односубъектностью. Так, в (6) семантические субъекты – носители мыслительного акта, названного союзом *исходя из того, что* – те же самые, что и носители понимания необходимости (*возникла необходимость* – у кого) совершения некоего действия. Эта односубъектность может быть выявлена при исправлении грамматической структуры предложения, например: *мы осознали необходимость*. То же самое обнаруживается и в (7) – носитель мыслительного акта *исходя из того, что* тот же самый, что и делающий предположение.

Подобные языковые факты демонстрируют явное усиление степени грамматикализации анализируемого союза. Ярким примером отрыва союза от своей деепричастной базы является следующий:

(8) *Исходя из того, что в сутолке жизни и практической деятельности люди к 40-45-летнему возрасту забывают многое, чему учились в школе, в С[еверо-] А[мериканских] Штатах возникло движение, вылившееся в повторительные курсы для взрослых* (В. Н. Фигнер. Когда часы жизни остановились, 1922).

И в данном случае можно обнаружить семантическое совпадение субъектов, но для этого грамматическая структура предложения требует существенной перестройки.

Таким образом, можно утверждать, что компонент *исходя* уже не ассоциируется у говорящего с глаголом, с мыслительным действием, а всё сочетание *исходя из того(,) что* воспринимается и используется только как средство обозначения причинно-следственных отношений.

В-третьих, с семантической точки зрения союз *исходя из того(,) что* относится к несобственно-причинным (причинно-аргументирующим) союзам. В сложном предложении он вводит придаточную часть, в которой обосновывается вывод, заключённый в

главной части. Такое значение союза предопределено семантикой его базового компонента – производного предлога *исходя из*, который, в свою очередь, сохраняет структурно-семантическую связь с глаголом *исходить (из чего)* – «Основываться на чем-л., брать что-л. за основу» [Словарь русского языка, 1999, с. 694]. Это свидетельствует о том, что данный союз формирует конструкции, которые определены Е. С. Ярыгиной как конструкции вывода-обоснования.

Однако в отличие от описанных Е. С. Ярыгиной конструкций, в предложениях с союзом *исходя из того(,) что* место компонентов «обоснование» и «вывод» не является строго закреплённым, поскольку местоположение вводимой союзом части сложного предложения жёстко не зафиксировано. Материал показал, что возможна как препозиция, так и постпозиция придаточной части, вводимой союзом, то есть союз строит предложения гибкой структуры (по терминологии Грамматики – 70). Постпозиция (пример 9) придаточного преобладает: 66% против 34% придаточных в препозиции (пример 10).

(9) *Сегодня совершил две поездки по Чарлстону, исходя из того, что еще раз увижу этот город разве что в следующем рождении* (В. А. Рубин. Дневники. Письма, 1980).

(10) *Исходя из того, что леса – общественное достояние, общественным должно быть и управление ими* (Лесное хозяйство, 2004).

Таким образом, между частями сложного предложения, организуемого союзом *исходя из того(,) что*, могут быть как отношения вывода-обоснования (9), так и отношения обоснования – вывода (10).

Ещё одно важное отличие рассматриваемых конструкций заключается в характере обоснования, на основе которого строится умозаключение. По наблюдениям Е. С. Ярыгиной, в основе обоснования в конструкциях вывода-обоснования лежат два модуса: модус знания и модус перцепции (наблюдения) [Ярыгина, 2003, с. 16]. В конструкциях с союзом *исходя из того(,) что* в основе обоснования умозаключения лежит либо знание (все приведённые выше примеры), либо мнение, например:

(11) *Мейербер очень заботился о внешней постановке своих опер, исходя из того, что богатству звуков и содержания для гармоничного и более сильного впечатления должна соответствовать обстановка* (М. А. Давыдова. Джакомо Мейербер, 1891).

На всё количество представленного в НКРЯ материала встретился только один случай, когда базой обоснования явилось наблюдение (тактильное ощущение):

(12) *Под мостом с несомненностью течет река; исходя из того, что ветер дует в левую щеку, можно предположить, что ветер – с моря и, следовательно, возможно, что в городе подтопит подвалы* (Уральская новь, 2000).

В-четвёртых, поскольку семантической базой союза является производный предлог *исходя из*, возникает естественный вопрос о том, что в структуре сложного предложения, кроме семантики, наследуется вместе с предлогом. В [Зарубина, 2023] описана лексико-семантическая сочетаемость производного предлога, в частности, дана классификация глаголов, занимающих позицию левого компонента предложной конструкции. В ходе анализа предложений с союзом *исходя из того(,) что* было установлено, что в главной части сложного предложения, представляющей собой вывод, содержание вывода формируют все 8 основных лексико-семантических типов глаголов, характерных для предложной конструкции:

1) Интеллектуальная деятельность:

(13) *И размышлять по поводу аварий надо, исходя из того, что гарантировать абсолютную безопасность мы не сможем – человечество не сможет* (Наука и жизнь, 2006).

2) Креативная деятельность:

(14) *Исходя из того, что группа многоплановая и многопартийная, она просто должна выработать единый подход <...>* (Независимая газета, 2003).

3) Обмен информацией, передача сообщения:

(15) – *И все это я, от большого ума, рассказывал Нине, **исходя из того, что** между нами не может быть тайн!* (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний, 1995).

4) Познание, изучение:

(16) ***Исходя из того, что** в музыке воплощены ритмы и законы Вселенной, греки искали в ней ключ к познанию мира и человека* («Наука и религия», 2010).

5) Принятие решений, проявление воли субъекта:

(17) *Я быстренько выбрал второй путь, **исходя из того, что** первый никуда от меня не денется* (В. Белоусова. Второй выстрел, 2000).

6) Систематизация фактов действительности:

(18) *Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами <...>, **исходя из того, что** предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность <...>* (Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994).

7) Преобразование объектов:

(19) *Борьба с бюрократизацией Академии должна быть резко усилена и вестись на постоянной основе, **исходя из того, что** именно учёный, а не кто иной, является центральным элементом нашей Академии* (За науку, 2013).

8) Измерение, вычисление:

(20) *Дело в том, что минимальная цена рассчитывалась **исходя из того, что** наценка оптовика и розничного торговца составит максимум по 10%* (Однако, 2009).

В ходе анализа установлены отличия от предположной конструкции: компонент «вывод» может быть представлен глаголами активного действия (пример 21), оценочными предикатами (примеры 1, 22, 23) и глаголами, указывающими на ментальное состояние человека (пример 24), отсутствующими в предположной конструкции:

(21) *На обратном пути Бирюк снова пил. Виски и шампанское, а когда в джипе кончилось, взял какой-то ужасный портвейн в киоске у бензоколонки, **исходя из того, что** такую дешёвку подделывать не станут, и пил портвейн* (О. Некрасова. Платит последний, 2000).

(22) ***Исходя из того, что** недоминантный собеседник склонен перекладывать ответственность на других, уместно дать ему почувствовать, что он сам в состоянии принять решение* (Учебник по обществознанию, 2007).

(23) ***Исходя из того, что** моральная статистика не ограничивается описательной функцией, а позволяет проникнуть в социальные причины преступности и иных правонарушений, бессмысленно включать в сферу моральной статистики все уголовные преступления* (Аргументы и факты, 1987).

(24) *Фрадкис, однако, не унывал, **исходя из того, что** если в самом Свердловске публика зрелищами избалована, то в других городах области от затеи не стоит отказываться* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий, 1995–1999).

Из приведённых выше примеров видно, что для конструкций с союзом *исходя из того(,) что* характерно употребление модальных слов долженствования и возможности. Это типичные контексты для союзов с эпистимической функцией, оформляющих связь между пропозицией в главном предложении и умозаключением (выводом) в придаточном.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование на материале 1300 языковых фактов, представляющих собой сложные предложения, в которых *что* в сочетании с *исходя из* функционирует как асемантический союз, показало, что союз *исходя из того(,) что* в структурном отношении является типичным союзом, возникшим на базе производного предлога. С семантической

точки зрения он входит в группу причинно-аргументирующих союзов и не может формировать собственно причинные отношения. Его эпистимическая функция предопределена семантикой производного предлога, на базе которого сформировался союз.

Поскольку в состав союза входит производный отдеепричастный предлог, употребление союза в контекстах, противоречащих нормативным конструкциям с деепричастием, свидетельствует об активной стадии грамматикализации данного союза. Конструкции, которые строит союз, не отвечают строгим признаками конструкций вывода-обоснования. Это проявляется, во-первых, в гибкой структуре конструкции, без жёсткого закрепления позиций главной части, содержащей вывод, и придаточной части, содержащей обоснование умозаключения. Во-вторых, это выражено в наличии в части «обоснование» только модусов знания или мнения и в отсутствии в этой части перцептивного модуса.

Исследование, представленное в настоящей работе, безусловно, не является завершённым. Существует несколько направлений его развития. В частности, необходимо сопоставительное исследование ряда союзов, аналогичных по семантико-синтаксической функции и совпадающих по типу производного предлога, лежащего в их основе: *исходя из того(,) что, судя по тому(,) что, учитывая (то), что*. Ещё одно направление исследования может быть связано с анализом стилистических возможностей названных союзов.

Библиографический список

- Глуценко, 1997 – Глуценко Т. Н. Образование союзных скреп на базе предлогов результате предикативной номинации : автореф. дис. ... к. филол. наук : 10.02.01 ; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 1997. 18 с.
- ГСРЛЯ, 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. 767 с.
- Завьялов, 2008 – Завьялов В. Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов. Хабаровск : ДВГГУ, 2008. 242 с.
- Зарубина, 2023 – Зарубина Е. С. Сочетаемость отглагольного релятива «исходя из»: левый и правый компоненты // *Litera*. 2023. № 5. С. 277–291. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.5.40692>
- Конюшкевич, 2014 – Конюшкевич М. И. Потенциал предлога для образования союзных средств // *Лужнословенски филолог*. 2014. Т. 70. С. 17–33.
- Объяснительный словарь..., 2003 – Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. М. : Астрель : АСТ, 2003. 421 с.
- Пекелис, 2017 – Пекелис О. Е. Причинные придаточные // *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Вып. 2 : Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 55–131.
- Рогожникова, 2003 – Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М. : Астрель : АСТ, 2003. 420 с.
- Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика. Т. II : Синтаксис / глав. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 709 с.
- Словарь русского языка, 1999 – Словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М. : Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
- Шереметьева, 2021 – Шереметьева Е. С. Словоформа следуя: есть ли движение в сторону служебности? // *Русский синтаксис: от конструкций к функционированию* : сб. материалов Всероссийской науч. конф. с междунар. участием, посвященной 95-летию д-ра филол. наук, проф. Аллы Федоровны Прияткиной / отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток : Изд-во Дальневосточного фед. ун-та, 2021. С. 134–139.
- Ярыгина, 2003 – Ярыгина Е. С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; Московский гос. обл. ун-т. М., 2003. 411 с.

References

- Glushchenko, T. N. (1997). *Obrazovanie soyuznykh skrep na baze predlogov rezul'tate predikativnoy nominatsii* [Formation of conjunction links on the basis of prepositions as a result of predicative nomination]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Voronezh : Voronezh State University. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Zav'yalov, V. N. (2008). *Morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty opisaniya struktury russkikh soyuzov* [Morphological and syntactic aspects of describing the structure of Russian conjunctions]. Khabarovsk : Far Eastern State University of Humanities Press. (In Russ.).
- Zarubina, E. S. (2023). Sochetayemost' otglagol'nogo relyativa «iskhodya iz»: levyy i pravyy komponenty [Combinability of the Verbal Relative «исходя из» (“based on”) Left and Right Components]. *Litera*, 5, 277–291. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.5.40692>
- Konyushkevich, M. I. (2014). Potentsial predloga dlya obrazovaniya soyuznykh sredstv [The preposition potential in formation of conjunctive means]. *Juzhnoslovenski filolog* [South Slovenian Philologist]. V. 70. 17-33. (In Russ.).
- Morkovkin, V. V. (Ed.). (2003). *Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly* [Explanatory dictionary of the Russian language: Structural words: Prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, linking verbs]. Moscow : Astrel' Press : AST Press. (In Russ.).
- Pekelis, O. E. (2017). Prichinnye pridatochnye [Causative clauses]. *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka* [Materials for corpus grammar of the Russian language] (Vol. II: Syntactic patterns and grammatical categories, pp. 55–131). St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Rogozhnikova, R. P. (2003) *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word]. Moscow : Astrel' Press : AST Press. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. II: Syntax. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka* [Russian language dictionary]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow : Russkiy yazyk Press : Poligrafresursy Press. (In Russ.).
- Sheremet'eva, E. S. (2021). Slovoforma sleduya: est' li dvizhenie v storonu sluzhebности? [Word form following: Is there a movement towards functionality?] (pp. 134–139). In E. S. Sheremet'eva, E. A. Starodumova, A. A. Anisova, I. N. Tokarchuk (Eds), *Russkiy sintaksis: ot konstruksiy k funktsionirovaniyu : sb. materialov Vserossiyskoy nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashchennoy 95-letiyu d-ra filol. nauk, prof. Ally Fedorovny Priyatkinoy* [Russian Syntax: From constructions to functioning : Proc. of the All-Russian Scientific Conference with International Participation devoted to the 95th Anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor Alla Fedorovna Priyatkina]. Vladivostok : Far Eastern Federal University Press. (In Russ.).
- Yarygina, E. S. (2003). *Konstruksii vyvoda-obosnovaniya v sintaksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Conclusion-reasoning patterns in the syntactic system of the modern Russian language]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Regional University. (In Russ.).

УДК 81'42

Зубарева Екатерина Олеговна, Шустова Светлана Викторовна✉
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru

Языковая профессиональная карта русскоязычного миграционного дискурса

Аннотация

В последние десятилетия под глобализацией обычно понимают мировые экономические, политические, культурные и экологические взаимосвязи, экспансия на новые инвестиционные рынки и новые источники дешёвой рабочей силы. Действительно, мигранты и переселенцы рассматриваются в первую очередь как рабочая сила, которая может быть как низкоквалифицированной, так и высококвалифицированной. Цель статьи – представить модель профессиональной карты русскоязычного миграционного дискурса на базе Национального корпуса русского языка и корпусной лаборатории Лейпцигского университета. Моделирование профессиональной карты производилось с помощью двух ключевых категорий миграционного дискурса мигрант и миграция. В общей сложности было проанализировано 85325 контекстов. Анализ особенностей вербализации указанных категорий позволил выявить наиболее приоритетные для государства области трудовой деятельности в нашей стране на основе частотности соответствующих контекстов. Полученная языковая профессиональная карта русскоязычного миграционного дискурса, несомненно, демонстрирует важность и необходимость такого контингента как мигранты, которые, несмотря на в целом более низкий уровень образования и квалификации, приносят пользу обществу, а значит заслуживают внимания, толерантного отношения и уважения.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, моделирование, корпусные технологии, языковая профессиональная карта

© Зубарева Е. О., Шустова С. В. 2024

Для цитирования: Зубарева Е. О., Шустова С. В. Языковая профессиональная карта русскоязычного миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 51–59.

Ekaterina O. Zubareva, Svetlana V. Schustova✉
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

The language professional map of the Russian-speaking migration discourse

Abstract

In recent decades, globalization has generally been understood as global economic, political, cultural and environmental interconnections, expansion into new investment markets and new sources of cheap labor. Indeed, migrants and displaced persons are considered, first of all, as a labor force that can be both low-skilled and highly skilled. The article aims to develop the professional map of the Russian-speaking migration discourse on the basis of the Russian National Corpus and the Corpus Laboratory of the University of Leipzig. The professional map is modeled using two key categories of migration discourse: migrant and migration. The total of 85325 contexts were analyzed. The analysis of verbalization patterns of the categories enabled to identify the areas of labor activity most highly prioritized Russia depending on the patterns frequency. The designed linguistic

professional map of the Russian-speaking migration discourse undoubtedly demonstrates the importance and necessity of such a contingent as migrants who, despite their lower level of education and qualifications in general, benefit the society and, therefore, deserve care, tolerant attitude and respect.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, modeling, corpus technologies, language professional map

© Zubareva E. O., Schustova S. V. 2024

For citation: Zubareva, E. O., Schustova, S. V. (2024). Yazykovaya professional'naya karta russkoyazychnogo migratsionnogo diskursa [The language professional map of the Russian-speaking migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 51–59.

1. Введение [Introduction]

В последние десятилетия под глобализацией обычно понимают мировые экономические, политические, культурные и экологические взаимосвязи, экспансию на новые инвестиционные рынки и новые источники дешёвой рабочей силы. Миграция работает как «невидимая рука» экономического роста. Согласно этой точке зрения, миграция снижает безработицу в менее развитых странах, обеспечивая рабочую силу там, где она необходима, соединяя её с капиталом в более экономически динамичных странах [Colic-Piesker, 2017, p. 2]. Действительно, мигранты и переселенцы рассматриваются в первую очередь как рабочая сила, которая может быть как низкоквалифицированной, так и высококвалифицированной. Язык как живой и достоверный материал и инструмент способен помочь исследовать в каких профессиональных сферах востребованы мигранты, какова пропорция низкоквалифицированных и высококвалифицированных иностранных граждан в том или ином государстве.

Целью настоящей статьи является построение модели профессиональной карты русскоязычного миграционного дискурса, который является главным объектом исследования миграционной лингвистики. Миграционная лингвистика как научное направление приобретает всё большую самостоятельность, возрастает количество исследований в данной предметной области [Арекеева, 2023 ; Зубарева, Колотов, 2023 ; Малахова, Шустова, 2023 ; Фомичева, Зармаева, 2023]. Под миграционным дискурсом понимается: форма и единица языкового употребления; упорядоченная последовательность слов или предложений, обладающих собственной структурой, выражающая согласованные последовательности локальных и глобальных значений; форма общения; мультимодальное сообщение (устное, письменное, изображения, звуки, музыка, жесты); особое социальное взаимодействие (доминирование или сопротивление, научная коммуникация); культурный феномен; экономический товар или ресурс (он может быть куплен или продан, например, в виде газеты или книги); особая форма власти (политическая пропаганда, дебаты); общая философская или политическая система; класс дискурсов, связанных с социальным контекстом [Gee, 1999 ; Van Dijk, 1980]. Миграционный дискурс исследуется на материале разных языков: русский, английский, испанский, немецкий, французский [Мукомель, 2005 ; Нестерова, Бурова, 2016 ; Новиков, 2021 ; Афанасьева, 2023], что подтверждает актуальность данного исследования.

2. Модель профессиональной карты русскоязычного миграционного дискурса [The model of language professional map of the Russian-speaking migration discourse]

В статье исследуется профессиональная карта русскоязычного миграционного дискурса на базе Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и корпусной лаборатор-

рии Лейпцигского университета [КЛ]. Моделирование профессиональной карты осуществляется с помощью двух ключевых категорий миграционного дискурса – мигрант и миграция. Методика исследования заключается в том, что в корпусе анализировались контексты на каждую лемму в отдельности. Уточним, что для исследования используются два подкорпуса из Национального корпуса русского языка, основной и газетный, всего проанализировано 16105 контекстов на лемму миграция, 40838 контекстов – мигрант. В корпусе русского языка лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета проанализировано 19961 контекст на лексему миграция, 8421 контекст – мигрант. В данном корпусе анализировались формы как единственного, так и множественного числа по отдельности. Во внимание принимались только контексты, связанные с миграцией населения. В общей сложности проанализировано 85325 контекстов.

В результате анализа материала и его систематизации получены данные, охватывающие все возможные профессиональные сферы. Условно полученные контексты можно разделить на две группы: «Низкоквалифицированная рабочая сила» и «Высококвалифицированная рабочая сила». Внутри каждой группы прослеживается более дробное деление.

2.1. Группа 1: низкоквалифицированная рабочая сила [Group 1: Low-qualified labor]

Общее количество контекстов в первой группе составило 16165. Главный смысл контекстов данной группы – «Низкоквалифицированная рабочая сила» – прямо (либо косвенно) вербализуется выражением «грязная/примитивная работа за небольшие деньги». При этом может указываться конкретная сумма заработной платы и может подчёркиваться нежелание коренных жителей выполнять подобную работу за столь малые деньги. Нередко указывается на нелегальность и, как следствие, отсутствие нормальных условий труда, медицинского страхования и т. п. Например:

Вряд ли россияне кинутся выполнять грязную работу, которую делали трудовые мигранты [Гусева А. Быть безработным не стыдно // Труд-7, 2009, НКРЯ]; Не все понимают, что мигранты делают ту работу, которой коренные жители заниматься не будут [Прокремлевское молодежное движение потребовало выслать гастарбайтеров из РФ // Lenta.ru, 2008, НКРЯ]; Рабочие места занимают в основном мигранты, которые могут выполнять лишь самую примитивную работу [А. Сидоров. И не то, чтобы «да»... // Труд-7, 2005, НКРЯ]; Кучи мусора на улице, брошенный общественный транспорт, замороженные стройки и закрытые рынки, потому что здесь за небольшие деньги работали мигранты [А. Зюзев. Правительство легализует 1.000.000 гастарбайтеров // Комсомольская правда, 2005, НКРЯ]; Средняя зарплата мигранта на Южном Урале составляет от 4 до 6 тысяч [А. Александрова. В Челябинской области проходит акция «Нелегальный мигрант» // Новый регион 2, 2009, НКРЯ].

Подгруппы довольно многообразны и включают социальную сферу обслуживания, которая имеет довольно сложную структуру, и сферы производства, сельского хозяйства и строительства.

1.1. Социальная сфера обслуживания (9410)

1.1.1. Домашний персонал (1723): *До этого дворники, няни, домработницы и садовники-мигранты законодательством учтены не были, и, по сути, являлись нелегалами [Квалифицированным мигрантам упростят въезд в Россию // Vesti.ru, 2010, НКРЯ]; Администрациям районов будет рекомендовано публиковать в местных газетах реальные истории о простых мигрантах – дворниках, строителях, сантехниках, чтобы сформировать положительный собирательный образ [Власти Санкт-Петербурга позаботятся о положительном образе мигрантов // Известия, 2015, НКРЯ].*

1.1.2. Сфера жилищно-коммунальных услуг (842): *Мигранты начали покидать тюменские стройки массово, тогда как сферу ЖКХ – лишь единицы [В. Егоров. Мигранты покидают тюменские стройки // Комсомольская правда, 2009, НКРЯ]; Каково же было мое удивление, когда я вышла на улицу и там стояла бригада мигрантов и убирала сосульки с того же университета [Что будет, если роботы заменят людей // РБК, 2017, НКРЯ]; Нелегальные мигранты-дворники быстро станут миллионерами и уедут жить на Лазурный Берег, перестав раздражать патриотически настроенную общественность [Д. Соколов-Митрич. Свиньи в алмазах // Известия, 2009, НКРЯ]; Приезжая, они, как и большинство мигрантов сегодня, становились дворниками, или, если говорить сегодняшним языком, шли на работу в систему ЖКХ [КЛ].*

1.1.3. Сфера транспортных услуг (4622): *Занятия с первой группой мигрантов – водителями маршрутных такси – начнутся уже через неделю [Вахрушева Д. В Санкт-Петербурге гастарбайтеров будут учить русскому языку в вечерней школе // Труд-7, 2009, НКРЯ]; Если мигрант работает дальнобойщиком, то очевидно, что патент должен иметь действие и на территории РФ [КЛ]; Госдума сейчас думает о том, чтобы запретить мигрантам работать водителями [Код ксенофоба // Новая газета, 2018, НКРЯ]; Депутат согласился с коллегами, что зачастую, когда садишься в такси, водители-мигранты не понимают клиента и не могут даже правильно назвать улицу [Гражданам Киргизии не придется получать российские водительские права // Парламентская газета, 2017, НКРЯ].*

1.1.4. Сфера дорожных работ (1265): *Трудовой мигрант, дорожный рабочий: – На больничные наша бригада не ходит [КЛ].*

1.1.5. Торговая и коммерческая сфера (759): *По общему мнению, начальство все равно пустит на рынок мигрантов с «Черкизона», а торговцам-москвичам придется покинуть свои насиженные места [Бунт торговцев // Труд-7, 2009, НКРЯ]; Причиной конфликта послужило то, что сотрудники службы охраны торгового центра побили грузчика, трудового мигранта», – пояснил источник [У ТЦ «Москва» пресечена массовая стычка охраны с гастарбайтерами // Ведомости, 2017, НКРЯ]; У нас рынок немаленький, а мигрант – один, и тот кофе продает [Иностранцы уйдут, а цены вырастут? // Комсомольская правда, 2007, НКРЯ]; За это время вокруг рынка, где торгуют преимущественно выходцы из азиатских стран, вырос настоящий микрорайон, а на смену первым мигрантам-торговцам пришли уже их дети – прекрасно говорящие по-русски, граждане России [Ростов опять горит // Новая газета, 2017, НКРЯ].*

1.1.6. Сфера общественного питания (113): *По словам местных жителей, ресторан, где работал повар-мигрант, находится по соседству со школой №5 и парком [Е. Таскина. В уральском поселке повар ресторана <...> // Новый регион 2, 2009, НКРЯ]; «Бабушкины» соленья производят нелегальные мигранты в гаражах [КЛ]; В пекарне на территории Апраксина двора работал мигрант, больной туберкулезом легких [КЛ]; В Подмоскovie полицейские задержали 19 мигрантов, которые работали в цеху по производству заготовок для шаурмы [В Москве нашли только один ларек с безопасной шаурмой // lenta.ru, 2019, НКРЯ]; Рядом выпекают лепешки, которые мигранты-нелегалы продают у метро [В гаражах в районе Вешняки обнаружен стихийный продуктовый склад // Vesti.ru, 2016, НКРЯ].*

1.1.7. Похоронная служба (62): *В то же самое время есть подтверждения и тому, что Чабуев несколько лет безуспешно писал обращения в различные инстанции по вопросу незаконной работы мигрантов на кладбище, но реакции не последовало [Адвокаты Юрия Чабуева усомнились в выводах следствия по «Хованскому делу» // lenta.ru, 2018, НКРЯ]; К слову, мэр Риги предложил привлечь мигрантов к уборке парков и кладбищ, а также к простейшим техническим работам [В. Веретенников. Не приходи-те в мой дом // lenta.ru, 2016, НКРЯ].*

1.1.8. Индустрия красоты (15): *По приезде мигрантам обещают работу в парикмахерском салоне в Лондоне, зарплату в размере 1, 5 тысячи фунтов стерлингов (128 тысяч рублей) и покрытие расходов на проживание [Россию заподозрили в нелегальной транспортировке граждан Вьетнама // lenta.ru, 2019, НКРЯ].*

1.1.9. Охранные услуги (9): *Губернатор Сахалинской области предложил запретить трудоустройство иностранных мигрантов в охранные агентства и на автостоянки [Сахалин предложили закрыть для мигрантов-охранников // lenta.ru, 2017, НКРЯ].*

1.2. Работа на производстве (заводы и фабрики) (3049): *Например, завод «Гусь-Хрустальный» приглашает на работу мигрантов, предоставляет им квартиры [Шипилова Е. Гастарбайтеры всерьез и надолго // Труд-7, 2008, НКРЯ]; Всегда приезжали сюда мигранты на заводы работать [Дети мигрантов как вызов и ресурс // Vesti.ru, 2009, НКРЯ]; В Московской области полиция задержала 240 нелегальных мигрантов из Юго-Восточной Азии, обнаружив восемь подпольных цехов по производству одежды известных марок. [Раздел «Общество» // gazeta.ru, 2016, НКРЯ]; У нас есть большие подпольные фабрики, скопления проживания мигрантов, про которые не знают силовые структуры [Беби-боксам быть, – считает сенатор Вадим Тюльпанов // Парламентская газета, 2016, НКРЯ].*

1.3. Сельское хозяйство (955): *По его словам, в основном трудовые мигранты заняты в сельском хозяйстве и строительстве [УФМС готова выдать 10 тыс. трудовых патентов иностранцам // Коммерсант, 2010, НКРЯ]; Причем зачастую мигранты используют для выращивания овощей запрещенные в России пестициды и стимуляторы роста растений [А. Арефьева. Огурец с китайским акцентом // Известия, 2009, НКРЯ]; Спасти ситуацию могут мигранты – их нужно привлекать не в большие города, а в регионы – заниматься сельским хозяйством. [Минсельхоз поможет легкой промышленности найти сырье // Известия, 2017, НКРЯ].*

1.4. Строительство (2751): *Трудовые мигранты уехали с замороженных строек, и самолеты из Душанбе, Ташкента и Бишкека опустели [Вахрушева Д. Из-за кризиса летчики летают вхолостую и теряют в зарплате // Труд-7, 2009, НКРЯ]; Ещё одна сфера, где широко представлены трудовые мигранты – строительная [Эпидемия выгнала мигрантов из России // Парламентская газета, 2020, НКРЯ]; Ранее заместитель мэра Москвы рассказал, что в столице сохраняется проблема с недостатком строителей-мигрантов [КЛ]; Если кем-то, пусть даже простым гражданином, желающим поменять плитку в ванной, будет нанят мигрант, не имевший разрешения на работу, то такому гражданину полагается штраф до 2,5 тысячи рублей [КЛ]; В ходе чего к строительным работам в терминале аэропорта Храброво привлекались нелегальные трудовые мигранты, сообщает ИА FlashNord. [Труд нелегальных мигрантов использовали подрядчики аэропорта Храброво // Известия, 2017, НКРЯ].*

Больше всего контекстов было распределено по таким частям подгруппы «социальная сфера обслуживания», как «транспортные услуги», «домашний персонал», а также в подгруппы «дорожные работы», «работа на производстве», «строительство».

2.2. Группа 2: высококвалифицированная рабочая сила [Group 1: High-qualified labor]

Общее количество контекстов второй группы составило 2486. Главный смысл контекстов второй группы – «Высококвалифицированная рабочая сила» – стремление к совершенствованию и профессиональному росту, которое можно реализовать в стране-реципиенте и при этом рассчитывать на более высокую заработную плату. Например:

Мигранты настаивали, что они сварщики высокой квалификации [С. Булгарин. «Гастарбайтерский скандал» привел к прокурорской проверке в Екатеринбургской

епархии // *Новый регион 2*, 2009, НКРЯ]; В большей степени, если брать другие страны, временная миграция иностранных работников представлена работниками высокой квалификации [КЛ]; В последнее время миграция специалистов все меньше связана с возможностью улучшения финансового положения и объясняется желанием совершенствования и профессионального роста [КЛ]; Причина все та же – слишком активная миграция мастеров в другие города страны [КЛ]; Я могу назвать массу примеров миграции даже высококвалифицированных рабочих [Трудовые ресурсы и социальная политика // «Отечественные записки», 2003, НКРЯ].

Группировка связана со значительно более престижными и часто более высокооплачиваемыми сферами – от медицины до политики. Имеющиеся контексты не позволили произвести более дробное деление, как это было сделано для подгруппы «Социальная сфера обслуживания». Внутри данной группы было выделено 9 подгрупп.

2.1. Медицина (34): *Надо людям помогать, поэтому я выбрала эту профессию, – рассказывает Гаухар Бобошера. Пока врачами мигранты становятся нечасто. В основном трудятся разнорабочими [Москве нужны мигранты // Vesti.ru, 2008, НКРЯ]; К сожалению, идет миграция хорошо подготовленных медицинских работников в страны, где им предлагается гораздо более высокая оплата за их труд [КЛ]; Насколько характерна миграция медиков для Беларуси и не останемся ли мы через несколько лет без квалифицированной медицинской помощи? [КЛ].*

2.2. Искусство (театр и кино) (23): *Акция австрийских ультраправых закончилась потасовкой на сцене с актерами-мигрантами [КЛ]; Есть ли миграция фотографов из одной области в другую? [КЛ]; В предыдущие десятилетия миграция режиссеров и актеров из Керчи в Вологду и из Вологды в Керчь имела какой-то творческий смысл [Кому мне открыться сегодня? // «Экран и сцена», 2004, НКРЯ].*

2.3. Инженерия (11): *Этому способствует также трудовая миграция внутри международных корпораций, прежде всего перемещение высококвалифицированных инженерно-технических работников и менеджеров [КЛ].*

2.4. Наука и образование (32): *В результате – миграция наиболее активной части научных кадров в бизнес и за рубеж [КЛ]; Массовая миграция врачей, учителей и научных сотрудников туда, где бюджет погуще? [Б. Вишневский. Правительство отказалось отвечать за народ (2003) // «Новая газета», 2003, НКРЯ]; Одной из приоритетных задач российских властей могло бы стать всяческое облегчение миграции в нашу страну молодых ученых и специалистов из стран «третьего мира» и стран СНГ для работы в академических и научно-исследовательских учреждениях [А. Волков. В ожидании средних веков? // «Знание - сила», 2006, НКРЯ].*

2.5. Спорт (889): *Начавшаяся тогда массовая миграция ведущих спортсменов и тренеров за границу во всей красе дала о себе знать на Олимпиаде в Пекине [КЛ]; С другой стороны, миграция спортсменов – это уже распространенная мировая практика [КЛ]; Миграция спортсменов стала такой же нормой, как и миграция строителей, ученых и людей других профессий [КЛ]; Очень скоро сборные из разных стран начали обыгрывать американскую Dream Team, и миграция баскетболистов между НБА и европейскими клубами усилилась в несколько раз [КЛ].*

2.6. Банковское дело (16): *Поэтому с середины 1999 года, когда посткризисные волнения улеглись, началась миграция банковских специалистов, некоторые из которых за 3 года поменяли от 3 до 6 мест работы [А. Каледина. Бизнес на «Звездах» // «Известия», 2001, НКРЯ].*

2.7. Бизнес (29): *В этом случае мы должны следить не столько за бюджетами и объемами продукции регионов, сколько за миграцией успешных и перспективных бизнесменов [В. Шулаев. Где на Руси жить хорошо // «Красноярский рабочий», 2003, НКРЯ].*

2.8. Политическая сфера (1452): *Массовой миграции политиков из одной партии власти в другую по российскому образцу здесь не происходит, политическая игра ведется по честным правилам [Д. Соколов-Митрич, В. Дятликович. Чудо корейское // «Русский репортер», 2013, НКРЯ]; Может петербургское правительство пополниться также и фигурами из других субъектов федерации, но вряд ли миграция чиновников будет массовой [КЛ].*

Самыми крупными подгруппами внутри второй группы оказались «спорт» и «политическая сфера». Меньше всего контекстов было распределено в подгруппы «инженерия» и «банковское дело». Очевидно, что первая группа контекстов по-прежнему преобладает над второй (в 6,5 раз), однако доля контекстов второй группы увеличилась по сравнению с изначальным состоянием, когда мигранты ассоциировались исключительно с неквалифицированной, низкооплачиваемой рабочей силой. В данной группе оценка явно смещается в положительную сторону нормы, успешности, престижности, высокооплачиваемости, а контексты, с отрицательным значением, хотя и встречаются (потасовка в 2.2), сведены к минимуму.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый лингвистический анализ на материале двух корпусов позволяет сделать определённые выводы о востребованности иностранной рабочей силы. Отметим, что любое общество нуждается в мигрантах, как низкоквалифицированных, так и высококвалифицированных, они являются неотъемлемой частью трудовой деятельности. С одной стороны, мигранты заполняют трудовую нишу, которая непривлекательна для коренных жителей, но является необходимой и обязательной для поддержания нормального функционирования общества и развитой инфраструктуры. Поэтому мигранты часто привлекаются для работы в социальной сфере обслуживания и занимают такие позиции как дворник, сантехник, водитель, охранник, повар, продавец, дорожный рабочий, работник кладбища / похоронного бюро, строитель. Мигранты привлекаются и для производства более дешёвых товаров, которые доступны средним слоям обществ. Очевидно, что подобный труд высоко не оплачивается, но иностранные граждане готовы его выполнять. Именно социальная сфера обслуживания, особенно транспортные услуги, и сферы производства и строительства с вовлечённостью мигрантов являются самыми обсуждаемыми, судя по наибольшему количеству контекстов в этих подгруппах. Это свидетельствует об их приоритете как для государства, поддерживающего миграцию, так и для самих мигрантов.

С другой стороны, невозможно представить развитие общества, не обмениваясь опытом, идеями, новыми технологиями, не привлекая на свою сторону лучших из лучших для достижения побед. Миграция высококвалифицированных кадров является уже обычной мировой практикой. Высококвалифицированные кадры задействованы в таких трудовых сферах как политика, экономика, спорт, наука и образование, медицина, техника и отчасти искусство. Здесь отмечается явное преобладание контекстов в подгруппах спорта и политики (политики даже больше, чем спорта), в то время как обмен технологиями, судя по малому числу контекстов, пока остаётся слабо реализованным.

Представленная языковая профессиональная карта русскоязычного миграционного дискурса, несомненно, демонстрирует важность и необходимость такого контингента как мигранты, которые, несмотря на в целом более низкий уровень образования и квалификации (о чём косвенно свидетельствует более чем шестикратное преобладание контекстов первой группы над второй), приносят пользу обществу, а значит заслуживают внимания, толерантного отношения и уважения. Миграционный дискурс – важный идеологический компонент политики и социальной жизни любой страны. Исследование

и моделирование миграционного дискурса в разных аспектах с помощью языка является актуальным способом отразить реальную картину мира, отношение принимающего общества к иностранным гражданам, а главное – продемонстрировать и наметить конкретные области и пути решения тех или иных стратегических задач.

Библиографический список

- Арекеева, 2023 – Арекеева Ю. Е. Философское осмысление оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 31–38.
- Афанасьева, 2023 – Афанасьева А. А. Эмотивность в испанском миграционном дискурсе // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 19–26.
- Зубарева, Колотов, 2023 – Зубарева Е. О., Колотов Д. Стилистические особенности англоязычного миграционного дискурса и способы их трансляции на русский язык // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 27–34.
- КЛ – Корпусная лаборатория Лейпцигского университета. URL : <https://corpora.wortschatz-leipzig.de/en> (дата обращения : июль 2023 – февраль 2024). (КЛ).
- Малахова, Шустова, 2023 – Малахова Е. В., Шустова С. В. Репрезентация концептов МИГРАЦИЯ / МИГРАНТ во фразеологии русского языка // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 43–58.
- Мукомель, 2005 – Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 48–57.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения : июль 2023 – февраль 2024).
- Нестерова, Бутова, 2016 – Нестерова Я. А., Бутова Е. А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америки // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 6. С. 565–572.
- Новиков, 2021 – Новиков А. Ю. Репрезентация концептов *Enfants Migrants* и *Migration* в выступлениях французских политиков // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультуризма / под ред. О. А. Радченко. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2021. С. 168–186.
- Фомичева, Зармаева, 2023 – Фомичева Я. А., Зармаева Х. И. Политкорректные эвфемизмы в миграционном дискурсе (на материале отчета за 2022 г. Международной организации по миграции) // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 13–18.
- Colic-Piesker, 2017 – Colic-Piesker V. Globalization and migration // *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance* / Ed. by A. Farazmand. Springer International Publishing AG, 2017. P. 1–7. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_3130-1
- Gee, 1999 – Gee J. P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London : Routledge. 1999. 163 p.
- Van Dijk, 1980 – Van Dijk T. A. *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Hillsdale, N. J. : L. Erlbaum Associates. 1980. 317 p.

References

- Arekeeva, Yu. E. (2023). *Filosofskoe osmyslenie oppozitsii «SVOY – ChUZhOY»* [Philosophical understanding of the opposition «Friend – Foe»]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 2, 31–38.
- Afanaseva, A. A. (2023). *Emotivnost' v ispanskom migratsionnom diskurse* [Emotivity in Spanish migration discourse]. *Migratsionnaya lingvistika [Migration Linguistics]*, 5, 19–26.
- Zubareva, E. O., Kolotov, D. (2023). *Stilisticheskie osobennosti angloyazychnogo migratsionnogo diskursa i sposoby ikh translyatsii na russkiy yazyk* [tylistic features of English migration discourse and ways of translating them into Russian]. *Migratsionnaya lingvistika [Migration Linguistics]*, 5, 27–34.
- KL. (n. d.). *Korpusnaya laboratoriya Leyptsigskogo universiteta [Corpora Collection. Leipzig]*. Retrieved July, 2023 – February, 2024 from <<https://corpora.wortschatz-leipzig.de/en>>.

- Malakhova, E. V., Shustova, S. V. (2023). Rezentatsiya kontseptov MIGRATSIYa / MIGRANT vo frazeologii russkogo yazyka [Representation of the concepts MIGRATION / MIGRANT in the phraseology of the Russian language]. *Migratsionnaya lingvistika [Migration Linguistics]*, 5, 43–58.
- Moukomel, V. I. (2005). Rossiyskie diskursy o migratsii [Russian Discourses on Migration]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. diskussii [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]*, 1, 48–57.
- NKRYa. (n. d.). *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]*. Retrieved July, 2023 – February, 2024 from <<https://ruscorpora.ru/>>.
- Nesterova, Ya. A., Burova, E. A. (2016). K voprosu ob osobennostyakh upotrebleniya metafor v migratsionnom diskurse Germanii, Avstrii, Anglii i Ameriki [On the issue of the peculiarities of using metaphors in migration discourse of Germany, Austria, England, and America]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Liberal Arts in Russia]*, 5 (6), 565–572.
- Novikov, A. Yu. (2021). Rezentatsiya kontseptov Enfants Migrants i Migration v vystupleniyakh frantsuzskikh politikov [Representation of the concepts Enfants, Migrants and Migration in French politicians' speeches]. In O. A. Radchenko (Ed.), *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme: diskursivnye praktiki i literatura mul'tikul'turizma [Migration linguistics in modern scientific paradigm: Discursive practices and multicultural literature]* (pp. 168–186). Perm : Perm Institute of Economic and Finance Press.
- Fomicheva, Ya. A., Zarmaeva, Kh. I. (2023). Politkorrektnye evfemizmy v migratsionnom diskurse (na matriale otcheta za 2022 g. Mezhdunarodnoy organizatsii po migratsii) [Politically correct euphemisms in migration discourse (Based on the 2022 report of the International Organization for Migration)]. *Migratsionnaya lingvistika [Migration Linguistics]*, 5, 13–18.
- Colic-Piesker, V. (2017). Globalization and migration. In A. Farazmand (Ed.), *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance* (pp. 1–7). Springer International Publishing AG. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_3130-1
- Gee, J. P. (1999). *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London : Routledge.
- Van Dijk, T. A. (1980). *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Hillsdale, N. J. : L. Erlbaum Associates.

УДК 811'161'1 (571.61)

Коробова Виктория Николаевна¹✉, Ладисова Ольга Владимировна²**¹Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище
им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского****²Благовещенский государственный педагогический университет
г. Благовещенск, Российская Федерация**

semvik85@mail.ru

Основы построения Тематического словаря диалектной лексики Амурской области

Аннотация

Цель настоящего исследования – сведение в единый лексикографический труд ценнейших материалов по русским говорам Приамурья. В работе представлены принципы организации словаря, описана структура словарной статьи, проанализированы способы толкования диалектных лексических единиц, среди которых основными в словаре были выбраны описательный и эквивалентный. Общий объём материала составил 527 лексем, к которым применялись метод классификации, описательный метод, метод дефиниционного анализа и простой количественный подсчёт. В ходе исследования произведена тематическая группировка лексем, описаны лексико-фонематические, лексико-грамматические и акцентологические варианты диалектных слов, составлены списки лексических единиц по убывающей частоте, а также отмечены лексем, не имеющие вариантов. Всего было выделено три тематические группы и 41 лексико-семантическая подгруппа. В словарь было включено 359 словарных статей и 168 вариантов диалектных лексических единиц. В результате исследования выявлено, что наиболее многообразной тематической группой, входящей в состав Тематического словаря диалектной лексики Амурской области является группа «Одежда», затем следует группа «Обувь» и после – группа «Головной убор». Разработанный нами словарь будет полезным не только учёным-лингвистам, но и всем тем, кто любит русский язык и интересуется русским народным словом.

Ключевые слова: тематический словарь, тематическая группа, лексико-семантическая подгруппа, способы толкования, варианты диалектных лексических единиц, частотность

© Коробова В. Н., Ладисова О. В. 2024

Для цитирования: Коробова В. Н., Ладисова О. В. Основы построения Тематического словаря диалектной лексики Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 60–70.

Victoria N. Korobova¹✉, Olga V. Ladisova²**¹Far Eastern Higher Combined Arms Command Order of Zhukov School
named after Marshal of the Soviet Union of K.K. Rokossovsky****²Blagoveshchensk State Pedagogical University
Blagoveshchensk, Russian Federation**

semvik85@mail.ru

The basics of building a Thematic dictionary of dialect vocabulary of the Amur Region

Abstract

This study aims to unite the existing materials on the local Russian accents of the Amur Region in one dictionary. We considered the principles of the dictionary design, described the structure of the dictionary entry and analyzed the ways of interpreting dialectal lexical units giving priority to descriptive and equivalent ways. We processed the

total of 527 lexemes using classification, description, definition analysis and quantitative method. In the course of study, we performed thematic grouping, identified lexical-phonemic, lexical-grammatical and accentological variants of dialect words. We also arranged the lexical units based on the number of the dialect variants in descending order and labeled the tokens that do not have variants. We identified three thematic groups and 41 lexical and semantic subgroups. As a result, the dictionary contains 359 entries and 168 variants of dialect lexical units. It was found that the group “Clothes” turned out the largest and most diverse thematic group. It was followed by the group “Shoes”, and the group “Headdress” turned out the least frequent. The dictionary we designed might be useful not only for language researchers but also for all those who love the Russian language and are interested in the Russian folk word.

Keywords: thematic dictionary, thematic group, lexical-semantic subgroup, methods of interpretation, variants of dialect lexical units, frequency

© Korobova V. N., Ladisova O.V. 2024

For citation: Korobova, V. N., Ladisova, O. V. (2024). *Osnovy postroeniya Tematicheskogo slovarya dialektnoy leksiki Amurskoy oblasti* [The basics of building a Thematic dictionary of dialect vocabulary of the Amur Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 60–70.

1. Введение [Introduction]

В последние десятилетия в лингвистике значительно возрос интерес к изучению диалектной языковой картины мира и лексикографическому описанию тематической лексики. К. И. Демидова отмечает, что диалектная языковая картина мира является одной из значимых для любого этноса, поскольку сохраняет в своём составе уникальные черты его мировидения, определившие признаки культуры народа, их языковое описание на конкретной территории функционирования языка [Демидова, 2015]. В нашем исследовании рассматриваются основы построения Тематического словаря диалектной лексики Амурской области.

В настоящее время уже имеется и разрабатывается существенное количество лексикографических изданий, которые различаются по своей структуре, способу подачи материала, по типу и объёму, по целевой направленности и другим критериям. Основными задачами тематического словаря являются: во-первых, его содействие пользователю в наиболее точном понимании смысла сказанного, в правильном грамматическом оформлении слов [Саяхова и др., 2000]; во-вторых, описание семантических совокупностей лексических единиц в рамках коммуникативно-прагматических жизненных сфер, которые будут способствовать обогащению словарного запаса и формированию языковой картины мира [Саяхова, 2013, с. 371].

Мы разделяем точку зрения Л. Г. Саяховой о том, что в основу описания лексического материала в словаре должны быть положены два ведущих принципа: системности и коммуникативности. Согласно её исследованию, в области внутрисистемных отношений лексики в тематическом словаре важное место занимает понятие «тематические классы слов», которые являются многоярусными лексическими комплексами, представляющими содержательную сторону всех возможных в пределах какой-либо речевой темы коммуникативных актов [Саяхова, 2013, с. 370]. Нельзя не согласиться с Ё. Н. Хамраевой в том, что только упорядоченное изучение слов, объединённых в определённые тематические группы или же семантические классы, намного смогут облегчить процесс усвоения семантической структуры слов-понятий [Khamraeva, 2015, p. 38].

Под тематической группой мы понимаем совокупность лексических единиц определённых частей речи, которых объединяет общее понятие, общие реалии, при этом в каждой тематической группе выделяются лексико-семантические подгруппы, которые иллюстрируют синонимические и родовидовые связи слов [Коробова, 2021, с. 104].

Ц е л ь настоящего исследования – сведение в единый лексикографический труд ценнейших материалов по русским говорам Приамурья. В предыдущих наших исследованиях мы отмечали важную роль амурских говоров, которые отражают материальную и духовную культуру народа, особенности быта и жизни старожилов Приамурья и их своеобразие, которое проявляется в пределах тематического единства или лексико-семантических групп [Коробова, 2021, с. 104].

Релевантной характеристикой русских говоров Приамурья является то, что они «относятся к переселенческим говорам вторичного образования, интересны своей разнотематичностью, повышенной вариативностью и особенностями функционирования в условиях длительного междиалектного контактирования на достаточно обширной территории, что, с одной стороны, вело к интенсивной нивелировке диалектных черт, а с другой, – отражало действие основных общерусских языковых процессов» [Садченко, 2017, с. 3]. В связи с этим, диалектную лексику Амурской области мы рассматриваем как определённую языковую систему, которая включает в себя совокупность фонетических, грамматических, лексических и синтаксических свойств речи, носителями которой являются жители одного или нескольких сёл [Коробова, 2019, с. 40].

Лексические богатства русских народных говоров Приамурья отражены в таких трудах, как «Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского», «Словарь русских говоров Приамурья» 1983 г. и «Словарь русских говоров Приамурья» 2007 г., «Фразеологический словарь русских говоров Приамурья», «Словарь охотников и рыболовов Приамурья», «Албазинский словарь», а также в материалах к Словарю русских говоров Амурской области, которые помещаются в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» (обзор этих трудов см. в [Галуза, 2015, с. 6]).

Пробный выпуск нашего Тематического словаря диалектной лексики Амурской области планируется как первое лексикографическое издание, созданное на научной основе по тематическому принципу, что, в свою очередь, даёт возможность обратиться к системным семантическим характеристикам говоров определённых территорий, характеризующихся своими географическими особенностями.

В нижеследующих разделах статьи представлены принципы организации словаря, предложены способы толкования единиц словарных статей, рассмотрены вариантность лексических единиц (далее ЛЕ), указана частотность ЛЕ. Для решения поставленных задач применялись: метод классификации, описательный метод, метод дефиниционного анализа и простой количественный подсчёт.

2. Тематический словарь диалектной лексики Амурской области [Thematic dictionary of the Amur Region local accents]

2.1. Принципы организации [Principles of design]

Тематический словарь диалектной лексики Амурской области – это идеографический толково-переводной словарь, который характеризует жизнь сельских жителей в прошлом и в настоящее время, что, в свою очередь, показывает взаимодействие языков и культур в современном мире. Основным источником Тематического словаря диалектной лексики Амурской области послужил Словарь русских говоров Приамурья [Галуза, 2007].

Структура и состав Тематического словаря диалектной лексики Амурской области дают возможность комплексно изучить предметно-бытовые особенности диалектных лексических единиц не только с точки зрения семантической структуры, но и синтагматических и парадигматических отношений. Тематический словарь диалектной лексики Амурской области позволяет показать своеобразие русских говоров, их синонимические и родовидовые связи, которые проявляются в пределах тематического единства или лексико-семантических групп. В исследовании осуществлён комплексный подход к описанию и

классификации лексики одежды и обуви, которая представлена системно-структурной организацией лексико-семантических особенностей подгрупп тематической группы.

В словаре выделено 3 тематические группы: «Головной убор», «Одежда», «Обувь» и 41 лексико-семантическая подгруппа. Например, в тематическую группу «Головной убор» входят 6 подгрупп: Общие наименования, Косынка, Платок / шаль, Фата, Шапка, Части головного убора. В тематическую группу «Одежда» входит 21 подгруппа: 1. Верхняя одежда: Общие наименования, Куртка, Пальто / полупальто, Плащ, Шуба / полушубок / тулуп; 2. Нижняя одежда: Блуза, Брюки, Жилет, Костюм, Кофта, Нижнее бельё, Пиджак, Платье, Рубаха/рубашка, Сарафан, Свитер, Сорочка, Штаны, Юбка, Одежда (общие понятия), Части одежды. В тематическую группу «Обувь» входят 14 подгрупп: 1. Лёгкая (летняя) обувь: Общие наименования, Туфли, Босоножки, Тапочки, Домашняя обувь; 2. Меховая / тёплая (зимняя) обувь: Общие наименования, Башмаки, Ботинки/полуботинки, Валенки, Сапоги, Лапти, Унты, Обувь (общие понятия), Части обуви.

Словарь включает 359 словарных статей и 168 вариантов диалектных лексических единиц. Словарная статья словаря включает в себя следующие элементы: 1) заглавное слово в орфографическом написании, сопровождается указанием ударения, стилистических помет; 2) варианты диалектного слова (если они имеются), их количество; 3) толкование диалектной лексической единицы; 4) контекст, в котором употребляется диалектное слово; 5) географические пометы. Некоторые словарные статьи сопровождаются рисунками и синонимами, например:

Шайфёнка, шалпóнка, шалфёночка (Ласк. к шалфóнка), **шалфóнка, шальфóнка, шапóнка (5 в)**. То же, что *косынка* в 1-м знач. *Были небольшие головные уборы – платки, шайфёнка называли, вязали наподобие как из гипюра*. Амур. (Скв.).

Мóдник. Устар. Праздничный головной убор замужней женщины. *Модник из шёлковых ниток, на шнурке, вроде шапочки затягивают*. Амур. (Маз.).

Борчáтка, борщáтка, сборчáтка (2 в). 1. Овчинная шуба со сборками по талии (рис. 1). *Западники носили борчатки – шубы такі в сборку*. Амур. (Повсем.). *Ещё сборчатки, зипун был, сборчатка называлась*. Амур. (Благ.).



Р и с у н о к 1. Борчатка – овчинная шуба
[Figure 1. Sheepskin coat]

2.2. Способы толкования [Ways of interpretation]

В используются описательное и эквивалентное толкования диалектной лексики, которые и признаются в словаре основными, а также смешанное и отсылочное.

О п и с а т е л ь н о е т о л к о в а н и е :

Татáрка. 2. Зимняя мужская шапка круглой формы, внизу обшита мехом. *Татарки раньше шапки были. Сшиты так были: без ушей, кругла така́*. Амур. (Скв.).

Овчíнник. Полушубок из выделанной овечьей шкуры (овчины). *Зимой овчинники наденем и идём работать*. Амур. (Своб.).

Мотынё. Устар. Широкая блуза, в которой обычно ходили беременные женщины. *Все пошили кохты, а я сшила мотыне, и не нравятся они мне*. Амур. (Мих.).

При описательном толковании необходимо учитывать дефиниционный (т. е. включающий само определение слова) и контекстный (представляющий собой относительно законченный отрывок, в котором выявляется значение отдельных входящих в него слов, выражений) компоненты [Коробова, 2022, с. 1863].

Эквивалентное толкование осуществляется путём приведения литературного слова или словосочетания:

Кашлы́к. Башлык. *Кашлыки нам выдали суконные, хорошо голову грели.* Амур. (Шим.).

Кондырёк (Уменьш. к Кондырь), **кондырчик, кондырь (2 в).** Козырек. *Кондырьки к шапке пришивали из меха.* Амур. (Шим.). *А тут вот кондырчик сделаешь.* Амур. (Скв.). *Шапку свяжешь, а потом кондырь вывязываешь, он плотный.* Амур. (Скв.).

Полупольтик. Устар. Ласк. Полупальто. *А коротки полупольтики называли. Онёширо́ки были, пуговица одна наверху.* Амур. (Мих.).

Дождевик. Устар. Плащ. *Плащи называли дождевиками.* Амур. (Бур.).

Бабонник. Устар. Головной платок. *На голове бабонник носили. Это платок завязывали впереди.* Амур. (Скв.).

Атласик. Устар. Шелковый платок. *Атласики девушки на голове носили.* Амур. (Своб.).

Кукурочка. Лёгкая шапочка. *Идёт по улице, халат на ём, шапка-кукурочка.* Амур. (Благ.).

Москвичка. Устар. Мужское полупальто. *Москвички носили уже после войны, - это мужское полупальто.* Амур. (Своб.).

Сачок. Женское полупальто. *Сачки носили – это как кухвайка, с карманами.* Амур. (Мих.).

Смешанное толкование предполагает сочетание в себе двух способов: описательного и синонимической замены:

Шалька. Большой платок; шаль. *Одеться тепло: куфайку, шальку да катанки, чтобы не остыть.* Амур. (Тамб.).

Тибетейка. Мужской летний головной убор в виде круглой неглубокой шапочки; тибетейка.

Шмычка. Головной убор замужней женщины; кичка. *Шмычку замужние девушки носили, в виде чепчика, шапочка со складками.* Амур. (Кнст.).

Отсылочное толкование содержит характеристику категориальной принадлежности слова и сохраняет мотивационные связи производящего и производного значения. Данный тип словарного определения можно применять в случаях, связанных с толкованием дублетных и синонимичных лексических единиц [Коробова, 2022, с. 1864]. Отсылочное толкование в тематическом словаре диалектной лексики Амурской области подаётся с помощью толковательной формулы «То же, что...».

Файшо́на, файшо́нка, фальшо́нка (2 в). То же, что косы́нка в 1-м знач. *Файшоны чёрные, ажурные, вязаные, старухи носили.* Амур. (Шим.), *Файшонки – это косыночки белые, чёрные, с зубчиками по краям, кружевные.* (Повсем.).

Шалёнка. То же, что шалю́шка. *Женищины носили шалёнки по праздникам: белые, чёрные, узорчатые.* Амур. (Арх.).

Стежёнка. 1. То же, что курму́шка в 1-м знач. *Мои девчонки по весне стежёнки носили, я им настезу́, и они ходили. Мне стежёнку сош́или, я и рада.* Амур. (Скв.).

Поддева́шка. То же, что на́дева́шка. *Поддевашки зимой мужчинам шьют.* Амур. (Бел.).

2.3. Варианты диалектных лексических единиц [Variants of dialect lexical units]

В Тематическом словаре диалектной лексики Амурской области содержатся лексико-фонематические, лексико-грамматические, лексико-словообразовательные и акцен-

тологические варианты как показатели формального видоизменения слова, которые помещаются в одной словарной статье. Лексико-фонематические варианты имеют формальные различия в корневой морфеме. Это могут быть различия:

1) в одну-две фонемы в начале, середине и в конце корня: **джíмы** – **жíмы** "Женские сапожки", **борчáтка** – **борщáтка** **сборчáтка** "Овчинная шуба", **анчурéи** – **унчурéи** "Меховая обувь", **шаптóшки** – **шептóшки** "Самодельная кожаная обувь", **курмúшечка** – **кормúшечка** "Стёганая куртка", **понёва** – **поня́ва** "Юбка или платье"; **ергáч** – **ергáш** "Верхняя одежда", **кир-закí** – **кирзúхи** "Кирзовые сапоги", **козля́к** – **козля́тник** – **козля́чок** "Верхняя одежда";

2) в две-три фонемы в середине или конце корневой морфемы: **шамшúр** – **шуш-мурá** "Головной убор", **хибары́** – **хивары́** "Голенища", **ковары́** – **ховары́** "Голенища";

3) в порядке следования фонем в различных частях корня: **армúзы** – **рамúзы** "Наколенники", **бóрики** – **бóрчики** "Складки на одежде", **шалпóнка** – **шапóнка** "То же, что косíнка".

Мы отмечаем, что в рядах, которые состоят из трёх и более вариантных диалектных лексических единиц, формальные различия между одними компонентами являются минимальными, между другими – значительными. Например: **брóдни** – **брóдни-йчиги** – **брóдники** "Кожаные сапоги без каблуков"; **обувья́** – **обуй**, **обúтки** – "Обувь"; **воротя́шки** – **воротя́шечки** – **в́ыворотки** – **в́ыворотники** "Лёгкая обувь, сшитая из шкуры мехом внутрь". В связи с данными примерами следует отметить, что существуют вариативы (вариантоиды) – единицы, занимающие промежуточное положение между формами одного слова и разными словами. В Тематическом словаре диалектной лексики Амурской области вариативы входят в состав вариантных рядов, если находятся в отношениях семантического и грамматического тождества хотя бы с одним из членов этого ряда.

Лексико-грамматические варианты различаются грамматическими показателями рода, типа склонения: **лопотíна** (ж.р.) – **лóпоть** (м.р.), **лохмáтина** (ж.р.) – **лохмоты́** (ср.р.), **Размахáй** (м.р.) – **размахáйка** (ж.р.). Родовые варианты слов могут иметь вариантные формообразующие суффиксы: **зáпонок** (м.р.) – **зáпонка** (ж.р.), **козлín** (м.р.) – **козлínка** (ж.р.), **куртáшка** (ж.р.) – **кúртик** (м.р.). Грамматические, фонематические и акцентные различия могут совмещаться в одной вариантной паре: **балдахóн** (м.р.) – **балахóна** (ж.р.), **крíпотки** (ср.р.) – **крыпóтки** (ср.р.), **шítанки** (ср.р.) – **шитúшки** (ср.р.). Лексико-фонематические и лексико-грамматические варианты включаются в словарную статью первого по алфавиту слова. Акцентологические варианты представлены в заголовке одной словарной единицей, в которой поставлено два ударения:

Óрóгда, орогдáшка.

Зáпóн, запúн, запóнка, запонóк.

Количество лексико-фонематических, лексико-грамматических и лексико-словообразовательных вариантов маркируются определённой цифрой в скобке:

Венéц, вéнчик (1 в).

Шамшúр, шушмурá, шушмúрка (2 в).

Курмá, курмúшечка, кормúшечка, курмúшка, кормúшка (4 в).

2.4. Частотность диалектных лексических единиц

[The frequency of dialect lexical units]

В Приложениях Тематического словаря диалектной лексики Амурской области представлен список вариантов диалектных ЛЕ по убывающей частоте, а также список диалектных ЛЕ, не имеющих вариантов. К вариантным лексическим единицам были отнесены те, которые обозначают одно и то же, но их различие заключается в языковых средствах выражения (ударение, род, склонение, число).

Приведём несколько примеров из основных списков Тематического словаря диалектной лексики Амурской области (табл. 1–2).

Т а б л и ц а 1. Диалектные лексические единицы, имеющие варианты
[T a b l e 1. Dialect lexical units with variants]

№ п/п	Диалектное слово	Кол-во вариантов	Значение диалектного слова
Головной убор [Headdress]			
1	Шайфёнка	5	Косынка
2	Файшо́на	2	
3	Шамшúр	2	Шапка
4	Óрогда	1	
5	Козли́н	1	
6	Фати́на	1	Фата
7	Шалёнка	1	Платок
8	Хúста	1	
Верхняя одежда [Outerwear]			
9	Ергáч	2	Общие наименования
10	Курма́	4	Куртка
11	Ергáч	2	
12	Козля́к	2	
13	Курма́	2	
14	Куфа́ечка	2	
15	Курта́шка	1	
16	Борча́тка	2	
17	Ергáч	2	
18	Козли́н	1	
Лёгкая обувь [Light shoes]			
19	Воротя́шки	4	Лёгкая обувь
20	Голо́вки	2	
21	Барётки	1	
22	Сою́зка	1	
23	Чеверй́чки	1	
24	Шитанки	1	
25	Барётки	1	
26	Шапто́шки	4	Дом.обувь, тапочки
27	Карпётки	2	
28	Кита́йки	2	
29	Опо́рки	1	
30	Чи́брики	1	
31	Чирки́	1	
32	Чúни	1	

Т а б л и ц а 2. **Диалектные лексические единицы, не имеющие вариантов**
 [T a b l e 2. **Dialect lexical units with no variants**]

№ п/п	Диалектное слово	Кол-во вариантов	Значение диалектного слова
Головной убор [Headdress]			
1	Набóйничек	0	Общие наименования
2	Косíнка	0	Косынка
3	Артавско́й плато́к	0	Платок/шаль
4	Косíнка	0	Фата
5	Ува́ль		
6	Хата́		
Верхняя одежда [Outerwear]			
7	Верхни́ца	0	Общие наименования
8	Кожуша́нка		
9	Коротéнька		
10	Коро́тчик		
11	Мона́рка		
12	Шабу́р		
13	Ярга́ш		
Лёгкая обувь [Light shoes]			
14	Аргу́ни	0	Общее
15	Баца́льжки		
16	Заворо́тяшки		
17	По́сто́лы		
18	Тибле́ты		
19	Христóсики		
20	Че́ботки		
21	Чу́ряки		

Для удобства работы со Словарём также предусмотрена графа «Примечание», которую обучаемый, преподаватель либо исследователь может заполнить по своему усмотрению.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволило сделать вывод о том, что диалектные тематические словари совмещают в себе принципы системного, лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов к толкованию лексических единиц, что, в свою очередь, способствует более полному и разностороннему описанию диалектной языковой картины мира.

Целью исследования было сведение в единый лексикографический труд ценнейших материалов по русским говорам Приамурья. В ходе исследования были описаны принципы организации Тематического словаря диалектной лексики Амурской области, способы толкования лексических единиц в словаре, их варианты и частотность.

В результате было составлено 359 словарных статей и выявлено 168 вариантов диалектных лексических единиц, объединённых тремя тематическими группами: «Головной убор» (с 6 подгруппами), «Одежда» (с 21 подгруппой), «Обувь» (с 14 подгруппами).

Анализ каждой тематической группы показал, что общее число лексем, включая лексико-фонематические, лексико-грамматические и акцентологические варианты составило 527. Из них самой многообразной тематической группой оказалась группа «Одежда», в которую вошло 214 лексических единиц и 96 их вариантов. Общее число лексем в данной группе составило 310. Далее следует тематическая группа «Обувь», куда вошли 101 лексическая единица и 55 вариантов. Общее число лексем составило 156. Наименьшее количество лексических единиц было распределено в тематическую группу «Головной убор»: 44 лексемы и 17 вариантов. Общее число лексем – 61.

Тематический словарь диалектной лексики Амурской области будет способствовать развитию современной диалектной лексикографии, а также может быть интересен и полезен лингвистам, историкам, краеведам, писателям, учителям русского языка и литературы – всем, кто любит и ценит родной край, родной язык, русское народное слово.

Библиографический список

- Галуза, 2010 – Галуза О. Ю. Албазинский словарь. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. 296 с.
- Галуза, 2015 – Галуза О. Ю. О школьном диалектном словаре Приамурья: общая концепция, структура и содержание // Вопросы лексикографии. 2015. № 1 (7). С. 5–19. <https://doi.org/10.17223/22274200/7/1>
- Галуза и др., 2007 – Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск : Изд-во Благовещенского гос. ун-та, 2007. 544 с.
- Галуза и др., 2014 – Галуза О. Ю., Кирпикова Л. В., Шенкевец Н. П. Школьный диалектный словарь Приамурья. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. 268 с.
- Демидова, 2015 – Демидова К. И. Комплексный тематический словарь лексики современных русских говоров Урала. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2015. 309 с.
- Иванова и др., 1983 – Словарь русских говоров Приамурья / Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. М. : Наука, 1983. 341 с.
- Кирпикова и др., 2003 – Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / под ред. Л. В. Кирпиковой, В. В. Пирко, И. А. Стринадко. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. 199 с.
- Кирпикова, Шенкевец, 2009 а – Кирпикова Л. В., Шенкевец Н. П. Словарь охотников и рыболовов Приамурья. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. 188 с.
- Кирпикова, Шенкевец, 2009 б – Кирпикова Л. В., Шенкевец Н. П. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. 155 с.
- Коробова, 2019 – Коробова В. Н. Способы семантизации диалектного слова (на материале Словаря русских говоров Приамурья) // Филологический аспект. 2019. № 11 (55). С. 39–44.
- Коробова, 2020 – Коробова В. Н. Структура и состав «Словаря охотников и рыболовов Приамурья». Основные принципы построения словарных статей // Филологический аспект. 2020. № 3 (59). С. 113–120.
- Коробова, 2021 – Коробова В. Н. Принципы дефиниции русских говоров Приамурья (на примере лексико-семантической группы «Обувь») // Материалы XXII региональной научно-практической конференции «Молодёжь XXI века: шаг в будущее», 20 мая. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2021. С. 104–105.

- Коробова, 2022 – Коробова В. Н. Особенности семантизации диалектных лексических единиц (на материале «Словаря русских говоров Приамурья») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, Вып. 6. С. 1861–1866. <https://doi.org/10.30853/phil20220294>
- Оглезнева, 1999 – Оглезнева Е. А. Школьный диалектный словарь как краеведческий источник // Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 1999. С. 50–53.
- Оглезнева, Архипова, 2005 – Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций / под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. 2005–2013. Вып. 2–10.
- Садченко, 2017 – Садченко В. Т. Русские говоры Приамурья: словообразовательный аспект. Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2017. 164 с.
- Саяхова и др., 2000 – Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка. М. : Русский язык, 2000. 560 с.
- Саяхова, 2013 – Саяхова Л. Г. Языковая картина мира и проблема систематизации лексики в современной словарной форме // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2, № 4. С. 368–374.
- Khamraeva, 2015 – Khamraeva, Y. N. Thematic dictionaries as a means of representation of reality // European Journal of Literature and Linguistics. 2015. № 2. С. 37–42.

References

- Galuzha, O. Yu. (2010). *Albazinskiy slovar' [The Albazin Dictionary]*. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Galuzha, O. Yu. (2015). O shkol'nom dialektnom slovare Priamur'ya: obshchaya konceptsiya, struktura i sodержanie [The School Dictionary of Amur Dialects: General conception, structure and content]. *Voprosy leksikografii [Russian Journal of Lexicography]*, 1 (7), 5–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/22274200/7/1>
- Galuzha, O. Yu., Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya [Dictionary of Russian dialects of the Amur Region]*. 2nd edn., with corrections and addenda. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Galuzha, O. Yu., Kirpikova, L. V., Shenkevets, N. P. (2014). *Shkol'nyy dialektnyy slovar' Priamur'ya [School dictionary of the Amur Region dialects]*. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Demidova, K. I. (2015). *Kompleksnyy tematicheskii slovar' leksiki sovremennykh russkikh govorov Urala [A comprehensive thematic dictionary of the modern Russian dialects of the Urals]*. 2nd edn., with corrections and addenda. Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Ivanova, L. V., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (1983). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya [Dictionary of Russian dialects of the Amur Region]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kirpikova, L. V., Pirko, V. V., Strinadko, I. A. (2003). *Slovarnaya kartoteka G. S. Novikova-Daurskogo [Dictionary file of G. S. Novikov-Daursky]*. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Kirpikova, L. V., Shenkevets, N. P. (2009). *Slovar' okhotnikov i rybolovov Priamur'ya [Dictionary of hunters and fishermen of the Amur Region]*. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Kirpikova, L. V., Shenkevets, N. P. (2009). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Priamur'ya [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Amur Region]*. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Korobova, V. N. (2019). Sposoby semantizatsii dialektного slova (na materiale Slovary russkikh govorov Priamur'ya) [The main methods of semantization of the dialectic word (On the material dictionary of Russian goods Amur Region)]. *Filologicheskii aspekt [Philological Aspect]*, 11 (55), 39–44. (In Russ.).
- Korobova, V. N. (2020). Structura I sostav «Slovary ohotnikov I rybolovov Priamur'ya» [The structure and composition of the «Dictionary of hunters and fishermen of the Amur Region», basic principles of construction dictionary entries]. *Filologicheskii aspekt [Philological Aspect]*, 3 (59), 113–120. (In Russ.).

- Korobova, V. N. (2021). *Printsipy definitsii russkikh govorov Priamur'ya (na primere leksiko-semanticheckoy gruppy "Obuv'")* [Principles of defining Russian dialects of the Amur Region (Based on the lexical and semantic group "Shoes")]. *Materialy XXII regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Molodezh' XXI veka: shag v budushchee"* [Proc. of the XXII regional scientific and practical conference "Youth of the XXI century: A step into the future"] (pp. 104–105). Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Korobova, V. N. (2022). Osobennosti semantizatsii dialektnykh leksicheskikh edinit (na materiale «Slovary russkikh govorov Priamur'ya») [Features of semantisation of dialect lexical units (By the material of the "Dictionary of Russian subdialects of the Amur river region")]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 15 (6), 1861–1866. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20220294>
- Oglezneva, E. A. (1999). Shkol'nyy dialektnyy slovar' kak kraevedcheskiy istochnik [The school dialect dictionary as a local history source]. *Regional'nyy component v prepodavanii russkogo yazyka i literatury* [Regional component in teaching Russian language and literature] (pp. 50–53). Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Oglezneva, E. A., Arhipova, N. G. (Eds). (2005). *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh* [Word: Folklore-Dialectological Almanac. Materials of the scientific expedition], Issues 2–10. (In Russ.).
- Sadchenko, V. T. (2017). *Russkie govory Priamur'ya: slovoobrazovatel'nyy aspekt* [Russian dialects of the Amur Region: The word-formation aspect]. Khabarovsk : Pacific National University Press. (In Russ.).
- Sayakhova, L. G., Khasanova, D. M., Morkovkin, V. V. (2000). *Temanicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Thematic dictionary of the Russian Language]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Sayakhova, L. G. (2013). Yazykovaya kartina mira i problema sistematizatsii leksiki v sovremennoy slovarnoy forme [Linguistic picture of the world and the problem of lexis classifying in modern dictionary form]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2 (4), 368–374. (In Russ.).
- Khamraeva, Y. N. (2015). Thematic dictionaries as a means of representation of reality. *European Journal of Literature and Linguistics*, 2, 37–42.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.
The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

УДК 81.28

Лагута Нина Владимировна
Амурский государственный университет
Г. Благовещенск, Российская Федерация
nlaguta@mail.ru

Адъективная лексика, репрезентирующая пространственные отношения в русских говорах Приамурья

Аннотация

Язык отражает особенности восприятия пространства, формируя уникальную языковую картину мира каждого народа. Пространственные отношения могут быть выражены различными частями речи. Данное исследование посвящено именам прилагательным с пространственным значением, которые находят употребление в русских говорах Приамурья. Анализ фокусируется на адъективной лексике, отражающей вертикальную и горизонтальную модели пространства. Исследование выявило предпочтения носителей диалекта в выборе прилагательных для описания пространственных отношений, а также основные группы объектов, получающих пространственную характеристику. Так, прилагательные *высокий – низкий* употребляются для характеристики составных частей окружающей среды, высоты деревьев, растений, описания зданий, сооружений, одежды, обуви, прилагательные *широкий – узкий, длинный – короткий* характеризуют пространства природных реалий, дома, размер предметов быта, рабочих инструментов, приспособлений для рыбалки и охоты. Результаты показали, что для этого используются как общепотребительные, так и диалектные прилагательные, в которых пространственное значение является частью общего значения признака.

Ключевые слова: языковое пространство, говор, восприятие, имя прилагательное, семантическое содержание, языковая картина мира

© Лагута Н. В. 2024

Для цитирования: Лагута Н. В. Адъективная лексика, репрезентирующая пространственные отношения в русских говорах Приамурья // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 71–78.

Nina V. Laguta
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
nlaguta@mail.ru

Adjectives representing spatial relations in the Amur local accents of Russian

Abstract

Language reflects the peculiarities of the perception of space forming a linguistic picture of the world unique for each ethnos. Spatial relations can be verbalized by different parts of speech. This study aims to consider adjectives with spatial meaning used in Russian dialects of the Amur Region. The focus is made on adjectives reflecting vertical and horizontal models of space. The study revealed the preferences of dialect speakers in the choice of adjectives to describe spatial relations as well as the main groups of objects receiving spatial features. Thus, the adjectives *high – low* are used to characterize the components of the environment, the height of trees, plants, descriptions of buildings, structures, clothing, shoes while the adjectives *wide – narrow, long – short* characterize the spaces of natural realities, houses, the size of household items, working tools, equipment for fishing and hunting. The results showed the use of both common and dialect adjectives with the spatial meaning as part of the general meaning of the attribute.

Keywords: linguistic space, local accent, perception, adjective, semantic content, linguistic picture of the world

© Laguta N. V. 2024

For citation: Laguta, N. V. (2024). Ad"ektivnaya leksika, reprezentiruyushchaya prostranstvennye otnosheniya v russkikh govorakh Priamur'ya [Adjectives representing spatial relations in the Amur local accents of Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 71–78.

1. Введение [Introduction]

Существование человека неразрывно связано с пространством. Оно является неотъемлемой частью его бытия, определяя условия жизни, восприятие мира и взаимодействие с окружающей средой. По мнению Л. Б. Лебедевой, «пространство является данностью, вне которой человек себя не мыслит, и в своих отношениях с пространством человеку требуются как минимум две опоры. Это, во-первых, субъект сознания – “я”, всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница, или границы, которые замыкают пространство вокруг него» [Лебедева, 2000, с. 93]. Традиционно выделяют следующие типы пространства: физическое – определяет возможности передвижения, доступ к ресурсам, влияет на здоровье и образ жизни человека; личное – является необходимым условием для комфорта и психологического благополучия; культурное – определяет традиции, ценности и мировоззрение; социальное – формирует социальные связи, влияет на коммуникацию и поведение человека в обществе. Кроме того, очевидно, что в тесном взаимодействии с пространством находится и язык, поэтому можно говорить ещё об одном, особом, типе пространства – языковом.

Языковое пространство – это своеобразная арена, где язык живёт и действует, одновременно отражая реальный мир в сознании людей. В этом пространстве формируется общая картина мира, основанная на языке. Она состоит из текстов и образов, которые, будучи частью реальности, помогают нам её понимать. Языковое пространство также выражает наше отношение к миру и содержит элементы, присущие мировоззрению конкретной культуры. Через языковые единицы оно рисует уникальную картину мира того или иного социума либо отдельного человека (напр., о территориальной и социальной обусловленности локальной лексики см. [Ерофеева, Исакова, 2022]).

Ориентация в пространстве осуществляется с помощью различных пространственных маркеров: через объекты, размещённые в пространстве, однако в языке пространство не предшествует вещам, которые его заполняют, а наоборот, организуется этими вещами [Яковлева, 1994]. Безусловно, пространство должно так или иначе измеряться. В данной работе определяются средства выражения трёх основных параметров: высота, длина, ширина. Лексические единицы с пространственным значением, которые репрезентируют эти параметры, часто используются в языке и являются важной составляющей образа мира в концептуальном и языковом планах [Всеволодова, Владимирский, 2019].

Несмотря на то что при описании размеров различных объектов в языках могут участвовать разные части речи [Галстян, 2019 ; Коршунова, Лагута, 2023], параметры высоты, длины и широты часто номинируются адъективными единицами. О важной роли таких единиц при описании явлений окружающей действительности и участии их в формировании той или иной модели мира пишут современные лингвисты [Бачаева, 2018 ; Белозерова, 2007 ; Ма, 2021 ; Лобанова, 2018 ; Шиянова 2020, 2022]. Адъективная лексика – это особый и очень важный пласт словарного запаса. Такие единицы обладают уникальными когнитивными структурами, которые отражают в нашем сознании признаки, свойства и качества предметов, зафиксированные в процессе наименования. Из-за относительной самостоятельности своих значений, то, как именно мы понимаем

прилагательные, зависит от того, с какими словами они сочетаются. Изучая адъективы с точки зрения лингвокогнитивистики, мы можем выявить ограничения на их использование и объяснить, почему одно и то же прилагательное может иметь разные значения в сочетании с разными существительными. Согласно названным параметрам в данной работе анализируются имена прилагательные, выражающие языковую модель пространства: 1. Вертикаль: *высокий – низкий, глубокий – мелкий*; 2. Горизонталь: *далёкий – близкий, широкий – узкий, длинный – короткий* и их диалектные синонимы.

2. Семантический анализ имён прилагательных, репрезентирующих пространственные отношения в диалектной речи [Semantic analysis of adjectives representing spatial relations in dialect speech]

Вертикальное пространство вверх от нулевого уровня выражается прилагательными *высокий* и *низкий* (*невысокий*). Основная сема в прямом значении – 'расстояние вверх'. Названные прилагательные употребляются для:

1. Характеристики составных частей окружающей среды: *Елань – ровная местность, елань низкая и высокая быват* (Алб. Скв.)¹; *Гривой называем высокий массив лесной, продолговатый такой* (Уш. Шим.);

2. Обозначения высоты деревьев, растений: *Девятильник растёт высокий, цветёт жёлтым. Для укрепления живота пили* (Бикин.); *С ярника метёлки делают, он невысокий, гибкий. Растёт на марях* (Уш. Шим.). *Есь лён-бегун, он высокий* (Кн-ка Кнст.).

3. Описания построек, сооружений, их ограждений: *И городьба раньше другая была. Высокая, почти вровень с домом* (Ин-ка Арх.). *Стояк у нас во дворе хороший был, высокий. Мы не забором, а стояком называли* (Завитинск).

4. Описания предметов быта: *Кошевня – повозка с высоким задом, глубока, навоз в ей возили* (Поярк. Мих.). *Два бруска сколачиваются, а одёр высокий, как яшишк* (Мар. Облuch.).

5. Характеристики одежды, обуви: *У сеструхи были подборы, таки ботинки высокие на подборе* (Поярк. Мих.). *Мама носила обувь с высокими голенищами, которые заскребались длинным шнурком* (В.-Благ. Благ.). *Шептошки жєницины шили раньше: у них подошва без каблучков, из кожи делали, с рисунком. Шитанки сделаны, как ботинки, высокие, со шнурками, а шептошки – низкие, как тапочки* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.).

6. Характеристики роста человека: *Ишь дыген какой! Очень, значит, высокий человек* (Е.-Ник. Окт.). *Вот дыген какой высокий идёт. Высокий, здоровый – дыген* (Башур. Облuch.). *Хаб. (Облuch. Окт.). Брат мой высокий был, об подушку головой задевал* (Н.-Вскр. Шим.).

Собственно диалектные имена прилагательные в обозначении вертикального пространства и дополнительных уточняющих характеристик: **СТАНОВО́Й** – Высокий, незатопляемый берег реки: *Становой берег уже тутока, который не затопляется. Село на становом берегу, тут сенокосы, пашни. Скотá выгоняют на становой берег, он высокий, возвышенный* (Пашк. Облuch.) **ЖИРОВО́Й** – Высокий гладкоствольный, с ветвями на вершине (о лесе): *Кондовый, жировой лес идёт для построек. Жировой лес он тонкий, прямой, а кондовый он потолще* (Джл. Скв.). **МАТЁРЫ́Й** – Высокий: *Жєних-то матёрый был* (Черн. Магд.). **ПЛУСКА́ТЫЙ** – Невысокий, приплюснутый: *Кокóшник такой плускатый* (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.).

Параметрические прилагательные *глубокий – мелкий* служат средством выражения расстояния вниз от нулевого уровня и употребляются для характеристики также вертикального пространства. Основными семой в этих словах являются семы прямых значений 'расстояние вниз', 'большой', 'малый'. В прямом пространственном смысле они сочетаются со словами, которые содержат в своём значении сему 'углубление на ровной

поверхности', например, яма, канава, нора, река, омут: *Амурская плеть семьдесят сантиметровой длины, она живёт в глубоких омутах* (Уш. Шим.); *А на Амуре материком зовут глубокое место: "Плыл по матерiku"* (Джл. Скв.). *Вот у нас здесь плёсо, тихое, ровное место, глубокий участок от одного кривунá до другого* (Алб. Скв.). Значение указанных слов оказываются относительно поверхности, однако зависят также от особенностей предмета или явления, которое измеряется: *Кругом нижнего жернова закромок сделан с дерева, с дощечек, – как яшшычек неглубокий, по уровню жерновов – закромок, он маленький, его закромок все называют* (Рад. Облuch.).

Диалектные единицы, передающие данное значение; **ГЛЫБКИЙ** – Глубокий: *Дошли до глыбкого места* (Кн-ка Кнст.). Амур. (Кнст.). **МЕЛЬЧЁНЫЙ** – Мелкий, неглубокий: *Здесь мельчёно место, мель* (Пуз. Окт.). Хаб. (Окт.). **УБРОДНЫЙ** – Глубокий, рыхлый (о снеге): *Убродный снег по полям, глубокий, мягкий* (Грод. Благ.). Амур. (Благ.).

Параметрические прилагательные *далёкий – близкий, длинный – короткий, широкий – узкий* выражают горизонтальные измерения пространства.

Так, единицы *далёкий / дальний – близкий / ближний* являются выражением пространственности относительно человека и его возможности / невозможности зрительного восприятия. Основными семами являются семы прямого значения 'расстояние' – 'большой / малый'. Названные единицы нечасто используются в русских говорах Приамурья для обозначения пространственных объектов, как имеющих, так и не имеющих границ (напр., страна, луг, поле, земля, падь): *Когда переворот получился, то повыехали, наехали с далёких стран* (Красн. Маз.) *Я все ягодницы знала и далёкие, и близкие* (Джл. Скв.). Лексема *Дальний* употребляется в номинации собственно региона проживания: *Отсуль, с Дальнего Востока, выгнали белобандитов* (Поярк. Мих.). *Дальний Восток богат был пышиной* (Оренб. Бик.). *В отличие от Запада, в печах на Дальнем Востоке был камин* (Джл.).

Эти лексемы также употребляются для выражения других значений, косвенно отражающих пространственную семантику, например, при характеристике нахождения в родстве: *Сродственники – далёкая родня, а родня – это более близкие люди* (Джл.), ср. диалектное слово **НЕДАЛЁЧКОЙ** в значении – Близкий: *Ты мне родня недалечка* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.).

Более конкретными для выражения пространства по горизонтали и частотными в диалектном языке являются имена прилагательные *широкий – узкий, длинный – короткий*. В структуре их значений основными семами являются 'протяжённость' и 'большой / маленький'. Данные слова употребляются для:

1. Характеристики пространства природных реалий, явлений природы: *Распадок тянется между гор, там грибов, ягоды много. Он широкий* (Джл. Скв.). *Ложина тоже меж сопок, широкий такой овраг* (Алб. Скв.).

2. Характеристики дома, надворных построек: *Раньше городьбу для птицы широкою делали* (Завитинск). *Двое ворот было, котóры ширóки ворота – заездом называли* (Алб. Скв.);

3. Описания размеров предметов быта, рабочих инструментов, приспособлений для рыбалки и охоты: *Байдара – чай в ей сливали, байдара напоминает цветочный горшок. Крынка узкая, а байдара широкая* (Пашк. Облuch.). *Бить ягоду пойду, я биток возьму. Делали берестяные битки: обручóк кругленький, один край широкий, а другой – узкий*. (Уш. Шим.).

4. Описания внешних особенностей животных, рыб: *Белорыбица широкая, белая рыба: сазан, верхогляд, таймень*. (Союз. Окт.). *Лофа под вид кеты, носик у её короткий и широкий. Сейчас она не ловится, а хорóша рыба, вкусная, белая* (Бус. Своб.).

5. Обозначения растений, их компонентов: *Цветут бабцы розовым, лист широкий, ботва зелёная*. (Белояр. Маз.). *Явар-корень у его узкие листочки, длинные* (Бикин).

6. Характеристики одежды, обуви: *Широ́ки юбки были, длинные, бористые* (Рад. Облuch.). *Фартук у ей широкий, бористый* (Арг. Лазо). *Раньше корсетки носили. Она вся приспособана и широкая* (Н.-Вскр. Шим.). *Холодаем и халат называли или что-то широкое, как размахай* (Алб. Скв.).

Собственно диалектные имена прилагательные, имеющие значение 'широкий / узкий': **РАЗЛАТИСТЫЙ** – Широкий: *Раньше глиняны горшки байдарами называли. Байдара, она разлатиста така, ширóка* (Благовещ.). Амур. (Благ.). **ШИ́РНЫЙ** – Широкий: *Рукав у кофты ширным делали* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.). **ВУЗЕНЫЙ** – Узкий. *Вузены ткали полотенца* (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.).

В структуре значений слов *длинный – короткий* основными семами являются 'протяжённость' и 'большой/маленький', употребляются данные слова для:

1. Характеристики пространства природных реалий, освоенных/неосвоенных человеком: *Длинное поле – длинный гон, в одну сторону распахано. Есь короткий и длинный гон* (Пашк. Облuch.). *Есь длинные стога, а кругляши – это круглые стога* (В.-Благ. Благ.).

2. Характеристики дома, мебели: *Хлеб хранили в длинных залавках, из дерева сделанных. Залавка – большой ящик из дерева* (Бдж. Лен.). *Раньше небель какá была – стол да стул, да залавок, длинный, как стол* (Е.-Ник. Окт.).

3. Описания размеров предметов быта, рабочих инструментов, приспособлений: *Бестарка – это короб на телеге, на телегу ставился длинный ящик* (Вен. Вяз.). *А у них, у китайцев-то, трубки таки длинные были, ганзы назывались* (Алб. Скв.). *Тащи, говорит, нырилом, нырило – длинный шест метров пять, вершина гибкая* (Алб. Скв.).

4. Описания приспособлений для охоты, рыбалки, с/х работ: *Турка – ружьё с длинным стволом* (Лерм. Бик.). *Махалка – это удочка та же, только у неё короткая палка, к которой крепится леска* (Калин. Мих.). *Молотили зерно цепами, длинными палками с вальками на конце* (Н.Буз. Своб.).

5. Обозначения растений, их компонентов: *Белым девятильником телят маленьких поят. У него листики длинные и букетики вверху* (Поярк. Мих.). *Кулусун в озере, в болоте растёт, но не камыш, листья длинные, неширокие*. (Е.-Ник. Окт.).

6. Характеристики одежды, обуви: *Дыроватки – рукавицы с дырой и длинные – до локтя*. (Е.-Ник. Окт.). *У меня ботинки где-то с длинными голяшками, башмаки их называли* (Нев. Лазо). *Фатки были длинные, красивые. А я без фатки выходила, убёгом* (Черн. Магд.). *Ушатки таки были, хорошие шапки. Ушатка – така шапка с длинными ушами* (Поярк. Мих.).

3. Заключение [Conclusion]

Значения параметрических прилагательных являются относительными и измеряются относительно эталонов, принятых в определённой культуре для определённого класса явлений. Слова, характеризующие вертикаль, связаны с измерениями относительно поверхности земли. Языковую основу для номинации вертикального измерения пространства составляют прилагательные *высокий-низкий, глубокий-мелкий*. Анализ диалектного материала показал, что наиболее часто прилагательные *высокий-низкий* употребляются для характеристики составных частей окружающей среды, высоты деревьев, растений, описания зданий, сооружений, характеристики предметов быта, одежды, обуви. Адъективы *глубокий-мелкий* в анализируемом материале ожидаемо используются преимущественно для характеристики определённых мест водоёмов.

Горизонтальное пространство характеризуется с позиции человека, который его воспринимает, и может быть направлено в разные стороны. Горизонтальные измерения пространства выражают параметрические прилагательные *далёкий-близкий, длинный-*

короткий, широкий-узкий. В русских говорах Приамурья адъективы *далёкий-близкий* находят единичное употребление при обозначении пространственных объектов, которые имеют / не имеют границы. Более конкретными для выражения пространства по горизонтали и частотными в диалектном языке являются имена прилагательные *широкий-узкий, длинный-короткий*, которые используются для выражения характеристики пространства природных реалий, характеристики дома, надворных построек, описания размеров предметов быта, рабочих инструментов, приспособлений для рыбалки и охоты, характеристика одежды, обуви.

Итак, благодаря наличию адъективных единиц с пространственной семантикой создается языковая модель пространства с её различными параметрами (вертикаль и горизонталь), которая позволяет выявить особенности восприятия окружающей действительности носителем диалекта, в частности то, какими объектами наполнено это пространство и какие параметрические характеристики оказываются в центре внимания.

Библиографический список

- Бачаева, 2018 – Бачаева С. Е. Пространственные прилагательные в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Вестник Северо-Восточного фед. ун-та им. М. К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. 2018. № 3 (11) С. 128–137. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.11.16945>
- Белозерова, 2007 – Белозерова Л. В. Отражение картины мира английскими пространственными прилагательными // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2007. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 1. Ч. 2. С. 140–144.
- Всеволодова, Владимирский, 2019 – Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М. : ЛИБРОКОМ, 2019. 286 с.
- Галстян, 2019 – Галстян С. А. Предлог как средство отражения в языке категории пространства (на материале испанского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 41–51. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_41_51
- Ерофеева, Исакова, 2022 – Ерофеева Т. И., Исакова А. М. Социолингвистические координаты глоссария пермских локализмов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 49–59.
- Коршунова, Лагута, 2023 – Коршунова А. С., Лагута Н. В. Категория локативности и её репрезентация в новостном интернет-дискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 74–84.
- Лебедева, 2000 – Лебедева Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. М. : Языки русской культуры, 2000. 448 с.
- Лобанова, 2018 – Лобанова Ю. С. Отражение свойств пространства и пространственных отношений средствами адъективной лексики (на материале английского языка) // Языковое бытие человека и этноса : сб. науч. тр. по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.) / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. Вып. 20 : Материалы XV Березинских чтений. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 66–74.
- Ма, 2021 – Ма Л. Полисемия русских прилагательных в когнитивном аспекте // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 131–139. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_131_139
- Словарь, 2007 – Словарь Русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
- Слово, 2005–2023 – Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. 2005–2023. Вып. 5–19.
- Чекарева, 2014 – Чекарева Е. С. Прилагательные пространственной ориентации в древнегреческом языке // Universum: филология и искусствоведение. 2014. № 2 (4). URL : <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/1009>

- Шиянова, 2020 – Шиянова А. А. Прилагательные, характеризующие водное и околородное пространство в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 4. С. 700–707.
- Шиянова, 2021 – Шиянова А. А. Семантика прилагательных хантыйского языка, характеризующих погодные явления // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 169–178. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_169_178
- Яковлева, 1994 – Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : «Гнозис», 1994. 343 с.

References

- Bachaeva, S. E. (2018). Prostranstvennyye prilagatel'nyye v kalmytskom geroicheskom epose «Dzhangar» [Spatial adjectives in the Kalmyk heroic epic “Dzhangar”]. *Vestnik Severo-Vostochnogo un-ta im. M. K. Ammosova. Ser. “Eposovedeniye” [Vestnik of North-Eastern Federal University. Series “Epic Studies”]*, 3 (11). (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.11.16945>
- Belozerova, L. V. (2007). Otrazhenie kartiny mira anglijskimi prostranstvennymi prilagatel'nyimi [Reflection of a picture of the world English spatial adjectives]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika [Vestnik of Saint Petersburg University. Philology. Asian Studies. Journalism]*, 1 (2), 140–144. (In Russ.).
- Vsevolodova, M. V., Vladimirsky, E. Yu. (2019). *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke [Ways of expressing spatial relations in modern Russian]*. Moscow : LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Galstian, S. A. (2019). Predlog kak sredstvo otrazheniya v yazyke kategorii prostranstva (na materiale ispanskogo yazyka) [Preposition as a means to reflect the category of space in the language (Based on Spanish)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (4), 41–51. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_41_51
- Erofeeva, T. I., Isakova, A. M. (2022). Sotsiolingvisticheskie koordinaty glossariya permskikh lokalizmov [Sociolinguistic coordinates of the Glossary of Perm localisms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (2), 49–59. (In Russ.).
- Korshunova, A. S., Laguta, N. V. (2023). Kategoriya lokativnosti i ee reprezentatsiya v novostnom internet-diskurse [The category of locativity and its representation in Internet news discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 74–84. (In Russ.).
- Lebedeva, L. B. (2000). Semantika «ogranichivayushchikh» slov [Semantics of “limiting” words]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstv [Logical analysis of language. Languages of spaces]*. Moscow : Yazyki russkoy kultury Press. (In Russ.).
- Lobanova, Y. S. (2018). Otrazheniye svoystv prostranstva i prostranstvennykh otnosheniy sredstvami ad"yektivnoy leksiki (na materiale anglijskogo yazyka) [Reflection of spacial properties and spacial relations by means of adjectival vocabulary (Based on the material of the English language)]. In V. A. Pishchal'nikova, L. R. Komalova, N. N. Germanova (Eds), *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa [Linguistic existence of a human and ethnic group]: Proc. of XV Berezinsk readings, Moscow, May 25, 2018 (Vol. 20, pp. 66–74)*. Moscow : INION RAS Press. (In Russ.).
- Ma, L. (2021). Polisemiya russkikh prilagatel'nykh v kognitivnom aspekte [Polysemy of Russian adjectives in the cognitive aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (3), 131–139. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_131_139
- Galuzha, O. Yu., Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatin, L. F., Schenkovets, N. P. (2007). *Slovar' Russkikh govorov Priamur'ya [Dictionary of Russian dialects of the Amur Region]*. 2nd edn, with revisions and addenda. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Slovo. (2005–2023). *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy [Word: Folklore-dialectological almanac. Materials of scientific expeditions]*. Vol. 2–14. (In Russ.).
- Chekareva, Y. (2014). Prilagatel'nye prostranstvennoy orientatsii v drevnegrecheskom yazyke [Adjectives of the spatial orientation meaning in ancient Greek]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie [Universum: Philology and Art Studies]*, 2 (4). (In Russ.). <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/1009>

- Shiyanova, A. A. (2020). Prilagatel'nyye, kharakterizuyushchiye vodnoye i okolovodnoye prostranstvo v khantyyskom yazyke [Adjectives characterizing the water and near-water space in the Khanty language] *Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]*, 10 (4), 700–707. (In Russ.).
- Shiyanova, A. A. (2021). Semantika prilagatel'nykh khantyyskogo yazyka, kharakterizuyushchikh pogodnye yavleniya [Semantics of the Khanty adjectives characterizing weather phenomena]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (2), 169–178. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_169_178
- Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya) [Fragments of the Russian language picture of the world (Models of space, time and perception)]*. Moscow : Gnoziz Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 03.05.2024.
The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 03.05.2024.

УДК 81'42; 811.11

УДК 81'42; 811.11Ма Татьяна Юрьевна✉, Брагина Анфиса Павловна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
tdovnar@mail.ru

Гендерно-маркированная лексика с компонентом «man» / «woman» в английском языке

Аннотация

Цель статьи – сравнить представленность гендерно-маркированной лексики (ГМЛ) с компонентом «man» / «woman» в словарях и в британской и американской прессе. Сопоставительный анализ значений языковых единиц был проведён на материале толковых онлайн словарей «Cambridge Dictionary» и «Merriam-Webster Dictionary» с целью установления возможных отличий между американским и британским диалектными вариантами английского языка. Сравнительно-сопоставительный анализ был выполнен на материале публикаций электронных версий изданий «The Guardian», «The New-York Times», «The Sun» и «BuzzFeed News» для определения специфики употребления данной категории лексики в дискурсе СМИ. В качестве основных исследовательских параметров были использованы временной, частотный и стилистический. Были также приняты во внимание диалектный вариант и категория прессы – «качественная» и «популярная». В ходе исследования были использованы методы сплошной и частичной выборки, анализ словарных дефиниций, метод сравнения, сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, интерпретационный метод, метод количественных подсчетов, метод автоматизированного поиска по ключевым словам. Выявлено, что большая часть используемой в прессе США и Великобритании ГМЛ не имеет стилистических словарных помет. Формальная и литературная ГМЛ в большей степени тяготеет к «качественной» прессе независимо от временного периода и редко встречается в «популярной» прессе. Гендерно-маркированные сленгизмы и разговорная лексика обнаружены не только в популярной прессе, но и в качественной. Группа устаревшей ГМЛ пополнилась за счёт тенденции гендерной политкорректности в современном английском языке, из-за которой часть ГМЛ теперь носит оскорбительный характер.

Ключевые слова: гендерно-маркированная лексика, СМИ, словарные пометы, диалектные варианты английского языка

© Ма Т. Ю., Брагина А. П. 2024

Для цитирования: Ма Т. Ю., Брагина А. П. Гендерно-маркированная лексика с компонентом «man» / «woman» в английском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 79–92.

Tatyana Yu. Ma✉, Anfissa P. Brahgina
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
tdovnar@mail.ru

Gender-specific vocabulary with the component “man” / “woman” in English

Abstract

The article aims to compare the usage of gender-specific vocabulary (GSV) with the component “man” / “woman” in dictionaries and mass media discourse. A comparative analysis of the meanings of linguistic units was performed using the material of the explanatory online dictionaries “Cambridge Dictionary” and

“Merriam-Webster Dictionary” to establish possible differences between the American and British diatopic varieties of the English language. A comparative analysis was carried out on the material of publications of electronic versions of the publications “The Guardian”, “The New York Times”, “The Sun” and “BuzzFeed News” to determine the specifics of gender-specific vocabulary functioning in mass media discourse. The study involved a number of parameters including time, frequency and style as the main research parameters as well as variance (British or American) and the category of the press (“high-quality” or “popular”) as additional parameters. During the study, continuous and partial sampling (by automated keyword search), analysis of dictionary definitions, comparative analysis, contextual analysis, interpretative method and descriptive statistics techniques were used. The results indicate that the major part of GSV in American and British Press has no stylistic labels in the dictionaries whatsoever. GSVs labeled as “formal” and “literary” are used in “high-quality” press rather than “popular” press no matter the time period. GSVs labeled as slang or informal were found not only in “popular” press but in “high-quality” press as well. Old-fashioned GSV group was enlarged due to the tendency of gender political correctness in English that shifted certain GSVs into the “offensive” category.

Keywords: gender-specific vocabulary, mass-media texts, forms of speech, varieties of the English language

© Ma T. Yu., Brahgina A. P. 2024

For citation: Ma, T. Yu., Brahgina, A. P. (2024). *Genderno-markirovannaya leksika s komponentom «man» / «woman» v angliyskom yazyke* [Gender-specific vocabulary with the component “man” / “woman” in English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 10 (2), 79–92.

1. Введение [Introduction]

Гендерная лингвистика возникла на стыке лингвистики и гендерологии в конце XX века. За эти годы проведено большое количество исследований, открывших новое видение проблемы взаимодействия полов – сквозь призму языка и его системных компонентов: слова и его семантики [Кирилина, Томская, 200 ; Гриценко, Сергеева, 2009 ; Толстова, 2016 ; Мудрая, 2017 ; Половинкина, Васюк, 2020], словообразования и фразеологии [Ласкова, Посиделова, 2012 ; Аксютченко, Власова, 2015], текста и дискурса [Горошко, 2009 ; Самигулина, 2016 ; Тихаева, 2019 ; Викторова, Белоножко, 2023 ; Ма, 2023] и др. При этом кросскультурные и лингвокультурологические работы до настоящего представлены в науке в меньшем объёме, чем все остальные [Кирилина, 2021]. Поэтому развитие данного направления – одна из актуальных задач гендерной науки сегодня.

Гендерные стереотипы и их языковая объективация – важная составляющая современной речевой коммуникации, в которой, с одной стороны, актуализируются и транслируются национально-культурные представления о распределении гендерных ролей в обществе, а с другой, действуют правила политически корректного поведения и в первую очередь языковой такт. Учёт этих составляющих в глобальном диалоге культур, умение правильно воспринимать индикаторы гендерной асимметрии в языке и умение их использовать позволяют специалисту в области лингвистики и межкультурной коммуникации успешно осуществлять профессиональную деятельность в разных сферах жизни общества.

Ц е л ь статьи – сопоставить представленность гендерно-маркированной лексики (далее – ГМЛ) с компонентом «man» / «woman» в словарях и в британской и американской прессе. Материалом для исследования послужили толковые словари «Cambridge Dictionary» и «Merriam-Webster Dictionary», а также публикаций электронных версий изданий «The Guardian», «The New-York Times», «The Sun» и «BuzzFeed News» (1851–2023 гг.). Общий объём фактического материала составил 87 гендерно-маркированных языковых единиц. 100 статей послужили основой для анализа примеров использования нейтральной и стилистически маркированной лексики и проведения количественных подсчётов во второй части исследования.

На первом этапе исследования рассматривается ГМЛ, представленная в толковых словарях английского языка, на втором этапе – примеры её использования в американской и британской прессе с учётом словарных помет и статуса СМИ – «качественных» или «популярных». Анализ и синтез данной информации способствует установлению специфики функционирования указанной категории лексики в речевой практике коллектива и формированию представлений о гендерных стереотипах, которые присутствуют в сознании индивида как языковой личности. Методы сплошной и частичной выборки, анализ словарных дефиниций, метод сравнения, сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, интерпретационный метод, метод количественных подсчётов, метод автоматизированного поиска по ключевым словам были использованы на разных этапах исследования для получения необходимых результатов.

2. Гендерно-маркированная лексика в толковых словарях [Gender-specific vocabulary in explanatory dictionaries]

Первый этап исследования включал сопоставительный анализ ГМЛ с компонентом «man» / «woman» в толковых словарях «Cambridge Dictionary» и «Merriam-Webster Dictionary» с целью выявления соответствующих лексических или понятийных лакун, несовпадающих значений и помет в двух диалектических вариантах английского языка. Поиск и отбор языковых единиц осуществлялся на основе ключевых компонентов «man» и «woman» и их синонимов в словарях.

2.1. Гендерно-маркированные лексические единицы с компонентом «man» [Gender-specific vocabulary with the component “man”]

В словаре «Merriam-Webster Dictionary» представлено больше гендерно-маркированных языковых единиц, чем в «Cambridge Dictionary». Общее количество номинаций составляет 40 единиц, количество слов с совпадающими значениями – 8, имеют отличия в толковании и употреблении – 25, отсутствуют в британском варианте английского языка – 7. Приведём наиболее интересные примеры, подтверждающие существующие расхождения в значениях языковых единиц в зависимости от диалектического варианта английского языка.

Слова «**benedict**» – закоренелый холостяк, который всё-таки женился; «**buck**» – взрослый мужчина, модник; «**cat**» – взрослый мужчина; «**galoot**» – увалень; «**Jack**» – слуга, работник и др.; «**Mr. Right**» – идеальный мужчина («Мистер Совершенство») отсутствуют в словаре «Cambridge Dictionary».

Слово «**dude**» в «Cambridge Dictionary» имеет помету «slang» (сленг), «mainly US» (в основном в США) и обозначает мужчину, парня вообще. В словаре «Merriam-Webster» данное значение с пометой «informal» представлено вторым. Первым – синонимичное «dandy» (денди), то есть, это человек, который уделяет чересчур большое внимание внешнему виду и манере поведения.

Слово «**hombre**» в британском варианте английского языка является лексической лакуной: в «Cambridge Dictionary» представлено с пометой «mainly US» (преим. в США) и включает отрицательную оценочную коннотацию – это сильный или жестокий мужчина. В словаре «Merriam-Webster» – как обозначение любого взрослого мужчины («**guy, fellow**» – парень).

Слово «**gallant**» – «молодой модник», «дамский угодник» – является частеречной лакуной, так как в британском варианте английского языка данное слово не используется как существительное.

Слово «**bastard**» в американском варианте английского языка встречается как обобщённый термин для обозначения неприятного, несговорчивого, грубого человека,

реже – в значении «мужчина», «парень» («man, fellow»), которое включает имплицитную пейоративную эмоционально-оценочную или стилистическую коннотацию (например, с иронией – «a bloody fine bastard» – классный ублюдок). С пометой «offensive» («бран.») лексема «bastard» (неприятный человек) представлена в словаре «Cambridge Dictionary».

Слова «**dandy**» (денди) и «**ladies' man**» (дамский угодник, любитель женщин) также имеют отличия в пометах. В британском варианте английского языка слово «денди» раньше обозначало человека, который одевался в дорожную, модную одежду и очень интересовался собственной внешностью. В словаре «Merriam-Webster» временная помета отсутствует. В словаре «Cambridge Dictionary» сочетание «ladies' man» означает дамского угодника с пометой «old-fashioned» (устар.), в «Merriam-Webster» темпоральной пометы нет.

В словаре «Cambridge Dictionary» представлены два отличительных значения слова «**gentleman**»: 1) вежливый мужчина, который уважительно ведёт себя по отношению к другим людям, особенно к женщинам, 2) член высшего общества.

Согласно данным словаря «Merriam-Webster», лексема «gentleman» в первую очередь означает благородное происхождение человека, которое определяет его модель поведения в обществе: рыцарские качества, следование правилам приличия, отсутствие необходимости работать, особенно заниматься физическим трудом. Архисема «noble or gentle birth» (благородного происхождения), которая доминирует в лексическом значении слова «gentleman» в американском английском, отсутствует в британском варианте английского языка: любой человек может быть вежливым, а человек из высшего общества не обязательно имеет благородное происхождение. Результаты количественных подсчётов приведены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Гендерно-маркированная лексика с компонентом «man»
в толковых словарях
[Table 1. Gender-labeled vocabulary with the “man” component
in explanatory dictionaries]

Полностью совпадают по значению (совпадают с незначительными отличиями)	bride, bird, colleen, damsel, debutante, dowager, housewife, inamorata, ingenue, maid, maiden	11
Отсутствуют в словаре «Cambridge Dictionary»	bobby-soxer, demoiselle, filly, honey, hoyden, junior miss, nymph, pixie (pixy), senorita, subdebutante	10
Отличаются значениями или пометами	belle, chit, game, fishwife, gal, gamine, gentlewoman, girl, girlfriend, lady, lass (lessie), madam, mademoiselle, matron, miss, missus, mistress, old lady, skirt, sister, spinster, teenybopper, tomboy, widow, wife, woman	26

2.2. Гендерно-маркированные лексические единицы с компонентом «woman» [Gender-specific vocabulary with the component “woman”]

Общее количество номинаций, выявленных в словарях «Merriam-Webster» и «Cambridge Dictionary», составляет 47 единиц (табл. 2). Количество слов с совпадающими значениями – 11, имеют отличия в толковании и употреблении – 26, отсутствуют в британском варианте английского языка – 10. Приведём ряд примеров, иллюстрирующих наиболее существенные отличия. Слова «**demoiselle**» – молодая леди; «**nymph**» – девушка; «**pixie**» – обычно миниатюрная жизнерадостная женщина или девушка; «**subdebutante**» – девочка среднего возраста и некоторые другие отсутствуют в словаре «Cambridge Dictionary».

Слово «**lady**» (леди) используется и в британском, и в американском варианте английского языка как вежливое обращение к женщине и титул. Как обозначение устаревшего традиционного поведенческого стереотипа данная языковая единица воспринимается в Ве-

ликобритании (с пометой «old-fashioned»), как нейтральное обозначение любой женщины с утонченными манерами – в США. В «Cambridge Dictionary» слово «lady» так же маркируется пометой «old-fashioned» (устар.), если оно обозначает 1) работу, которую в прошлом выполняла женщина, 2) в прошлом – как грубое обращение к незнакомой женщине в США. В «Merriam-Webster» леди называют в первую очередь женщину, 1) имеющую право собственности или власть, особенно феодальную, 2) получающую дань уважения или преданность рыцаря, возлюбленного, 3) обладающую высоким социальным статусом, 4) жену, возлюбленную, госпожу, 5) женщину, являющуюся членом рыцарского ордена.

Как и в случае со словом «gentleman», большая часть приведённых значений слова «lady» включает культурную коннотацию, наличие которой обусловлено этимологией самого слова – оно апеллирует к древней англо-саксонской цивилизации, времени появления понятия «леди» и специфике его употребления в речевой практике коллектива. Различия в социальном устройстве сообществ Великобритании и США не привели ни к утрате лексической единицы, ни к изменению её статуса в американском варианте английского языка, – что подтверждает отсутствие помет, – но способствовали закреплению в нём значений, маркирующих исторический референт.

В дефинициях слов «**belle**» (красавица) и «**skirt**» (женщина), имеющих по одному приведённому значению в каждом словаре, также есть небольшие отличия. В британском варианте «belle» – красиво одетая привлекательная женщина. В американском – это привлекательная женщина или девушка, которая пользуется особой популярностью и вниманием. В словаре «Cambridge Dictionary» слово «skirt» имеет несколько ограничительных помет («разг.», «груб», «устар.») и используется как вышедшее из употребления обращение по отношению к сексуально-привлекательной женщине. В «Merriam-Webster» данная языковая единица относится к сленгу и обозначает просто женщину или девушку.

Лексема «**gentlewoman**» в словарях представлена как обозначение женщины благородного происхождения, обладающей утонченными манерами, как синоним слова «lady». В «Cambridge Dictionary» данное значение – единственное – имеет помету «old-fashioned» («устар.»). В американском варианте английского языка слово «gentlewoman» также обозначает женщину, прислуживающую знатной даме.

В «Merriam-Webster» закреплённая за словом «**miss**» коннотация нейтральна – это просто девушка или обращение к незамужней девушке или женщине. В «Cambridge Dictionary» данное слово имеет несколько значений и разные оценочные коннотации: 1) отрицательную, – когда обозначает девушку, обладающую плохими манерами (с пометой «устар.»); 2) нейтральную – как титул, используемый перед фамилией или полным именем одинокой женщины, или как обращение к молодой женщине, в том числе учителю со стороны младших школьников.

Слово «**teenybopper**» в «Cambridge Dictionary» отмечено как устаревшее для обозначения девочки-подростка, которая увлекается молодёжной модой, особенно музыкальной. В «Merriam-Webster» данное слово в этом значении встречается без помет и может также обозначать просто девочку-подростка.

В словаре «Merriam-Webster» приводятся два основных значения слова «**spinster**»: прямое – «пряха», и переносное – «старая дева» (с пометой «archaic» – «устар.»). В словаре «Cambridge Dictionary» значение «пряха» отсутствует.

В «Cambridge Dictionary» представлено два значения слова «**madam**»: 1) форма вежливого обращения к женщине, 2) с пометой «неодобр.» – девочка, которая ведёт себя как взрослая женщина и ожидает, что другие будут подчиняться. В словаре «Merriam-Webster», помимо указания на форму вежливого обращения к женщине, данная лексема может означать госпожу, жену, возлюбленную, а также хозяйку борделя.

В «Cambridge Dictionary» приводятся следующие значения слова «**mistress**»: с пометой «устар.» – 1) хозяйка, госпожа, 2) учитель, 3) владелица собаки, 4) без помет –

любовница. В «Merriam-Webster» приведено 5 значений, 4 из которых отличаются от значений слова «mistress» в британском английском, в том числе пометой: 1) госпожа, хозяйка, директор, 2) с пометой «устар.» – любовница, возлюбленная, 3) титул перед именем замужней или незамужней женщины, также с пометой «устар.», 4) используется как приём олицетворения («something personified as female that rules, directs, or dominates» – нечто, персонифицированное как женщина, которое управляет, направляет или доминирует), 5) доминатрикс.

**Т а б л и ц а 2. Гендерно-маркированная лексика с компонентом «woman»
в толковых словарях**

[Table 2. Gender-specific vocabulary with the “woman” component
in explanatory dictionaries]

Полностью совпадают по значению (совпадают с незначительными отличиями)	fiancé, Joe Blow, sir, shaver, sir, sonny, suitor, swain	8
Отсутствуют в словаре «Cambridge Dictionary»	benedict, buck, cat, gallant, galoot, Jack, Mr. Right	7
Отличаются значениями или пометами	bachelor, bastard, beau, bloke, boy, boyfriend, buddy, chap, dandy, dude, fellow, fop, gentleman, groom, guy, hombre, husband, lad, ladies' man, lord, man, male, master, mister, old man	25

**3. Гендерно-маркированная лексика в СМИ
[Gender-specific vocabulary in mass media]**

Анализ материалов электронных СМИ США и Великобритании позволил выявить частотность употребления нейтральной и стилистически маркированной лексики в зависимости от диалектического варианта английского языка и категории прессы – «качественной» или «популярной». Пресса предлагает примеры реального речеупотребления гендерно-маркированных языковых единиц и нередко обозначает современные тенденции их использования в английском языке, предупреждая читателя о возможных границах и нормах обращения к данной категории лексики. Отсутствие единиц с компонентом «man» или «woman» означает, что в данной категории они не встречаются.

Категория стилистически нейтральной лексики (89%). К данной категории относится 17 гендерно-маркированных лексических единиц (далее – ЛЕ), не имеющих словарных помет: «bachelor», «boy», «boyfriend», «bride», «female», «fiancé», «girl», «girlfriend», «groom», «housewife», «husband», «male», «man», «sir», «widow», «wife», «woman». У нейтральной лексики широкий диапазон использования, поэтому она встречается во всех новостных сообщениях и аналитических статьях, освещающих экономические, социальные, политические проблемы, международные отношения, темы спорта, искусства и литературы, религии и шоу-бизнеса.

Категория лексики с пометой «formal» («офиц.») (4,4%). Гендерно-маркированные ЛЕ с данной пометой чаще встречаются в качественной прессе США, чем в качественной прессе Великобритании. Однако могут приобретать новые оттенки значения под влиянием культурного контекста. Например, слово «gentleman» практически не используется сегодня в материалах СМИ в качестве обращения к мужчине или для описания его воспитания и манер. Встречается данная ЛЕ в публикациях, посвящённых джентльменам прошлых веков, чтобы подчеркнуть высокий ранг и знатный род мужчины. Так, в статье 2023 года в газете «The New York Times» «A Classic of Golden Age Detective Fiction Turns 100» – 'Классику детективной литературы Золотого века исполняется 100 лет' – речь идёт о писательнице Дороти Ли Сэйерс. Автор материала описывает персонажа её детективного романа «Чьё тело?» лорда Уимзи как образцового джентль-

мена, наделённого нетипичными для данной категории мужчин чертами. Неисправимый мечтатель и романтик, очень живой и обаятельный Питер Уимзи совсем не походил на человека, полностью погружённого в свой внутренний мир: «Instead of being a cautious introvert, he was lively and charming, with a “long, amiable face”» – 'Вместо того, чтобы быть осторожным интровертом, он был живым и обаятельным, с «длинным дружелюбным лицом»'. После того, как Сэйерс перестала писать детективную литературу, созданный ею оригинальный образ расследующего сложные преступления джентльмена продолжал появляться в литературе новых поколений.

В статьях «качественной прессы» Великобритании и США иногда противопоставляются понятия «character actress» (характерная актриса) и «**ingenue**» (инженю), при этом последнее приобретает контекстуально-обусловленную отрицательную коннотацию, которая ограничивает его употребление в СМИ. В публикации 2023 года «For ‘Last Tango’ Actress, the Ugly Aftermath of Notoriety» – 'Для актрисы «Последнего танго» – уродливые последствия дурной славы' автор подчёркивает, что роли «инженю» прославляют красоту, молодость и привлекательность – за этим образом никто не видит ума и способностей девушек, а по мере взросления, и особенно старения, карьерные возможности актрис уменьшаются. Слово «ingenue» отражает стереотипы поведения и внешности, которые могут негативно влиять на положение женщин в обществе, поэтому авторы статей избегают его употребления как способа характеристики представительниц слабого пола. Исключения составляют цитаты или публикации на тему феминизма, где данная лексическая единица критикуется его сторонниками.

Слово «**mademoiselle**» тоже относится к формальной лексике, однако редко встречается в СМИ. Причину низкой частотности употребления ЛЕ объясняет статья 2012 года в «The Guardian» с заголовком «Madame, Mademoiselle: in France these are about sex, not respect» – 'Мадам, мадемуазель: во Франции эти слова обозначают пол, а не вежливое обращение'. Данные языковые единицы, как подчёркивает автор материала, сегодня указывают не столько на положение женщины в обществе, сколько на её семейное положение, – одинокая она или замужем. В статье «‘Mademoiselle’ Exits Official France» в газете «The New York Times» – '«Мадемуазель» покидает официальную Францию' автор подчёркивает, что слово «мадемуазель» указывает на «семейное положение» женщины, тогда как слово «месье» приравнивается к слову «сэр», поэтому во Франции было принято решение не использовать данную лексическую единицу в официальной документации. Решение отразилось не только на официально-деловом стиле речи во Франции, но и на прессе США и Великобритании – слово редко употребляется в сегодня в материалах СМИ, за исключением цитат в публикациях. Например, в статье «The New York Times» 2018 года «Hubert de Givenchy on Audrey Hepburn» – 'Юбер де Живанши об Одри Хепберн' автор приводит слова из интервью с французским модельером, и слово «mademoiselle» (мадемуазель) появляется только в контексте его рассказа: «Mademoiselle ... I can't make you clothes» – 'Мадемуазель, ... я не могу сшить вам одежду'. Таким образом, в современных статьях качественной прессы «mademoiselle» практически не используется, за исключением случаев цитирования чужой речи или комментирования этимологии или семантики данной ЛЕ.

Категория лексики с пометой «slang / informal» («сленг / неофициально-деловой стиль») (3,4%). Гендерно-маркированные ЛЕ с данной пометой встречаются в британской прессе чаще, чем в американской, причём гораздо реже – в популярной. В статье «The Guardian» 2021 года «**Dude**, the patriarchy messed up my life – and yours too» – 'Чувак, патриархат испортил мою жизнь – и твою тоже' – автор рассказывает о феномене маскулинности и о том, как связанные с ним представления людей влияют на мужчин. Слово «dude» (чувак) употребляется не только в заголовке, где оно используется для имитации привычного и типичного обращения мужчин друг к другу, но и в самой статье: «As I grew up, I felt compelled to shift into **Dude Mode** when I met other young men» – 'По

мере того, как я рос, я чувствовал себя обязанным переходить в «режим мужика», когда встречал других молодых людей'. Словосочетание «Dude Mode» – закреплённый в обществе отрицательный стереотип о лжемаскулинности. «Режим мужика» предполагает минимальную уязвимость и максимальную развязность, которые парни демонстрируют по отношению друг к другу. Тем самым актуализируется не только семантическое противопоставление между разными значениями слова «dude» (чувак) в двух словарях, но и отличие между поведенческими стереотипами, которые оно объективирует.

ЛЕ «**lad**» (парень) чаще употребляется в британских СМИ, независимо от их статуса (71,2%). Слово имеет помету «chiefly British» (преим. брит.), и начиная с 2013 года, в газете «The Guardian» появилось большое количество публикаций, затрагивающих проблемы, связанные с феноменом «**lad culture**» («культура парней»). «Культура парней» – это коллективное грубое или женоненавистническое поведение молодых мужчин, особенно студентов университетов. Например, в статье 2013 года «Is 'lad culture' causing a surge in student feminist societies?» – 'Провоцирует ли «культура парней» появление студенческих феминистских обществ?' – говорится о том, что «культура парней» пронизывает все аспекты студенческой жизни, поэтому женщины пытаются бороться с сексизмом посредством объединения в студенческие феминистские сообщества.

Данное значение слова «lad» так же актуализируется в статье 2013 года «Lad culture: just say no...» – '«Культура парней»: просто скажи «нет»...', которая призывает высказываться против «культуры парней», которая распространяет идеи лжемаскулинности, выражающиеся в пьянстве, неприемлемых шутках, сексуальных домогательствах, а также попытках заставить девушек замолчать на занятиях в университете. Важным замечанием автора статьи является то, что само слово «lad» не вызывало раньше отрицательных ассоциаций у носителей языка, поэтому феномен «lad culture» тяжело воспринимать всерьёз. Когда-то обычное слово приобрело новые отрицательные эмоционально-оценочные коннотации, связанные с проблемой запугивания женщин и современного сексизма, и фактически перешло в разряд сниженной лексики.

ЛЕ «**tomboy**» (девчонка-сорванец) сегодня преимущественно используется авторами в статьях-рассуждениях, в которых рассматривается само понятие «tomboy», а так же мнения и дискуссии на эту тему. В газете «The New York Times» в статье 2015 года «Why Can't We Just Let Girls Be Girls? Readers on the Term 'Tomboy'» – 'Почему Мы не можем просто позволить девочкам быть девочками? Читатели о термине «девчонка-сорванец»' собраны мнения подписчиков о феномене феминности. В эпоху меняющихся гендерных норм понятие «томбой» устарело в глазах издателей, маркетологов и родителей. Некоторые читатели были рады тому, что такой ярлык наконец-то исчезает, другие же выразили ностальгию по слову, описывающему их юность.

Категория лексики с пометой «old-fashioned» («устар.») (2,6%). ЛЕ «**dandy**» (денди) чаще используется в качественной прессе США (64%) и упоминается сегодня преимущественно в статьях, описывающих изменения в моде – например, в публикации «The New York Times» 2018 года «The Dandy Is Dead» – 'Денди больше нет', или рассказывающих о знаменитых личностях прошлых веков. В статье «The New York Times» 1884 года «The Dandy» – 'Денди' можно прочитать, как изменилось с течением времени данное слово. После 1825 года оно перестало обозначать человека смешного и достойного презрения из-за его «по-женски» повышенного внимания к своему внешнему виду, и начало применяться к тем, кто был подтянут, опрятен и тщательно одевался в соответствии с модой того времени. В современном английском языке за словом закрепились положительная коннотация, а в прессе авторы используют его в материалах, посвящённых вопросам истории культуры.

Интересным примером использования устаревшей лексики с компонентом «woman» в СМИ может служить слово «**spinster**», которое в переносном значении – с от-

рицательной оценочной коннотацией – перестало использоваться англоговорящим сообществом для описания незамужней женщины. Большинство статей со словом «spinster» были написаны, когда слово ещё не считалось устаревшим и, тем более, оскорбительным.

В 1888 году в газете «The New York Times» была опубликована статья «Glorified spinsters and bachelors» – 'Прославленные старые девы и холостяки', выражающая негативное отношение к женщинам, которые считают себя самодостаточными и не хотят выходить замуж: «As for “the Glorified Spinster,” we decline to think her glorified at all» – 'Что же касается «прославленной старой девы», то мы вообще отказываемся считать её прославленной'. По мнению автора публикации, стремление женщины к независимости и, как следствие, одиночеству – противоестественно. И чем ярче проявляется желание оставаться незамужней, тем более странной она кажется окружающим.

Со временем отношение к женщинам, которых называют «spinster», изменяется, и тон публикаций в газете «The New York Times» становится более терпимым. Например, в 1988 году появляется статья «Paying Homage To the Spinster» – 'Отдавая дань уважения старой деве', в которой уточняется, что данное понятие уже устарело и перестало быть синонимом несостоятельности и отсутствия любви. Сегодня СМИ США и Великобритании избегают использования слова «spinster» (старая дева) по отношению к женщинам, хотя соответствующей ограничительной пометы в словарях нет. Исключение составляют публикации на тему феминизма, в частности, недопустимости употребления выражения «старая дева» в современной речи.

Категория лексики с пометой «offensive» («бран.») (0,4%). Несмотря на традиционную для «качественной прессы» приверженность литературной норме, журналисты употребляют лексические единицы с подобными пометами, начиная с 1851 года и до настоящего времени. В качестве примера приведём использование лексемы «**bastard**» (негодяй, ублюдок) в заголовке и тексте статьи 2023 года «We knocked the bastard off» (Мы прикончили этого ублюдка) в газете «The Guardian». Цитируя слова известного альпиниста о его опыте покорения Эвереста, автор употребляет данную языковую единицу с целью повышения экспрессивности высказывания. Сниженная лексика в сочетании с фразовым глаголом «knock something off» – 'подбить, сбить' – вызывает у адресата интерес благодаря не характерному для «качественных» СМИ прессы регистру, тем самым увеличивая, несомненно, шансы на прочтение статьи, что объясняет нетрадиционный для данной категории прессы выбор лексической единицы с пометой «бран.».

Категория лексики с пометой «literary» («литерат.») (0,2%). Слова с пометой «книжная лексика» встречаются чаще в качественной прессе США (более 30%) и очень редко используются в популярной прессе США и Великобритании. В газете «The New York Times» слово «**dowager**» (вдова), например, использовалось в XX веке в сообщениях об ухудшении здоровья овдовевших аристократок, а также в некрологах: «COUNTESS IS A SUICIDE.; Former Honor Maid to Russian Dowager Empress Drowns» – 'ГРАФИНЯ ПОКОНЧИЛА С СОБОЙ.; Бывшая фрейлина вдовствующей императрицы России утонула' (1920) или «Dowager Duchess of Roxburghe dies; New York Heiress Was a Close Friend of King George V and Queen Mary» – 'Умерла вдовствующая герцогиня Роксбургская; Наследница Нью-Йорка была близкой подругой короля Георга V и королевы Марии' (1937).

Лексическая единица «**demoiselle**» (мадемуазель), обозначающая молодую девушку, чаще используется в американской качественной прессе, а в популярной прессе США и Великобритании не встречается совсем. Также слово отсутствует в британском толковом словаре «Cambridge Dictionary», что ограничивает ареал его использования американским вариантом английского языка. В газете «The New York Times» слово «demoiselle» преимущественно встречается в материалах, относящихся к периоду 1870–1990-х годов. Например, статья «The Holidays. Among the Jewelers» – 'Праздники. Выбор ювелирных подарков' 1873 года посвящена выбору рождественских подарков и, в частности, ювелирным

изделиям, потому что каждая женщина, по мнению автора, будет им рада: «... every demoiselle burns with the desire to adorn herself with her first brooch and ear-rings» – 'каждая мадемуазель горит желанием украсить себя своей первой брошью и серьгами'.

Единственной лексической единицей с пометой «**literary**», встречающейся чаще в качественной прессе Великобритании, стало слово «**maiden**» (дева). В статье 2000 года в «The Guardian» «Travels with maiden aunts» – 'Путешествия с незамужними тетушками' говорится о том, что число незамужних пожилых женщин в Британии снижается: «Maiden aunts are dying out. Not from old age, but as a species» – 'Незамужние тетушки вымирают. Не от старости, а как вид'. При этом, по мнению автора, обществу необходимо перестать ассоциировать их с грубыми старыми девами или думать о пожилых незамужних женщинах как о «клонах мисс Марпл» – персонаже детективов Агаты Кристи, являющейся стереотипным образом старой девы.

4. Сравнение результатов [Comparing the results]

Общее количество гендерно-маркированных языковых единиц, выявленных в словарях «Merriam-Webster» и «Cambridge Dictionary», составляет 87. Количество слов с совпадающими значениями – 19 (22%), имеют отличия в толковании и употреблении – 51 (59%), отсутствуют в британском варианте английского языка – 17 (19%). Таким образом, почти 80% лексики, представленной в толковых словарях двух диалектических вариантов английского языка, не совпадает по тем или иным параметрам – отличаются значения, пометы, сферы употребления. Большую часть гендерно-маркированной лексики, которая встречается в прессе США и Великобритании, начиная с 1851 года, составляют слова, не имеющие стилистических словарных помет (89%). Наполняемость категорий гендерно-маркированной лексики в СМИ (в абсолютных единицах) представлены в таблице 3.

Слова с пометой «**formal**» занимают незначительную долю гендерно-маркированных единиц, которые используют авторы текстов СМИ. В качестве ключевых были выделены лексемы «**gentleman**», «**madam**» (4,4%). Большую часть гендерно-маркированных лексических единиц с данной пометой составляют слова-обращения или слова, указывающие на социальный статус человека. Несмотря на то что за ними закреплена стилистическая помета «офиц.», авторы качественных изданий избегают употребления некоторых из них (в частности, слова «**mademoiselle**»). Такие лексемы имеют пейоративную оценочную коннотацию и часто становятся предметом противоречивых дискуссий о своей семантике. Исключением становится цитирование чужой речи в статьях.

Гендерно-маркированные сленг и разговорная лексика (3,4%) используются не только в популярной прессе, но и в «качественной». В «The Guardian» выявлено самое большое количество случаев употребления данной категории лексики, что может свидетельствовать о желании журналистов привлечь внимание читателей к своим материалам за счёт повышения экспрессивности газетной речи. В качестве ключевых языковых единиц данной категории лексики выделены «**bloke**», «**buddy**», «**dude**», «**lad**», «**fellow**», «**guys**».

Говоря о причинах распространения сленга в современном английском языке, важно уточнить, что именно СМИ стали главным фактором, обуславливающим растущую популярность данной категории лексики. Заметим, что использование авторами статей слов с пометами «**slang / informal**» (сленг / разг.) сознательно, направленно на то, чтобы сделать изложение материала более живым, наглядным, эмоциональным, приближенным к разговорной речи, для которой такая лексика является естественной и привычной.

Единственным словом с пометой «**бран.**» (0,4%) стало «**bastard**», которое намного чаще встречается в «качественной прессе», чем в «популярной». Наибольшее количество примеров с данной лексемой было выявлено в газете «The Guardian», что обусловлено, несомненно, попытками авторов привлечь внимание читателя к материалу посредством использования лексики сниженного регистра, нехарактерного для «качественной прессы».

Гендерно-маркированная лексика с пометой «old-fashioned» (устар.) (2,6%) также редко встречается в современных статьях англоязычных СМИ. Использование такой лексики продиктовано темой публикации – это национальная история и культура, изменения в жизни современного общества, обсуждение вопросов языковой политики и др. В качестве ключевых слов данной категории лексики были выделены «dandy» и «spinster».

Лексические единицы с пометой «literary» (0,2%) используются в различных статьях качественной прессы реже слов с другими словарными пометами. В популярной прессе книжная лексика почти не используется, поскольку её регистр не соответствует характеру изложения информации в данном виде СМИ. В качестве ключевых языковых единиц были выделены «maiden», «demoiselle», «dowager».

Т а б л и ц а 3. Категории гендерно-маркированной лексики в СМИ
[T a b l e 3. Categories of gender-labeled vocabulary in the media]

СМИ Великобритании	СМИ США
Лексические единицы с пометой «offensive» (оскорбительные)	
«The Guardian»: 11400 «The Sun»: 449	«The New-York Times»: 3270 «BuzzFeed News»: 425
11849	3695
Лексические единицы с пометой «slang/informal» (сленг)	
«The Guardian» 1563412 «The Sun» 162200	«The New-York Times» 710555 «BuzzFeed News» 61450
1725612	772005
Лексические единицы с пометой «old-fashioned» (устаревшие)	
«The Guardian» 7416 «The Sun» 2297	«The New-York Times» 7997 «BuzzFeed News» 125
9713	8122
Лексические единицы с пометой «formal» («офиц.»)	
«The Guardian» 802460 «The Sun» 162604	«The New-York Times» 875235 «BuzzFeed News» 22275
965064	897510
Лексические единицы с пометой «literary» («литер.»)	
«The Guardian» 43864 «The Sun» 4093	«The New-York Times» 28260 «BuzzFeed News» 260
47957	28520

Материалы СМИ свидетельствуют, что некоторые ГМЛ, не имеющие стилистических помет в словарях, сегодня приобретают под влиянием экстралингвистического контекста новые, отрицательные эмоционально-оценочные коннотации. Коннотации не ограничивают использование данной категории лексики в речи, но должны учитываться в процессе перевода. К числу таких ЛЕ можно отнести слова «dude» и «lad».

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что авторы текстов СМИ США и Великобритании избегают употребления любых слов с компонентом «woman», если они могут быть восприняты как оскорбительные по отношению к женщине, независимо от того, есть ли соответствующие пометы в толковых словарях. Языковые единицы «spinster», «mademoiselle» и «maiden» практически не встречаются сегодня в публичной

речи, поскольку транслируют отрицательные гендерные стереотипы, и также не должны быть использованы в процессе перевода, в частности, с русского на английский язык.

5. Заключение [Conclusion]

В ходе исследования были выявлены сходства и отличия в семантике гендерно-маркированных языковых единиц с компонентом «man» / «woman» в диатопических вариантах английского языка – британском и американском – на материале толковых онлайн-словарей «Cambridge Dictionary» и «Merriam-Webster Dictionary». Эти сходства и отличия позволяют получить представление о том, какие гендерно-маркированные единицы являются предпочтительными, а какие – нежелательными, и могут быть восприняты как оскорбительные в процессе общения.

Полученные данные были использованы далее в процессе анализа статей электронных версий популярных и качественных газет США и Великобритании, проведено их сравнение на материале 100 статей. Было выявлено, что большую часть используемой в прессе США и Великобритании гендерно-маркированной лексики составляют слова, не имеющие стилистических словарных помет. Слова с пометой «formal» используются авторами как в современных, так и в самых ранних публикациях качественной прессы, тогда как в популярной прессе такие слова используются редко. Допустимым на сегодняшний день является использование гендерно-маркированных сленгизмов и разговорной лексики не только в популярной прессе, но и в качественной.

СМИ подтверждают статус гендерно-маркированной лексики с пометой «old-fashioned» как редко используемой. Одной из причин редкого употребления является то, что зачастую слова с данной пометой можно отнести к категории «offensive».

Лексические единицы с пометой «literary» используются в различных статьях качественной прессы реже слов с другими словарными пометами, в популярной прессе такие слова почти не используются. Допускается использование гендерно-маркированных лексических единиц с пометой «offensive» как в качественной, так и популярной прессе в случае цитирования чужой речи.

Сейчас такие ЛЕ как «mademoiselle», «spinster», «gentlewoman», «maiden», «tomboy», «fishwife», «ingenue» не соответствуют тенденции к политической корректности, поэтому их следует избегать в процессе межъязыковой коммуникации.

Гендерно-маркированная лексика выполняет ориентирующую функцию в процессе восприятия текста, она «сообщает» информацию о том, как в современном англоязычном обществе распределяются гендерные роли, какие слова с компонентом «man» / «woman» имеют одинаковые значения в британском и американском диатопических вариантах английского языка, какие единицы отсутствуют в одном из вариантов, какие отличаются своей семантикой. Знание особенностей употребления слов и закреплённых за ними оценок оказывается важным для межкультурной коммуникации, обеспечивая адекватность восприятия и интерпретации речевых сообщений принадлежащим разным лингвокультурам языковых личностей.

Библиографический список

- Аксюченко, Власова, 2015 – Аксюченко М. А., Власова К. А. Словообразование как способ презентации гендера (на материале английского и русского языков) // Вестник Нижегородского уни-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 239–244.
- Викторова, Белоножко, 2023 – Викторова Е. Ю., Белоножко Ю. А. Гендерная специфика использования дискурсивов в устном англоязычном научно-популярном дискурсе (на материале TED TALKS) // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 66–74. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/66-74>

- Горошко, 2009 – Горошко Е. И. Особенности гендерной стереотипизации в интернете // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социология». 2009. Т. 22 (61), № 1. С. 49–60.
- Гриценко, Сергеева, 2009 – Гриценко Е. С., Сергеева Е. С. Гендерные асимметрии в словарных дефинициях // Вестник Чувашского ун-та. 2009. № 3. С. 227–233.
- Кирилина, 2021 – Кирилина А. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109–147. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147>
- Кирилина, Томская, 2005 – Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 112–132.
- Ласкова, Посиделова, 2012 – Ласкова М. В., Посиделова Е. А. Гендерная асимметрия в лексикографическом представлении английских фразеологических единиц // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. С. 202–205.
- Ма, 2023 – Ма Т.Ю. Вербальная репрезентация гендерных стереотипов в материалах СМИ США и Великобритании // Язык как структура и дискурсивная практика. 2023. № 1 (1). С. 6–17. <https://language-pnu.ru/language/article/view/32>
- Мудрая, 2017 – Мудрая М. В. Реконструкция системы гендерно маркированных лексем (на материале пословиц) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-3 (76). С. 142–146.
- Половинкина, Васюк, 2020 – Половинкина А. В., Васюк В. В. Особенности употребления гендерно маркированной лексики в английском языке (на материале интернет-версии газеты «the Guardian») // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе : материалы VII Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием, Хабаровск, 21 мая 2020 года / отв. ред. И. Ф. Уманец. Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-т, 2020. С. 199–204.
- Тихаева, 2019 – Тихаева В. В. Специфика репрезентации гендера в медиадискурсе (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 4. С. 68–71. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.14>
- Толстова, 2016 – Толстова М. А. Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 68–75.
- Самигулина, 2016 – Самигулина, Ф. Г. Психофизиологическая и социальная составляющие языковой личности: гендерная специфика дискурса // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 14 : Материалы Междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» 22–23 апреля 2016 / гл. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург, 2016. С. 292–300.
- BuzzFeed News. – BuzzFeed News. URL : <https://www.buzzfeednews.com/>
- Cambridge Dictionary – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/>
- Merriam-Webster Dictionary – Merriam-Webster Dictionary. URL : <https://www.merriam-webster.com/>
- The Guardian. – The Guardian. URL : <https://www.theguardian.com/>
- The New York Times. – The New York Times. URL : <https://www.nytimes.com/>
- The Sun. – The Sun. URL : <https://www.thesun.co.uk/>

References

- Aksyuchenko, M. A., Vlasova, K. A. (2015). Slovoobrazovaniye kak sposob reprezentatsii gendera (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) [Word formation as a method for gender representation (Based on English and Russian languages)]. *Vestnik Nizhegorodskogo uni-ta im. N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]*, 1, 239–244. (In Russ.).
- Viktorova, E. Yu., Belonozhko, Yu. A. (2023) Gendernaya spetsifika ispolzovaniya diskursivov v ustnom angloyazychnom nauchno-populyarnom diskurse (na material TED-TALKS) [Gender aspects of discourse markers in English spoken popular-science discourse (Based on TED TALKS)]. *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Proc. of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 2, 66–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/66-74>
- Goroshko, O. I. (2009). Osobennosti gendernoy stereotipizatsii v internete [Peculiarities of Gender Stereotyping in the Net]. *Ucheniye zapiski Tavrich. nats. un-ta im. V.I. Vernadskogo. Ser. «Filosofiya. Sotsiologiya» [Scientific notes of V.I. Vernadsky Tauride National University]*, 22 (61), 1, 49–60. (In Russ.).

- Gritsenko, E. S., Sergeeva, M. V. (2009). Gendernye asimmetrii v slovarnykh definitsiyakh [Gender asymmetries in dictionary definitions]. *Vestnik Chuvashskogo un-ta [Bulletin of the Chuvash University]*, 3, 227–233. (In Russ.).
- Kirilina, A. (2021). Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tretyego tysyacheletiya [Gender and gender linguistics at the border of the third millennium]. *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 3 (49), 109–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147>
- Kirilina, A. V., Tomskaya, M. V. (2005). Lingvisticheskiye genderniye issledovaniya [Gender studies in Linguistics]. *Otechestvenniye zapiski [Domestic Notes]*, 2 (23), 112–132. (In Russ.).
- Laskova, M. V., Posidelova, E. A. (2012). Gendernaya asimmetriya v leksikograficheskom predstavlenii angliyskikh frazeologicheskikh edinit [Gender asymmetry in lexicographic representation of English phraseological units]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 1, 202–205. (In Russ.).
- Ma, T. Yu. (2023). Verbalnaya reprezentatsiya gendernykh stereotipov v materialakh SMI SShA i Velikobritanii [Language objectification of gender stereotypes in the US and UK media publications]. *Yazyk kak struktura i diskursivnaya praktika [Language as Structure and Discourse Practices]*, 1 (1), 6–17. (In Russ.). <https://language-pnu.ru/language/article/view/32>
- Mudraya, M. V. (2017). Rekonstruktsiya sistemy genderno markirovannykh leksem (na materiale poslovits) [Reconstruction of the system of gender marked lexemes (By the material of proverbs)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 10-3 (76), 142–146. (In Russ.).
- Polovinkina, A. V., Vasyuk, V. V. (2020). Osobennosti upotrebleniya genderno markirovannykh leksem v angliyskom yazyke (na materiale internet-versii gazety «The Guardian») [The peculiarity of usage of gender marked words in the ENGLISH language (On the material of «The Guardian»)]. *Yazyk i kultura: voprosy sovremennoy filologii i metodiki obucheniya yazykam v vuze : Materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Khabarovsk, 21 maya 2020 g. [Language and culture: Issues of modern philology and methods of teaching languages at the university: VII All-Russian Scientific and Practical Conference Proc., Khabarovsk, May 21, 2020]* (pp. 199–204). Khabarovsk : Pacific State University Press. (In Russ.).
- Tikhaeva, V. V. (2019). Spetsifika reprezentatsii genera v mediadiskurse (na materiale angliyskogo yazyka) [Specificity of gender representation in media discourse (By the material of the English language)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 4, 68–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.14>.
- Tolstova, M. A. (2016). Gender v tradicionnoy kulture skvoz prizmu slovarya [Gender in traditional culture through a dictionary]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Kulturologiya i iskusstvovedeniye [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]*, 4 (24), 68–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/22220836/24/7>
- Samigulina, F. G. (2016). Psikhofiziologicheskaya i sotsialnaya sostavlyayushchie yazykovoy lichnosti: gendernaya spetsifika diskursa [Psychophysiological and social components of the language person: the gender specificity of discourse]. In T. A. Gridina (Ed.), *Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Vyp. 14 : Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativna» [Psycholinguistic aspects of studying speech activity. Vol. 14: Proc. "Language. System. Personality: Linguistic creativity"]* (pp. 292–300). Ekaterinburg. (In Russ.).
- BuzzFeed News. (n. d.). BuzzFeed News. <https://www.buzzfeednews.com/>
- Cambridge Dictionary. (n. d.). Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/>
- Merriam-Webster Dictionary. (n. d.). Merriam-Webster Dictionary. <https://www.merriam-webster.com/>
- The Guardian. (n. d.). The Guardian. <https://www.theguardian.com/>
- The New York Times. (n. d.). The New York Times. <https://www.nytimes.com/>
- The Sun. (n. d.). The Sun. <https://www.thesun.co.uk/>

УДК 811.512.212, 81'33

Морозова Ольга Николаевна^{1✉}, Кремлева Виктория Андреевна²,
Тирон Екатерина Леонидовна³, Уртегешев Николай Сергеевич⁴

^{1,2} Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

^{3,4} Институт филологии СО РАН

г. Новосибирск, Российская Федерация

morozova_olga06@mail.ru

Опыт акустического анализа эвенкийской песенной речи. Часть 1

Аннотация

В настоящей статье представлен опыт акустического анализа песни-импровизации одного из идиолектов (в женском исполнении), относящихся к усть-нюкжинскому говору восточного наречия эвенкийского языка. Рассматриваются такие аспекты, как средние значения акустических характеристик гласных (длительность, формантные характеристики, интенсивность, качественные модуляции звуковой волны (дополнительные артикуляции)); звуковысотные изменения фонации гласных, вокальные вставки в сочетании согласных, распевные гласные и акустические приёмы внутри них, создающие музыкальные эффекты в эвенкийской народной певческой традиции. Результаты демонстрируют следующие основные особенности: 1) более продолжительная длительность гласных, обусловленная типовой слогоритмической структурой напева; 2) огласовка первого согласного в двучленном консонантном кластере, разрешённом в середине эвенкийского слова; 3) большая амплитуда звуковысотных изменений голоса, 4) разнообразие мелодических контуров (ровные, глиссандирующие восходящие и нисходящие, вибрирующие и мордентообразные), 5) акустические корреляты дополнительных артикуляций гласных (эпиглоттализация, глоттализация (мягкая, умеренная, жёсткая), фарингализация, радикализация). Все они являются результатом разной включённости в речевую деятельность гортанного и глоточного отделов при исполнении анализируемого материала.

Ключевые слова: исчезающий язык, эвенкийский язык, фонетика, песенная речь, гласный, согласный, артикуляционно-акустические характеристики

© Морозова О. Н., Кремлева В. А., Тирон Е. Л., Уртегешев Н. С. 2024

Для цитирования: Морозова О. Н., Кремлева В. А., Тирон Е. Л., Уртегешев Н. С. Опыт акустического анализа эвенкийской песенной речи. Ч. 1 // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 93–106.

Olga N. Morozova^{1✉}, Viktoria A. Kremleva²,

Ekaterina L. Tiron³, Nikolay S. Urtegeshev⁴

^{1,2} Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

^{3,4} Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

morozova_olga06@mail.ru

Experience of acoustic analysis of Evenki vocal speech. Part 1

Abstract

This article presents the data on an idiolect study by means of the acoustic analysis of a song-improvisation (female performance) related to the Ust-Nyukzha variety of the eastern dialect of the Evenki language. A number

of aspects were considered including average values of acoustic characteristics of vowels (duration, formant characteristics, intensity, additional types of articulation), sound-pitch changes in vowel phonation, vocal insertions in combinations of consonants, chanting vowels and acoustic techniques within them, creating musical effects in the Evenki folk singing tradition. The obtained results demonstrate the following major acoustic features: 1) longer vowel duration determined by the specific syllable-rhythmic pattern of the chant; 2) emerging of vowel insertions after the first consonant of medial two-consonant clusters allowed in Evenki words; 3) a larger amplitude of pitch changes in the voice, 4) a variety of melodic contours (smooth, gliding ascending and descending, vibrating and mordent-shaped), 5) acoustic correlates of additional articulations of vowels (epiglottalization, glottalization, pharyngealization, radicalization) explained by the different involvement of the parts of the larynx during the performance of the analyzed material.

Keywords: endangered language, Evenki language, phonetics, singing, vowel, consonant, articulatory-acoustic properties

© Morozova O. N., Kremleva V. A., Tiron E. L., Urtegeshev N. S. 2024

For citation: Morozova, O. N., Kremleva, V. A., Tiron, E. L., Urtegeshev, N. S. (2024). Opyt akusticheskogo analiza evenkiyskoy pesennoy rechi. Chast' 1 [Experience of acoustic analysis of Evenki vocal speech. Part 1]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 93–106.

1. Введение [Introduction]

Пение, или вокальное искусство, народов Севера уже долгое время привлекает исследователей, в том числе фонетистов-акустиков и этномузыкологов. Вокальная речь является формой звуковой речи, которой, как и любому другому виду речевой деятельности, свойственны определённые особенности. При общем механизме звукообразования имеются явные отличия вокальной речи от обычной: специфика акустического строения, большая амплитуда работы голосовых связок, которая характеризует увеличенную мощность и громкость звука, наличие длительных гласных, разные особенности тембра, постоянное движение основного тона и ряд других специфических свойств [Морозов, 1977, 2008].

Следует сказать, что не все упомянутые выше акустические параметры относятся к произвольным, что характерно для обычной речи. Например, варьирование длительности гласных образует ритм, а мелодией вокальной речи выступает изменение высоты основного тона. Данные параметры заранее предопределены нотной записью вокального произведения, а в случае исполнения северной песни-импровизации («что вижу, о том пою») – традицией народного исполнения.

К акустическим отличиям песенной речи от разговорной также следует отнести различные виды музыкальных стилистических украшений, например, вибрато (специфическое свойство гласных, которое отсутствует в обычной речи), повышенную полётность (или носкость) голоса и т. д. [Ржевкин, 1936]. В работе «Основы вокальной методики» вышеупомянутые особенности также указывались как типичные характеристики певческого голоса [Дмитриев, 2007]. Однако в своих исследованиях авторы не используют понятие «вокальная речь», а пользуются термином «певческий голос». И. И. Левидов обозначал пение как «музыкальную речь» или «омузыкаленную речь» [Левидов, 1939]. Таким образом, исследования вокальной речи начались гораздо раньше, чем появился сам термин «вокальная речь».

Основные акустические особенности вокальной речи определяют своеобразие её слухового восприятия. Вокальная речь характеризуется также рядом особенностей физиологических механизмов образования (особый тип дыхания, работы гортани, резонаторов и т. п.). Кроме того, «артикуляционно-акустическая база интонирования включает артику-

чит, увеличением значений F1 и F2, что несвойственно для гласных в потоке обычной речи. Наш фонетический анализ показал, что эти закономерности оказались характерными и для эвенкийской песни-импровизации. Ниже представлена таблица с акустическими характеристиками гласных фонем в эвенкийской песне.

Т а б л и ц а 1. Средние значения акустических характеристик гласных в эвенкийской вокальной речи

[T a b l e 1. Mean values of acoustic characteristics of Evenki vowels in vocal speech]

Фонема	Длительность (мс)		F1 (Гц)	F2 (Гц)	Дополнительные типы артикуляций
	мин	макс			
/i:/	451	550	573	2029	фарингализация
/i/	68	108	589	1763	эпиглоттализация, глоттализация
/з:/	684	1459	730	1934	фарингализация, напряженность
/з/	120	230	697	1325	эпиглоттализация, фарингализация, напряженность
/а/	124	734	688	992	эпиглоттализация, фарингализация, напряженность
/о/	200	293	719	1270	эпиглоттализация, фарингализация, напряженность, радикализация
/у/	105	240	555	1293	веляризация, фарингализация, глоттализация

Из таблицы 1 видно, что длительность гласных значительно варьировала. Разница между минимальными и максимальными значениями могла быть совсем небольшой, как для реализаций долгой фонемы /i:/, а могла и достигать до 100% и даже значительно превышать эту цифру, как, например, для реализаций фонемы /а/ (разница почти в шесть раз). Такая вариативность иллюстрирует зависимость длительности гласных в вокальной речи от метро-ритмических особенностей поэтического устройства музыкального произведения, в соответствии с которой продолжительность сегментов во времени в песенной эвенкийской речи может различаться (она может быть краткой, долгой и сверхдолгой, что обусловлено позицией сегмента в слоγοоритмической схеме напева), в отличие от обычной речи, где долгота эвенкийских гласных является свойством фонологическим, поскольку они участвуют в словоразличении.

Анализ формантных значений, представленных в таблице 1, учитывая известный параллелизм акустических характеристик и артикуляционных движений, показал, что эвенкийские гласные верхнего и среднего подъёмов /i:/, /i/, /з:/, /з/, /о/ реализовались в пении как более открытые, или дегенизированные (т. е. челюсть при их артикулировании опускается), увеличивая, тем самым, объём ротовой полости по вертикали (максимальная лингвальная апертура), а также увеличивается радикальная апертура – отстояние корня языка от задней стенки фаринкса). В то же время, [а]-образные гласные, наоборот, были сужены¹. У [у]-образных гласных не было отмечено какой-либо вариативности, связанной с изменением формантных показателей в вокальной речи. Следовательно, прямая зависимость «высокий уровень основного тона гласных → увеличение их значений F1 и F2» на нашем материале оказалась характерной лишь для нелабиализованных гласных верхнего и среднего подъёмов в эвенкийской певческой речи.

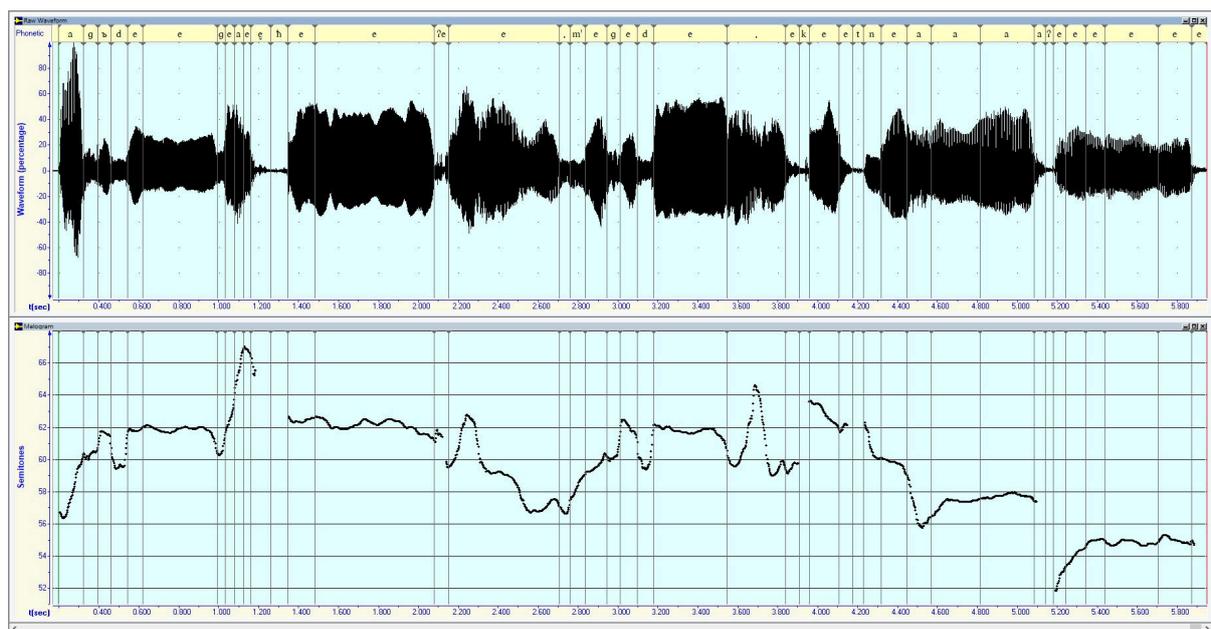
В качестве примера дегенизации можно привести пропевание гласного переднего ряда верхнего подъёма /i:/. Во втором слоге слова *агдыгачин* 'как гром' звучание реали-

¹ Возможно, имеет место индивидуальная манера исполнения диктора, когда нет привычки широко открывать рот при пении или имеется зажим нижней челюсти.

зации фонемы /i:/ состоит из двух компонентов и воспринимается как [ε]-образный гласный. Акустические характеристики первого участка гласного: $D^2 = 76$ мс, $FI = 586$ Гц, $FI = 2107$ Гц, интенсивность его составляет $-9,9$ дБ³ на фоне фарингализации и напряжённости его фонации. Второй участок гласного: $D = 375$ мс, $FI = 591$ Гц, $FI = 2393$ Гц, интенсивность $-13,4$ дБ. Опираясь на приведённые значения акустических параметров гласного, можно заключить, что гласный переднего ряда верхнего подъёма /i:/ реализуется как более открытый гласный, которому характерна дегенизация при большой продолжительности звучания (451 мс), что связано с естественным и свободным движением нижней челюсти при пении вниз и немного вперёд.

3.1. Звуковысотные изменения фонации гласных [Sound-pitch change in vowel phonation]

На основе анализа уже первого слова эвенкийской песни агдыгачин 'как гром' следует отметить, что стационарные участки на формантной картине не типичны для реализации эвенкийских гласных, а на распевках можно зафиксировать подчинённое ритму песни затягивание звуков. Безусловно, обозначенное пропевание гласных при непрекращающемся звуковысотном изменении их фонации представляет собой сложность фонетического разбора. В результате требуется применять дробный анализ гласного (разбивка гласного на несколько сегментов) для точности характеристики возникающих акустических эффектов и тембра вокальной настройки.



Р и с у н о к 2. Осциллограмма и основной тон 1-й строки песни
[Figure 2. Waveform and pitch of the 1st line of the song]

Вариант фонемы /a/ в первом слове агдыгачин 'как гром' начинается без глоттального приступа, без приглушения, фонация гласного реализуется плавно, без глоттальных смычек. Формантные характеристики гласного варьируют на протяжении всей его реализации, что говорит о постоянном изменении положения языка в ротовой полости относительно нёбного свода по горизонтали и вертикали, что вызывает каче-

² Длительность (от англ. duration)

³ Используется система измерения в Speech Analyzer.

ственные изменения вокальной настройки и меняет тембральную окраску гласного. С музыкальной точки зрения на гласный приходится начальный элемент краткой слогоритмической единицы (конечным его элементом является огласовка звука [g])⁴. На протяжении всего гласного наблюдается восходящее глоссандо от низкого *a* (56,5 st⁵) к высокому *c* (60,7 st) первой октавы, при этом более протяжёнными по времени являются крайние участки, особенно конечный (см. рис. 2). Общая длительность составляет 124 мс, акустические характеристики начального (экскурсионного) участка – FI = 736 Гц, FII = 1081 Гц; выдержки гласного – FI = 893 Гц, FII = 1289 Гц; конечной фазы гласного (рекурсия) – FI = 821 Гц, FII = 1506 Гц; интенсивность гласного составляет -3,4 дБ. К концу реализации гласного усиливается его интенсивность. Кроме того, звуковая волна претерпевает дополнительные модуляции за счёт включения ларингальных артикуляций. В результате, финальная часть /a/ в большей степени эпиглоттализирована по сравнению с начальной. Кроме того, к концу гласного регистрируется фарингализация, на слух она придаёт вокальной настройке некоторую сжатость, сдавленность, «глухость» и напряжённость.

Реализация фонемы /a/ в третьем слоге слова *агдыгачин* 'как гром' представляет собой трифтонгоид, который имеет [з]-образное начало, переходящее в [а]-образную фонацию, возвращаясь затем в более узкий конечный тип [з]; на первых двух компонентах гласного зафиксирована фарингализация или маленькая черпалонадгортанная апертура. Подобные типовые и звуковысотные изменения [з~а~з] в резонаторах надгортанных полостей, возможно, позволяют исполнителю избежать в голосе плоскости звучания, придавая эффект объёмности фона. Гласный [а] снова приходится на краткую единицу слогоритма, которая вновь реализована как восходящее глоссандо, только теперь от *c* (60,5 st) к *g* (67,1 st) первой октавы. На этот раз статистически выделена верхняя зона (от 66,6 st до 67,1 st). Акустические характеристики гласного следующие. Первый [з]-образный компонент: D = 46 мс, FI = 649 Гц, FII = 2299 Гц, интенсивность участка составляет -8,2 дБ. Второй [а]-образный компонент: D = 49 мс, FI = 758 Гц, FII = 2230 Гц, интенсивность участка составляет -7,3 дБ. Третий [з]-образный компонент, на котором нет фарингализации: D = 36 мс, FI = 782 Гц, FII = 2255 Гц. Судя по высоким показателям второй форманты, тело языка располагается в передней части ротовой полости, почти вплотную к первой половине твёрдого нёба. Четвёртый компонент представляет собой приглушенную часть гласного, при генерации которой на уровне голосовых складок возникает немотивированное сужение, т.е. глоттализация. Роль данного компонента состоит в медленном «торможении» фонации гласного, благодаря этому участку нет резкого обрыва звучания.

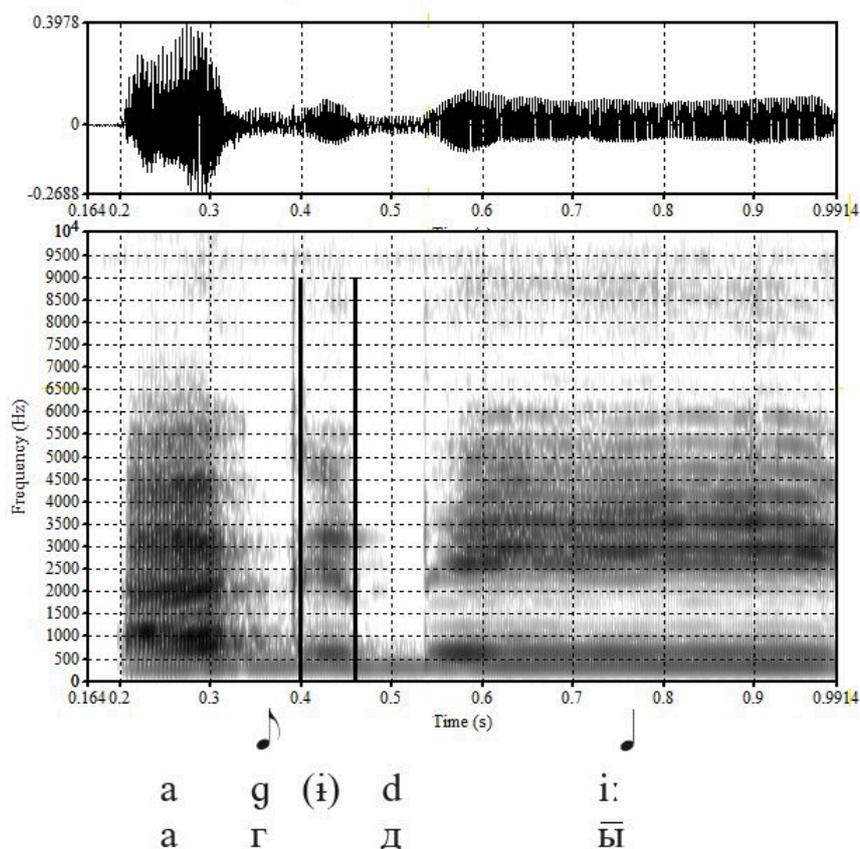
3.2. Вокальные вставки в сочетании согласных [Vocal insertions in combination of consonants]

Интересно отметить, что разрешённые в середине эвенкийского слова консонантные кластеры реализуются в условиях песни с вокальной вставкой. Так, сочетание согласных /gd/ в слове *агдыгачин* 'как гром' заполняется вокальной вставкой для распева

⁴Поэтический текст песни организован по принципу чередования строфы и припева, основанного на повторении синсемантического слова *агагэллэй*. В музыкальном отношении строфа и припев не различаются. Строфа и припев двустигмны. Поэтические строки представляют собой 8-сложники с цезурой после 4 слога (4+4) и реализуются в типовой слогоритмической структуре ♪♪♪♪♪♪♪♪ . Мелодия каждой строки имеет нисходящий волнообразный рисунок, при этом инициальные сегменты финальные сегменты двух строк в музыкальном отношении идентичны (*ab cb*). Ладозвукорядная организация напева – пятиступенный ангемиотонный октавный звукоряд с опорой на нижнюю субтерцию: *G b c d g*. В целом, данный напев является типичным для эвенкийских лирических песен *икэн*, для которых характерны протяжные мелодии с волнообразным мелодическим контуром, тетракорд в объёме квинты как основа ладозвукоряда (в нашем случае к основному тетракорду прибавилась ступень *g*), инициальные восходящие квартовые скачки и терцовые финальные ходы [Кардашевская, 2022]. Условные обозначения нот, принятые в музыке: *c* – до, *d* – ре, *e* – ми, *f* – фа, *g* – соль, *a* – ля, *h* – си, *b* – си бемоль.

⁵st – сокращённое обозначение полутона (от англ. *semitone*).

[i] (МФА⁶) или [ъ] (УУФТ⁷), акустические характеристики которой следующие: $D = 68$ мс, $FI = 589$ Гц, $FP = 1763$ Гц (при модуляции вокальной волны межзубная часть спинки языка отстоит от второй половины твёрдого нёба (индекс 48.2)), что характеризует гласный как полуширокий, среднего ряда (или нейтрализованный); небольшая интенсивность гласного (13,3 дБ) в совокупности со сверхкраткостью говорят о слабой силе громкости, а редуцированности гласного. Подобная вокальная вставка (интракритика) нарушает слоговую структуру слова, но не изменяет музыкальный метроритм: она также реализуется в пределах длительности восьмой ноты, составляя с предшествующим гласным первую короткую слогоритмическую единицу (см. рис. 3 – границы вставки показаны вертикальными линиями). В музыковедении данный приём называется огласовкой. Как правило, его функция – это дробление нормативного слогоритма, учащение метроритмической пульсации базового текста. Подчиняясь общему ритмико-мелодическому замыслу песенного произведения, интракритика не образует самостоятельной единицы слогоритмической схемы, включаясь в её нормативную структуру. Здесь мы наблюдаем пример несоответствия реальной реализации слова и базовой слогоритмической структуры текста. Кроме того, подобная вокальная вставка, разделяя консонантный кластер, благодаря своей большей временной протяжённости, по сравнению с «неогласованным» произнесением создаёт эффект «смягчения» резкого перехода от заднеязычной артикуляции к переднеязычной при реализации двух смычных согласных.



Р и с у н о к 3. Вокальная вставка [i] ([ъ]) в консонантном кластере /gd/ в слове *агдыгачин* 'как гром'

[F i g u r e 3. Vocalic insertion of [i] in the cluster /gd/ in *agdygachin* 'as thunder']

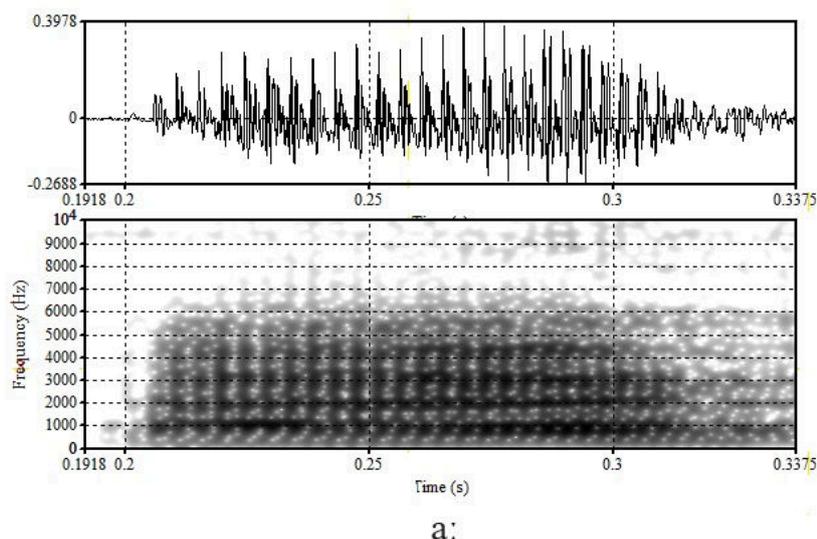
⁶МФА — Международный фонетический алфавит [Handbook..., 1999].

⁷УУФТ — Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция [Наделяев, 1960].

3.3. Дополнительные артикуляции [Additional articulations]

При анализе песенного материала нами уделялось большое внимание дополнительным артикуляционным характеристикам, которые, на наш взгляд, следует фиксировать при анализе сегментных единиц. Представленные в таблице 1 дополнительные артикуляционные характеристики гласных объясняются разной включённостью работы разных частей гортани в речепроизводстве. Так, черпалонадгортанные складки и надгортанник моделируют эпиглоттальные или надгортанниковые звуки. «Черпалонадгортанные складки окаймляют вход в гортань с обеих сторон, с одной стороны они прикрепляются к боковой поверхности надгортанника, с другой – к верхушкам черпаловидных хрящей» [Ростовцев и др., 2013, с. 8]. Создаваемая складками вибрация образует дополнительный акустический эффект «скрипучего голоса», который называется эпиглоттализацией. На осциллограмме колебания черпалонадгортанных складок отражены как провалы в амплитуде, где каждый последующий пик волны ниже предыдущего. Зрительно картинка таких амплитудных провалов на осциллограмме похожа на «гребёнку», на спектрограмме – на «гармошку» [Уртегешев, 2022, с. 24].

Пример включения дополнительных артикуляций (эпиглоттализации и фарингализации⁸) при пропевании заднерядного /a/ показан на рисунке 4. На осциллограмме в зоне нулевой оси имеются затемнённые участки, на спектрограмме это зашумление гласного фиксируется в диапазоне от 2.5 кГц до 4 кГц, что соответствует узкой черпалонадглоттальной апертуре или фарингализации.

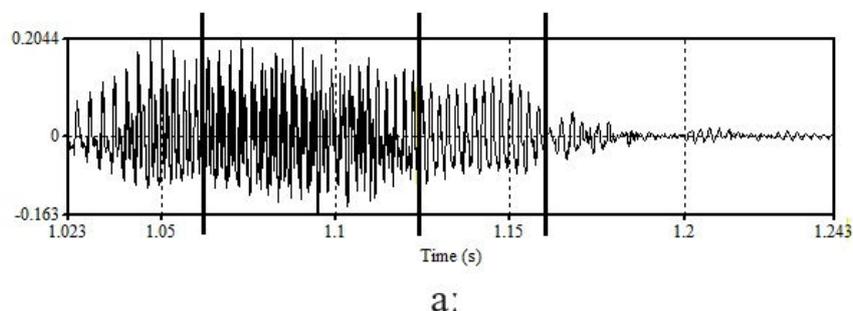


Р и с у н о к 4. Эпиглоттализация и фарингализация гласного /a:/ в абсолютном начале слова *агдыгачин* 'как гром'
[F i g u r e 4. Epiglottalization and pharyngealization of word-initial /a:/ in *agdygachin* 'as thunder']

В результате анализа песенного материала эвенков было установлено, что дополнительные артикуляции не обязательно реализуются на протяжении всей фонации гласного. Например, фарингализация может присутствовать в начале звучания сегмента, но в медиали и финальной частях эффекта фарингализованности может и не быть. Так, на осциллограмме (рис. 5 – реализация [a] в третьем слове /ga/ слова *агдыгачин* 'как гром') видно, что первые два компонента фарингализованные, более интенсивные и напряжённые

⁸ Фарингализация – дополнительная артикуляция, при которой происходит сужение черпалонадгортанных складок, результатом которого является эффект сжатия без импульса (смычных и щелевых толчков) [Уртегешев, 2022, с. 25].

ные, чем третий компонент, у которого отсутствуют вышеперечисленные характеристики. Четвёртый компонент является приглушённой частью данного гласного. По нашему мнению, данный участок выполняет функцию постепенного «торможения» фонации гласного, чтобы плавно перейти к следующему согласному.



Р и с у н о к 5. Распределение дополнительных типов артикуляции при фонации гласного /a/ [Figure 5. Distribution of secondary articulations in /a/]

3.4. Распевные гласные и акустические приёмы внутри них, создающие музыкальные эффекты [Chanted vowels and acoustic techniques within them that create musical effects]

Песенная речь насыщена разнообразными артикуляционно-акустическими приёмами, которые позволяют исполнителю таким образом создавать уникальное тембровое звучание, характерное для эталона данной локальной песенной традиции. Полеми для реализации различных музыкальных приёмов становятся в первую очередь гласные звуки, артикуляция которых даёт возможность исполнителю «подключать» артикуляционно-акустические приёмы сжатия, смыкания, напряжения и т. п. для достижения эффектов плотного, прерванного, интенсивного звучания.

При анализе эвенкийской песенной речи были зафиксированы такие исполнительские приёмы, как затягивание (распевание) гласных, морденты, каскады и единичные вкрапления глоттальных смыков, жёсткая глоттализация, поджатие (компрессия) истинных голосовых складок к ложным для обеспечения акцента или паузы.

Позиционно-комбинаторный вариант фонемы /i/ в суффиксе *-гачин*⁹ в слове агдыгачин реализуется в полушироком [e]-образном гласном. Он включён в наиболее распевный в мелодическом отношении сверхдолгий элемент слогоритмической схемы напева: на фоне его реализации происходит нисходящее движение мелодии песни в пределах большой терции общей длительностью 1355 мс (см. рис. 6).

Анализируемый гласный, проиллюстрированный на рисунке 4, соответствует сверхдолгой четвёртой слогоритмической единице (↓ дробится на четыре ритмических элемента)¹⁰ и состоит из двух компонентов, сложных по своему составу. Акустические характеристики первого компонента гласного, соответствующего четвертной длительности (805 мс), следующие: первая часть – D = 136 мс, FI = 606 Гц, FII = 1209 Гц, вторая – D = 595 мс, FI = 604 Гц, FII = 2355 Гц. Со звуковысотной точки зрения этот компонент

⁹Суффикс *-гачин* после имени существительного даёт значение подобия, сходства. *Бира* 'река' – *биргачин* 'как река', 'словно река', 'подобно реке' [Василевич, 1958, с. 750].

¹⁰Кроме гласного в данную слогоритмическую единицу включаются и согласные. Сонорный /п/ получает протяжённое звучание, время которого относится к последней восьмой длительности. Огласовки сонорного здесь не происходит, поскольку начало его звучания не совпадает с метрической пульсацией. Начальный для данного слога согласный /ф/ относится к этой же слогоритмической единице. Отметим, что роль начального согласного не всегда будет таковой, поскольку иногда такие согласные могут восприниматься как-бы из затакта (особенно при начальном стечении согласных), занимая время предшествующей слогоноты. Возможно, то или иное положение согласного связано с его качеством.

относительно ровный (62,4 st, что соответствует *d*), с небольшим понижением в конце (до 61,6 st).

После второй части первого компонента гласного реализуется особый приём – вокальная вставка с плоттализацией, которая маркирует границы компонентов. Вставка с жёсткой плоттализацией внутри элемента осуществляется на фоне эпиглоттализации, плоттализации и сильного сжатия гортани, её транскрипционная запись может быть следующей [ʔe]. Акустические характеристики гласного с жёсткой плоттализацией: D = 74 мс, FI = 588 Гц, FII = 2231 Гц.

Второй компонент очень открытой реализации фонемы /i/ в суффиксе *-гачин* является сложным по своей структуре – фузионным трёхчастным гласным (550 мс), он пропеваётся исполнителем на три нисходящих звука в пределах большой терции *d-c-b* на две шестнадцатые и восьмую ноту (см. рис. 1). Первый звук реализуется как восходящее глиссандо от *c* (60,0 st) к *d* (62,8 st), что служит дополнительным средством выделения этого начального элемента второго компонента от предшествующего, занимающего тот же звуковысотный уровень. Второй звук является ровным (*c* – 59,2 st), а третий – ровным с небольшим повышением высоты в районе полутона в третьей части (*b* – 56,9 st и 57,6 st). При артикуляции этого компонента усиливаются эпиглоттализация и громкость гласного. Его акустические характеристики следующие: первая часть D = 155 мс, FI = 628 Гц, FII = 2327 Гц, интенсивность -5,8 дБ; вторая – D = 199 мс, FI = 531 Гц, FII = 2205 Гц, интенсивность -5,4 дБ; третья – D = 196 мс, FI = 617 Гц, FII = 2368 Гц, интенсивность -9,9 дБ.

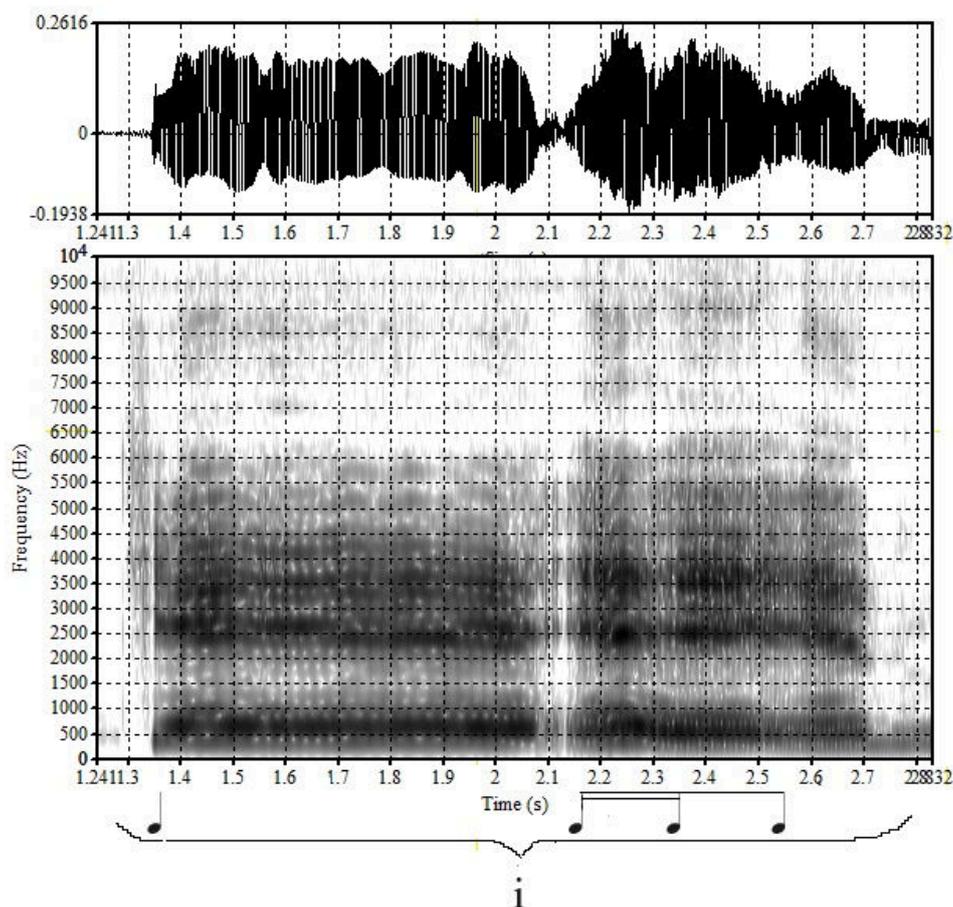


Рисунок 6. Реализация гласного из суффикса *-чин*
[Figure 6. Vowel from the suffix *-chin*]

При анализе общей длительности сложной многокомпонентной структуры гласного /i/ можно увидеть, что мелодико-ритмический рисунок напева и длительности всех частей гласного имеют соответствия, т. е. музыкальная и фонетическая составляющие действуют синхронно: 731 мс + 155 мс + 199 мс + 196 мс (см. рис. 6).

4. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, к основным акустическим особенностям вокальной речи относят:

1) более продолжительную длительность гласных, обусловленную подчинением типовой слогоритмической структуре напева;

2) широкую вариативность длительности гласных, связанную с тем или иным местоположением в слогоритмической структуре;

3) появление дополнительных гласных при огласовках согласных, которые, как правило, играют подчинённую общей слогоритмической структуре роль, не образуют отдельные слогоритмические единицы, а вкладываются в предшествующие нормативные слоги базового текста;

4) большую амплитуду звуковысотных изменений голоса, в которой с помощью различных средств (как правило, это большая продолжительность, а также акценты, восходящее или нисходящее глиссандо к необходимой высоте и др.) выделяются значимые для ладовой организации напева высоты; последние, в свою очередь, не являются точечными, а имеют возможности зонной реализации [Кондратьева, 2018];

5) различные реализации мелодических контуров (ровные, глиссандирующие восходящие и нисходящие, вибрирующие и мордентообразные), возникающие благодаря большей продолжительности звучания гласного;

6) наиболее значимую роль гласных для метроритмического выделения слоговой организации вокальной речи и периодичности метрической организации напева в целом;

7) специфику организации дыхания, обусловленную композиционным строением напева;

8) большую силу фонации, связанную с необходимостью обеспечения большего потока воздуха в пении.

Во-вторых, результатом экспериментально-фонетического анализа эвенкийского песенного текста является фиксация следующих фонетических явлений. Песни-импровизации демонстрируют широкую акустическую фузию гласного, при которой констатируется генерация многовершинковости вокальных настроек на уровне голосовых складок; фиксируется модуляция вокальной примаволны за счёт разных ротоглотогортанных артикуляций, которые накладываются друг на друга при прохождении через речевой тракт на фазы гласного (экскурсия, выдержка и рекурсия). Вследствие распевания затянутый гласный может иметь от двух до одиннадцати компонентов, каждый из которых характеризуется разной комбинацией дополнительных артикуляций.

В-третьих, характерной артикуляцией при многовершинковых (многокомпонентных) гласных является верхнее положение гортани, где происходит компрессия (сильное сжатие) голосовых складок. При наличии синхронности сжатия связок и работы верхней части артикуляционного аппарата образуется целый ряд музыкальных эффектов вокальной речи. Обозначенная протяжённость звуков при звуковысотном изменении фонации представляет сложность для фонетического разбора.

В-четвёртых, основными характеристиками акустической организации речи, связанными с сегментной структурой, оказались: наличие/отсутствие стационарных участков и «смыков», продолжительное звучание гласных, пропевание всех i-образных гласных как [e]-образных.

Наконец, выявлены значительные отклонения песенного исполнения диктора от приведённой орфографической записи песни. Зафиксированы затянутые по длительности гласные полного образования доминируют во всех фонетических позициях (81% от общего их количества).

По нашему мнению, перспективным исследованием эвенкийского языка может быть экспериментально-фонетический анализ звучащей песенной речи, например, по имеющимся фольклорным материалам [Обрядовая..., 2014] в сравнении в ороchonском народным фольклором [高贺杰, 2022], что будет служить целям сохранения и ревитализации исчезающих языков трансграничных территорий России и Китая.

Библиографический список

- Варламова и др., 2014 – Обрядовая поэзия и песни эвенков. Т. 32 : Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин, А. Н. Мыреева, О. Э. Добжанская, Ю. В. Лиморенко, С. П. Рожнова, Е. Н. Кузьмина, Г. Е. Солдатова, Е. И. Исмагилова. Новосибирск : Гео, 2014. 487 с.
- Дмитриев, 2007 – Дмитриев Л. Б. Основы вокальной методики. М. : Музыка, 2007. 368 с.
- Кардашевская, 2022 – Кардашевская Л. И. Песенный фольклор эвенков Якутии : автореф. дис. ... канд. иск. : 17.00.02 ; Арктический гос. ин-т культуры и искусств. Новосибирск, 2022. 21 с.
- Кондратьева, 2018 – Кондратьева Н. М. Статистическое установление звукоряда одного музыкально-фольклорного образца: специфика высотной шкалы чал-канского похоронно-поминального плача сыгыт // Вестник музыкальной науки. 2018. № 2 (20). С. 104–111. <https://www.doi.org/10.24411/2308-1031-2018-00055>
- Кондратьева, Мазепус, 1990 – Кондратьева Н. М., Мазепус В. В. Изучение артикуляционно-акустической базы народного интонирования // Проблемы культуры в условиях Сибири и перестройки : тез. докл. респ. науч. конф. Кемерово, 1990. С. 79–82.
- Левидов, 1939 – Левидов И. И. Певческий голос в здоровом и больном состоянии. Л. ; М. : Искусство, 1939. 102 с.
- Леурда, 2019 – Леурда О. П. Вокальные мелизмы в процессах стилистического развития американской популярной музыки // Universum. Филология и искусствоведение. 2019. №10 (67). С. 4–8. <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2019.67.10>
- Мазепус, 1998 – Мазепус В. В. Артикуляционная классификация и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор. Комплексная текстология / отв. ред. А. И. Алиева. М. : Наследие, 1998. С. 24–51.
- Мешкова, 2001 – Мешкова Е. М. «Глоттальный взрыв» и «глоттализация» в германских языках // Язык, сознание, коммуникация. 2001. № 19. С. 46–71.
- Моль, 1966 – Моль А.. Теория информации и эстетическое восприятие. М. : Мир, 1966. 351 с.
- Морозов, 2009 – Морозов В. П. Вокальная речь. Психоакустические исследования // Научная сессия памяти академика РАН Л.М. Бреховских и профессора Н. А. Дубровского. М. : Геос, 2009. С. 167–196.
- Наделяев, 1960 – Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М. ; Л, 1960. 67 с.
- Ржевкин, 1936 – Ржевкин С. Н. Слух и речь в свете современных физических исследований. М. ; Л. : ОНТИ НКПТ СССР, 1936. 311 с.
- Ростовцев и др., 2013 – Лучевая диагностика рака гортани (тактика, трудности, ошибки) / М. В. Ростовцев, Г. Г. Кармазановский, И. В. Литвиненко, М. : Видар-М, 2013. 96 с.
- Рубцов, 1973 – Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. М. : Советский Композитор, 1973. 221 с.
- Сысоенко, 2017 – Сысоенко В. В. Типологические характеристики гласных вокальной речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1 (71). С. 149–154.
- Уртегешев, 2022 – Уртегешев Н. С. Гортань: основная и дополнительная артикуляция // Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире. 2022. № 2. С. 16–30. <https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/29>

- Уртегешев, 2023 – Уртегешев Н. С. Веляризация в бурятском языке: по соматическим и акустическим данным // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 165–181.
- Уртегешев, 2024 – Уртегешев Н. С. Формантные показатели «веляризации». Ч. I // Алтаистика. 2024. С. 48–60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-48-60>
- Handbook of the International Phonetic Association. A Guide to the Use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge University Press, 1999. 204 p.
- Гао, 2022 – 高贺杰, 森林的回声: 关于鄂伦春人歌唱的音乐民族/ 重庆. 西南大学出版社. 2022 年. 288 页 [Гао Х. Эхо леса: музыкальная этнография народного пения ороочонов. Чунцин : Изд-во Юго-Западного ун-та, 2022. 288 с.].

References

- Varlamova, G. I., Shejkin, U. I., Myreeva, A. N., Dobzhanskaya, O. E., Limorenko, U. V., Rozhnova, S. P., Kuz'mina, E. N., Soldatova, G. E., Ismagilova, E. I. (2014). *Obryadovaya poeziya i pesni evenkov [Ritual poetry and songs of the Evenks]*. Novosibirsk : Geo Press. (In Russ.).
- Dmitriev, L. B. (2007). *Osnovy vokalnoy metodiki [The outlines of vocal technique]*. Moscow : Muzyka Press. (In Russ.).
- Kardashevskaya, L. I. (2022). *Pesenny folklor evenkov Yakutii [Song folklore of the Evenks of Yakutia]*. Author's abstract of PhD in Art History diss. Novosibirsk : Arctic State Institute of Culture and Arts. (In Russ.).
- Kondrateva, N. M. (2018). Statisticheskoe ustanovlenie zvukoryada odnogo muzykalno-folklornogo obraztsa: spetsifika vysotnoy shkaly chalkanskogo pohoronno-pominalnogo placha sygyt [Statistical search of a scale of one musical-folklore sample: specificity of the pitch scale of the Chalkan funeral-memorial lament sygyt]. *Vestnik muzykalnoy nauki [Journal of Musical Science]*, 2 (20), 104–111. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.24411/2308-1031-2018-00055>
- Kondrateva, N. M. Mazepus, V. V. (1990). Izuchenie artikulyatsionno-akusticheskoy bazy narodnogo intonirovaniya [Study of the articulatory-acoustic base of folk intonation]. *Problemy kul'tury v usloviyakh Sibiri i perestroyki [Issues of Culture in Siberia during Perestroyka period]* (pp. 79–82). Kemerovo : Kemerovo State Institute of Culture Press. (In Russ.).
- Levidov, I. I. (1939). *Pevcheskiy golos v zdorovom i bolnom sostoyanii [Singing voice in a healthy and sick state]*. Leningrad ; Moscow : Iskusstvo Press. (In Russ.).
- Leurda, O. P. (2019). Vokalnye melizmy v processakh stilisticheskogo razvitiya amerikanskoj populyarnoy muzyki [Vocal melismas in the processes of stylistic development of American popular music]. *Universum. Filologiya i iskusstvovedenie [Universum: Philology and Art History]*, 10 (67), 4–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2019.67.10>
- Mazepus, V. V. (1998). Artikulyatsionnaya klassifikatsiya i printsipy notatsii tembrov muzykalnogo folklor [Articulatory classification and principles of notation of timbres of musical folklore]. In A. I. Alieva (Ed.), *Folklor: Kompleksnaya tekstologiya [Folklore. Textology]* (pp. 24–51). Moscow : Nasledie Press. (In Russ.).
- Meshkova, E. M. (2001). «Glottalnyy vzryv» i «glottalizatsiya» v germanskikh yazykakh [“Glottal stop” and “glotalization” in Germanic languages]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya [Language, Conscience, Communication]*, 19, 46–71. (In Russ.).
- Mol, A. (1966). *Teoriya informatsii i esteticheskoe vospriyatie [Information theory and aesthetic perception]*. Moscow : Mir Press. (In Russ.).
- Morozov, V. P. (2009). Vokalnaya rech. Psihoakustichesie issledovaniya [Vocal speech. Psychoacoustic research]. *Nauchnaya sessiya pamyati akademika RAN L.M. Brehovskikh i professora N. A. Dubrovskogo [Scientific session in memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L. M. Brekhovskikh and Professor N. A. Dubrovsky]* (pp. 167–196). Moscow : Geos Press. (In Russ.).
- Nadelyaev, V. M. (1960). *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkriptsii (UUFT) [The project of universal unified phonetic transcription (UFT)]*. Moscow, Leningrad. (In Russ.).
- Rzhevkin, S. N. (1936). *Slukh i rech v svete sovremennykh fizicheskikh issledovaniy [Hearing and speech in the light of modern physical research]*. Moscow, Leningrad : ONTI NKPT USSR Press. (In Russ.).

- Rostovtsev, M. V., Karmazanovskiy, G. G., Litvinenko, I.V. (2013). *Luchevaya diagnostika raka gortani (taktika, trudnosti, oshibki) [Radiation diagnosis of laryngeal cancer (Tactics, difficulties, errors)]*. Moscow : Vidar-M Press. (In Russ.).
- Rubtsov, F. A. (1973). *Stati po muzykalnomu folkloru [Articles on musical folklore]*. Moscow: Sovetskiy Kompozitor Press. (In Russ.).
- Sysoenko, V. V. (2017). Tipologicheskie kharakteristiki glasnykh vokalnoy rechi [Typological characteristics of vowels of vocal speech]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 5-1 (71). (In Russ.).
- Urtegeshev, N. S. (2022). Gortan: osnovnaya i dopolnitelnaya artikulyatsiya [Larynx: primary and secondary articulation]. *Rodnye yazyki i kultury v sovremennom izmenyayushemsya mire [Native Languages and Cultures in the Modern Changing World]*, 2, 16–30. Retrieved March 20, 2024 from <<https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/29>>. (In Russ.).
- Urtegeshev, N. S. (2023). Velyarizatsiya v buryatskom yazyke: po somaticheskim i akusticheskim dannym [Velarization in the Buryat language: Somatic and acoustic data]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 165–181. (In Russ.).
- Urtegeshev, N. S. (2024). Formantnye pokazateli «velarizatsii». Chast I [Formant indicators of “velarization”. Part I]. *Altaistika [Altaistics]*, 48–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-48-60>
- Handbook of the International Phonetic Association. A Guide to the Use of the International Phonetic Alphabet. (1999). Cambridge University Press.
- Gao, H. (2022). Sēnlín de huíshēng: Guānyú èlúncūn rén gēchàng de yīnyuè mínzú / Chóngqìng. xīnán dàxué chūbǎn shè. 2022 nián. 288 yè [*The echo of the forest: musical ethnography of Orochon's folk singing*. Chongqing : Southwest University Press]. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

УДК 81'23

Никитичев Илья Геннадьевич
Курский государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
ignikitichev@mail.ru

Выбор средств речевого воздействия как фактор эвристичности в академическом дискурсе билингвов

Аннотация

Статья посвящена изучению речевого воздействия в академическом дискурсе билингвов. Указывается, что выбор билингвом средств речевого воздействия является важным фактором эвристичности академического дискурса при передаче научно-профессиональных знаний. Отмечено, что принадлежность билингва к определённому типу билингвизма в лингвистическом аспекте определяет диапазон использования функциональных возможностей востребованного языка коммуникации, что является основанием продуктивной познавательной деятельности. На примерах реальных речевых произведений продуцентов-билингвов выявлены языковые дискурсивные средства, репрезентирующие эвристичность культурно-обусловленной речевой деятельности мотивированных билингвов. Зафиксировано, что в академическом дискурсе билингвов, предусматривающем познавательную деятельность в условиях смешения двух языковых систем, необходимо использование определённых языковых приёмов для интенсификации речевого воздействия с целью понимания нового знания на иностранном языке.

Ключевые слова: академический дискурс, билингвизм, языковая личность, восприятие слова, познавательная активность, языковые средства речевого воздействия

© Никитичев И. Г. 2024

Для цитирования: Никитичев И. Г. Выбор средств речевого воздействия как фактор эвристичности в академическом дискурсе билингвов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 107–122.

Ilya G. Nikitichev
Kursk State University
Kursk, Russian Federation
ignikitichev@mail.ru

Speech influence means selection as a factor of heuristics in academic discourse of bilinguals

Abstract

The article aims to examine the phenomenon of speech influence in the academic discourse of bilinguals. It is indicated that the bilingual's choice of means of speech influence is an important factor in the heuristics of academic discourse in the transmission of academic and professional knowledge. It is noted that the type of bilingualism in the linguistic aspect determines the range of functional language use possibilities that form the basis of productive cognitive activity. Using the examples of real speech events of bilingual producers, the linguistic means of speech influence that represent the heuristic nature of the culturally specific speech activity of motivated bilinguals are highlighted. It is noted that in academic discourse involving cognitive activity of a bilingual in the context of mixing two language systems it is necessary to use certain linguistic devices to intensify speech influence in order to achieve understanding of new knowledge in a given language.

Keywords: academic discourse, bilingualism, linguistic personality, heuristics, cognitive activity, linguistic means of speech influence

© Nikitichev I. G. 2024

For citation: Nikitichev, I. G. (2024). *Vybor sredstv rechevogo vozdeystviya kak faktor evristichnosti v akademicheskom diskurse bilingvov* [Speech influence means selection as a factor of heuristics in academic discourse of bilinguals]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 107–122.

1. Введение [Introduction]

Тенденция языковой политики в современном мировом сообществе определяет вопросы языковых контактов как одно из основополагающих направлений в сфере международного сотрудничества, что привлекает внимание исследователей к проблеме различных аспектов билингвизма. В рамках этой проблемной области нам видится необходимым научное осмысление речевого поведения билингвов. С одной стороны, представлено множество исследований билингвизма как многоаспектного феномена, но, с другой стороны, остаются недостаточно разработанными научные алгоритмы речевого поведения билингвов в их познавательной деятельности.

Зарубежные лингвисты [Hamers, 2000 ; Grosjean, 2008 ; García, 2013] понимают под билингвизмом способность объясняться на двух языках, продуцировать и осмысливать высказывания на втором языке, регулярно использовать два языковых кода, владеть двумя языками либо в равной степени, либо при преобладании одного из языков. Так, в понимании американского структуралиста У. Вайнрайх билингвизм представляет собой «практику попеременного пользования двумя языками» [Weinreich, 2010, с. 1], что вполне согласуется с мнением Ф. Грожана, который относит к билингвам людей, регулярно использующих в повседневной жизни не менее двух языков, и указывает на невозможность оценивать билингвов с точки зрения сбалансированности языков в сознании конкретного индивида, поскольку сферы применения языков, как правило, различны [Grosjean, 2010]. Отмечается, что конститутивным в определении билингвизма является способность к порождению осмысленного высказывания на неродном языке, следуя понятиям и структурам этого языка и суждению об аутентичности высказываний вне зависимости от уровня языковой компетенции для успешной реализации коммуникативных целей в условиях разных коммуникативных ситуаций.

Следует подчеркнуть, что изучение речевого поведения билингвов подводит к необходимости комплексного исследования этого явления, поскольку соотношение между языком и образом мира билингва координируется также психолингвистическими, лингвокультурными и социокультурными аспектами. По нашим наблюдениям, представленные в этих научных направлениях работы выходят за рамки лингвистической теории, представляя совокупность всего спектра факторов, определяющих языковое поведение билингвов в коммуникации. Учёные указывают, что «исследования различных аспектов двуязычия позволяют лучше понять языковую действительность и её экспликацию в лингвокультурах, что способствует усложнению языковых теорий как части филологического знания и расширяет спектр освоения естественного языка» [Зубкова, Фахрутдинова, 2021, с. 60]. Актуальность изучения речевого поведения билингва во взаимосвязи функционирования языка с сознанием и мышлением, на наш взгляд, обусловлено возможностью по-новому интерпретировать и осознавать феномен языковой личности билингва в аспекте речевой деятельности как части более широко контекста познавательной деятельности, что составляет предмет нашего научного интереса.

Мы фокусируем внимание на на выборе языковых средств речевого воздействия в академическом дискурсе билингвов на английском языке как факторе приобретения

нового научного знания и его воплощении в дальнейшей профессиональной деятельности, что предусматривает умение «владеть традиционным метаязыком англоязычного научного описания» [Андросова, 2016, с. 15]. Уточним, что эвристичность как важнейший признак нового научного знания вербализуется в научном тексте, а его производство и функционирование проходят в речевой форме, структура и содержание которой «с необходимостью отражают закономерности познавательного процесса» [Чернявская, 2016].

Далее считаем необходимым изложить представленные в литературе психологические и лингвистические характеристики билингвизма как важные факторы спектра возможностей билингва по осуществлению эвристической речевой деятельности. Феномен билингвизма «вырабатывается самим активным субъектом по законам психической деятельности человека как система деятельностных ориентиров для говорения и понимания речи через переработку речевого опыта и опыта познания мира» [Залевская, 2010, с. 265]. Такой ракурс в исследовании предполагает акцент на антропоцентрической парадигме, где на первый план выходит языковая личность билингва, которая в процессе коммуникации изменяется, так как билингв приобретает новое понимание изучаемых научных концептов. Изучение этого психологического конструкта согласно целям и мотивам коммуникации «требует выхода за рамки лингвистики, т. е. теории языка, теории межкультурной коммуникации и т. д. – в психологию личности, психологию общения и так далее с акцентированием внимания на специфике познавательных процессов и межличностных контактов» [Залевская, 2009]. В фокусе феномена языкового сознания личности находит отражение картина мира билингва как система знаний и представлений, которая определяет специфику значения актуализируемого слова. Речевое поведение билингва как комплекс перцептивных, когнитивных и аффективных процессов приводит к пониманию единства процессов восприятия, познавательной деятельности и эмоционально-оценочных явлений в сознании билингва. Эти явления действуют «в составе слаженного ансамбля <...> индивида как личности и члена социума, включенного в разнообразные физические и социальные контексты» [Залевская, 2010, с. 263]. В этом связи представляется рациональным заметить, что в «профессиональном дискурсе для участников коммуникативного акта необходимо единое или сходное понимание реальности, так как единство понимания реальности создает предпосылки для общения специалистов» [Зубкова, 2013, с. 45].

Сказанное даёт основание предположить, что конструирование новых научно-профессиональных знаний у билингвов в совместном коммуникативном контексте, предусматривает общие целевые установки, мотивацию и общность сознания коммуникантов, предполагает активную познавательную позицию билингва, выработку деятельностных ориентиров как условий успешного достижения коммуникативных целей по принципу «для меня – здесь – сейчас».

Продуктивность речевого воздействия в дискурсе билингвов, на наш взгляд, наилучшим образом интерпретируется посредством обращения к типологии билингвизма. В лингвистических исследованиях [Чиршева, 2012 ; Легостаева, 2014 ; Басте, 2019] типология билингвизма рассматривается на основании таких критериев, как вариант овладения языком, связь с активным состоянием сознания, цели использования языков, количество используемых языков, условия изучения языков, степень овладения каждым языком, переключение с одной языковой системы на другую, характер интеграции языков. Определяя билингвизм по способу овладения языком как естественный и искусственный (учебный), отметим, что в фокусе нашего исследования находится вербальная составляющая институционального общения на иностранном языке именно учебных билингвов.

Согласно типологии билингвизма Е. М. Верещагина, который характеризует двуязычие как психический механизм, позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам [Верещагин, 2014], акцентируем внимание на ряде критериев, которые включены ученым в классификацию билингвизма. Так, по способу связи речи с мышлением определяются непосредственный и опосредованный билингвизм [БПС, 2009]. Непосредственный билингвизм предусматривает прямую связь между языком и мышлением, что проявляется в интуитивном владении языком. Опосредованный билингвизм связан с проявлением вторичных речевых умений через первичные, что соотносится с вербально-логическим мышлением, при котором каждое последующее высказывание основано на переработке предыдущего опыта.

Как нам видится, интуитивный тип мышления может быть включён в коммуникативные речевые акты как спонтанный, что в большей степени соотносится с определением естественного билингвизма. Нами принимается наиболее релевантный учебным билингвам тип мышления в академическом дискурсе, согласно которому билингв обдуманно производит выбор языковых средств в процессе познавательной деятельности.

С психологической точки зрения по числу действий, выполняемых на основе речевого умения, дифференцируется: рецептивный билингвизм (воспринимающий), предусматривающий способность понимать речь на втором языке аудиально или визуально, но без порождения речевых произведений; репродуктивный билингвизм (воспроизводящий), устанавливающий способность только воспроизводить услышанное и прочитанное на втором языке, например, употребление в речи когнатов, а также воспроизведении речевых клише; продуктивный билингвизм (производящий), который определяется как способность понимать, воспроизводить и порождать речевые произведения на втором языке. Как нам видится, такое деление коррелирует с мыслью о том, что «для успешной коммуникации искусственные билингвы должны владеть не только необходимым набором базовых языковых средств, терминологией и речевыми клише, но и знаниями культурных норм используемого в профессиональной коммуникации языка» [Зубкова, Никитичев, 2023, с. 75]. Отметим принципиально важное замечание Е. М. Верещагина о том, что в реальной коммуникации билингвов «осмысленная речь» не всегда бывает «правильной», так как обусловлена интерференцией; «неправильная речь» билингвов может обеспечить адекватную передачу информации, не нарушая коммуникативной функции языка, например, благодаря языковой избыточности [Верещагин, 2014, с. 26–27]. В этой связи обратим внимание, что в лингвистическом аспекте учёный определяет следующие типы билингвизма: субординативный билингвизм, при котором все иноязычные речевые произведения ненормативны и подвержены интерференции со стороны первого языка; медиальный билингвизм, при котором речь билингва адаптирована частично; координативный тип билингвизма, согласно которому продуцент способен лингвистически грамотно строить речевое высказывание в соответствии с нормами иностранного языка.

С позиции представления типов билингвизма в рамках академического дискурса рационально предусматривать продуктивный координативный тип билингвизма со стороны продуцента, который в наибольшей степени обеспечивает эффективную коммуникацию, включение в речь дополнительных элементов речевого воздействия для реализации фактора эвристичности. Билингв-продуцент, сохраняя национальную идентичность, ассимилирует все признаки вторичной языковой личности, обеспечивая высокую степень правильности интерпретации научных концептов на актуальном иностранном языке, что является принципиально значимым в академическом дискурсе. Реализация эпистемической и коммуникативной функций актуального языка коммуни-

кации при передаче научно-профессиональных знаний с очевидностью подразумевает речевое воздействие с использованием языка на всех языковых уровнях.

Ц е л ь настоящего исследования состоит в выявлении средств речевого воздействия в речи билингов при трансляции научного знания в жанре лекции и дискурсивных средств языка, которые выбирает продуцент для оптимально доступной передачи излагаемой научной информации. Дискурсивные маркеры представляются как средства речевого воздействия, являющиеся индикаторами познавательной деятельности билинга, организующие и интенсифицирующие речевое воздействие в дискурсе.

2. Актуализация речевого воздействия в академическом дискурсе билингов [Speech influence in bilingual academic discourse]

2.1. Материал и методика исследования [Materials and methods]

Для репрезентации речевого воздействия в академическом дискурсе билингов мы обратились к материалам курсов научно-образовательных лекций в рамках академического дискурса, находящихся в открытом доступе. Речевые реализации русскоязычных билингов-продуцентов изучены на основе курса лекций социально-гуманитарного цикла *New Independent States in a Comparative Perspective* [Ильин, 2007], прочитанных доктором политических наук, профессором М. В. Ильиным в 2007 г. (7 лекций, общая длительность звучания 8:29:01), курса лекций *Great Britain: Culture Across History* [Воевода, 2007], подготовленного под руководством профессора, доктора педагогических наук Е. В. Воеводы, 2007 г. (7 лекций, общая длительность звучания 6:47:25), а также лекции кандидата исторических наук А. А. Иванова *Strategic Ambiguity in the Asia Pacific: Roots, Features and Means of Treatment*, общая длительность звучания 1:21:11 [Ivanov, 2021]. Из материала было отобрано 90 контекстов (2234 слова) для дальнейшего анализа.

Типовыми участниками дискурса определены продуцент (лектор) – профессионально подготовленный учебный билингв с координативным типом билингвизма, реципиенты – учебные билингвы, студенты университета. Актуальный язык – английский. Цель дискурса со стороны продуцента – передача научного знания, со стороны реципиента – получение новых знаний и их применение в дальнейшей профессиональной деятельности на основе ценностей истинности, объективности и опровержимости, а также способности к познанию и самореализации со стороны реципиента. При анализе стенограмм обозначенных материалов использованы следующие методы: метод семантического анализа для выявления функциональной значимости дискурсивных языковых средств, используемых с целью донесения смысла высказываний, а также методом лингвистического описания охарактеризованы языковые единицы, актуализирующие категорию эвристичности речи билинга-продуцента.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Результаты исследования речевых произведений позволили выявить и описать общие закономерности использования билингом языковых средств в академической коммуникации. Отмечено, что трансляция научного знания билингвами основывается на универсальных академических нормах актуального языка коммуникации и изложения научной информации в соответствии со структурными элементами лекции «введение в тему лекции – доказательное аргументирование – обобщение». На всех этапах трансляции научного знания наблюдается использование номинативных языковых единиц, представляющих основные научные концепты социально-гуманитарной области знания при информировании и введении в тему лекции. При этом отметим, что билингвы включают в речь экспрессивные лексико-грамматические средства для создания образной интерпретации смыслов научных понятий, позволяющие структурировать и направлять основную мысль продуцен-

та, аргументировать значимость представленных явлений и событий, акцентировать внимание реципиента на обобщении информации и выражении субъективного мнения продуцента. Также в академическом дискурсе русскоязычных билингвов наряду с изложением научного текста согласно нормам и правилам академического дискурса на английском языке отмечено проявление национальной идентичности билингва в коммуникации через опору на культурно-специфические знания и факты. Проиллюстрируем сказанное на примерах отредактированных автосгенерированных стенограмм в соответствии с обозначенными структурными элементами лекции. Приведём по одному характерному примеру из речи каждого лектора на каждый структурный элемент.

2.2.1. Введение в тему лекции [*Lecture topic introduction*]

И н ф о р м и р о в а н и е актуализируется указанием на собственные (137 слов) и нарицательные (189 слов) номинации, представляющие основную терминологию и понятия, рассматриваемые в лекциях (*Soviet republics* 'советские республики', *simulated stateness* 'симуляция государственности', *political traditions* 'политические традиции', *conflicting policies* 'противоречивые направления политики', *Great Britain* 'Великобритания', *culture* 'культура', *history* 'история'), например:

(1) *I'm going to do with you a discussion on the **emergence and development of independent statehood in successor countries of Soviet Union*** [Ильин, 2007] – 'Я собираюсь с вами обсудить появление и развитие независимых государств постсоветского пространства' (здесь и далее перевод мой – И. Г.).

(2) *Hello, today we're going to speak about **the Norman conquest of Britain, we are also going to look at the origin of the Normans, the causes of the invasion and the famous battle at Hastings, we're going to see what kind of economic and political system there existed under the Normans, we're also going to speak about the development of art culture and the English language*** [Воевода, 2007] – 'Здравствуйте! Сегодня мы поговорим о **нормандском завоевании** Британии, рассмотрим **происхождение норманнов, причины нашествия** и **знаменитую битву при Гастингсе**, узнаем, какая **экономическая и политическая система** существовала при норманнах, поговорим о развитии **художественной культуры** и **английского языка**'.

(3) *I'm going to discuss with you and invite you to think together with me first of all what are **the reasons of strategic ambiguity in the Asia Pacific, the deep roots. Well, the level of tension unfortunately is increasing, and all of you know <...> the manifestations of this tension for example the U.S China rivalry, the territorial disputes in the South China Sea in the Far East, the nuclear problem of the Korean peninsula, the tensions between India and China, between India and Pakistan, the wild Russophobia in the West*** [Ivanov, 2021] – 'Я собираюсь обсудить с вами и приглашаю вас подумать вместе со мной, прежде всего над тем, каковы причины стратегической неопределенности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, глубокие корни, уровень напряжённости, который, к сожалению, растёт, и все вы знаете <...> проявления этой напряжённости, например, соперничество США и Китая, территориальные споры в Южно-Китайском море на Дальнем Востоке, ядерная проблема Корейского полуострова, напряжённость между Индией и Китаем, между Индией и Пакистаном, дикая русофобия на Западе'.

А к т у а л ь н о с т ь и з н а ч и м о с т ь т е м ы подчёркивается языковыми и речевыми маркерами, указывающими на связь темы с настоящим моментом, в том числе: наречиями (*still* 'по-прежнему', *today* 'сегодня'), союзами (*not only but also* 'не только но и'), прилагательными в положительной (*helpful* 'полезный') и превосходной (*the oldest* 'старейший', *the most successful* 'самый успешный',) степенях сравнения, причастиями (*making* 'делающий', *preserved* 'сохранённый'), инфинитивами (*to evaluate*

'оценивать'), лексемами, указывающими на реалии современности, связанные с темой лекции (*in modern English* 'в современном английском языке', *London policemen* 'лондонские полицейские'), глаголами в форме настоящего продолженного времени (*are rising* 'поднимаются'); рядами однородных подлежащих (*China* 'Китай', *India* 'Индия', *some Latin American countries* 'некоторые латиноамериканские страны'), метафорами (*is resurrecting from the ashes of 90s* 'восстаёт из пепла девяностых'). Всего найдено 133 единицы, вербализующие данный структурный элемент.

(4) *This double funnel of causality is also a very important practical instrument that can be **helpful not only** for political scientists for **making** evaluations and projections futuristic projections **but also for** politicians and citizens **to evaluate** the importance of this or that policy options* [Ильин, 2007] – 'Эта двойная воронка причинно-следственных связей также является очень важным практическим инструментом, который может быть *полезен не только* политологам для *проведения* оценок и составления футуристических прогнозов, *но и* политикам и гражданам *для оценки* важности тех или иных вариантов политики'.

(5) *One of the oldest and completely preserved Saxon churches is St Laurence's Church in Bradford-on-Avon* [Воевода, 2007] – '*Одна из старейших и полностью сохранившихся* саксонских церквей – церковь Святого Лаврентия в Брэдфорде-на-Эйвоне'.

(6) *New centers of growth are rising China India some Latin American countries. ASEAN has become one of the most successful regional organizations in the world. Russia is resurrecting from the ashes of 90s* [Ivanov, 2007] – 'Новыми центрами роста становятся Китай, Индия, некоторые страны Латинской Америки. АСЕАН стала одной из самых успешных региональных организаций в мире. Россия возрождается из пепла 90-х годов'.

2.2.2. Доказательное аргументирование [Evidential reasoning]

Логико-структурную организацию и последовательность рассмотрения научной информации билингв сопровождает включением в речь вводных слов (*to begin with* 'для начала', *all in all* 'в общем', *generally speaking* 'в целом'), императивов (*let* 'давайте'), существительных (*purpose* 'цель'), прилагательных (*further* 'дальнейший'), наречий (*actually* 'фактически', *now* 'сейчас'), глаголов в форме инфинитива (*to invite* 'пригласить', *to think* 'подумать'), настоящего продолженного времени (*are going to* 'собираемся', *are coming to* 'подходим'), в форме условного наклонения (*would outline* 'обозначить бы', *would take* 'взять бы'), будущего времени (*will devote* 'уделим'), причастных оборотов (*coming back to* 'возвращаясь к'); пропозиций с императивами и личными местоимениями (*let us look at* 'давайте посмотрим на', *now we can* 'теперь мы можем'), посредством которых продуцент оформляет последовательность сообщения для убедительного, связного и обоснованного изложения материала лекции, отвечающего ожиданиям реципиентов. Всего данный структурный элемент был вербализован 124 единицами.

(7) *To begin with let me explain you the contents of the course we are going to start with outlining <...> in further classes I would actually outline the major steps* [Ильин, 2007] – 'Для начала позвольте мне объяснить вам содержание курса, который мы начнём с изложения <...> на дальнейших занятиях я буду описывать основные шаги'.

(8) *Generally speaking late medieval literacy was not confined to the noble clerical or government classes* [Воевода, 2007] – 'В целом, грамотность в позднем Средневековье распространялась не только на знатное духовенство и правящие классы'.

(9) *The purpose of my lecture today is not only to invite you to listen but to think together with me we shall move from some simple things to more complicated step by step* [Ivanov, 2021] – 'Цель моей сегодняшней лекции – не только пригласить вас послушать, но и подумать, и вместе со мной мы шаг за шагом перейдём от простых вещей к более сложным'.

Доказательное аргументирование на основе причинно-следственных связей билингвы осуществляют посредством таких лексических и синтаксических языковых средств как пропозиции с эпистемическими глаголами (*denotes* 'обозначает', *led to* 'приводит к', *meant* 'означает'), глаголы в форме прошедшего продолженного и прошедшего простого времени для обозначения нарратива (*when they were putting* <...> *they came to a conclusion* 'когда они отмечали <...> они пришли к заключению'), придаточные предложения причины (*due to specific historical conditions* 'в силу особых исторических условий'), описательные определительные придаточные предложения (*what he called* 'которые он называл'), причастные обороты причины (*being a geographer* 'будучи географом'); союзы (*as* 'поскольку', *with* 'с'), формы страдательного залога (*is known as* 'известен как', *are described as* 'описывается как'), пропозиции с указательными местоимениями (*that is why* 'вот почему'). Всего – 58 единиц, вербализующих данный структурный элемент. Приведу характерные примеры.

(10) *Due to specific historical conditions far to the east in the Mongolian steppes fairly long ago in the eleventh twelfth centuries there developed a big tribal federation of Mongols* [Ильин, 2007] – '**В силу особых исторических условий** далеко на востоке в монгольских степях довольно давно, в одиннадцатом-двенадцатом веках, сложилась крупная племенная федерация монголов'.

(11) *As there was not enough cultivated land for all peasant families to work on low living standards and poor harvests led to poverty disease and famine* [Воевода, 2007] – 'Поскольку обрабатываемой земли было недостаточно для того, чтобы все крестьянские семьи могли работать на ней, низкий уровень жизни и неурожаи **привели** к болезням и голоду'.

(12) *Ten years ago peace in our common region was better than it is now unfortunately that is why I describe the present situation in the Asia Pacific as strategic ambiguity or strategic uncertainty* [Ivanov, 2021] – 'Десять лет назад мир в нашем общем регионе был лучше, чем сейчас, к сожалению, **поэтому** я описываю нынешнюю ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе как стратегическую двусмысленность или стратегическую неопределённость'.

Доказательное аргументирование билингвом также включает объективное противопоставление аргументов, которое реализуется посредством отрицательных пропозиций (*will not agree* 'не соглашусь'), противопоставления настоящего совершенного и настоящего простого времени (*have been created* 'были созданы' – *is* 'является'), обстоятельств времени (*for a period of time* 'в течение определенного времени' – *at the moment* 'на данный момент'), контекстным словосочетанием (*a clear case* 'явным примером'), противительным союзом (*but* 'но'); антитезы, выраженной языковыми (*men* 'мужчины' – *women* 'женщины') и контекстными антонимами (*did not belong* 'не принадлежали' – *travelled* 'кочевали', *hired* 'нанимали'; *originally* 'изначально' – *new* 'новые'; *you* 'вы' – *I* 'я'; *may* 'можете' – *will* 'буду'). Всего – 98 единиц, вербализующих данный структурный элемент. Ниже приведены типичные примеры.

(13) *For a period of time alternative state building structures have been created there but at the moment what we can see is Chechen Republic which is a clear case of segment state within Russian Federation* [Ильин, 2007] – '**В течение определённого времени** там **были созданы** альтернативные государственные структуры, **но на данный момент** мы видим лишь Чеченскую Республику, которая **является явным примером** сегментного государства в составе Российской Федерации'.

(14) *The playhouses did not belong to any definite company of actors actors travelled from place to place and hired a playhouse for their performances* [Воевода, 2007] – 'Театры **не принадлежали** какой-либо определённой труппе актеров актеры **кочевали** с места на место и **нанимали** театр для своих представлений'.

(15) *You may argue that these all these phenomena are the real roots reasons of strategic uncertainty in the Asia Pacific and I will astonish you for the second time I will not agree with you I will argue that these are only the consequences of the deep root of strategic ambiguity in the Asia Pacific and in the world at large* [Ivanov, 2021] – '**Вы можете возразить**, что все эти феномены являются реальными глубинными причинами стратегической неопределенности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и я во второй раз удивлю вас, я **не соглашусь с вами**, я **буду утверждать**, что это лишь последствия глубоких корней стратегической неопределенности в АТР и в мире в целом'.

Следует отметить, что степень уверенности в доказательствах приводимых аргументов выражается продуцентом с помощью глаголов в форме страдательного залога (*is known that* 'известно, что') и лексем с обобщенной эпистемической семантикой (*evidence* 'сведения'); лексем, указывающих на высокую (*we can say without exaggeration* 'можно без преувеличения сказать', *of course we cannot <...> but we can* 'конечно, мы не можем <...> но мы можем') и низкую (*it seems that* 'кажется, что') степень уверенности. Всего – 94 единицы, вербализующие данный структурный элемент. Ниже даны характерные примеры.

(16) *We can say without exaggeration that after the year 2000 we have a second republic of Moldova* [Ильин, 2007] – '**Можно без преувеличения сказать**, что после 2000 года у нас появилась вторая республика Молдова'.

(17) *There is evidence that he worked as a secretary to a nobleman* [Воевода, 2007] – '**Есть сведения**, что он работал секретарём у одного дворянина'.

(18) *Of course we cannot stop these negative tendencies but we can show that we together can counter these negative tendencies with a positive agenda wide agenda in the Asia Pacific* [Ivanov, 2021] – '**Конечно, мы не можем остановить** эти негативные тенденции, но мы можем показать, что мы вместе можем противостоять этим негативным тенденциям с помощью позитивной повестки дня в Азиатско-Тихоокеанском регионе'.

Для усиления объяснительной силы высказывания билингв прибегает к экспрессивным лексико-грамматическим средствам языка, интенсифицирующим дискурс, объективируемым как средства речевого воздействия, позволяющим продуценту акцентировать внимание реципиента, обозначать значимые характеристики описываемых явлений.

• лексемы с экспрессивным коннотативным значением *remarkable* 'примечательный', *entirely* 'полностью', *favorite* 'любимый', *difficulties* 'трудности', *overcome* 'преодолевать', *so-called* 'так называемый', *unfortunately* 'к сожалению', *substitute* 'подменять', *unknown* 'неизвестными'; контекстные антонимы *the climax* 'кульминация' – *the end* 'конец', *reproduces* 'воспроизводит' – *different* 'другие'; наречия *still* 'всё ещё', *already* 'уже'; *international laws* 'международными законами' – *some wake rules* 'какими-то продвинутыми правилами'). Всего – 49 единиц, вербализующих данный структурный элемент. Проиллюстрируем примерами.

(19) *Those Norsemen actually helped integration that was going on independently but there were of course certain difficulties which Norsemen how to overcome* [Ильин, 2007] – 'Эти норманны фактически помогали интеграции, которая происходила самостоятельно, но, конечно, существовали определённые **трудности**, которые норманнам приходилось преодолевать'.

(20) *That was the climax of his political career and at the same time that was the end of it* [Воевода, 2007] – 'Это была **кульминация** его политической карьеры и одновременно её **конец**'.

(21) *One of this manifestation of improvisation is the so-called rules-based order. This notion was introduced into world politics several years ago and now it is almost accepted by many many countries unfortunately <...> why not to say directly that it is international law*

*and why to substitute this international law with **unknown** rules? There is no answer, no answer. Justice in international order can be ensured only by **international laws**, not by **some wake rules**, authors of these rules are not known* [Ivanov, 2007] – 'Одним из проявлений импровизации является так называемый порядок, основанный на правилах. Это понятие было введено в мировую политику несколько лет назад, и сейчас оно почти принято многими странами к сожалению <...> почему бы не сказать прямо, что это международное право, и зачем подменять это международное право неизвестными правилами? Нет ответа, ответа нет. Справедливость в международном порядке может быть обеспечена только международными законами, а не какими-то продвинутыми правилами, авторы которых неизвестны'.

- морфологические деривации: аффиксы *ultra-* 'ультра-', *quasi-* 'квази-', *super-* 'сверх-', *multi-* 'много-', *-ness* '-ство' модифицируют смысл словообразовательной основы на основе словообразовательных механизмов, образуя с ней семантическое единство; определённый артикль *the*, выражающий значение класса предметов через форму единственного числа, создаёт или усиливает признаки предметов или явлений, позволяя продуценту конкретизировать, уточнить передаваемые смыслы, по-новому представлять свойства описываемых явлений и событий). Всего обнаружено 5 единиц, вербализующих данный структурный элемент.

(22) *He wanted to construct the **ultra-European** city outside Russia on the borders of Russia* [Ильин, 2007] – 'Он хотел построить **ультра**европейский город за пределами России, на границах России'.

(23) *The period also saw the rise of **the** political pamphlet* [Воевода, 2007] – 'В этот период также наблюдался расцвет политического памфлета'.

(24) *In the 90s we had only one **superpower** definitely and what we have now the world came to a stage of **multi-polarity*** [Ivanov, 2021] – 'В 90-е годы у нас точно была только одна сверхдержава, а то, что мы имеем сейчас, – мир пришёл к стадии многополярности'.

- градация *two, three, four, half a dozen* 'два, три, четыре, полдюжины'; ряды однородных дополнений *elephants, bears, antelopes, deer and even hippos* 'слоны, медведи, антилопы, олени и даже бегемоты' и *a new flag, a new anthem, a new coat of arms* 'новый флаг новый гимн новый герб'; эпифора *tons or more* 'тон и больше'; анафора *the Picts moved, the Scots went, the rest settled* 'Пикты переселились, шотландцы ушли, остальные осели', *Alfred managed, he also raised, were trained, were fortified* 'Альфред управлял, он также создал, были обучены, были укреплены'; анафора *also, next category, next level, next level* 'также, следующая категория, следующий уровень, следующий уровень'). Всего – 71 единица, вербализующая данный структурный элемент.

(25) *Establishment of new symbols, state symbols. Sometimes they were established in one moment – **a new flag a new anthem a new coat of arms and so on and so forth*** [Ильин, 2007] – 'Учреждение новых символов, государственных символов. Иногда они устанавливались в один момент – **новый флаг новый гимн новый герб** и так далее, и тому подобное'.

(26) *The land was thickly forested with **elephants, bears, antelopes, deer and even hippos** living in the woods* [Воевода, 2007] – 'Земля была покрыта густым лесом, в котором жили **слоны, медведи, антилопы, олени и даже бегемоты**'.

(27) *First of all what are the categories of peace <...> individual peace peace with yourself <...> **also** it may be peace within a family <...> **next category** peace within a group of people engaged in the same work <...> **next level** is peace in a society in a country and next level is international peace peace between nations <...>* [Ivanov, 2021] – 'Прежде всего, каковы категории мира <...> индивидуальный мир мир с самим собой <...> **также** это может быть мир в семье <...> **следующая категория** – мир в группе людей, занятых одним делом <...> **следующий уровень** – мир в обществе в стране и следующий уровень – международный мир мир между странами'.

• тропы (напр., метафоры, позволяющие на основе известных образов охарактеризовать сложное научное явление или событие). Всего – 101 единица, вербализующая данный структурный элемент.

(28) *At the critical junctures of development through this millennium there developed fairly stable institutional frameworks that remain valid till now* [Ильин, 2007] – 'На **переломных этапах развития** в этом тысячелетии были созданы достаточно стабильные институциональные рамки, которые сохраняют свою актуальность до сих пор'.

(29) *'The Legend of Good Women' forms a bridge between the Italian period and the next the English period* [Воевода, 2007] – 'Легенда о примерных женщинах образует мост между итальянским и английским периодами'.

(30) *It may be peace on the verge of a conflict that is also is unstable but peace* [Ivanov, 2021] – 'Это может быть мир на грани конфликта, который также нестабилен, но мир'.

2.2.3. Обобщение информации [Summarizing]

На заключительном этапе лекции продуцент представляет объективные выводы. Для обобщения излагаемой научной информации билингвы с необходимостью применяют такие языковые маркеры как пропозиции с личным местоимением (*we can say that* 'можно сказать, что'), обобщающие и указательные местоимения (*all this* 'вся эта'), вводные конструкции (*to make the long story short* 'короче говоря', *now to sum it up* 'теперь подведем итог'), номинации, указывающие на пройденный материал (*a set of four successive core areas* 'набор из четырех последовательных основных областей', *the role of literature in Europe* 'роль литературы в Европе', *in the 16th century England* 'в Англии XVI века', *this role* 'эту роль', *these threats and challenges* 'этими угрозами и вызовами'). Всего – 45 единиц, вербализующих данный структурный элемент.

(31) *We can say that all this area from Carpathian Mountains to Yenisei River is more or less a single geographical entity having one geographical logic* [Ильин, 2007] – '**Можно сказать, что вся эта** территория от Карпат до Енисея представляет собой более или менее единое географическое образование, имеющее одну географическую логику'.

(32) *Literary critics now say that the role of literature in Europe was so high only twice in the 16th century England and in the 19th century Russia* [Воевода, 2007] – 'Литературоведы сейчас говорят, что роль литературы в Европе была столь высока лишь дважды – **в Англии XVI века** и в России XIX века'.

(33) *The crucial role belongs to ASEAN and I hope that ASEAN will play this role so that <...> ASEAN-centered mechanisms <...> will work effectively effectively and practically in order to deal with these threats and challenges* [Ivanov, 2021] – 'Решающая роль принадлежит АСЕАН, и я надеюсь, что АСЕАН будет играть эту роль, чтобы <...> механизмы, ориентированные на АСЕАН, <...> работали эффективно и практично, чтобы справиться с **этими угрозами и вызовами**'.

Кроме того, отмечено, что при обобщении материала в речи продуцентов присутствуют языковые элементы, отражающие фактор субъективного мнения о представляемой в лекции проблеме: *in my understanding* 'в моём понимании', *I must say effectively* 'Я должен сказать, что на самом деле', наречия вероятности (*definitely* 'безусловно'), усилительное наречие степени (*absolutely* 'абсолютно'), прилагательные с оценочной коннотацией (*not as beautiful and glamorous, better* 'не так красиво и привлекательно, лучше'). Всего – 15 единиц, вербализующих данный структурный элемент.

(34) *Already in early 60s there appear signs of approaching crisis and this those signs in my understanding could be attributed to the very progress achieved by Soviet Union* [Ильин, 2007] – 'Уже в начале 60-х годов появились признаки приближающегося кризиса, и **эти те** признаки можно отнести к очень большому прогрессу, достигнутому Советским Союзом'.

са, и эти признаки, **в моём понимании**, могли быть связаны с тем самым прогрессом, которого достиг Советский Союз'.

(35) *Turner is often called the first impressionist in Europe and **definitely** he is the first impressionist in English painting* [Воевода, 2007] – 'Тернера часто называют первым импрессионистом в Европе, и, **безусловно**, он является первым импрессионистом в английской живописи'.

(36) *Until now I remember his words – “it is better to have 10 years of diplomatic talks than one day of war” – and he was **absolutely** right* [Ivanov, 2021] – 'До сих пор я помню его слова о том, что лучше 10 лет дипломатических переговоров, чем один день войны, и он был **абсолютно** прав'.

Как нам видится, в академическом дискурсе восприятие субъективного мнения продуцента представляется логичным, так как оно основано на статусной роли лектора, интерпретирующего коллективное научное знание, и служит цели поиска истинности знания.

Обратим внимание на эмоциональные суждения в речи продуцента. С этой целью лекторами используются лексемы с экспрессивным коннотативным значением (*imposed* 'навязана', *suffering a lot* 'очень страдает', *strange Soviet-made construction* 'странную советскую конструкцию', *evidently frightened* 'явно напуган', *a witch and sorceress* 'ведьма и колдунья', *astonished* 'удивлюсь', *sharp deterioration* 'резкое ухудшение'). Всего – 26 единиц, вербализующих данный структурный элемент.

(37) *This unitary nature of Ukraine is a feature which was **imposed upon Ukraine** during the Soviet period and Ukraine is still to my understanding is **still suffering a lot from this** instead of developing either a federation or probably even have developing a number of Ukrainian state which would have been more logical easy practically viable and effective they have this **strange Soviet-made construction** of unitary state* [Ильин, 2007] – 'Унитарность Украины это особенность, которая была **навязана Украине** в советский период, и Украина, насколько я понимаю, **до сих пор очень страдает от этого**, вместо того чтобы развивать федерацию или, возможно, даже развивать несколько украинских государств, что было бы более логично, легко, практически жизнеспособно и эффективно, они имеют эту **странную советскую конструкцию** унитарного государства'.

(38) *King Charles II <...> was **evidently frightened** that he had been assisted by a **witch and sorceress*** [Воевода, 2007] – 'Король Карл II <...> был **явно напуган** тем, что ему помогала ведьма и колдунья'.

(39) *The west first of all the United States it accuses Russia of everything. I will not be **astonished** if they sometimes ... if they accuse us of natural disasters or in something else I will not be astonished. All these accusations are without facts, without any proof, so what we see now is the **sharp deterioration** of the U.S Russia relations* [Ivanov, 2021] – 'Запад, прежде всего США, обвиняет Россию во всем. Я не **удивлюсь**, если они иногда ... если они обвинят нас в природных катастрофах или в чём то ещё, я не удивлюсь. Все эти обвинения без фактов, без доказательств, так что то, что мы видим сейчас – это **резкое ухудшение** российско-американских отношений'.

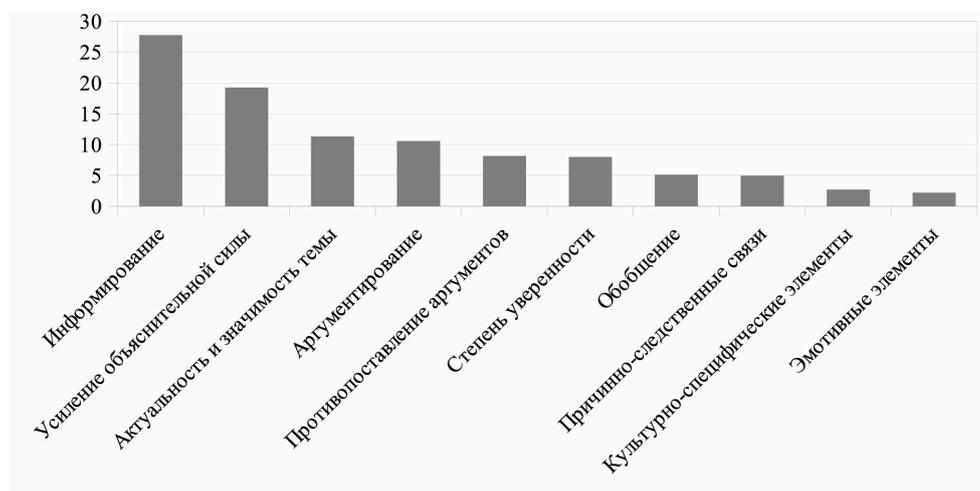
Рассматривая речевые реализации билингвом универсальных структурных элементов лекции на актуальном языке коммуникации, следует отметить особенности речи русскоязычных билингвов, которая проявляется в культурно-специфических языковых характеристиках речи как отражение влияния вторичной языковой системы родного языка билингва на выбор языковых единиц при трансляции научного знания. Так, например, билингвы, демонстрируя свою культурную идентичность, используют в речи иллюстрации из отечественной литературы, искусства или исторических событий в рамках доказательного аргументирования и обобщения информации. Всего – 32 единиц, вербализующих данный структурный элемент.

(40) *Which has been provided by political scientists of this country, Russian political scientists* [Ильин, 2007] – 'Который был предоставлен политологами этой страны, российскими политологами'.

(41) *The siege and defense of Sevastopol brings to the Russian mind the names of Admirals Kornilov Nakhimov and the first Russian nurse Dasha Sevastopolskaya or Darya Mikhailova* [Воевода, 2007] – 'Осада и оборона Севастополя вызывает в памяти русских имена адмиралов Корнилова-Нахимова и первой русской медсестры Даши Севастопольской или Дарьи Михайловой'.

(42) *Probably many of you read the famous novel of Leo Tolstoy War and Peace at least all of you heard the title maybe you watched a movie* [Ivanov, 2021] – 'Наверное, многие из вас читали знаменитый роман Льва Толстого «Война и мир», по крайней мере все слышали его название, а может быть, смотрели фильм'.

На рисунке 1 представлено процентное соотношение языковых средств, вербализующих разные структурные элементы (от общего количества изученных языковых средств – 1175 единиц).



Р и с у н о к 1. **Распределение языковых единиц по структурным элементам**
[Figure 1. **Language units distribution into the structural components**]

Не претендуя на полноту освещения материала, в работе мы проиллюстрировали некоторые, на наш взгляд, релевантные языковые средства, выявленные в речи продуцента, которые в оптимально понятной и доступной форме отражают познавательную деятельность билингва при трансляции социально-гуманитарного знания на иностранном языке. Представленные результаты показывают, что дискурсивные маркеры академической коммуникации способствуют логическому выстраиванию дискурса, помогают интерпретировать высказывание и оформить намерение продуцента сообщить новое знание.

3. Заключение [Conclusion]

Исследование речевого воздействия в академическом дискурсе билингвов позволило сделать следующие выводы. Эвристичность речевой деятельности билингва соотносится с характеристиками коммуникантов в соответствии с типологией билингвизма, при этом продуктивный координативный тип билингвизма продуцента подразумевает способность осуществлять релевантный выбор языковых единиц при передаче нового научного знания для продуктивной реализации целей дискурса. По особенностям вербализации структурных элементов лекции выявлены дискурсивные единицы на лексико-грамматическом и фразовом языковых уровнях, используемые для информирования

(27,7%), усиления объяснительной силы высказывания (19,2%), обозначения актуальности и значимости темы (11,3%), логико-смыслового доказательного аргументирования (10,6%), объективного противопоставления аргументов (8,2%), выражения степени уверенности продуцента (8%), обобщения научной информации (5,1%), обозначения причинно-следственных связей (4,9%), отражения культурно-специфических особенностей лектора (2,7%), эмотивной составляющей дискурса (2,2%). Выявленные в изучаемых контекстах языковые элементы, по нашему мнению, являются средствами речевого воздействия, которые акцентируют внимание на эвристичности научного общения и позволяют повысить продуктивность коммуникации.

Полученные данные показывают приоритет дискурсивных маркеров, используемых при информировании и усилении объяснительной силы высказывания, а также при указании на актуальность и значимость темы и доказательном аргументировании в дискурсе билингвов. Количественные параметры употребления этих маркеров, актуализирующих эпистемическую составляющую академического дискурса, как нам видится, указывают, насколько важны эти языковые единицы, регулярно и многократно употребляемые в исследуемых речевых произведениях со стороны продуцентов как значимый речевоздействующий инструмент, играющий решающую роль в организации, направлении и оптимизации дискурса для достижения адекватной интерпретации передаваемого билингвом знания.

Данные выводы могут послужить основанием для дальнейших исследований эвристичности в речевом поведении билингва-реципиента, предусматривающем интеграцию языков, что делает необходимой адаптацию речи билингва-продуцента на основе интенсификации использования средств речевого воздействия.

Библиографический список

- Андросова, 2016 – Андросова С. В. Проблемные аспекты формирования навыков создания англоязычного научного текста российскими студентами и аспирантами // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2, № 1. С. 5–17.
- Басте, 2019 – Басте З. Ю. Билингвизм: типология языковых контактов // Язык. Общество. Культура : сб. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. А. С. Усенко. 2019. Краснодар : Эпомен. С. 38–42.
- БПС, 2009 – Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М. : АСТ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
- Верещагин, 2014 – Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма). М.-Берлин : Директ-Медиа, 2014. 162 с.
- Воевода, 2007 – Воевода Е. В. Лекции 'Great Britain: Culture Across History'. URL : <https://www.youtube.com/playlist?list=PLC46DA9ED06E03F72> (дата обращения : 23.12.23).
- Залевская, 2009 – Залевская А. А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2009. №. 10. С. 10–17.
- Залевская, 2010 – Залевская А. А. Вопросы теории и практики исследования двуязычия // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2010. №. 1. С. 262–270.
- Зубкова, 2013 – Зубкова О. С. Профессиональная метафора в медицинском дискурсе // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. Лингвистика и педагогика. 2013. № 3. С. 44–51.
- Зубкова, 2021 – Зубкова О. С. Реализация фактора прагматической мотивации в условиях учебного билингвизма // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 60–67.
- Зубкова, Никитичев, 2023 – Зубкова О. С., Никитичев И. Г. Лингвокультурная дифференциация в академическом дискурсе билингвов // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака : сб. статей по итогам VIII междунар. конф. (Москва, 20–24 марта 2023 года). Т. 8. М. : Изд-во «Спутник +», 2023. С. 71–79.
- Ильин, 2007 – Ильин М. В. Лекции (английский). URL : <https://www.youtube.com/playlist?list=PL57BB5527FF24E2BC> (дата обращения : 23.12.23).

- Легостаева, 2014 – Легостаева О. В. Искусственный билингвизм. Вопросы обучения // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 6. С. 93–97.
- Чернявская, 2016 – Чернявская В. Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // Жанры речи. 2016. № 1. С. 56–64.
- Чиршева, 2012 – Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб. : Златоуст, 2012. 488 с.
- García, 2013 – García O. Countering the dual: Transglossia, dynamic bilingualism and translanguaging in education // The global-local interface and hybridity / Ed. by R. Rubdy and L. Alsagoff. Bristol, Blue Ridge Summit : Multilingual Matters, 2013. P. 100–118. <https://doi.org/10.21832/9781783090860-007>
- Grosjean, 2010 – Grosjean F. Bilingual: Life and Reality. Harvard : Harvard University Press, 2010. 276 p.
- Grosjean, 2008 – Grosjean F. Studying bilinguals. Oxford University Press. 2008. 314 p.
- Hamers, 2000 – Hamers J. F. et al. Bilinguality and bilingualism. Cambridge University Press. 2000. 468 p.
- Ivanov, 2021 – Ivanov. A. Strategic Ambiguity in the Asia Pacific: Roots, Features and Means of Treatment : Lecture. URL : https://www.youtube.com/watch?v=5Z5hOqwct6U&list=PLuF71O74aQSL0MiKywe11xCqV-c_5iq-S&index=29 (дата обращения : 23.12.2023).
- Weinreich, 2010 – Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. Walter de Gruyter. 2010. 160 p.

References

- Androsova, S. V. (2016). Problemnye aspekty formirovaniya navykov sozdaniya angloyazychnogo nauchnogo teksta rossiyskimi studentami i aspirantami [Challenging issues of creating a scientific text in English by Russian Bachelor, Master and PhD students]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2 (1), 5–17. (In Russ.).
- Baste, Z. Yu. (2019). Bilingvizm: tipologiya yazykovykh kontaktov [Bilingualism: Typology of language contacts]. In A. S. Usenko (Ed.), *Yazyk. Obshchestvo. Kul'tura : sb. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf. [Language. Society. Culture: Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conference]* (pp. 38–42). Krasnodar : Epomen. (In Russ.).
- Mescheryakov, B. G., Zinchenko, V. P. (Eds). (2009). *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar' (BPS) [Large Psychological Dictionary]*. 4th edn., with corrections. Moscow, AST, St. Petersburg : Prime-Euroznak Press. (In Russ.).
- Vereshchagin, E. M. (2014). *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]*. Moscow – Berlin : Direct-Media Press. (In Russ.).
- Voevoda, E. V. (2007). *Leksii 'Great Britain: Culture Across History'*. Retrieved December 23, 2023 from <<https://www.youtube.com/playlist?list=PLC46DA9ED06E03F72>>.
- Zalevskaya, A. A. (2009). Voprosy psikholingvisticheskoy teorii dvuyazychiya [Issues of psycholinguistic theory of bilingualism]. *Voprosy psikholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]*, 10, 10–17. (In Russ.).
- Zalevskaya, A. A. (2010). Voprosy teorii i praktiki issledovaniya dvuyazychiya [Bilingualism: Theory and practice]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. gumanitarnye aspekty [Human: Image and essence. Humanities aspects]*, 1, 262–270. (In Russ.).
- Zubkova, O. S. (2013). Professional'naya metafora v medicinskom diskurse [Medical metaphor and medical metaphor – term in an individual lexicon (Experimental research)]. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i pedagogika [Proc. of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy]*, 3, 44–51. (In Russ.).
- Zubkova, O. S., Fahrutdinova, A. V. (2021). Realizatsiya faktora pragmaticheskoy motivatsii v usloviyakh uchebnogo bilingvizma [Implementation of the pragmatic motivation factor in the context of emergent bilingualism]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnoy kommunikatsii [Theory of Language and Intercultural Communication]*, 3 (42), 60–67. (In Russ.).
- Zubkova, O. S., Nikitichev, I. G. (2023). Lingvokul'turnaya differentsiatsiya v akademicheskom diskurse bilingvov [Linguistic and cultural differentiation in the academic discourse of bilinguals]. *Yazyk i*

- deystvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka: sb. statey po itogam VIII mezhdunar. konf. [Language and Reality. Academic Readings at the V. G. Gak Department of Romance Languages: Proc. of the VIII International Conference, Moscow, March 20–24, 2023 (Vol. 8, pp. 71–79). Moscow : Sputnik+Press. (In Russ.)*
- Iliin, M. V. (2007). *Leksii [Lectures]* (In English). Retrieved December 23, 2023 from <<https://www.youtube.com/playlist?list=PL57BB5527FF24E2BC>>.
- Legostaeva, O. V. (2014). *Iskusstvennyy bilingvizm. Voprosy obucheniya [Artificial bilingualism. Questions of teaching]. Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki [Theoretical and applied aspects of modern science]*, 6, 93–97. (In Russ.).
- Cherniavskaya, V. E. (2016). *Nauchno-issledovatel'skaya stat'ya kak verbalizatsiya novogo nauchnogo rezul'tata (na materiale lingvistiki) [Scientific result in research paper in linguistics]. Zhanry rechi [Speech Genres]*, 1, 56–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64>
- Chirsheva, G. N. (2012). *Detskiy bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvuh jazykov [Child bilingualism: Simultaneous acquisition of two languages]*. St Petersburg : Zlatoust Press. (In Russ.).
- García, O. (2013). *Countering the dual: Transglossia, dynamic bilingualism and translanguaging in education.* In R. Rubdy and L. Alsagoff (Eds), *The global-local interface and hybridity* (pp. 100–118). Bristol, Blue Ridge Summit : Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/9781783090860-007>
- Grosjean, F. (2008). *Studying bilinguals*. Oxford University Press.
- Grosjean, F. (2010). *Bilingual: Life and Reality*. Harvard : Harvard University Press.
- Hamers, J. F. et al. (2000). *Bilinguality and bilingualism*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Ivanov, A. (2021). *Strategic Ambiguity in the Asia Pacific: Roots, Features and Means of Treatment : Lecture.* https://www.youtube.com/watch?v=5Z5hOqwct6U&list=PLuF7IO74aQSL0MiKywe11xCqV-c_5iq-S&index=29
- Weinreich, U. (2010). *Languages in Contact: Findings and Problems*. Walter de Gruyter.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

УДК 81'243

Полухина Светлана Владимировна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Российская Федерация
svp.linguae@gmail.com

Структурные особенности относительных предложений в русском интеръязыке сирийских студентов

Аннотация

При овладении иностранным языком в сознании студента формируется переходная система, или интеръязык, который развивается под влиянием родного и других ранее выученных языков. В интеръязыке можно выявить отклонения от языковой нормы, вызванные интерференцией с первичной языковой системой обучающихся. В настоящей статье представлены результаты исследования структурных особенностей русских относительных предложений (ОП) в письменной речи сирийских студентов, изучающих русский язык как иностранный. Материалом исследования послужил корпус письменных рассказов, собранных в результате эксперимента, в котором приняли участие студенты и аспиранты, владеющие русским языком на уровне B1/B1+. Целью исследования было выявление особенностей употребления или неупотребления сирийцами союзных слов в русских ОП, а также проверка гипотезы о языковом переносе из арабского языка как возможного источника ошибок. В результате сравнительного анализа относительных конструкций в русском и арабском языках, а также анализа контекстов, в которых употреблялись ОП без релятивизатора, было обнаружено, что опущение союзного слова *который* в русском интеръязыке сирийцев происходит в случаях «неопределённости» вершины относительной клаузы. Данный факт свидетельствует в пользу интерференции с арабским языком.

Ключевые слова: усвоение иностранного языка, языковая интерференция, интеръязык, русский язык как иностранный, арабский язык, относительное предложение, контрастивный анализ

© Полухина С. В. 2024

Для цитирования: Полухина С. В. Структурные особенности относительных предложений в русском интеръязыке сирийских студентов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 123–132.

Svetlana V. Polukhina
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
svp.linguae@gmail.com

Structural properties of relative clauses in Russian interlanguage of Syrian students

Abstract

In the process of L2 acquisition, learners develop a transitional linguistic system called interlanguage. Both native language and previously learned languages influence the development of such interlanguage. Thus, the interlanguage demonstrates deviations from the target language standards caused by the native language interference. This article considers structural properties of relative clauses (RCs) used by Syrian students when writing in Russian. Undergraduate and graduate students from Syria with Russian language proficiency at B1/B1+ level participated in an experiment performing a writing task. The obtained stories comprised the material for the study. The paper aimed at, first, identifying the patterns of using or not using appropriate conjunctions in Russian RCs, and secondly, testing the hypothesis of language transfer from Arabic as a possible source of errors.

Russian and Arabic RCs' comparative analysis was performed focusing on the contexts where the conjunction was omitted. The results show a correlation between the omission of the conjunction *kotoryy* 'that/which/who(m)' and the "indefiniteness" of RC's head in Russian-as-L2 interlanguage of Arabic native speakers from Syria. This proves the hypothesis of the language transfer from Arabic to Russian.

Keywords: foreign language acquisition, language transfer, interlanguage, Russian as a foreign language, Arabic, relative clause, contrastive analysis

© Polukhina S. V. 2024

For citation: Polukhina, S. V. (2024). Strukturnye osobennosti otnositel'nykh predlozheniy v russkom inter"yazyke siriyskikh studentov [Structural properties of relative clauses in Russian interlanguage of Syrian students]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 123–132.

1. Введение [Introduction]

Ошибки в речи на иностранном языке могут иметь разную природу и быть вызванными разными причинами. Исследователями процесса освоения иностранного языка было замечено, что формирование у обучающегося новой языковой системы неизбежно происходит под влиянием ранее сложившейся языковой системы и языкового сознания [Вагнер, 2001, с. 13]. Такое влияние, вызванное различиями и сходством между изучаемым и ранее усвоенными языками, принято называть языковым переносом (language transfer, по определению [Odlin, 1989, p. 27]), или языковой интерференцией. Одним из наиболее заметных проявлений языковой интерференции является так называемый негативный перенос, в результате которого происходит ошибочное употребление единиц и моделей родного (или ранее изученного) языка в речи на изучаемом иностранном языке [Ellis, 1999, p. 301]. В том случае, если ошибки иностранцев имеют системный характер, можно говорить о них как об особенностях так называемого интеръязыка, или переходного языка, формирующегося в сознании обучающегося. Таким образом, «ошибки дают ключ к пониманию механизма овладения языком, ибо они обеспечивают убедительные косвенные данные о функционировании когнитивных систем, посредством которых перерабатывается воспринимаемый языковой материал» [Залевская, 2013, с. 50].

До настоящего времени исследования арабско-русского интеръязыка (то есть русского языка тех, для кого родным является арабский) были преимущественно посвящены фонетике и орфографии [Хатим, 1993 ; Науменко, 2003 ; Александрова, 2009]. Что касается синтаксиса сложного предложения, можно упомянуть исследование [Зарытовская, 2008], посвящённое сравнительному анализу выражения причины в русском и арабском. В остальном тема ошибок арабов в русских сложных предложениях остаётся мало изученной. В данной статье мы рассмотрим структурные особенности относительных предложений (далее – ОП) в письменной речи сирийских студентов, изучающих русский язык как иностранный.

В лингвистической литературе термин «относительное предложение» может употребляться в двух разных значениях [Зализняк, Падучева, 1975]. В настоящей статье данным термином будут обозначаться сложноподчинённые предложения с относительным придаточным, модифицирующим некоторую именную группу (далее – ИГ) в главном предложении, такие, что «участник соответствующий вершине, задействован в ситуации, описываемой придаточным» [Холодилова, 2017, с. 205] (1), а также сложноподчинённые предложения, в которых относительное придаточное предложение модифицирует предложную группу (2, 3). В перечисленных случаях части сложного предложения соединяются относительным местоимением (1, 2) или относительным наречием (3), что соответствует традиционному представлению об относительном придаточ-

ном предложении [Зализняк, Падучева, 1975]. Кроме этого, в настоящей работе в круг рассматриваемых конструкций входят сложные бессоюзные предложения, в которых вторая (по линейному расположению) клауза модифицирует некоторую ИГ в первой (4). Такие конструкции, характерные для арабского языка, мы также будем относить к ОП.

- (1) Там есть и у меня один приятель, *который* хорошо играет на трубе. (Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего (1835))
- (2) Она быстро пошла по улице и потом повернула в переулок, *который* вёл к горам. (А. П. Чехов. Дуэль (1891))
- (3) В первой комнате, *куда* он вошёл, было просторно, жарко натоплено и пахло недавно вымытыми полами. (А. П. Чехов. Воры (1890))
- (4) *wajadtu qalam-an (*allaḏī) kuntu ṣabḥaθu Ṣan-hu*
нашёл.1SG ручка-ACC.INDF (*REL) был.1SG искать.1SG.IMPF за-OBJ.3M.SG
'Я нашёл ручку, которую искал' [Mughazy, 2009, с. 65]

Ц е л ь данного исследования состояла в том, чтобы определить, в какой мере особенности употребления или неупотребления сирийцами союзных слов в русских относительных предложениях могут быть вызваны интерференцией с их первичной языковой системой.

Учитывая ситуацию диглоссии в Сирии [Versteegh, 2014, p. 241], для проверки **г и п о т е з ы** о возможном положительном или отрицательном языковом переносе из первичной языковой системы обучающихся были рассмотрены особенности относительных сложных предложений как в литературном арабском, так и в сирийском диалекте арабского. Затем был проведён сравнительный анализ соответствующих арабских конструкций с русскими ОП, в которых были допущены ошибки.

2. Синтаксические особенности ОП в русском интеръязыке сирийских студентов (по данным эксперимента) [Syntactic properties of relative clauses in Russian interlanguage of Syrian students (Based on experimental data)]

Студенты из арабских стран, говоря по-русски, довольно часто употребляют в своей речи относительные предложения. Однако в процессе преподавания РКИ сирийским студентам нами было замечено, что они не всегда при этом употребляют союзные слова. Поэтому предметом данного исследования стало употребление или неупотребление сирийцами союзных слов в русских ОП.

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужил письменный корпус извлечённых дискурсов. Для составления корпуса был проведён эксперимент, в котором приняли участие 15 сирийских студентов и аспирантов НИУ МГСУ и МГТУ им. Н. Э. Баумана в возрасте от 21 до 31 года (5 женщин и 10 мужчин). Уровень владения русским языком у испытуемых можно оценить как B1/B1+, срок изучения русского языка с преподавателем в неязыковом вузе у всех составляет от 1 до 2 лет, куда входит 1 учебный год интенсивных занятий на подготовительном факультете и полгода или год занятий на первом курсе бакалавриата или магистратуры с интенсивностью 2–4 часа в неделю.

В ходе эксперимента участники должны были выполнить два задания. В первом задании требовалось просмотреть шестиминутный видеоролик о грушах У. Чейфа [Chafe, 1980], а затем письменно пересказать его содержание. Во втором задании нужно было не только пересказать просмотренное начало предложенного мультфильма, но и написать своё окончание истории. В качестве стимула был выбран нидерландский ани-

мационный короткометражный фильм без слов «Папа и дочь» (“Father and Daughter”, dir. by Michael Dudok de Wit, 2000), который испытуемые смотрели до конца шестой минуты. В результате был собран корпус текстов, насчитывающий 5138 словоупотреблений. Кроме этого, в качестве дополнительного материала в исследовании учитывались примеры ошибок сирийцев в употреблении ОП в смс-переписке на русском языке¹. Был рассмотрен корпус СМС от трёх студентов, также принимавших участие в эксперименте с видео (1 женщина и 2 мужчин в возрасте 26–30 лет, уровень владения русским языком – В1/В1+), который насчитывает 11186 словоупотреблений. В данном вспомогательном корпусе встретился пример опущения союзного слова *кто*, дополнивший примеры с другими союзными словами из основного корпуса. Но при статистических подсчётах примеры из СМС не учитывались. Из полученного в результате эксперимента корпуса методом сплошной выборки было отобрано 73 относительных предложения, из которых правильными с точки зрения норм русского языка являются только 37, а 36 содержат ошибки различных типов.

2.2. ОП с маркером релятивизации в русском интеръязыке сирийцев [Relative clauses with a conjunction in Russian interlanguage of Syrian students]

Из 73 ОП в корпусе 53 предложения содержат союзное слово, а в 20 предложениях оно отсутствует. Среди маркеров релятивизации наиболее частотным является союзное слово *который* (39 употреблений), за ним следует союзное слово *где* (10 употр.), наименее частотны союзные слова *куда* (2 употр.), *кто* (1 употр.) и *что* (1 употр.). При этом выбор союзного слова не всегда правильный (5).

(5) *и ушли в дорогу² куда мальчек потерял шапку.*

'и ушли по дороге, где мальчик потерял шапку'

В корпусе релятивизатор *который* встречается в единственном и множественном числе, в мужском и женском роде, а также в разных падежах: в именительном (28 употреблений), в родительном с предлогом (1 употребление), в винительном с предлогом и без предлога (2 употребления), в творительном с предлогом (1 употребление) и в предложном (2 употребления). Таким образом, в собранном корпусе на именительный падеж приходится 82% всех употреблений релятивизатора *который*. Для сравнения: в основном корпусе НКРЯ на долю именительного падежа данного союзного слова приходится только 42% от всех употреблений, хотя эти падежные формы слова *который* и являются самыми частотными. Можно предположить, что повышенная частотность исходной формы в речи иностранцев связана с тем, что её употребление вызывает меньше затруднений, чем употребление форм косвенных падежей. Также стоит отметить, что в сирийском диалекте релятивизатор не изменяется по падежам, хотя в литературном арабском он изменяется [Mughazy, 2009, с. 61–64].

2.3. ОП без союзного слова в русском интеръязыке сирийцев [Relative Clauses without relative markers in Russian interlanguage of Syrian Students]

Опущение релятивизатора оказалось самой распространённой ошибкой в ОП, содержащихся в корпусе. В 18 из 36 предложений с ошибками отсутствует союзное слово *который* (например, в (6) и (7)), в одном предложении отсутствует союзное слово

¹ Образцы СМС-переписки были добровольно предоставлены студентами. На публикацию фрагментов с анонимизацией авторства получены разрешения.

² Все примеры в настоящей статье приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

когда (8) и в одном предложении – куда (9). В СМС-переписке встречаются также примеры с опущением союзного слова кто (10).

- (6) *он смотрел группу мальчики ели его вкусные фрукты и погуляли рядом с нему.*

'Он увидел группу мальчиков, **которые** ели его вкусные фрукты и прошли мимо него'.

- (7) *он случайно не заметил что тоже перед ним проиёл другой мальчишк, катался на велосипеде.*

'Он случайно не заметил, что перед ним проехал другой мальчик на велосипеде / другой мальчик, **который** ехал на велосипеде'.

- (8) *Однаждыи они катались на велосипеде, но это был их последнее раз они вместе.*

'Однажды они катались на велосипеде, но это был последний раз, **когда** они **были** вместе'.

- (9) *Она попросила останоовливать в месте, может быть ее папа приедет.*

'Она попросила остановиться там (на месте), **куда**, может быть, её папа приедет'.

- (10) *Я искал кого-то летает в Сирию.*

'Я искал кого-то, **кто** полетит в Сирию'.

Некоторые предложения без релятивизатора можно интерпретировать как бессоюзное сложное предложение с сочинительной связью (11 b). Но в большинстве случаев в зависимой клаузе никак не выражен субъект, поэтому трактовка данных предложений как сложно-подчинённых с относительным придаточным кажется более естественной. В пользу такого понимания предложений без маркеров релятивизации говорят также примеры с зависимой клаузой, вложенной внутрь главной (12). Наличие слова *вдруг* в примере (12) также делает невозможной интерпретацию данного предложения как простого с однородными сказуемыми.

- (11) *Теперь появется мальчик, он едет спокойно на велесипеде.*

(11a) 'Теперь появляется мальчик, который спокойно едет на велосипеде'.

(11b) 'Теперь появляется какой-то мальчик. Он спокойно едет на велосипеде'.

- (12) *и вдруг один мальчик катается на велосепеде, видел эти груши и украл одну корзину и убежал,*

'И вдруг один мальчик, **который катался (ехал)** на велосипеде, увидел эти груши, украл одну корзину и убежал'.

2.4. Некоторые структурные типы относительных придаточных в арабском [Some structural properties of relative clauses in Arabic]

Для проверки гипотезы о том, что особенности ОП в русской речи сирийских студентов могут быть результатом языкового переноса из их родного диалекта или из литературного арабского, которым они также владеют, нами были рассмотрены особенности данных конструкций в обоих упомянутых идиомах.

2.4.1. Современный литературный арабский [Modern Standard Arabic]

В литературном арабском выделяют три структурных типа относительных придаточных предложений: определённые, неопределённые и свободные [Mughazy, 2009, p. 65]. Рассмотрим первые два типа арабских ОП, вынеся за скобки третий тип, так как

все найденные в корпусе ОП имеют вершину, а свободные ОП в арабском сходны по структуре с другими относительными придаточными, но являются безвершинными.

1. *Определённые относительные придаточные (definite relatives)* модифицируют именную группу в определённом состоянии (с определённым артиклем (*a*)*l*-) и присоединяются к главной клаузе посредством релятивизатора *allaḏī* и его алломорфов.

(13a)³ *waṣala l-ʔustāḏ allaḏī sawfa yulqī l-muḥāḏara*
 прибыл.3M.SG DEF-учитель REL FUT давать.IMP.3M.SG DEF-лекция
 'Пришёл (приехал) учитель, который будет читать лекцию'

(13b) **waṣala l-ʔustāḏ sawfa yulqī l-muḥāḏara*
 arrived.3M.SG DEF-teacher FUT give.3M.SG DEF-lecture
 *'Пришёл (приехал) учитель будет читать лекцию'

2. *Неопределённые относительные придаточные (indefinite relatives)* являются модификаторами именной группы в неопределённом состоянии. В предложениях такого типа маркер релятивизации всегда отсутствует [Galal, 2004].

(14) *jāʔa rajul (*allaḏī) yaḥmilu la-ka risāla*
 пришёл.3M.SG мужчина (*REL) нести.IMP.3M.SG для-OBJ.2M.SG письмо
 'Пришёл (какой-то) мужчина, у которого для тебя письмо'

2.4.2. Сирийский диалект арабского [Syrian dialect of Arabic]

Существенное отличие диалекта от литературного языка заключается в том, что структурные различия между ОП с определёнными и неопределёнными вершинами прослеживаются не столь последовательно. Определённые ОП в сирийском диалекте тоже всегда образуются с использованием релятивизатора (15s). В неопределённых ОП, как правило, релятивизатор отсутствует (16s), но в ряде случаев релятивизация происходит так же, как и в определённых ОП (17s) [Brustad, 2000, p. 90].

(15s⁴) *il-ḥayāt il ʔišt-(h)a bi-ʔamērka ḥayāt dālās w dāynasti⁵*
 DEF-жизнь REL жил.1SG-OBJ.3SG.F в-Америка жизнь Далласа и Династии
 'Жизнь, которой я жил(а) в Америке, – это жизнь, как в сериалах «Даллас» и «Династия»'

(16s) *fī banāt biqūlu ʔēh, mitil baṣḏ-(h)a*
 есть девушки говорить.IMP.3PL да, как другой-OBJ.3F.SG
 'Есть девушки, которые говорят: «Ладно, всё равно»'

(17s) *fī waḥde yalli baṭzakkar-(h)a fī-hā ʔasm-(h)a*
 есть одна REL вспоминать.IMP.1SG-OBJ.3SG.F в-OBJ.3SG.F имя-POSS.3SG.F
 '(Там) есть одна, о которой я припоминаю, что там (в ней) было её имя'

³ Примеры (13) и (14) приводятся по [Mughazy, 2009], но с более подробным глоссированием.

⁴ Буквой “s” здесь и далее отмечены примеры из сирийского диалекта.

⁵ Примеры (15s–17s) приводятся по [Brustad, 2000, с. 92–100].

В [Brustad, 2000, p. 94] высказывается предположение, что в арабских диалектах категория определённости представлена не бинарным противопоставлением, как в литературном арабском, а является градуальным признаком, так что разные сочетания маркированных и немаркированных вершинных ИГ и зависимых клауз выражают разные ступени «иерархии индивидуации» (the hierarchy of individuation). Примеры, которые не укладываются в эту концепцию, автор объясняет влиянием прагматических и дискурсивных факторов [Brustad, 2000, p. 96]. Однако данная теория требует дальнейшего уточнения и проверки.

2.5. Языковая интерференция как возможный источник ошибок [Language transfer as a possible source of errors]

Исходя из того, что в арабском языке структура относительного придаточного предложения зависит от определённости / неопределённости его вершины, нами были рассмотрены контексты русских ОП с целью уточнения известности или неизвестности адресату референтов именных групп, выступающих в качестве вершин зависимых клауз.

Анализ 20 предложений из корпуса, в которых отсутствует релятивизатор, показал, что ошибки были допущены именно там, где в литературном арабском ИГ стояла бы в неопределённом состоянии. Чаще всего эти предложения описывают ситуации, где какой-то персонаж появляется впервые, например, в предложениях (18–21).

(18) *В Деревни человек собирает груши вытирл одну штуку банданой и укусил её.*

'В деревне (некий) человек, **который** собирал груши, вытер одну штуку банданой и укусил её'.

(19) *А когда он катается, другая красивая ребёнка также катается на велосипеде проходила мимо, а он задумался и ударил с большим камнем, и все груши упали.*

'А когда он катался (на велосипеде), (другая) красивая девочка, **которая** тоже ехала на велосипеде, проехала мимо него, а он задумался, наткнулся на большой камень, и все груши упали'.

(20) *в этом сетуации видели его три мальшики играют на место где мальчек упал/.*

'И тут (в этой ситуации) его увидели три мальчика, **которые** играли там, где мальчик упал'.

(21) *Когда я смотрел на второй фильм, я видел отца и его дочери катались на велосипеде и поехали к берегу реки.*

'Когда я смотрел второй фильм, я увидел отца и дочь, **которые** катались на велосипеде и поехали к берегу реки'.

Однако в корпусе также содержатся 15 предложений, вводящие новых персонажей, в которых не была допущена такая ошибка, например, (22–24).

(22) *В начале фильма появился мужчина, **который** собирал груши.*

'В начале фильма появился мужчина, **который** собирал груши'.

(23) *Видно показывает одного человека, **который** собирает груши.*

'(В начале фильма) показывают одного (какого-то) человека, **который** собирает груши'.

(24) *Затем появился мальчик, **который** катался на велосипеде.*

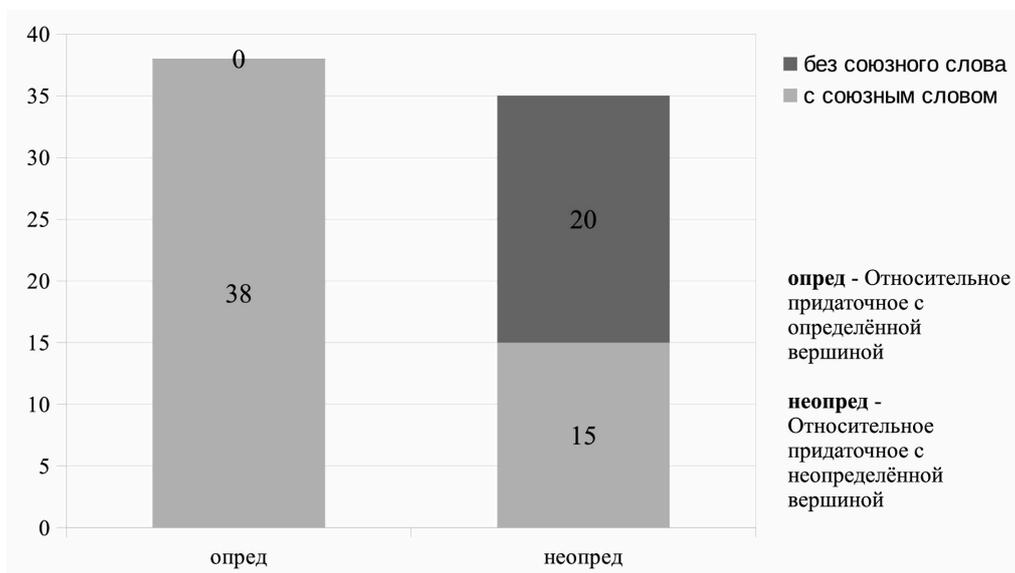
'Затем появился мальчик, **который** ехал на велосипеде'.

Стоит отметить, что правильные предложения с неопределёнными ИГ встречаются только у 6 испытуемых (40% участников исследования), но у двоих из этих испытуемых зафиксированы также и неправильные ОП с неопределёнными ИГ.

Таким образом, с большой долей вероятности можно сказать, что в русском интеръязыке абсолютного большинства опрошенных сирийцев наблюдается перенос в русский язык категории определённости, который проявляется на уровне синтаксической структуры. В предложениях с определённой ИГ в качестве вершины относительного предложения наблюдается положительный перенос: никто не опускает релятивизатор, так как в предложениях такого типа в литературном арабском и в сирийском диалекте он тоже обязательно должен присутствовать. А в придаточных предложениях, являющихся модификаторами неопределённой ИГ, часто происходит отрицательный перенос: в 57% случаев маркер релятивизации отсутствует, как в литературном арабском и отчасти как в диалекте.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое корпусное исследование дискурса позволило выявить контексты, в которых сирийцы опускают релятивизатор в относительных предложениях, и проследить связь таких ошибок с особенностями этого типа предложений в арабском языке. Данные корпуса текстов сирийских студентов показывают, что, несмотря на активное использование ими относительных предложений (73 примера ОП в корпусе объёмом 5138 словоупотреблений), данную конструкцию нельзя считать простой для усвоения. В интеръязыке сирийцев, владеющих русским на уровне В1/В1+, синтаксис ОП отличается от нормативного русского языка. Стабильное употребление союзного слова в ОП наблюдается только в контекстах, где относительное придаточное зависит от именной группы, обозначающей известный адресату предмет или известного персонажа. В тех случаях, когда вершина зависимой клаузы имела неопределённый референциальный статус, участвовавшие в эксперименте сирийцы в 57% случаев не употребили маркер релятивизации. Количественное соотношение сложных предложений с относительным придаточным с союзным словом и без маркера релятивизации в контекстах определённой и неопределённой вершин зависимой клаузы наглядно продемонстрировано на рисунке 1.



Р и с у н о к 1. Количественное соотношение относительных придаточных с союзным словом и без союзного слова в контекстах с определённой и неопределённой вершинной именной группой

[Figure 1. Quantitative ratio of relative clauses with a conjunction and without a conjunction in contexts with a definite and indefinite head noun phrase]

Таким образом, опущение союзного слова в ОП наблюдается только в контекстах с неопределённой вершиной зависимой клаузы. Тот факт, что в 43% случаев с неопределённой вершиной интерференция с арабским не произошла, можно объяснить тем, что часть студентов более твёрдо знает правила русской грамматики, вследствие чего меньше подвержена интерференции и допускает меньше ошибок, несмотря на различие в правилах синтаксиса русского и родного языков. Также можно предположить, что употребление союзного слова при неопределённой вершине в некоторых случаях может происходить под влиянием родного сирийского диалекта арабского языка, где запрет на употребления релятивизатора в данном случае не такой однозначный, как в литературном арабском. Но на основании имеющихся данных о сирийском диалекте невозможно сделать об этом однозначный вывод.

Проведённый сравнительный анализ ОП в русском и арабском языках свидетельствует о том, что данные различия могут быть следствием интерференции с арабским. Но для окончательно подтверждения данной гипотезы требуется провести аналогичный эксперимент с контрольной группой иностранных студентов, не являющихся носителями арабского языка, что и составит перспективу настоящего исследования.

Список глосс

DEF – определённость (определённый артикль), F – женский род, FUT – будущее время, IMPF – имперфектив, INDF – неопределённость, M – мужской род, OBJ – объект, PL – множественное число, REL – релятивизатор, SG – единственное число, 1 – 1-ое лицо, 2 – 2-ое лицо, 3 – 3-е лицо.

Библиографический список

- Александрова, 2009 – Александрова А. Ю. Принципы создания постановочно-корректировочного курса русской фонетики для арабов : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 ; Московский гос. ун-т. им. Ломоносова. М., 2009. 263 с.
- Вагнер, 2001 – Вагнер Н. В. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 384 с.
- Залевская, 2013 – Залевская А. А. Вопросы теории двуязычия. М. : Директ-Медиа, 2013. 147 с.
- Зализняк, Падучева, 1975 – Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М. : ВИНТИ, 1975. С. 51–101 (переизд. : Семиотика и информатика. Opera Selecta, 35. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 59–107).
- Зарытовская, 2008 – Зарытовская В. Н. Лингводидактическое описание способов выражения причины (на материале русского и арабского языков) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 ; РУДН. М., 2008. 201 с.
- Науменко, 2003 – Науменко Ю. М. Ритмо-вокалическая структура русского и арабского слова в лингводидактическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; РУДН. М., 2003. 404 с.
- Хатим, 1993 – Хатим Али А. Ф. Проблемы интерферируемого влияния арабского языка на усвоение русского письма (на материале суданского диалекта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 1993. 16 с.
- Холодилова, 2017 – Холодилова М. А. Относительные придаточные // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / отв. ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. СПб. : Изд-во Нестор-История, 2017. С. 205–279.
- Brustad, 2000 – Brustad K. The syntax of spoken Arabic: A comparative study of Moroccan, Egyptian, Syrian, and Kuwaiti dialects. Washington : Georgetown University Press, 2000. 442 p.
- Chafe, 1980 – Chafe W. L. The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, NJ : Ablex Publ. Co., 1980. 350 p.
- Ellis, 1999 – Ellis R. The study of second language Acquisition. Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 1999. 824 p.
- Galal, 2004 – Galal M. A minimalist approach to relative clauses in modern standard Arabic. Ph.D. diss. ; University of Kansas, 2004. 420 p.

- Mughazy, 2009 – Mughazy M. Relative clause // Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics IV: Q–Z / Ed. by K. Versteegh, et al. Leiden, Boston : Koninklijke Brill NV, 2009. P. 60–70.
- Odlin, 1989 – Odlin T. Language transfer: Cross-linguistic influence in language learning (Cambridge applied linguistics). Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 210 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139524537>
- Versteegh, 2014 – Versteegh K. The Arabic language. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014. 416 p.

References

- Aleksandrova, A. Yu. (2009). *Printsipy sozdaniya postanovochno-korrektirovochnogo kursa russkoy fonetiki dlya arabov [Principles of creating a correction course in Russian phonetics for Arab students]*. PhD in Pedagogical sci. diss. Moscow : Moscow State University. (In Russ.).
- Wagner, V. N. (2001). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka anglogovoryashchim i frankogovoryashchim [Methods of teaching Russian to English speakers and French speakers]*. Moscow : Vldos Press. (In Russ.).
- Zalevskaya, A. A. (2013). *Voprosy teorii dvuyazychiya [Bilingualism theory issues]*. Moscow : Direkt-Media Press. (In Russ.).
- Zalizniak, A. A., Paducheva, E. V. (1975). K tipologii otnositel'nogo predlozheniia [On the typology of a relative sentence]. *Semiotika i informatika [Semiotics and Informatics]* (Vol. 6, pp. 51–101) Moscow : VINTII Press. (Reissue: *Semiotika i informatika. Opera Selecta* (Vol. 35, pp. 59–107). Moscow : Yazyki russkoi kul'tury Press.). (In Russ.).
- Zarytovskaya, V. N. (2008). *Lingvodidakticheskoe opisanie sposobov vyrazheniya prichiny (na materiale russkogo i arabskogo yazykov) [Linguodidactic description of the ways of expressing the cause (Based on the Russian and Arabic languages)]*. PhD in Pedagogical sci. diss. Moscow : RUDN University. (In Russ.).
- Naumenko, Yu. M. (2003). *Ritmo-vokalicheskaya struktura russkogo i arabskogo slova v lingvodidakticheskom aspekte [Rhythmic structure of the word in Russian and Arabic from a linguodidactic point of view]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : RUDN University (In Russ.).
- Khatim Ali, A. F. (1993). *Problemy interferiruemogo vliyaniya arabskogo yazyka na usvoenie russkogo pis'ma (na materiale sudanskogo dialekta) [Issues of the interfering influence of the Arabic language on the acquisition of Russian writing system (Based on the Sudanese dialect)]*. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University. (In Russ.).
- Kholodilova, M. A. (2017). Otnositel'nye pridatochnye [Relative clauses]. In V. A. Plungyan, N. M. Stoyanova (Eds), *Materialy k Korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Vyp. II. Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii [Materials to Corpus grammar of Russian. Vol. II : Syntactic patterns and grammatical categories]* (pp. 205–279). St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Brustad, K. (2000). *The syntax of spoken Arabic: A comparative study of Moroccan, Egyptian, Syrian, and Kuwaiti dialects*. Washington: Georgetown University Press.
- Chafe, W. L. (1980). *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, NJ : Ablex Publ. Co.
- Ellis, R. (1999). *The study of second language acquisition*. Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press.
- Galal, M. (2004). *A minimalist approach to relative clauses in modern standard Arabic*. PhD. diss. ; University of Kansas.
- Mughazy, M. (2009). Relative clause. In K. Versteegh, et al. (eds), *Encyclopedia of Arabic language and linguistics IV: Q–Z* (pp. 60–70). Leiden, Boston : Koninklijke Brill NV.
- Odlin, T. (1989). *Language transfer: Cross-linguistic influence in language learning (Cambridge applied linguistics)*. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139524537>
- Versteegh, K. (2014). *The Arabic language*. Edinburgh : Edinburgh University Press.

УДК 811.581.11

Смирнова Алина Андреевна¹
Иванашко Юлия Петровна², Процукович Елена Александровна³
¹Языковая школа ПифагорУМ, ^{2,3}Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
polia-80@mail.ru

Фонетическая интерференция в англоязычной речи детей-китайцев младшего дошкольного возраста

Аннотация

Цель настоящей статьи – выявление и классифицирование фонетических отклонений, возникших в результате интерференционных процессов в англоязычной речи детей младшего дошкольного возраста – носителей китайского языка. Материалом для исследования послужили аудиозаписи иноязычной речи дошкольников, обучающихся по дополнительной образовательной программе в центре раннего развития «Mother Goose» (г. Иу, КНР). В результате слухового и акустического анализа, выполненного в программе Praat, было установлено, что 100% респондентов продемонстрировали наличие в их иноязычной речи элементов фонетической интерференции. Фонетическая интерференция в речи испытуемых была представлена такими явлениями как недодифференциация, реинтерпретация и ресегментация. Самыми частотными категориями фонетической интерференции оказались недодифференциация, представленная в форме замены незнакомых для респондентов звуков, неразличения напряжённых и ненапряжённых монофтонгов, неразличения гласных по степени подъёма и реинтерпретация, выраженная заменами /t/→/ə/ и /t/→/l/. Следующими по распространённости фонетическими отклонениями оказались эпитеза и эпентеза из категории ресегментации, выраженные в добавлении гласных звуков в конце и середине слов после или между согласными. Наименее частотными отклонениями были замены открытого монофтонга /æ/ на дифтонг /ai/, а также одних согласных на другие согласные, отличающиеся по активному органу (/k/→/p/, /n/→/m/, /v/→/b/ и /d/→/g/). Замен согласных, связанных с признаком глухости-звонкости, не выявлено.

Ключевые слова: фонетическая интерференция, недодифференциация, реинтерпретация, ресегментация, эпентеза, эпитеза, диэрза, стяжение гласных

© Смирнова А. А., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. 2024

Для цитирования: Смирнова А. А., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Фонетическая интерференция в англоязычной речи детей-китайцев младшего дошкольного возраста // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 133–146.

Alina A. Smirnova¹, Yuliya P. Ivanashko², Elena A. Protsukovich³
¹PifagorUm Language School, ^{2,3}Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
polia-80@mail.ru

Phonetic interference in English speech of Chinese pre-schoolers

Abstract

The current paper aims to identify and classify phonetic deviations resulting from language interference in Chinese pre-schoolers learning English. The material of oral speech was obtained from pre-schooler subjects going to the “Mother Goose” Early Childhood Development Center (Yiwu, China). An auditive analysis and acoustic analysis were performed using Praat. The results show that 100% of the subjects displayed various patterns of phonetic interference: underproduction, reinterpretation, resegmentation. The most frequent

interference phenomena were: (i) substitutes of unfamiliar sounds by familiar ones, non-distinction of tense and lax monophthongs, problems with producing the necessary degrees of tongue raising as a result of underproduction; (ii) substitution of /r/ by /ə/, /r/ by /l/ as a result of reinterpretation. Epenthesis and epithese involving the addition of extra vowels at the end and in the middle of the words after or between consonants as a result of resegmentation were less frequent. The least frequent phonetic deviation in vowels was the substitute of open /æ/ by the diphthong /ai/ and in consonants – substitutes differing in locus, e.g. /k/→/p/, /n/→/m/, /v/→/b/ and /d/→/g/. No substitutes of voiced-voiceless consonants were found.

Keywords: phonetic interference, underproduction, reinterpretation, resegmentation, epenthesis, epithese, diaeresis, contraction

© Smirnova A. A., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A. 2024

For citation: Smirnova, A. A., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A. (2024). Foneticheskaya interferentsiya v angloyazychnoy rechi detey-kitaytsev mladshego doshkol'nogo vozrasta [Phonetic interference in English speech of Chinese pre-schoolers]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 133–146.

1. Введение [Introduction]

В погоне за самореализацией в современном мире глобализации и высокой конкуренции соискатели считают владение иностранным языком одним из самых приоритетных навыков, в связи с чем знакомство с иноязычной речью начинают с самых ранних лет.

Существуют противоположные точки зрения на тему того, с какого возраста лучше начинать обучение детей иностранному языку. Многие исследователи и специалисты уверены, что погружать ребёнка в условия билингвизма стоит с самых первых дней жизни ребёнка [Аванесова, 2005; Вронская, 2020; Рабинович, 1970; Han, 2013; Johnson, 2010]. С другой стороны, некоторые лингвисты и психологи утверждают, что осознанное использование второго языка начинается только после освоения системы родного языка [Аверин, 1998; Белкина, 2006 а; Веренинова, 1994].

Независимо от того, с какого возраста ребёнок начинает изучение второго языка, освоение его фонетической системы является первостепенной задачей – грамматический строй и лексический состав не могут полноценно выполнять коммуникативную функцию, если произношение говорящего не понятно другим носителям иностранного языка [Барахта, 2015; Белкина, 2006 б; Верещагин, 1968; Гураль, 2012].

Начиная знакомство ребёнка с иностранным языком, необходимо продемонстрировать ему фонетически правильное произношение, так как именно на начальном этапе обучения закладываются основы иной фонетической системы и формирование слухо-произносительных навыков. Нередко, в процессе обучения у учеников возникают определённые трудности в освоении фонетики иностранного языка, которые преподаватель, как специалист, должен уметь нивелировать. Поэтому современные преподаватели и методисты сталкиваются с необходимостью разработки новых подходов к обучению, нацеленных на подавление негативного влияния фонетической системы родного языка на иностранный.

В связи с вышесказанным, изучение интерференционных процессов является чрезвычайно актуальным. Лабораторией фонетики кафедры иностранных языков Амурского государственного университета проводится ряд исследований интерферирующей речи носителей типологически неродственных языков (эвенкийско-русская, англо-русская, русско-армянская, русско-азербайджанская, португальско-русская интерференция) в рамках бакалаврских и магистерских работ. Ведётся и изучение неродной речи носителей китайского языка с точки зрения взаимодействия китайской и русской фонологи-

ческих систем (см., напр., [Тэн, Андросова, 2022]), что обусловлено территориальной близостью КНР и Дальнего Востока РФ и расширением социально-экономических связей, заключающихся в том числе в культурном, образовательном и научном общении. Между двумя государствами происходит международный студенческий обмен, преподаватели из России и Китая обучают иностранных граждан разного возраста и уровня образования. Не меньший интерес представляет взаимодействие фонологических систем китайского и английского языков (см., напр., [Han, 2013]). Учитывая огромную популярность английского языка в Китае и сильное желание родителей обучать детей английскому языку с раннего возраста, целью настоящей статьи было выявление и классифицирование фонетических отклонений, возникших в результате интерференционных процессов в англоязычной речи детей младшего дошкольного возраста – носителей китайского языка.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для данного исследования послужили аудиозаписи звучащей речи на английском языке детей младшего возраста, собранные в ходе проведения практических занятий по английскому языку как иностранному. Учитывая возраст и способности участников эксперимента, в ходе уроков детям предлагалось осваивать отдельные лексические единицы либо короткие словосочетания, которые и попали в центр внимания настоящего исследования.

В экспериментальную группу вошли 32 респондента (14 девочек и 18 мальчиков), все граждане Китайской Народной Республики, родным языком которых является китайский (путунхуа). Возраст респондентов составил 3–6 лет. Для достоверности полученных данных в ходе эксперимента в группу были отобраны лишь те дети, которые не имели дефектов речи и не наблюдались у логопеда. На момент начала исследования каждый из детей ранее не имел опыта изучения иностранного языка, соответственно уровень владения английским у всех респондентов был начальным.

Исследование проводилось в тренинговом центре раннего развития «谷斯妈妈早教中心» (Early Education Center «Mother Goose») в городе Иу, провинции Чжэцзян (юго-запад Китая). Центр является частью франшизы, распространённой по всей территории Китая. Её представительства есть во многих больших городах (Пекин, Шанхай, Чэнду, Гуанчжоу и др.). Основным концептом франшизы являются персонажи английских сказок из сборника «My very first Mother Goose Nursery Rhymes». Данные школы позиционируют себя как билингвальные, используя в своих методиках преподавания английский как второй язык. За стандарт произношения в настоящем исследовании был выбран американский вариант английского языка, так как именно он использовался в процессе обучения.

Исследование включало в себя несколько этапов. Первый этап представлял собой систематический процесс наблюдения за иноязычной речью детей, в результате которого осуществлялись оценка и осмысление интерференционных процессов в речи респондентов. На следующем этапе выявленные отклонения были зафиксированы и классифицированы в соответствии с существующими методиками. На третьем этапе были проведены слуховой и инструментальный виды анализа конкретных проявлений фонетической интерференции.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Классификация фонетических отклонений [Phonetic deviations classification]

В ходе слухового анализа в речи респондентов были выявлены различные случаи проявления фонетической интерференции, которые были систематизированы в соответствии с классификацией, предложенной У. Вайнрайхом [Вайнрайх, 1972] (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Классификация фонетических отклонений
[Table 1. Phonetic deviations classification]

Категория	Подкатегория	Тип	Форма	Пример
недодифференциация			замена одного согласного на другой в условиях отсутствия аналогичного звука	/maʊθ/ – /maʊs/ /sevən/ – /sebən/
			неразличение напряжённых / ненапряжённых гласных /i/ и /ɪ/	/ʃɪp/ – /ʃɪp/ /fɪt/ – /fɪt/
			замена монофтонга дифтонгом	/blæk/ – /blaɪk/
			неразличение фонем по степени подъёма (/æ/ и /e/)	/hæd/ – /hed/
Реинтерпретация			замена звуков на схожие по звучанию, но различные по артикуляционным характеристикам звуки	/mʌni/ – /mʌmi/ /kɒki/ – /kɒpi/ /ʃɪp/ – /ʃɒp/ /fɪʃ/ – /fɒʃ/ /trem/ – /tlem/ /grɪn/ – /glin/
Ресегментация	плюс-сегментация	эпентеза	вставка гласного между согласными внутри слова	/pænts/ – /pæn-tê-sê/ /nudl/ – /nu-dê-lê-sê/
		эпитеза	добавление гласного в конце слова, заканчивающегося на согласный	/dɒg/ – /dɒgə/ /ræbɪt/ – /ræbɪtə/ /neɪm/ – /neɪmʊ/
		диэреза	опущение /r/ в слове после гласного	/sɜːkəl/ – /sɜkəl/
	минус-сегментация	стяжение гласных	замена дифтонга монофтонгом	/braʊn/ – /bran/

Рассмотрим каждую из представленных категорий отдельно.

2.2.2. Недодифференциация [Underproduction]

Самой частотной категорией в настоящем исследовании является недодифференциация. По определению У. Вайнрайха, процесс недодифференциации представляет собой недостаточное различение фонем второй языковой системы в процессе речепроизводства. Это явление можно объяснить тем, что в родном языке те или иные элементы не дифференцируются как отдельные фонемы, а релевантные признаки фонем представляются как избыточные [Вайнрайх, 1972].

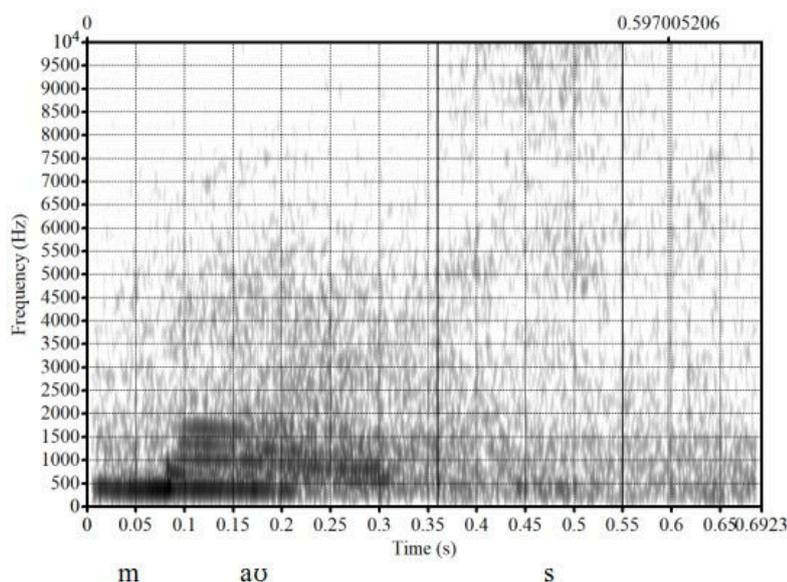
Сопоставление фонематических систем английского и китайского языков выявило, что английский язык представлен более широким инвентарём фонем, вследствие чего некоторые звуки английского языка не имеют эквивалентов в китайском [Алексахин, 2010; Бехтева и др., 2015; Боднар, 2013]. В результате изучающие английский язык неизбежно сталкиваются с трудностями произнесения ранее неизвестных им звуков при освоении фонетического уклада английской языковой системы.

Явление недодифференциации может проявляться в речи по-разному и иметь различные формы. Рассмотрим случаи, выявленные в результате проведённого исследования.

1. Замена одного согласного на другой.

а) Замена /θ/, /ð/ на /s/, /z/. Английские межзубные фонемы /θ/ и /ð/ являются специфическими и уникальными, не имеющими аналогов в китайском языке, в связи с чем для его носителей они представляют особую сложность. Поскольку участники эксперимента ранее не имели опыта межзубной артикуляции, замена данных звуков более привычными апиально-альвеолярными, имеющими аналоги в родном языке, была отмечена у 100% респондентов. Так, была зафиксирована регулярная замена

согласного /θ/ на /s/ в словах *mouth*, *bath*, что приводило к реализации совершенно других слов (*mouth* → *mouse*, *bath* → *bass*). На рисунке 1 представлена такая реализация слова *mouth* в произношении респондента мужского пола.



Р и с у н о к 1. Спектрограмма слова *mouth*
[F i g u r e 1. S p e c t r o g r a m o f *mouth*]

б) Замена /v/ на /w/. В английском и китайском языках существует огубленная фонема /w/, которая схожа по звучанию, но не идентична. Однако в китайской фонетической системе не существует губно-зубной фонемы /v/, в силу чего участники экспериментальной группы склонны заменять «незнакомый» /v/ на /w/. На начало эксперимента такой процесс наблюдался у 60% респондентов. Стоит отметить, что данная фонема подвергалась интерференции, находясь либо изолированно, вне состава слова, – при изучении отдельных звуков, либо в начале слова. Например, слово *very* /veri/ ошибочно произносилось респондентами как /weri/.

в) Замена /v/ на /b/. Губно-зубная английская фонема /v/ в позиции середины слова в исследуемом материале подвергалась замене на губно-губную китайскую фонему /b/, что в итоге приводило к деформации слова (*seven* → *seben*). Такое произношение отмечалось у 7 учеников из 32 (22% респондентов).

2. Неразличение ненапряженных и напряжённых гласных /i/ и /i/. Напряжённость артикуляции гласных фонем в английском языке играет смысловозначительную роль, поэтому необходимо уделять особое внимание обучению детей дифференциации таких звуков. Поскольку в фонетической системе китайского языка гласные не имеют противопоставления по признаку напряжённости / ненапряжённости, недифференциация фонем /i/ и /i/ была выявлена у 100% детей-участников эксперимента – в паре слов типа *sheep* – *ship*, *feet* – *fit* дети произносили китайскую i-образную финаль.

3. Замена монофтонга дифтонгом. Гласные не вызывают больших трудностей у китайских учеников в том случае, если речь идёт о схожих звуках. Однако большую трудность может представлять гласный /æ/, которому предшествует плавный сонорный /l/. Так, 12% учеников в английском слове *black* автоматически заменяли открытый монофтонг /æ/ на дифтонг /ai/, привычный для носителей китайского языка: 买 /mai/, 爱 /ai/, 来 /lai/, 白 /bai/, 在 /zai/.

4. Неразличение фонем по степени подъёма (/æ/ и /e/). В китайском языке отсутствует финаль, схожая с английским монофтонгом переднего ряда низкого подъёма /æ/,

однако присутствует финаль, близкая по артикуляции к английскому /e/. В результате замена фонемы /æ/ на фонему /e/ того же ряда, но среднего среднего подъёма (*had* → *head*) наблюдалась у 93% учеников.

2.2.3. Реинтерпретация [Reinterpretation]

Реинтерпретация является второй по частотности группой фонетических отклонений, выявленных в нашем исследовании. Как и в случае недифференциации, в категории реинтерпретации происходит замена согласных звуков на перцептивно (по слуховым ощущениям) или артикуляционно (по месту или способу образования) схожие согласные. Однако в случае реинтерпретации ученики склонны заменять хорошо им знакомые звуки на сходные по звучанию, но различные по своим артикуляторным характеристикам формы. Данное явление можно объяснить положением согласного в составе слова. Рассмотрим наиболее яркие и частотные случаи реинтерпретации в речи респондентов данного исследования.

1. Замена фонемы /n/ на /m/. Анализ аудиозаписей показал, что 21% учеников в слове *money* заменяли фонему /n/ на /m/, что в итоге приводило к формированию слова с другим значением – *totту*.

2. Замена фонемы /k/ на /p/. 18% учеников ошибочно заменяли фонему /k/ на /p/ в слове *cookie*, что в итоге звучало как [кopi].

3. Замена фонемы /d/ на /g/. В слове *sandwich* замену звука /d/ на /g/ произвели 25% респондентов из общего количества (при том что английская норма предполагает выпадение /d/).

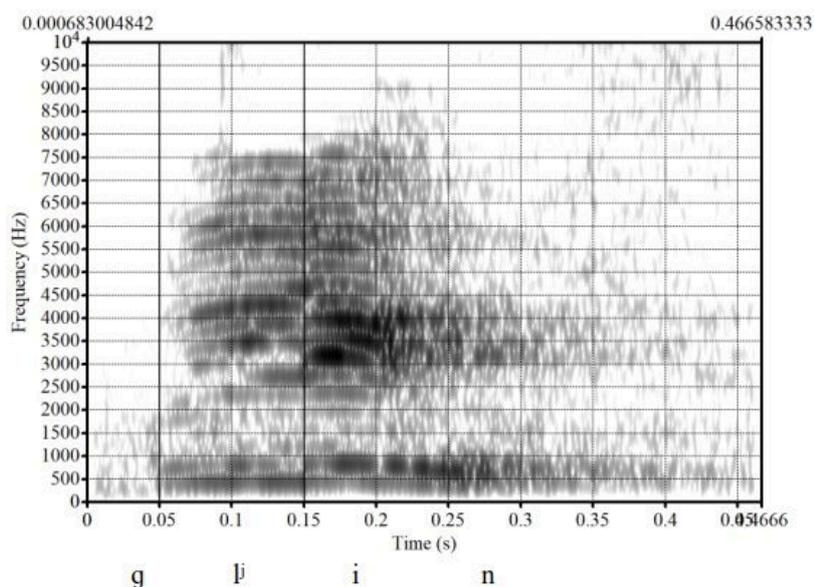
Наличие указанных в пунктах 1–3 интерференционных явлений может объясняться недостаточно развитым на момент обучения иностранному языку фонетическим слухом у испытуемых, что пока не позволяет им дифференцировать звуки правильно.

4. Эризация фонемы /l/. Большой интерес представляет фонема /l/ английского языка, а точнее её произнесение в зависимости от положения в составе слова. Звук /l/ довольно часто используется носителями китайского языка – они без труда производят слоги, начинающиеся с данной фонемы. Однако её воспроизведение в конце английского слова в поствокальной позиции вызывает большое затруднение. Например, слова *peel* и *feel* подвергались значительной интерференции – 34% из всего количества респондентов эризировали замыкающий звук – /pi:l/ – /pi:ʔ/. Эризация привычна носителям китайского языка, хотя и не является частым явлением. С другой стороны, фонема /l/ в слове *ball* не подвергалась значительным изменениям, а лишь приобретала артикуляционные характеристики, свойственные китайской фонетической системе.

5. Замена конечной фонемы /r/ на /ə/. Звук /r/ в позиции конца слова заменялся респондентами нейтральным гласным /ə/. Характерным примером является употребление респондентами слова *bear* /beɪ/, которое звучит в их речи как [beə]. Такой вариант произношения свойственен британскому английскому, но не является нормой стандартного американского. Поскольку план обучения школы «Mother Goose» предполагает использование американского английского, целесообразно отнести данное явление к интерференции. Указанная замена встретилась у 93% учеников.

6. Замена /r/ на /l/. Звук /r/ реализуется в обоих языках в качестве начальной периферии слога (инициали): в английском *red, road, rude* и др., в китайском 芮 *rui*, 融 *rong*, 日 *ri* и др. Однако китайский аналог больше напоминает русский шумный /з/ и может подвергаться эризации, но при этом он не звучит как английский /r/. В процессе наблюдения за китайской речью можно заметить, что, независимо от возраста, уроженцы Китая склонны заменять начальный звук /r/ фонемой /l/. Данный феномен можно объяснить стремлением респондентов упростить артикуляцию а процессе связной речи.

Точно такую же замену ученики транслируют и на английский язык, поскольку это ближайший в китайском языке плавный сонорный аналог. В результате может происходить либо замена на неверное слово, как *red* – *led*, либо искажение фонемного облика слова без замены одного слова на другое, как в *train*, *green*, *brown*, которые часто звучат как [tlem], [glin], [blaʊn]. Данный вид реинтерпретации присутствовал у 97% учащихся.



Р и с у н о к 2. Спектрограмма слова *green*
[F i g u r e 2. S p e c t r o g r a m o f g r e e n]

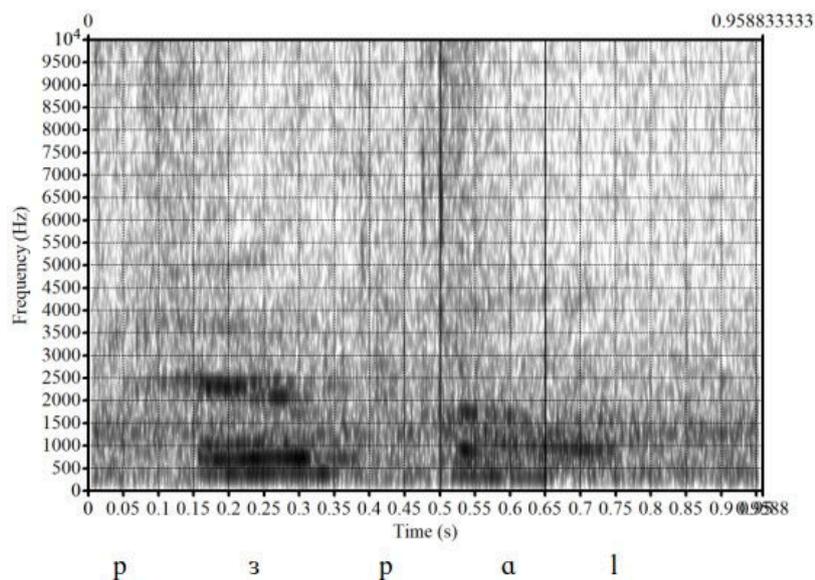
На рисунке 2 изображена спектрограмма слова *green*, произнесённого диктором-девочкой в возрасте 4 лет. Несмотря на то, что ребёнок достаточно хорошо овладел навыком произнесения ретрофлексного [r] как изолированно, так и в составе лексических единиц, например, в слове *red*, – в прилагательном *green* ребёнок неоднократно заменяет этот звук на апикально-альвеолярный [l]. Это, вероятно, обусловлено отсутствием в китайском языке слога *ri* [ri], но наличием *li* [li] – респондент в процессе произнесения иноязычного слова прибегает к более знакомому для него сочетанию. Данная тенденция была неоднократно отмечена в речи других учеников.

7. Замена гласного звука другим гласным. Кроме замены согласных, реинтерпретация может выражаться и в замене гласного на другой гласный – из-за недостаточно развитых способностей восприятия речи на иностранном языке ученики склонны подменять одни гласные фонемы другими, довольно неожиданными с точки зрения акустико-артикуляционного расстояния между задействованными гласными, например, *ship* /ʃip/ – [ʃɔp], *fish* /fɪʃ/ – [fɔʃ]. Данное отклонение наблюдалось у 44% респондентов.

2.2.4. Ресегментация [Resegmentation]

Наиболее обширной по набору подкатегорий является ресегментация, которая включает в себя плюс- и минус-сегментацию. Плюс-сегментация считается наиболее очевидной и частой в китайском языке, так как подразумевает добавление дополнительных звуков для построения слогов. В настоящем исследовании было выявлено два вида плюс-сегментации – эпентеза и эпитеза. В первом случае ученики встраивали гласный звук в середину слова, тем самым дробя его на отдельные слоги. Например, слово *pants* включает в себя лишь одну гласную и три согласных в конце слога, что не характерно для китайского языка. В связи с этим, в позиции между согласными в англоязычной речи китайских детей наблюдается вставка гласных, что приводит к формированию абсо-

лотно нового звучания и искажению слова – *pants* /pan-tê-sê/, *noodles* /nu-dê-lê-sê/, *gloves* /glo-vê-sê/. Данный интерференционный процесс наблюдается у 70% учеников исследуемой группы. На рисунке 3 представлена реализация слова *purple*, произнесённого диктором-девочкой в возрасте 4 лет. В данном случае наблюдается как явление плюс-сегментации, выраженное в добавлении гласного звука между двумя согласными [p] и [l], обусловленного слоговой структурой китайского языка, для которой не свойственно стечение нескольких согласных, так и явление минус-сегментации (диереза), заключающееся в рассматриваемом примере в выпадении звука [r] из ударного слога [pɜr].



Р и с у н о к 3. Спектрограмма слова *purple*
[F i g u r e 3. Spectrogram of *purple*]

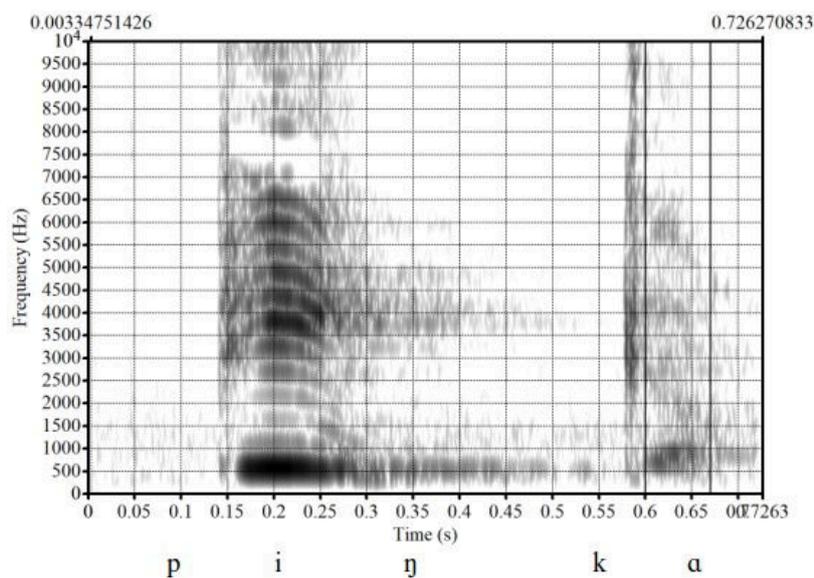
Явление эпитезы, подразумевающее наращивание гласного звука в конце слова, оканчивающегося на согласный звук, в речи респондентов было более частотным. Если процесс эпентезы проявляется в словах с двумя и более слогами, то эпитезе подвержены короткие слова, оканчивающиеся на согласную фонему. Респонденты добавляли в конце слов э-, ʊ- или а-образные звуки, например, *dog* [dɔgə], *red* [redə], *name* [neɪmʊ], *pig* [pɪgə], *pink* [pɪŋkə], *egg* [egə], *rabbit* [ræbɪtə], *five* [faɪvʊ], *snake* [sneɪkə], *hand* [hændə]. Данное явление было свойственно 100% учеников. На рисунке 4 представлена спектрограмма слова *pink*, произнесённого респондентом женского пола. После аллофона фонемы /k/ реализуется гласная вставка, по акустическим характеристикам соответствующая гласному низкого подъёма заднего ряда [ɑ].

Минус-сегментация встречается гораздо реже. К ней относятся такие явления как диереза, апокопа и стяжение гласных. В данном исследовании удалось зафиксировать лишь два типа – диерезу и стяжение гласных. Проявление апокопы для респондентов было нехарактерно.

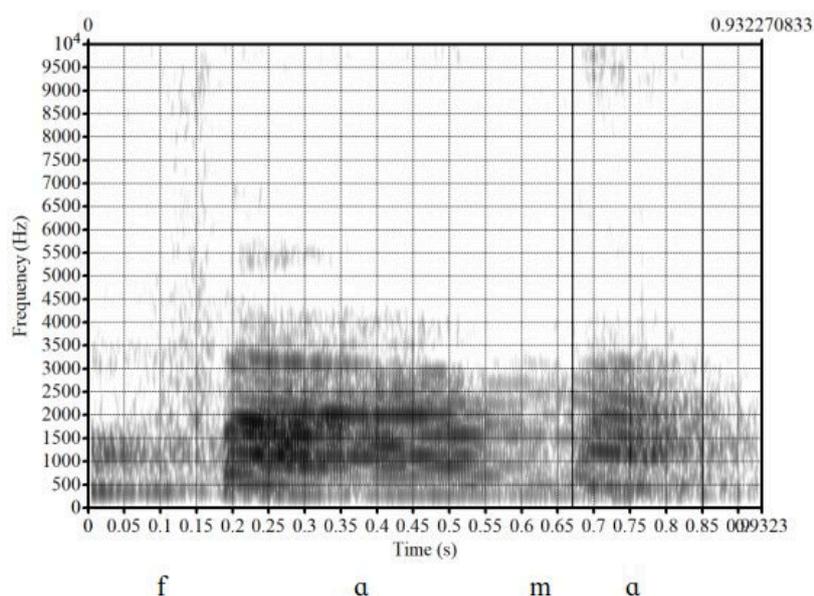
1. Диереза подразумевает опущение согласного звука в составе слова. В данном материале наблюдается систематическое опущение звука /r/ в середине слова в постпозиции к гласному. Например, такие слова как *circle*, *shirt*, *purple* и *horse* подвергаются изменениям, которые были отмечены в речи 84% респондентов. Как и в случае замены конечного /r/ на гласный, диереза данной фонемы может считаться нормой в британском варианте английского языка, но не в американском.

На рисунке 5 изображена спектрограмма слова *farmer* в произнесении диктора мужского пола в возрасте 5 лет. На рисунке видно отсутствие согласного [r] в первом сло-

ге слова, что не характерно для нормативного произношения американского варианта английского языка. Обращает на себя внимание замена нейтральной фонемы /ə/ во втором слоге на а-образный гласный, при этом перцептивно воспринимается равнозначное ударение в обоих слогах слова, что, вероятно, обусловлено тоновой системой китайского языка.



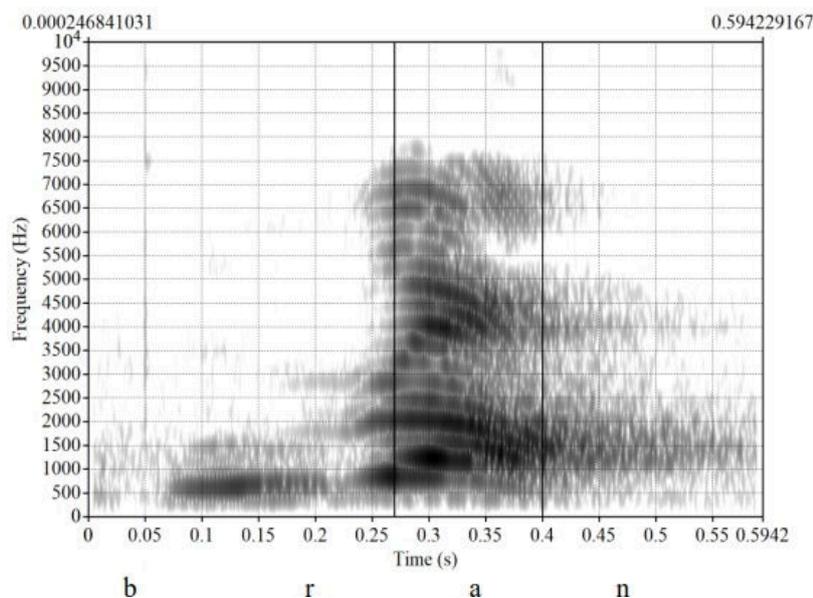
Р и с у н о к 4. Спектрограмма слова *pink*
[F i g u r e 4. S p e c t r o g r a m o f *pink*]



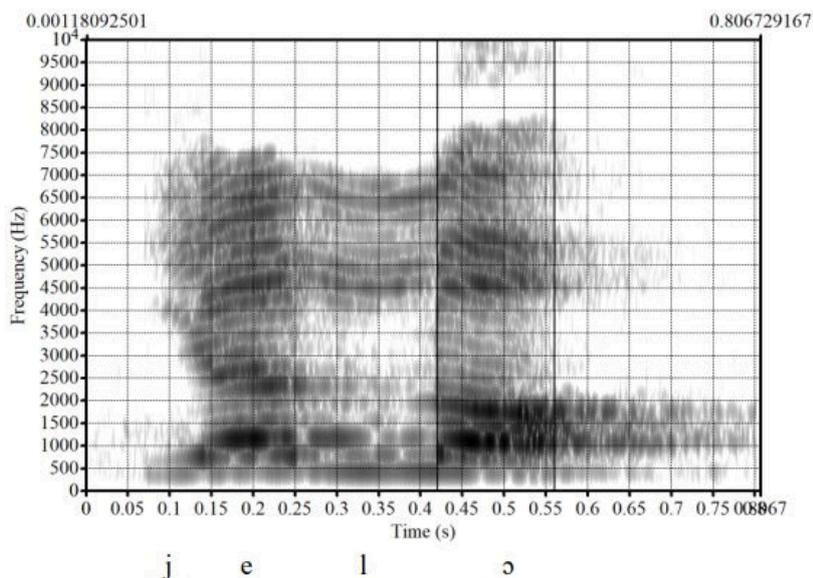
Р и с у н о к 5. Спектрограмма слова *farmer*
[F i g u r e 5. S p e c t r o g r a m o f *farmer*]

2. Стяжение гласных заключается в монофтонгизации дифтонгов, при этом они не заменяются на абсолютно другие звуки, а лишь утрачивают часть своего состава. Например, дифтонг /aʊ/ в слове *brown* в речи испытуемых сокращался до [a]. В случае с монофтонгизацией дифтонга /aʊ/ респонденты прибегали к использованию привычного для них звука на месте неестественного для китайской системы фонем сочетания звуков /a/ и /ʊ/. Дифтонги /eɪ/ и /oʊ/ в китайском языке являются финалями в слоге, в связи с этим за ними не может следовать неслогообразующий согласный. В результате у большой

части учеников в словах *lake* и *plane* дифтонг /eɪ/ реализовался как [e], а дифтонг /əʊ/ в словах *nose* и *rose* сократился до [ə]. Явление стяжения гласных было свойственно английской речи 69% учеников. На рисунке 6 показана монофтонгизация ударного /aʊ/ в середине слова *brown* (девочка, 4 года). Пример монофтонгизации /əʊ/ в конце слова в безударной позиции представлен на рисунке 7 в слове *yellow*, произнесённом диктором-девочкой в возрасте 3,5 лет. Во втором примере отмечается изменение качества оставшегося [ə] на гласный [ɔ]. Такая замена отмечена лишь у нескольких респондентов – другие участники эксперимента реализовали первый элемент дифтонга – звук [ə].

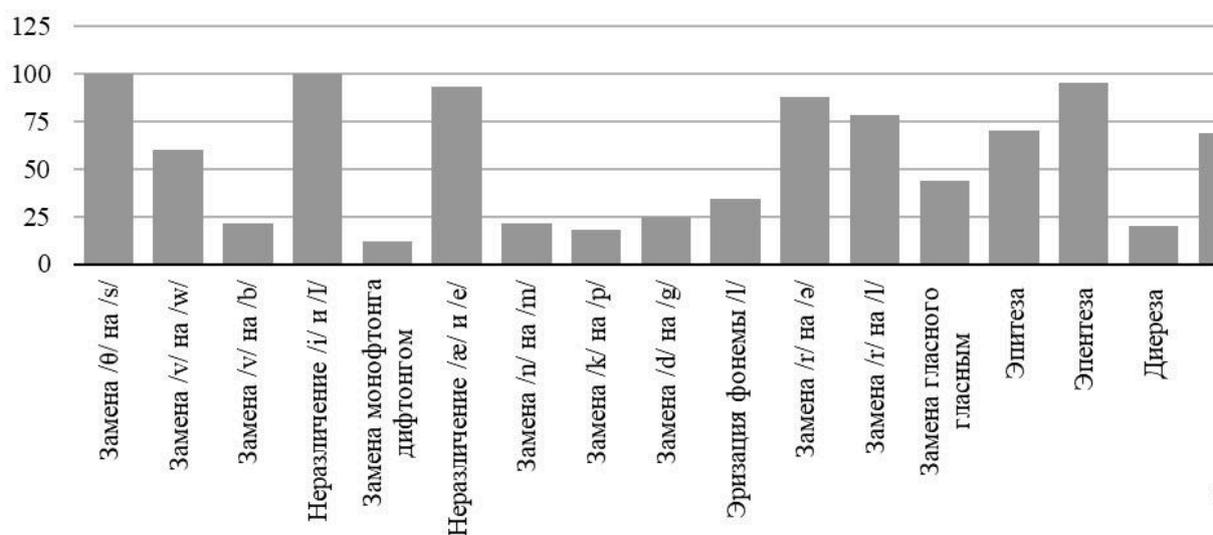


Р и с у н о к 6. Спектрограмма слова *brown*
[F i g u r e 6. S p e c t r o g r a m o f *brown*]



Р и с у н о к 7. Спектрограмма слова *yellow*
[F i g u r e 7. S p e c t r o g r a m o f *yellow*]

На рисунке 8 представлены все феномены интерференции, выявленные в результате анализа англоязычной речи носителей китайского языка.



Р и с у н о к 8. Частотность интерференционных отклонений в речи респондентов
[Figure 8. Interference deviations frequency in respondents' speech]

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование англоязычной речи детей младшего возраста, являющихся носителями китайского языка, выявило ряд фонетических отклонений, обусловленных взаимодействием фонологических систем родного и изучаемого языков, в той или иной степени свойственных каждому из 32 респондентов.

1. Самыми частотными произносительными нарушениями в категории «недодифференциация» стали замены «незнакомых» для испытуемых согласных звуков [θ], [ð] и [v] (100%), неразличения напряжённых /ненапряжённых гласных /i/ и /I/ (100%) и неразличение гласных /æ/ и /e/ по степени подъёма. Эпитеза как форма ресегментации, проявляющаяся в речи детей добавлением гласного звука в конце слова, оканчивающегося на согласную букву, была также отмечена в 100% случаев. В целом, явление реинтерпретации наблюдалось менее чем у половины респондентов, однако её реализации в детской речи в форме замены /r/ на /l/ и /r/ на /ə/ оказались довольно распространёнными (97% и 93% соответственно).

2. Вставка гласного звука в середине слова между согласными и стяжение гласных, выражающееся в монофтонгизации дифтонгов, были выявлены примерно у двух третей респондентов (69%). Оба явления представляют группу ресегментации. Более половины участников эксперимента – 60% – демонстрировали недодифференциацию, заключающуюся в замене губно-зубного /v/ на губно-губной /w/.

3. Более трети испытуемых производили замену одних гласных фонем на другие, неблизкие по акустическим характеристикам (например, /I/ на /ʊ/) – 44%, а также замену сонорного /l/ на /r/ – 34%. В целом, исследование выявило наличие трудностей в дифференциации детьми /l/ и /r/, вызванных, во-первых, отсутствием /l/ и /r/ как отдельных самостоятельных инициалей в китайском языке, во-вторых, универсальным процессом становления и развития артикуляционного аппарата у юных респондентов (в тех языках, где есть /l/ и /r/, это одни из самых сложных звуков для усвоения детьми). Особо отметим, что наши респонденты гораздо чаще производили замену /r/ на /l/ в английских словах, чем /l/ на /r/.

4. Реже всего респондентами осуществлялись замены открытого звука /æ/ на дифтонг /ai/ – 12%, замены согласных /k/ → /p/ (18%), /n/ → /m/ (21%), /v/ → /b/ (21%)

и /d/→/g/ (25%), а также явление диерезы – выпадения из слова звука /r/. Обращает на себя внимание тот факт, что замена респондентами английских согласных фонем производилась на звуки другого органа образования: губно-губной вместо заднеязычного, апикально-альвеолярного, губно-зубного, а также заднеязычный вместо переднеязычного. Однако признак «глухость-звонкость» участниками эксперимента всегда реализовывался правильно.

5. Замена сложных звуков на более привычные, представленные в фонологической системе родного языка, нередко приводило к реализации одних слов вместо других, относящихся друг к другу как квазиомонимы: *mouth* – *mou^se* и т. п. Совершенно ясно, что если такие замены вовремя не устранить, то это может привести к нарушению коммуникации.

6. Высокая частотность явлений эпитезы и эпентезы в речи испытуемых показывает чрезвычайную устойчивость «родной» структуры открытого слога с простой начальной консонантной периферией в один согласный.

Выявленные фонетические отклонения и особенности их частотности должны стать пищей для размышления при формировании учебно-методического комплекса, направленного на нивелирование чрезмерного китайского акцента и повышение качества обучения английскому языку, к чему активно стремятся современные китайцы.

Библиографический список

- Аванесова, 2005 – Аванесова В. Н. Обучение самых маленьких в детском саду. М. : Просвещение, 2005. 122 с.
- Аверин, 1998 – Аверин В. А. Психология детей и подростков : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1998. 379 с.
- Алексахин, 2010 – Алексахин А. Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – фонема – звук речи – слог – слово. 2-е изд., испр. и доп. М. : Восточная книга, 2010. 184 с.
- Барахта, 2015 – Барахта А. В. Явление интерференции в условиях изучения второго иностранного языка, включая русский как иностранный // Вестник ТГПУ. 2015. № 10 (163). С. 83–87.
- Белкина, 2006 а – Белкина Л. В. Адаптация детей раннего возраста к условиям ДОУ : практич. пособие. Воронеж : Учитель, 2006. 236 с.
- Белкина, 2006 б – Белкина М. Ю. Задания для совершенствования фонетических навыков // Иностранные языки в школе. 2006. № 5. С. 53–54.
- Бехтева и др., 2015 – Бехтева Н. Н., Дегтярева Е. В., Тебиев Х. О. Слог – минимальная фонологическая и лексическая единица китайского языка // Молодой учёный. 2015. № 23 (103). С. 1074–1076. <https://moluch.ru/archive/103/23886/>
- Боднар, Яценко, 2013 – Боднар С. С., Яценко Г. С. English sounds and intonation : учеб. пособие. Казань : КФУ, 2013. 120 с.
- Вайнрайх, 1972 – Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6 : Языковые контакты / под ред. В. Ю. Розенцвейга. М. : Просвещение, 1972. С. 25–60.
- Веренинова, 1994 – Веренинова Ж. Б. Обучение английскому произношению с опорой на специфику фонетических баз изучаемого и родного языков // Иностранные языки в школе. 1994. № 5. С. 10–16.
- Верещагин, 1968 – Верещагин Е. М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // Иностранные языки в высшей школе. 1968. Вып. 4. С. 103–110.
- Вронская, Осипова, 2020 – Вронская И. В., Осипова А. С. Проблема формирования и контроля иноязычных рецептивных фонетических навыков на раннем этапе обучения иностранным языкам // Комплексные исследования детства. 2020. Т. 2, № 2. С. 109–116. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-2-109-116>
- Гураль, Сорокина, 2012 – Гураль С. К., Сорокина Е. И. Интерферентные явления и положительный перенос (английский, французский и итальянский языки) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 354. С. 7–11.

- Рабинович, 1970 – Рабинович А. И. Типы звуковой интерференции // Русское и зарубежное языкознание. Вып. 3. Алма-Ата : КазГУ им. С. М. Кирова, 1970. С. 224–228.
- Тэн, Андросова, 2022 – Тэн Х., Андросова С.В. Особенности паузации в родной и акцентной спонтанной речи: акустический анализ китайской родной, русской акцентной и русской родной речи // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21, № 2. С. 67–86. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86>
- Han, 2013 – Han F. Pronunciation Problems of Chinese Learners of English // ORTESOL Journal. 2013. Vol. 30. P. 26–30.
- Johnson, Demuth, 2010 – Johnson M., Demuth K. Unsupervised phonemic Chinese word segmentation using Adaptor Grammars // Proc. of the 23rd International Conference on Computational Linguistics (Coling 2010), Beijing, August 23–27, 2010 / Ed. by C.-R. Huang, D. Jurafsky. Beijing : Tsinghua University Press. P. 528–536.

References

- Avanesova, V. N. (2005). *Obucheniye samykh malen'kikh v detskom sadu [Teaching the little ones in kindergarten]*. Moscow : Prosveshchenie Press (In Russ.).
- Averin, V. A. (1998). *Psikhologiya detey i podrostkov [Psychology of children and adolescents]: A coursebook*. 2nd edn, with corrections and addenda. St. Petersburg : Mikhailov V. A. Press (In Russ.).
- Aleksakhin, A. N. (2010). *Alfavit kitayskogo yazyka putunkhua. Bukva – fonema – zvuk rechi – slog – slovo [The alphabet of the Chinese language Putonghua. Letter – phoneme – speech sound – syllable – word]*. 2nd edn, with corrections and addenda. Moscow : Vostichnaya kniga Press (In Russ.).
- Barakhta, A. V. (2015). Yavlenie interferentsii v usloviyakh izucheniya vtorogo inostrannogo yazyka, vklyuchaya russkiy kak inostrannyi [Interference phenomenon during the second foreign language acquisition including Russian as a foreign language]. *Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]*, 10 (163), 83–87. (In Russ.).
- Belkina, L. V. (2006 a). *Adaptatsiya detey rannego vozrasta k usloviyam DOU [Adaptation of young children to the conditions of a preschool educational institution]: A coursebook*. Voronezh : Uchitel Press (In Russ.).
- Belkina, M. Yu. (2006 b). Zadaniya dlya sovershenstvovaniya foneticheskikh navykov [Tasks for improving phonetic skills]. *Inostrannyye yazyki v shkole [Foreign Languages for Schools]*, 5, 53–54. (In Russ.).
- Bekhteva, N. N., Degtyareva, E. V., Tebiev, Kh. O. (2015). Slog – minimal'naya fonologicheskaya i leksicheskaya yedinita kitaïskogo yazyka [The syllable as the minimal phonological and lexical unit of the Chinese language]. *Molodoy uchonyy [Young Scientist]*, 23 (103), 1074–1076. (In Russ.). <https://moluch.ru/archive/103/23886/>
- Bodnar, S. S., Yatsenko, G. S. (2013). *English sounds and intonation: A coursebook*. Kazan : Kazan Federal University Press.
- Weinreich, U. (1972). Odnoyazychiye i mnogoyazychiye [Monolingualism and multilingualism]. In V. Yu. Rozentsveyg (Ed.), *Novoye v zarubezhnoï lingvistike. Vyp. 6 : Yazykovyye kontakty [New issues in foreign linguistics. Vol. 6 : Language contacts]* (pp. 25–60). Moscow : Progress Press (In Russ.).
- Vereninova, Zh. B. (1994). Obucheniye angliyskomu proiznosheniyu s oporoy na spetsifiku foneticheskikh baz izuchayemogo i rodnogo yazykov [Teaching English pronunciation using the specifics of the L1 and L2 phonetic bases]. *Inostrannyye yazyki v shkole [Foreign Languages for Schools]*, 5, 10–16. (In Russ.).
- Vereshchagiyn, E. M. (1968). Ponyatiye «interferentsiya» v lingvisticheskoy i psikhologicheskoy literature [The concept of «interference» in linguistic and psychological literature]. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]*, 4, 103–110. (In Russ.).
- Vronskaya, I. V., Osipova, A. S. (2020). Problema formirovaniya i kontrolya inoyazychnykh retseptivnykh foneticheskikh navykov na rannem etape obucheniya inostrannym yazykam [The

- issue of developing and assessing receptive phonetic sub-skills in early foreign language teaching]. *Kompleksnye issledovaniya detstva [Comprehensive Child Studies]*, 2 (2), 109–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-2-109-116>
- Gural, S. K., Sorokina, E. I. (2012). Interferentnyye yavleniya i polozhitel'nyy perenos (angliyskiy, frantsuzskiy i ital'yanskiy yazyki) [Interferential linguistic phenomena and positive transference (English, French and Italian)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta [Tomsk State University Bulletin]*, 354, 7–11. (In Russ.).
- Rabinovich, A. I. (1970). Tipy zvukovoy interferentsii [Types of sound interference]. *Russkoe i zarubezhnoe yazykoznanie [Russian and foreign language studies]* (Vol. 3, pp. 224–228). Alma-Ata : Kazan State University Press. (In Russ.).
- Teng, H., Androsova, S. V. (2022). Osobennosti pazatsii v rodnoy i aktsentnoy spontannoy rechi: akusticheskiy analiz kitayskoy rodnoy, russkoy aktsentnoy i russkoy rodnoy rechi [Pauses in native and foreign-accented spontaneous speech: Acoustic analysis of native Chinese, Chinese learners of Russian, and native Russian speech]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, 21 (2), 67–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86>
- Han, F. (2013). Pronunciation problems of Chinese learners of English. *ORTESO*, 30, 26–30.
- Johnson, M., Demuth, K. (2010). Unsupervised phonemic Chinese word segmentation using Adapter Grammars. In C.-R. Huang, D. Jurafsky (eds), *Proc. of the 23rd International Conference on Computational Linguistics (Coling 2010), Beijing, August 23–27, 2010* (pp. 528–536). Beijing : Tsinghua University Press.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.
The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 15.05.2024

УДК 821.161:81'243

Стрельцов Алексей Александрович
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
al-astr@yandex.ru

Средства выражения искажений в русскоязычной речи «немцев» – персонажей произведений русско-советской литературы

Аннотация

В статье рассматривается то, как авторы художественных произведений учитывают в репликах прямой речи особенности произношения персонажей, которые не являются носителями русского языка, но при этом владеют им на уровне, достаточном для осуществления успешного общения с другими персонажами, для которых этот язык является родным. Исследование, проведённое на материале 32 произведений отечественной литературы XVIII–XX вв., отражает представления классиков и малоизвестных писателей о звучании ломаной русской речи германоязычных иностранцев, преимущественно немцев. Показано, как именно проявляется интерферирующее влияние родного для персонажа языка в выученном русском. Использован метод сплошной выборки, индуктивный, описательный и сопоставительный методы. Выявлено широкое жанровое разнообразие произведений, в которых ломаная речь служит для характеристики персонажей и ограничения на их род занятий. Представлена классификация разноуровневых языковых средств, являющихся основными маркерами нарушений в русскоязычной речи германофонов в представлении отечественных авторов. Регулярными фонографическими средствами являются оглушение звонких согласных, смягчение и замена согласных, озвончение согласных, замены некоторых гласных. Наиболее частотны следующие грамматические средства: замена синтаксической формы будущего времени аналитической, нарушение подчинительной связи, опущение предлогов, изменение способа выражения предикативности. Выявлена тенденция уменьшения роли фонографических средств в передаче нарушений и увеличения роли грамматических средств. Отмечаются случаи нарушения лексической сочетаемости и использование иноязычных вкраплений. В речи инофонов установлено преобладание кратких и средних реплик, что может свидетельствовать о боязни ошибок из-за недостаточного владения синтаксисом русского языка.

Ключевые слова: контаминированная речь, искажения в речи, инофон, германоязычный персонаж, фонографические средства, грамматические средства, лексические средства

© Стрельцов А. А. 2024

Для цитирования: Стрельцов А. А. Средства выражения искажений в русскоязычной речи «немцев» – персонажей произведений русско-советской литературы // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 147–162.

Aleksey A. Streltsov
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
al-astr@yandex.ru

Means of expressing distortions in the Russian speech of “Germans” – characters of Russian and Soviet literature

Abstract

The article features the way fiction writers depict peculiarities of direct speech of characters who are non-native speakers but are able to communicate effectively with those characters for whom these languages are mother

tongues. The analysis of 32 works by both well-known classical and less popular authors dating from the late 18th to the late 20th centuries shows how they depict the speech of Germans speaking Russian. Numerous examples are used to show language interference effect of the native tongue of the character on the learned Russian language. Accented speech used to define a character and identify his/her profession specifics was found in a wide genre variety of literary works. The paper offers the typology of language means marking the main kinds of errors committed by German native speakers while speaking Russian as Russian writers see it. Regular phonetic and graphical means were found to include devoicing and voicing, palatalization, consonant and vowel substitutions. Most frequent grammatical means included substituting the synthetic form of the future tense with the analytical one, violating subordination, omitting prepositions, changing predication. The results also demonstrate the trend towards reducing the role of phonetic and graphical means over time and a wider use of grammatical means. Cases of lexical compatibility violation, the use of foreign language inclusions and the preference for short and medium utterances were found, the latter being an attempt to decrease the number of errors.

Keywords: contaminated speech, speech distortions, non-native speaker, a German-speaking character, phonetic and graphic means, grammatical means, lexical means

© Streltsov A. A. 2024

For citation: Streltsov, A. A. (2024). Sredstva vyrazheniya iskazheniy v russkoyazychnoy rechi «nemtsev» – personazhey proizvedeniy russko-sovetskoy literatury [Means of expressing distortions in the Russian speech of “Germans” – characters of Russian and Soviet literature]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 147–162.

немец «человек, говорящий неясно, непонятно» [Фасмер, 2004]

1. Введение [Introduction]

У части жителей нашей страны издавна имелось предубеждение по отношению к иностранцам, отчасти обусловленное тем, что они плохо изъяснялись или вовсе не владели единственно понятным им самим русским языком. Не случайно известный исследователь русского языка и фольклора Владимир Иванович Даль объяснял значение слова «немец» следующим образом: «... не говорящий по-русски, всякий иностранец с запада, европеец ...; в частности же, германец» [Даль, 1865]. Отчасти это объясняется объективной сложностью русского языка для носителей «неславянских» языков, хотя в действительности многие «немцы» и их потомки (вышеупомянутый В. И. Даль был сыном обрусевших датчанина и немки) свободно говорили и писали на нём, порой гораздо лучше тех, для кого он был родным.

В настоящей статье мы рассмотрим речь иностранца, «говорящего на неродном языке» [Савенко, 1999, с. 150], но «не владеющего в полном объёме нормами иностранного языка» [Куликова, 2009, с. 94], иными словами, контаминированную речь иностранца, представляющую собой «речевое произведение, созданное на иностранном языке с нарушением нормы на различных уровнях языковой системы в условиях интерференции со стороны родного языка. Такая контаминация возникает только в речи билингва и объясняется ... воздействием родного языка на иностранный» [Савенко, 1999, с. 150]. Следует отметить, что [Савенко, 1999] использует аббревиатуру КРИ (контаминированная речь иностранца), но в научной литературе, встречается ещё и ЛРИ (ломаемая речь иностранца / инофона) [Голованова, 2012 ; Вострикова, 2020].

Объектом нашего исследования является КРИ / ЛРИ персонажей литературных произведений, а утверждение об обусловленности контаминации влиянием источника интерференции мы экстраполируем на их речь. Следует помнить, что «КРИ в художественной литературе всегда условна, так как это речь, созданная воображе-

нием автора ...», но, с другой стороны, «высказывания героя-иностранца воплощают лингвистический опыт литератора, обобщают его наблюдения за речевым поведением реальных людей» [Савенко, 1999, с. 153].

Особая причина, обуславливающая КРИ, не влияет на её функцию в тексте: «Контаминированная речь иностранца выступает как характеристика персонажа, неправильности и ошибки напоминают о том, что герой не владеет иностранным языком, и пользуется им для каких-то своих целей. Эти ошибки становятся средством эстетического воздействия на читателя, создают необходимый стилистический эффект» [Куликова, 2009, с. 94–95].

Искажения в речи проявляются на разных уровнях – фонетико-фонологическом, морфолого-синтаксическом, лексико-сематическом и стилистическом: «в искажении отдельных звуков, морфем, в нарушении грамматической формы слова, синтаксических связей, порядка слов в предложении...» [Савенко, 1999, с. 151]. Нами было изучено отражение контаминированной речи персонажей-немцев в англоязычных художественных текстах и их переводах на русский язык [Стрельцов, 2024]. Целью настоящего исследования является определение закономерностей выражения (стилизации) неправильной речи иностранца – носителя немецкого языка (или одного из германских языков) в русскоязычных художественных текстах.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Основным материалом для исследования послужили произведения российских писателей второй половины XVIII – первой половины XX века:

– пьесы: Д. И. Фонвизин «Недоросль», Действие 3, Явления VIII и IX, Действие 5, Явления VI и VII (домашний учитель Адам Адамыч Вральман); И. С. Тургенев «Месяц в деревне», Действия 1, 2 и 5 (немец-гувернёр Шааф); М. А. Булгаков «Дни Турбиных», Действие 2, Картина 1 (генерал фон Шратт, майор фон Дуст); В. В. Вишневский «Оптимистическая трагедия», Акт 3 (офицер войск противника); А. И. Пантелеев «Ночные гости» (немецкий офицер);

– романы: К. П. Масальский «Стрельцы», Часть I (датчанин, полковник Кравгоф и швед, подполковник Биелке); А. И. Лавров «Под волнами Иматры», Глава 16 (Вильям Уокер, заведующий лондонской конторой банкира, Джона Морлея, за которого себя выдавал), А. П. Чаплыгин «Разин Степан» (немец-лекарь и немцы-офицеры), С. Т. Григорьев «Александр Суворов», Глава 4 (учитель математики в полковой школе Иоганн Бухгольц), Е. А. Гагарин «Возвращение корнета», Глава X (лейтенант Паульхен и старший лейтенант Корнеманн), М. С. Бубеннов «Белая берёза», Часть 2 (комендант Квейс), А. Б. Чаковский «Блокада» (полный немец с веснушками на лице), В. А. Обручев «Плутония», Эпилог (австрийские морские офицеры) и фрагмент его романа «В дебрях Центральной Азии» (профессор Шпанферкель);

– повести: Л. А. Чарская «Юркин хуторок» (гувернёр Фридрих Адольфович Гросс), А. И. Пантелеев «Часы» (санитар Рудольф Карлыч) П. А. Сажин «Капитан Кирибеев» (норвежец-китобой Олаф Кнудсен), В. В. Быков «Знак победы» (фельдфебель), и рассказ Ф. М. Достоевского «Крокодил» (немец-крокодилщик).

Единичные примеры представлены в:

– романах: И. И. Лажечников «Последний новик», Глава 3 (полковник фон Верден), И. С. Тургенев «Дворянское гнездо», Главы 4 и 6 (учитель музыки Христофор Лемм) и «Отцы и дети», XXVII (немец-доктор), Л. Н. Толстой «Война и мир», Т. 1. Ч. 1. XVIII (немец-доктор), Ф. Е. Зарин-Несвицкий «Тайна поповского сына» (майор Генрик Генрикович Брант), М. А. Булгаков «Театральный роман» (Амалия Ивановна), А. Р. Беляев «Продавец воздуха», Глава 1 (мистер Бейли), А. П. Чаплыгин «Гулящие люди» (май-

ор), В. Я. Шишков «Емельян Пугачёв», Книга 2. Главы 4, 6, 9 (губернатор, генерал-поручик Иван Андреич Рейнсдорп);

– рассказах: А. П. Чехов «Добрый немец» (старший мастер Иван Карлович Швей) и «Нервы» (губернантка Розалия Карловна), А. И. Куприн «Слон» (толстый немец, хозяин зверинца), сказах П. Бажова (немцы-мастера), и одноактной пьесе И. Бродского «Демократия!» (министр финансов Густав Адольфович).

Как видно из перечня произведений, их хронологические рамки довольно широкие. Всего нами отобрано свыше 300 примеров из перечисленных 32 произведений.

Предварительный анализ показывает, что по форме случаи КРИ представлены преимущественно в романах и пьесах, реже в повестях и рассказах. Жанровое разнообразие велико: это историческая (К. П. Масальский, И. И. Лажечников, А. П. Чаплыгин, В. Я. Шишков, Ф. Е. Зарин-Несвицкий, С. Т. Григорьев) и военная проза и драматургия (В. В. Быков, Е. А. Гагарин, М. Бубеннов, А. И. Пантелеев, А. Б. Чаковский), а также детская проза (Л. А. Чарская, А. И. Куприн), социально-философская (И. С. Тургенев) и детективная (А. И. Лавров), юмористическая (А. П. Чехов) и сатирическая (Ф. М. Достоевский), научно-фантастическая и приключенческая (В. Я. Обручев, П. А. Сажин, А. Р. Беляев) литература; комедия (Д. И. Фонвизин), трагедия (В. В. Вишневский) и драма (М. А. Булгаков). Обращает на себя внимание тот факт, что по роду занятий почти все указанные нами в скобках персонажи-инофоны относятся к военной (офицеры), врачебной, реже педагогической (домашние учителя) и управленческой деятельности, а в гендерном отношении почти все они – мужчины. При отборе примеров мы прибегли к методу сплошной выборки, а при обработке результатов использовали индуктивный, описательный и сопоставительный методы.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

3.1. Фонетический уровень [Phonetic level]

В русском языке речь немца передаётся несколькими стандартными способами.

Оглушение и озвончение согласных. Отметим, что «в немецком языке, как и в русском, существует правило оглушения конечного звонкого согласного» [Charles-Luce, 1985; Савенко, 1999, с. 153; Piroth, 2003]. Гипотетически возможно оглушение всех звонких согласных – как одиночных, так и сочетаний. Данное явление на нашем материале иллюстрируют свыше 100 примеров, поэтому мы разбили их на блоки по времени написания произведения, что позволит отследить сохранение оглушения в разные временные периоды:

1) *Теперь-то я **фи**жу! Умарит хатяят **репенка**! Матушка ты мая! **Сш**алься нат **сф**аей утройой, катора **теф**ять месесо**ф** таскала... Тай **ф**олю этим преклятым слатеям.*

*Што тебе надоно? Што? Сынок, како**ф** ест, да **тал** Бог старовье...*

*...толго ль **пал**фан?*

*Как пунто **пы** до арихметики **пы**ли люти **тураки** несчетные!*

*Ему потрепно снать, как **шить ф** с**ф**ете. Я снаю **сф**ет наизусть.*

*Я **ф**сё на них сматру. **Пыф**ало, не сойт**у** ни на минуту с **косел**.*

*Уталец! Не постоит на месте, как **тикой** конь **пез** усды.*

*Чему **фы** супы-то скалите, **нефе**жи?*

*Што **фы** исте**фа**етесь, **репя**та, што ли, **нат**о мною?*

*Как **фы** терсаете **нефе**шничать...*

*Я хоспоже на **ф**ас пошалаюсь.*

*С атним не слатили! Эх, прат, **ф**сяли!*

*Это ты, мой милости**ф**ый хосподин!*

*Та што **тел**ать, мой **пат**юшка?*

*Фосмите меня апать к сепе. ... нез русской крамат! ... шатался нез мест...
Прикашишь мне дофести сепя?* [Фонвизин, 1781] (24 примера).

Во всех примерах прослеживается замена в парах согласных [в] – [ф], [д] – [т], [б] – [п], [г] – [к], [ж] – [ш], [з] – [с], а также [г] на [ф] или [х].

2) ...твой не *тольшна* каварить *преште* млатший офицер! ...што твой *тумает*?
Косподины все прошие прапорщик ... *косподины* потпорушики и порушики?
Зашем вишу *отин*? рапорт о их *полеснь*? Твой кавариль сперва *траться*!
Мой снает не *хуше* твой *поряток*.

Тай пумага с перо

Где *пешит*?

Солдаты *вспунтирофались*! Што *стелать* с *пестельники*?

...што ваш *тумает стелать*? [Масальский, 1832].

каспадин, *Баевой* *паряток*? *Кашится*... [Лажечников, 1833] (16 примеров).

Во всех примерах прослеживается замена в парах согласных [в] – [ф], [д] – [т], [б] – [п], [г] – [к], [ж] – [ш], [з] – [с].

3) *Каспадин* ...; *Кута*? Э! *ничефо*. *Фот* и я *иту*...; *Фперет* я *Лисафет* *Богдановне* не *приклашаю*. [Тургенев, 1855].

Пошалуй... [Тургенев, 1862].

Ваш *друк* очень умна *шеловек* ... я очень умна *шеловек*, а ви очень *глюп*! [Достоевский, 1865], *Хаврилу*... [Чехов, 1885], *Ошен шаль*! *Боше* мой! [Чарская, 1907].

... *каспадин* *майор* ... [Зарин-Несвицкий, 1913] (10 примеров).

В представленных примерах также прослеживается замена в парах согласных [в] – [ф], [д] – [т], [ж] – [ш], [з] – [с], [г] – [к], а также [г] – [х].

4) *Нофеньки*? *Растефайся*; Да ты не *пойся* [Пантелеев, 1927].

От *Симонофф*? *Пасфольте*, *пасфольте*; *Зафтра* [Шишков, 1939].

Я буду *сдесь*. [Пантелеев, 1944].

Какой *ушасный* *женьшин*! Такой *неспоряток* *делает*. *Турма* такой *ната*! *Эту* *Виселук* очень *фретный* *женьшин*.

Это есть *желесный рута*! Это есть *метный рута*!

Бутилка фотки ... *Ост пери*! *Фсегда* *ост пери*! Ай, *малатец*!

Это есть очень тонкий *рапота*. [Бажов, 1945].

Кто *протиф*? [Бубеннов, 1952].

Ушасно мило ... [Гагарин, 1952].

Там *готоф*? [Быков, 1982]. (21 пример).

В представленных примерах прослеживается замена в парах согласных [в] – [ф], [б] – [п], [ж] – [ш], [з] – [с], [д] – [т].

5) *тфа*, мой *друк* [Сажин, 1956] (1 пример).

Здесь в одном слове имеет место замена в парах согласных [д] – [т] и [в] – [ф]. На первый взгляд в слове *друк* имеет место оглушение конечной [г] в [к], но это оглушение полностью соответствует нормам русского языка. Поэтому пример следует считать сугубо графической заменой.

6) Очень; долго *каварили*. *Ушасно*! *Свин*, *каварят*, у *китайса* много! *Сдесь*... [Обручев, 1951] (4 примера).

В представленных примерах прослеживается замена в парах согласных [ж] – [ш], [к] – [г], [з] – [с].

7) ... он *апета*ет. Ис*ф*ините? ... Ах, *отин* момент... [Бродский, 1990]. (3 примера). В этих примерах имеет место замена в парах согласных [б] – [п], [в] – [ф], [д] – [т].

Озвончение глухих согласных очень редко встречается в речи *Вральмана*: *да и захрани поже!* ... *з ним* ... Более того, в ряде случаев не наблюдается и оглушение согласных: ... *да в могилу* [Фонвизин 1781].

В речи Шаафа отмечается озвончение [т] – [д], [п] – [б] и [с] – [з], часто в начале слова: *И деберь зем; не брочидал; Я фзе люблю; чево я вам зкажу; есть безенка; Злушаю-с...* [Тургенев, 1855].

В произведениях довоенной советской литературы иногда отмечается озвончение [с] – [з], часто в начале слова: *С зожалени* ... [Булгаков, 1925], *мои злова, ...поместья звоих господ* ..., ...*добывая зебе пропитание...*, ...*идти з рабом* [Чаплыгин, 1927], *Змилуйтесь!* [Шишков, 1939]. Всего на данное явление было найдено 17 примеров.

Неверная реализация твёрдых и мягких согласных. Одним из способов выразить ненормативное смягчение можно считать з а м е н у «ы» на «и» [Савенко, 1999]. Наш материал изобилует такими примерами:

военный совет [Масальский, 1832], *Фи любит? риб?* [Тургенев, 1855].

Не пило слушай, ... – чтопи с третий удар шивь оставался. [Толстой, 1868].

ви хатит..., ми вас не пускайт [Достоевский, 1865].

какой стид! Слущал? Ви никто не догадался..., ...я закривал дверь..., ...ви маленький ангель! бедный ребёнок! Как ви бледный! Ви уже випили два стакан! Ви облил себя ... [Чарская, 1907].

Ви сам капитан? Торговий судно; Ви давно плавают на Ледовитый океан? [Обручев, 1915].

Ви услышали мой выстрелы? Ви удивлены? [Беляев, 1929].

Ну, ви сейчас заговориль! ... ви пошёл к ним... [Вишневский, 1933].

... ти съел сегодня читирнадцать ... [Булгаков, 1936].

Ви слюшааете? [Шишков 1939], *Ви добрый старый люди..., ...ви не понимать...* [Пантелеев, 1944], *пых слюшит* [Бажов, 1945].

... что ми делают целый день. ... ви меня обманывают. [Обручев, 1951].

Как ви скасаль? [Бродский, 1990] (29 примеров).

Во всех этих примерах, помимо ошибочной реализации мягких согласных на месте твёрдых, фиксируется ошибочная реализация гласной фонемы (если *ы* признавать отдельной фонемой). Эти ошибки неразделимы в связи с ограниченной дистрибуцией *ы* – употребляется только после твёрдых согласных.

Сюда же следует отнести случаи с м я г ч е н и я согласных, отмеченные в начале, середине и конце слова и выраженные искажением орфографии – йотированная гласная буква вместо нейотированной, например, *ю* вместо *у*, *ё* вместо *о* после сонорных, обычно [л]: *шалюн* [Чехов, 1885], *ошен лубит, плютишки, слюшилось, полюшай, только не вольнойтесь; Што слючиль? Дрюшочек мой!* [Чарская, 1907], *Пожалюй...* [Булгаков, 1925]; *Глюпости! ...пожалюста...* [Шишков, 1939]; *Слюшать меня!... Полючай!* [Пантелеев, 1944]; *голюпчик* [Гагарин, 1952], *помну* [Сажин, 1956], *слюшай* [Чарковский, 1968], а также замена [о] на [ё]: *молёко; Большие солёма! У колёдца?* [Пантелеев, 1944], *плёхо понимай* [Обручев, 1951] (18 примеров).

В конце слова чаще всего смягчается [л]: *Пропаль я* [Фонвизин, 1781], *сольдат* [Масальский, 1832], *Я не слушиль* [Тургенев, 1859], *Он пропидиль; Он дразниль крокодиль..., Я заслужиль польковник, потому што показаль крокодиль* [Достоевский 1865], *Я любиль его! Я ушиль его; Я слущаль, как ви гореваль сейшась, и решиль помочь; Не обмануль, приекаль!* [Чарская, 1907] *Ви, конечно, читаль?* [Обручев, 1915], *Ви плохо понималь свой положений. Ну, кто говориль? Достаточно ясно я говориль по-русски? Время*

проходить. Ну, вы обдумаль? Кто давал показаний? [Вишневский, 1933], Написаль? Все поняль? Скоро кончалъ урок. Он решаль сам! [Григорьев, 1939]; Усталъ? Как ты попалъ? [Пантелеев, 1944], Сколько платиль..., Я ошень понималь! Говориль ему ... [Бажов, 1945], Я думаль...; Я читаль ... [Обручев 1951], Ты поняль? Господин майор утверждалъ ... [Чаковский, 1968], Смотрель айн бандит! Опознаваль айн бандит ... [Быков, 1982] (34 примера). Имеется один случай смягчения [л] в середине слова перед согласной: *мой польк* [Масальский, 1832].

Более редкими являются случаи отвердения согласной. В неконечной позиции это графически выражено употреблением нейотированных букв вместо положенных йотированных, например э вместо е (под ударением): *говорил менэ, подарил менэ, хотэл, хотел сдэлайт сюрприз, зашэм ви не слышал...* [Чарская, 1907] (5 примеров). В абсолютном исходе слова это графически выражено пропуском мягкого знака: *Никто не смеит покупат* [Достоевский, 1865], *...от сердца ему смерт, всегда хочу умерет* [Чаплыгин, 1927], *секретар ходить* [Обручев, 1951], *Надо знат! Как понимает?* [Бубеннов, 1952] (6 примеров). Отвердение объясняется отсутствием в немецком языке мягких согласных.

Другой ранее не отмеченной исследователями особенностью, связанной с передачей ошибочного отвердения, является д и ф т о н г и з а ц и я. Трудный для иностранцев признак мягкости согласного «переносится» на гласный в виде [и]-элемента на переходе от согласного к гласному, в результате чего получается своего рода дифтонг: *я тиебиа люблю* [Тургенев, 1855]; *повиэсить, О ниэт!* [Булгаков, 1925] (3 примера).

Другие фонетические ошибки. В эту группу были распределены ошибки в произнесении согласных и гласных, не имеющие отношения к привативным оппозициям по глухости-звонкости и твёрдости-мягкости.

Для с о г л а с н ы х был выделен ряд замен: [ч'] на [ш], [ц] на [с]: *сарись не скасаль нишего. я сделай тотшас план ...* [Масальский, 1832]. *я ошень умна шеловек, а ви ошень глюп!* [Достоевский, 1865]. *Неприлишно..., ...шеловека... за спишки* [Чехов, 1885]. **Ш**то за несшастье! Это мой попагайчик кришал; **ш**то я ево ушил! Ви все мештаете [Чарская, 1907]. Это ошень мило. [Пантелеев, 1927]. *Ошен карашо! Ешше нужно кароший шеловек...* [Обручев, 1951]. **Ш**ей он ест? *Ошен хорошо!* [Бубеннов, 1952]. *Не надо скушать о пчелка ...* [Гагарин, 1952]. (15 примеров). Большинство из них отражают фонетические ошибки, но в некоторых имеется только замена графемы на ненормативную при том что произнесение верное (**што, несшастье**)

В обоих случаях произошла потеря смычки и замена аффрикаты на щелевую – по способу образования согласного: *нишего, зашем, шеловек, спишки, китайса* (5 примеров) (контексты см. выше в разделе об оглушении). Эти замены сложно объяснить, ведь в немецком языке есть аффрикаты [tʃ] и [ts], тождественные [ч] и [ц]. С другой стороны, для шведского и датского эти фонемы не характерны.

Следует отметить единичные случаи замены [х] на [к]: *кудой штук* [Масальский, 1832], *Мы сиротт и без клерб!* [Достоевский, 1865], *Ошен корошо!* [Чарская, 1907], *ошен корошо* [Зарин-Несвицкий, 1913], *казаин!* [Чаплыгин, 1937], *карош* [Григорьев, 1939] и [Сажин, 1956]. Здесь происходит обратное явление – добавление смычки, в результате чего вместо щелевой реализуется смычная.

Выявлены замены смычно-щелевого [ц] и передненёбных щелевых [ш] и [ш'] аффрикатой [ч'] (*отеч, ече, большое, настояч*), а [ч'] – зубным смычным [т'], и заднеязычного щелевого [х] заднеязычным смычным [к] (*котит = хочет*). Отмечена не встречавшаяся ранее замена губно-губного [н'] зубным [м'] (*мемношко*) (контексты приведены выше в разделе об оглушении). Все примеры из [Сажин, 1956].

Иногда затруднение вызывает попытка передать отсутствующие фонемы, или их непривычные сочетания: *никахта* [Фонвизин, 1781], *...сфой романце лутчи...* [Турге-

нев, 1859], *нитчего, двайсить, люччи* [Сажин, 1956], *...то великое нешастье...* [Чаплыгин, 1927], *Лютше вас знай* [Шишков, 1939], *лютше всех, очень лютший* [Бажов, 1945], *Еише лючше!* [Обручев, 1951], *ейтцы* [Гагарин, 1952] (11 примеров).

В ряде случаев, возможно, под влиянием эмоций, в речи персонажа согласный [т] и шипящие «удваиваются»: *... так этто фот как этто...* [Тургенев, 1862], *нетт* [Достоевский, 1865], *Этто ушасно! ... этти наук ..., Ужжасны этта сторона! ... оишен старый* [Обручев, 1951] (6 примеров).

Иногда причина искажения не понятна: *Я одишень рад* [Тургенев, 1855], *им ...очишень, очишень довольна* [Шишков, 1939] – в немецком языке есть звук [ч], и он встречается перед [е] (ср. Tscheche, Patsche); *Альёша* [Булгаков, 1936] – в немецком языке «л» на слух напоминает «л'» (ср. Löwe, Löffel); *... чистый блюзка...* [Пантелеев, 1927], *рюски кайзер* [Чаплыгин, 1937], *рюска народ* [Шишков, 1939] – в немецком языке эти слова пишутся через [у] (*Bluse, russisch*). Возможно, так передаётся неверное распределение признака «твёрдость-мягкость».

В отечественной литературе середины XIX – середины XX вв. отмечается замена одних гласных на другие. Одна из таких замен – замена буквы *o* на букву *a*. С точки зрения нормативного фонемного состава нарушения здесь нет, учитывая русское нормативное аканье. Возможно, имелось в виду чрезмерное аканье без нормативной для русского языка качественной редукции в безударном слоге до [а] (первая ступень) и [э] (вторая ступень): *Атин-с* [Тургенев, 1855], *Многа свет, ...где нас не будут абижалъ* [Чарская, 1907], *Касак? Гаспада!* [Шишков, 1939], *Имейте карова и малако?* [Гагарин, 1952] (6 примеров).

Другая замена – вышеупомянутая дифтонгизация, на этот раз не связанная напрямую с признаком твёрдости-мягкости согласного: *...я не дам ковыряйт крокодилъ ...* [Достоевский, 1865], *ошибайт! сделайте; Как вас зовуйт? ...говорийт слова каждое утро* [Чарская, 1907], *я вам объявляйт..., понимайт?* [Обручев, 1915], *сделайт* [Булгаков, 1925], *Поздравляйт меня; Я вас спрашивайт! Что ви делайт?! Снимайт меня...* [Шишков, 1939], *понимайт, не пускайт* [Бажов, 1945], *знайт, покупайт, разбивайт, скажайт, обманывайт* [Обручев, 1951], *убивайт, имейт, знайт, думайт* [Сажин, 1956], *сделайт, вставайт, делайт, продолжайт, стреляйт* [Чаковский, 1968]; при этом у В. Я. Обручева такая особенность наблюдается только в случае глагольного суффикса *-а-*: *... можно вооружайт, ... нужно забирайт, нишего не поделайт!* [Обручев, 1915]; *...нам помогайт, обед готовляйт;... китайсы начинайт дверь открывайт* [Обручев, 1951] (34 примера).

Возможное объяснение последнего приводит [Куликова, 2009, с. 99]: «...характерное для немцев неправильное окончание *-айт* у русских глаголов (*одевайт, понимайт, думайт*), которое возникает в результате переноса в русский язык сочетания *-eit-*, характерного для немецких глаголов (*schreiten, streiten, arbeiten*)». Оно представляется спорным, поскольку в немецком языке не так много глаголов с указанным сочетанием. Кроме того, ни один из представленных в русском языке глаголов с *-айт* не имеет немецкоязычных соответствий с *-eit*.

3.2. Грамматический уровень [Grammar level]

Замена синтаксической формы будущего времени аналитической, упоминаемая в литературных источниках (см., напр., [Савенко, 1999]) в нашем материале была отмечена в 13 примерах.

Твой пунут садить на ад и шарить на горяч, красна калена сковорот! [Масальский, 1832].

... он сейчас будет лопаль..., ... и ваш друк не будет умираль [Достоевский, 1865].

Я сейчас буду её испугать [Чехов, 1887].

Я теперь буду разговаривать дальше ... [Лавров, 1902].

... завтра же я буду уезжать от вас дом!

Я буду его выпускать в сад! [Чарская, 1907].

... мы ... будем брать ваш судно как военный приз [Обручев, 1915].

Будет тот себя спасать, кто даст показаний [Вишневский, 1933].

Он будет приглашать друзей и с ними выпивать [Григорьев, 1939].

Мы будем делать с тобой так ...

Если я буду засыпать ... [Пантелеев, 1944].

Я скоро будет ехать ... [Сажин, 1956].

Как мы видим, ненормативная аналитическая форма могла сопровождаться неверной формой смыслового глагола – прошедшее время вместо инфинитива и фонетической ошибкой (*будет спасать* и др.), что усиливает эффект.

Помимо этого выявлен целый ряд грамматических особенностей КРИ, не упоминаемых в научных работах по данной тематике: нарушение подчинительной связи, выборочный пропуск предлогов, изменение способа выражения предикативности в предложении.

Нарушение подчинительной связи. Несмотря на то, что в немецком языке этот тип отношений представлен в полной мере, часто отмечается несоответствие в роде и числе, реже – падеже, в ломаной речи литературных персонажей.

1) *липо с голот мереть; Старофа слуха не остафте...* [Фонвизин, 1781].

Вы бы опять спел ... [Тургенев, 1859].

Я не хатит продавайт крокодиль! [Достоевский, 1865].

Окотник найдутся [Толстой, 1868].

Ваша жена честный, хороший женицин... Она благородный! Я не желаю быть ее враг! [Чехов, 1885].

Ты русский, и моя жена русский, и я русский... [Чехов, 1887].

Впрочем, часто отмечается опущение окончаний:

Россиска крамат! Я сам терта калаш. ... шелесны лапы! [Фонвизин, 1781].

Фи любит малин? [Тургенев, 1855].

... не *Лисафет Михайловне, а Елен Михайловне* [Тургенев, 1859].

Всего в данном блоке найдено 10 таких примеров.

2) *Какой-нибудь сладкий булка...* [Куприн, 1907].

Целых пять мальшиик. В комнате шетыре угол; шагайт в углу сей же момент. большая несшастье! мой последний прогулька [Чарская, 1907].

Такоф богатый усадеб [Зарин-Несвицкий, 1913].

Это русский судно? бил в полярной экспедиция [Обручев, 1915].

А между тем германски командование забирает дивизи и уводит их в Германи...

Гетман будет один. Никакая свита. Мы только доведем до границ тех, кто желает спасти своя шея от ваш мужик ... [Булгаков, 1925].

...пока вода горячий. С мыло и щетка. Чистый брючка, ... и даже сапожка дадим.

Ой, глупая мальчишка! В такая вода курица можно сварить.

Наконец-то ты, бедный головушка, ожил [Пантелеев, 1927].

Цар любит иноземец! злужит до конец жизни; идти всегда за цар и бояра [Чаплыгин, 1927].

Обьяснить расположение ваш полк [Вишневский, 1933].

Биль три бочка, полный вина. Один из них пустой [Григорьев, 1939].

Я слышаю битого час вот этот касак; чудесно знаете русского языка [Шишков, 1939].

*умный женщина; Идем, я сказать ему [Пантелеев, 1944].
Такой бывайть не может. Показывай её квартир... глупый расцветка... Такой тонкий работа ... Какой глупость!* [Бажов, 1945].

*Моя помощник знайт; Вынимайт наша палатка [Обручев, 1951].
приказ немецка армия [Бубеннов, 1952].
один письмо к моя мать [Гагарин, 1952].
пять тысяч кита, девятьностью тфа год, я помну мой отеч.
Этот спермуэл должна иметь амбра. Мы пойдём моя каюта?
я его видит, Я кочит делать вам... Я ждет... [Сажин, 1956].
три шаг вперед ..., Смотреть на господин ... Сидящий за стол...
говорить ... одна правда, ...сын царский офицер, интересный ситуаций, малень-
кий испытаний,*

... немецкий армия дает тебе хороший возможность отомстить за твой отец. Стреляй этот человек [Чаковский, 1968].

Чаще всего, как в вышеуказанных примерах, имеет место нарушение в согласовании (мужской род вместо женского или среднего, или женский род вместо мужского, единственное число вместо множественного) и управлении (именительный падеж вместо косвенного). Есть также отдельные случаи неверного выбора грамматической категории при отсутствии нарушения подчинительной связи: *Я останавливался здесь на трое дней* [Лавров, 1902]. *Этта какой большой гор?* [Обручев, 1951].

Иногда причина искажения непонятна:

Никогда не следует покидать свой родина [Булгаков, 1925]. В немецком языке слово *Heimat* – женского рода.

Мы твою кустюм в печка сожгём... Мы тебе другая костюм выдадим [Пантелеев, 1927]. В немецком языке слово *Kostüm* – среднего рода.

Моя секретар каварил... [Обручев, 1951]. В немецком языке слово *Sekretär* – мужского рода, и секретарь в произведении – мужчина.

Всего в данном блоке найдено 46 примеров с указанными нарушениями.

Выборочный пропуск предлогов зафиксирован в 10 случаях.

Поедем крейсер [Обручев, 1915].
*Сейчас вагон..., конница Петлюры восемь верст от Киева
...вы знаете, что будет с вами случае взятия вас в плен?
...отправляйтесь станцию наш штабной поезд* [Булгаков, 1925].
*Генерал Рейнсдорп зорко смотрит своя губерния; как надо обращаться рюска
простой шалвек* [Шишков, 1939].
... уставал раскаваривайт амбань. Туркестан живёт каракурт [Обручев, 1951].
... ехайт Норвегия [Сажин, 1956].

Изменение способа выражения предикативности в предложении по правилам немецкого языка (есть / иметь + имя существительное / прилагательное, реже наречие) отмечено в 33 случаях.

Он не есть мой нашальник [Масальский, 1832].
Имеете ли вы в своем доме; мой Томми имеет высоту [Куприн, 1907].
Кто это есть? Што это есть? [Чарская, 1907].
Он есть весьма печален; Гетман есть очень здоровый [Булгаков, 1925].
Ви есть обречённый люди [Вишневский, 1933].
Или я очшень есть пьян [Шишков, 1939].
*...кто есть хозяин? Это есть деревня Ифановка?
Я хотел иметь ваш маленький зовьет* [Пантелеев, 1944].

Кто есть Виселук? Твой есть сестра Виселук? Это есть сильный нога. Это есть немецкий рапота. Это есть поношений... [Бажов, 1945].

Ми еише имеем хороиший немецкий печенье [Обручев, 1951].

Будем иметь маленький разговор. Все русские есть как дети.

Немецкий народ не есть злой; мы имеем деньги [Гагарин, 1952].

Ты ест старост! Вы ест солдат. Где ест ваш болшевик? [Бубеннов, 1952].

Ви, я, ... есть дружба такой... [Сажин, 1956].

Как есть твой фамилий? Ты знайт, кто он есть такой? Это есть парабеллум... Это есть автомат. ...офицер есть майор..., Ты есть негодный лгун. Ты не есть сын... [Чаковский, 1968].

В некоторых примерах глаголы *есть* и *иметь* вынесены в конец предложения: *Маленький урок есть...* [Зарин-Несвицкий, 1913], *остановить Петлюру невозможно есть* [Булгаков, 1925] и *... где я только два табуретка имею* [Обручев, 1951]. Только у одного автора нам встретились примеры составного сказуемого с модальным глаголом в конце предложения: *Такой бывайть не может. Натураль-камень ... объяснять могу. Руски понимайт не может* [Бажов, 1945]. В целом же изменение порядка слов не характерно для передачи контаминированной речи немецкоязычных персонажей.

3.3. Лексический уровень [Lexical level]

Прежде всего отметим **нарушение лексической сочетаемости**:

сатить на арест [Масальский, 1832]¹.

смерть постигла его стремглав; вашего почивавшего в земле отца [Лавров, 1902].

вы мне должны возвратит убыток; вводить в свой дом один слон? [Куприн, 1907].

ми командированы брать мери к спасению вашей светлости; я раздеваю с себя ответственность за жизнь вашей светлости; Ваша светлость, любезно высуньтесь [Булгаков, 1925].

Почему ... ты удержал истину? [Чаплыгин, 1927].

Твоя Симонофф сбился с ума; И сей злодей потерпит казнь сами люта [Шишков, 1939] (11 примеров).

Помимо этого можно отметить несколько **индивидуально-авторских особенностей** выражения искажений в речи:

1) встречающееся почти исключительно у К. П. Масальского использование формы местоимений «мой» и «твой» вместо личных местоимений «я» и «ты» или «тебя/тебе»: *Мой не понимай..., Твой смеет смеяться! Што твой натопна?*, соответственно. При этом используются формы «ви» и вместо «вы» (...*што ви тумает?*) и, редко, «я»: *Я твой велю ..., ...я его наушаю каварить!* [Масальский, 1832]. Такая черта встречается ещё один раз в романе А. П. Чаплыгина: *Мой правд...* и сказе П. Бажова «Тараканье мыло»: *О, мой это карошо знайт!*

2) способ выражения модальности в рассказе А. П. Чехова: *Я желаю драться с Германией... Я желаю её испугать ... Я желаю писать!* [Чехов, 1887], тогда как в других произведениях для этой цели используется глагол «хотеть»: *Не хочу продаваль!* [Достоевский, 1865], *...не хочу больше оставайт...* [Чарская, 1907], *Если вы хотите ехайть ...* [Булгаков, 1925], *Хочешь мне слюжить?* [Шишков, 1939], *Он хочет помочь народу русский* [Гагарин, 1952].

3) встречающуюся у нескольких писателей особенность передачи просьбы (прошу + глагол): *Прошу мисс Воробьеву приходит ко мне...* [А.И. Лавров, 1902], *Прошу, пропускайте врача... Ваша светлость, прошу переодеться ...* [Булгаков, 1925], *... ошен прошу слушит меня., ...прошу злужит русский цар...,* [Чаплыгин, 1927], *Прошу извинайт... Прошу сесть! ... прошу находит ...* [Обручев, 1951].

4) использование прилагательного «маленький» в сочетании с числительными: ... *чтобы сделать один маленький сюрприз для ваших мальшик* [Чарская, 1907], *В моём распоряжении только десять маленьких минут...* [Булгаков, 1925].

Также необходимо отметить **употребление иноязычных вкраплений** в КРИ. В речи Вральмана встречаются варваризмы-галлицизмы:

Уш диспозицион, уш фсё есть ('предрасположение', от франц. *disposition*).

*Как пунто ны россиски тфорянин уш и не мог ф сфете **аванзировать*** ['продвигаться по службе', от франц. *avancer*] [Фонвизин, 1781].

Другие немецкоговорящие персонажи используют слова и словосочетания родного языка, иногда сразу же переводя их на русский язык (25 примеров):

Das ist dumt... [Тургенев, 1855].

Унзер Карльхен, унзер аллерлибстер Карльхен вирд итербен! [Достоевский, 1865].

***Physisch unmöglich!** Физически невозможно есть. **Erstens**, во-первых...*

*и **nach** Германия. **Ruhig!** Спокойно! **Heimat ist Heimat*** [Булгаков, 1925].

***Tot!** Помер, можно скажайт...* [Чаплыгин, 1927].

*сохраняйте **майне** жизнь; без пушка, онэ зольдат, онэ крепость* [Шишков, 1939].

***Шнелер!** Бистро! О, **найн**. Нет!* [Пантелеев, 1944].

*Этто **гебек** имеют запах баран и противни **гешмак** (вкус)! [Обручев, 1951].*

*спрашивайт **über** малако; Россия есть – как большая **Kinderstube**;*

*Русский – хороший народ, **aber schwach*** [Гагарин, 1952].

*...всего **тзи ворлд, трей** тыш.*

Я сун... Как это будет русски? – Скоро. [Сажин, 1956].

Клозет нихт? Драй час врэмья. Феритейн? Понятие? Вас ист дас?

Официрклозет фертиг? Фатэр, ком! [Быков, 1982].

Отдельно отметим определённые закономерности в размере реплик персонажей-иностранцев из проанализированных произведений: у И. С. Тургенева и Шааф, и Лемм говорят короткими, часто неполными или однословными предложениями (а у последнего после шестой главы почему-то пропадает акцент), майор Брант [Зарин-Несвицкий, 1913] и Рудольф Карлыч [Пантелеев, 1927], также говорят кратко. То же можно сказать о немецких офицерах в произведениях о Великой отечественной войне.

Самое длинное высказывание с КРИ принадлежит персонажу повести А. Л. Чарской «Юркин хуторок» (30 слов, 193 печатных знака), второе – персонажу пьесы Ф. И. Фонвизина «Недоросль» Адаму Вральману (21 слово, 136 печатных знаков), третье – описание полковником Кравгофом из романа К. П. Масальского «Стрельцы» сложившейся ситуации (19 слов, 126 печатных знаков):

I. *Мальшик мой дорогой, – произнёс Фридрих Адольфович, глубоко растроганный его словами, – если смерть попагайчика помогиль исправить тебе твой характер и перестать делать злой шалости, то пускай умер попагайка и я вместо ево нашёл хорошего друга в моём мальшике.*

II. *Расумнай шеловек никахта ефо не сатерет, никахта з ним не саспорит; а он с умными лютыми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие пожие!*

III. *Князь Толгирукий прислал вот этот косподин стрелица скасать, што восемь польк вспунтирофались и штоп наша польк марш ко творса.*

В произведениях писателей прошлого века самая длинная реплика принадлежит не генералу Шратту, как могло бы показаться при знакомстве с соответствующим фрагментом пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных», а профессору Шпанферкелю: *Молодой шеловек желяйт увозит домой этта насекомый, жена показайт, какой бывайт опасный экспедицион!* [Обручев, 1951]. При этом для всех упомянутых персонажей много-

словие не характерно – в их речи преобладают высказывания средней длины. Нам встретилось лишь несколько предложений длиной более пятнадцати слов.

4. Заключение [Conclusion]

Проанализировав 32 произведения отечественной художественной литературы, персонажами которой являются иностранцы, говорящие на неродном для них русском языке с нарушением его норм, мы смогли выделить ряд способов её передачи. Во-первых, это фонографические средства, включающие оглушение звонких согласных вне зависимости от расположения в слове, в меньшей степени обратное явление озвончения, замену аффрикат на шумные щелевые (замена [ц] на [с] преимущественно отмечалась до первой трети XIX в.), эпизодически замену шумных щелевых на смычные ([х] на [к] обычно в слове *хорошо*), смягчение и отверждение согласных (выражено, соответственно добавлением / удалением мягкого знака, взаимозаменами йотированных гласных букв и *и* на нейотированные гласные буквы, а также дифтонгизацией посредством добавления буквы *и*), замену гласных букв без нарушения орфоэпической нормы (*о* на *а* в безударной позиции).

Во-вторых, выявлен ряд грамматических средств, включающих замену синтаксической формы будущего времени аналитической, нарушение подчинительной связи из-за несовпадения в роде и числе, реже – падеже, опущение предлогов, изменение способа выражения предикативности (добавление глагола *есть* в форме инфинитива, реже *иметь* в одной из личных форм). В-третьих, определена группа лексических нарушений, куда вошли случаи нарушения лексической сочетаемости и иноязычные вкрапления как в транскрибированном, так и в иноязычном написании.

Исследование показало, что одни нарушения встречаются в сочинениях почти всех писателей (оглушение звонких согласных, рассогласование по роду и числу), другие – у некоторых (озвончение глухих согласных, смягчение [л] в конце слова, замена синтаксической формы будущего времени аналитической). Прослеживается тенденция отхода от преобладания фонографических способов (у Д. И. Фонвизина, К. П. Масальского, И. С. Тургенева) в сторону более частого использования грамматических и лексических способов в произведениях первой половины XX века.

В ряде случаев представленные в текстах искажения в речи литературных персонажей, действительно, можно было бы объяснить интерференцией (лексические, отчасти грамматические, и, в меньшей мере – фонетические). Однако чаще причина состояла в слабом уровне владения русским языком или недостатке языковой практики: иностранцы у К. П. Масальского и А. П. Чапыгина предпочитали общаться в своём кругу, а военные в пьесах М. А. Булгакова и В. В. Вишневского, романах Е. А. Гагарина и М. Бубеннова, романе В. А. Обручева общались с русскоязычным населением в силу служебных обстоятельств.

Иногда создаётся впечатление, что автор намеренно вводит большее число искажений в речь персонажа, чем требуется. Можно допустить, что причиной является незнание или неуверенное владение, в данном случае, немецким языком: немецкий хорошо знали И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. А. Булгаков и В. А. Обручев, в то время как Д. И. Фонвизин, Ф. М. Достоевский и А. И. Пантелеев знали его недостаточно. Мы не нашли упоминаний о степени владения немецким языком авторами исторических романов К. П. Масальским, А. П. Чапыгиным и В. Я. Шишковым и др. Возможно, эти писатели исходили из собственного опыта общения с иностранцами или же не слишком внимательно отнеслись к отображению таких «второстепенных» деталей в повествовании, как речь персонажа-иностранца.

Косвенно на это может указывать и длина реплик, но данная особенность, скорее всего, объясняется ещё и трудностью построения сложных предложений теми, кто с трудом

говорит на русском языке. Впрочем, причина могла быть и более «прозаической»: чаще писатели просто ограничивались указанием на то, что персонаж «дурно», «с сильным/замечным акцентом» говорил по-русски или что реплика была произнесена «ломаным языком».

Персонажи-немцы в произведениях русских писателей в целом изъясняются на неродном для них русском языке вполне понятно, предпочитают по возможности выражаться кратко. В рассмотренных произведениях отсутствует пренебрежительный оттенок в косвенной (речевой) характеристике таких персонажей.

В дальнейшем возможно исследование речевых особенностей франко- и грекоязычных персонажей, изъясняющихся на русском языке. Это позволит установить общее в отображении писателями искажений в речи персонажей-иностранцев, родные языки которых принадлежат к разным языковым группам, и, в перспективе, оценить характер субъективного отражения интерферирующего влияния родных языков.

Источники материала

- Бажов, 1945 – Бажов П. П. Сказы о немцах. М.: Правда, 1945. URL : <https://www.booksite.ru/fulltext/33762/text.pdf> (дата обращения : 02.12.2023).
- Беляев, 1929 – Беляев А. Р. Продавец воздуха. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=3053&p=2> (дата обращения : 16.01.2023).
- Бродский 1990 – Бродский И. Демократия! URL : <https://www.litmir.me/br/?b=48068&p=1> (дата обращения : 16.01.2023).
- Бубеннов, 1952 – Бубеннов М. С. Белая берёза. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=47453&p=37> (дата обращения : 16.01.2023).
- Булгаков, 1925 – Булгаков М. А. Дни Турбиных. URL : <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/piesy/dni-turbinyh/dni-turbinyh-2.htm> (дата обращения : 16.01.2023).
- Булгаков, 1936 – Булгаков М. А. Театральный роман. URL : <http://lib.ru/BULGAKOW/teatral.txt> (дата обращения : 16.01.2023).
- Быков, 1982 – Быков В. В. Знак беды. URL : <http://lib.ru/PROZA/BYKOW/disaster.txt> (дата обращения : 16.10.2023).
- Вишневский, 1933 – Вишневский В. В. Оптимистическая трагедия. URL : https://archive.org/stream/1-1954/Вишневский%20Всеволод%20-%20Собрание%20сочинений%20в%20пяти%20томах.%20Том%201-й%20-%201954_djvu.txt (дата обращения : 16.01.2023).
- Гагарин, 1952 – Гагарин Е. А. Возвращение корнета. URL : <https://litlife.club/books/184728/read?page=34> (дата обращения : 16.01.2023).
- Григорьев 1939 – Григорьев С. Т. Александр Суворов. URL : <https://litlife.club/books/269365/read?page=11> (дата обращения : 16.01.2023).
- Достоевский, 1865 – Достоевский Ф. М. Крокодил. URL : <https://www.lit-classic.ru/index.php?fid=1&sid=5&tid=6131> (дата обращения : 16.01.2023).
- Зарин-Несвицкий 1913 – Зарин-Несвицкий Ф. Е. Тайна поповского сына. <https://www.litmir.me/br/?b=177870&p=9> (дата обращения : 16.01.2023).
- Куприн, 1907 – Куприн А. И. Слон. URL : <https://ilibrary.ru/text/3222/p.1/index.html> (дата обращения : 16.01.2023).
- Лавров, 1902 – Лавров А. И. Под волнами Иматры. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=183233&p=17> (дата обращения : 16.01.2023).
- Лажечников, 1833 – Лажечников И. И. Последний новик. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=16936&p=39> (дата обращения : 16.01.2023).
- Масальский, 1832 – Масальский К. П. Стрельцы. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=134488&p=19> (дата обращения : 16.01.2023).
- Обручев, 1915 – Обручев В. А. Плутония. URL : <https://litlife.club/books/244364/read?page=70> (дата обращения : 16.01.2023).
- Обручев, 1951 – Обручев В. А. Клады в развалинах древнего города Кара-Ходжа // В дебрях Центральной Азии. URL : https://librebook.me/v_debria_centralnoi_azii/voll1/5 (дата обращения : 16.01.2023).

- Пантелеев 1927 – Пантелеев А. И. Часы. URL : http://lib.ru/RUSSLIT/PANTELEEW/r_chasy.txt (дата обращения : 16.01.2023).
- Пантелеев, 1944 – Пантелеев А. И. Ночные гости. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=69546&p=1> (дата обращения : 16.01.2023).
- Сажин, 1956 – Сажин П. А. Капитан Кирибеев. URL : <https://litlife.club/books/269013/read?page=22&ysclid=lnuo1009sd919604258> (дата обращения : 16.10.2023).
- Толстой 1868 – Толстой Л.Н. Война и мир. URL : <https://ilibrary.ru/text/11/p.18/index.html> (дата обращения : 16.01.2023).
- Тургенев, 1855 – Тургенев И. С. Месяц в деревне. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=71330&p=1> (дата обращения : 16.01.2023).
- Тургенев, 1859 – Тургенев И. С. Дворянское гнездо. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=27957&p=5> (дата обращения : 16.01.2023).
- Тургенев, 1862 – Тургенев И. С. Отцы и дети. URL : <https://ilibrary.ru/text/96/p.27/index.html> (дата обращения : 16.01.2023).
- Фонвизин, 1781 – Фонвизин Д. И. Недоросль. URL : <https://ilibrary.ru/text/1098/p.3/index.html> (дата обращения : 16.01.2023).
- Чаковский, 1968 – Чаковский А. Б. Блокада. URL : <https://www.rulit.me/books/blokada-kniga-1-read-111682-88.html?ysclid=lnuo49xemz766693519> (дата обращения : 16.10.2023).
- Чаплыгин, 1927 – Чаплыгин А. П. Разин Степан. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=5799&p=13> (дата обращения : 16.01.2023).
- Чаплыгин, 1937 – Чаплыгин А. П. Гулящие люди. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=90550&p=36> (дата обращения : 16.01.2023).
- Чарская, 1907 – Чарская Л. А. Юркин хуторок. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=199095&p=1> (дата обращения : 16.01.2023).
- Чехов, 1885 – Чехов А. П. Нервы. URL : <https://онлайн-читать.рф/чехов-нервы/> (дата обращения : 16.01.2023).
- Чехов, 1887 – Чехов А. П. Добрый немец. URL : <https://онлайн-читать.рф/чехов-добрый-немец/> (дата обращения : 16.01.2023).
- Шишков 1939 – Шишков В. Я. Емельян Пугачёв. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=566885&p=19> (дата обращения : 16.01.2023).

Библиографический список

- Вострикова, 2020 – Вострикова О. В. Стилизованная речь инофонов различных культур как отражение рече-языковых авто- и гетеро-стереотипов // Язык. Культура. Перевод: Научные парадигмы и практические аспекты : сб. науч. тр. В 2 ч. М. : МГИМО, 2020. С. 160–170.
- Голованова, 2012 – Голованова Я. В. Соотношение периферийных явлений в англоязычных художественных текстах и их переводах на русский язык : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.04. С.-Петер. гос. ун-т, СПб, 2012. 25 с.
- Даль, 1865 – Даль В. И. Немой // Толковый словарь живаго великорусскаго языка. URL : <https://slovardalja.net/word.php?wordid=1961> (дата обращения : 16.01.2023).
- Куликова, 2009 – Куликова М. Н. Фонографические средства изображения контаминированной речи немцев в аспекте перевода // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 9. № 4. С. 94–100.
- Савенко, 1999 – Савенко Е. Н. Контаминированная речь иностранца в художественной литературе и способы ее перевода на другой язык // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. М. : МГППИЯ им. М. Тореза, 1999. С. 149–161.
- Стрельцов, 2024 – Стрельцов А. А. Особенности передачи контаминированной речи германоязычных персонажей в художественной литературе // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43, № 1. С. 109–120. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2024-43-1-109-120>
- Фасмер, 2004 – Немец // Этимологический словарь русского языка / сост. М. Р. Фасмер. URL : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-205-3.htm#zag-8339> (дата обращения : 16.01.2023).

- Charles-Luce, 1985 – Charles-Luce J. Word-final devoicing in German: Effects of phonetic and sentential contexts // *Journal of Phonetics*. 1985. Vol. 13, Iss. 3. P. 309–324. [https://doi.org/10.1016/S0095-4470\(19\)30762-4](https://doi.org/10.1016/S0095-4470(19)30762-4)
- Piroth, 2003 – Piroth H. G. Final devoicing and syllabification in German consonant clusters: A phonetic investigation // *Proc. of the 15th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS)* ; Barcelona, August 3–9, 2003. Barcelona, 2003. P. 2749–2752.

References

- Dahl, V. I. (1865). *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]*. Retrieved January 16, 2023 from <<https://slovardalja.net/word.php?wordid=1961>>. (In Russ.).
- Vostrikova, O. V. (2020). Stilizovannaya rech' inofonov razlichnykh kul'tur kak otrazhenie reche-yazykovykh avto- i getero-stereotipov [Stylized speech of foreign speakers of different cultures as a reflection of speech and language, auto- and hetero-stereotype]. *Iazyk. Kul'tura. Perevod: Nauchnye paradigmy i prakticheskie aspekty [Language. Culture. Translation. Scientific paradigms and practical aspects]* (pp. 160–170). Moscow : MGIMO University Press. (In Russ.).
- Golovanova, Ya. V. (2012). *Sootnoshenie periferiynykh yavlenii v angloyazychnykh khudozhestvennykh tekstakh i ikh perevodakh na russkiy yazyk [The correlation of peripheral phenomena in English language literary texts and their translations into Russian]: Author's abstract of PhD in Philological sci. diss.* St Petersburg : St Petersburg State University. (In Russ.).
- Kulikova, M. N. (2009). Fonograficheskie sredstva izobrazheniya kontaminirovannoy rechi nemtsev v aspekte perevoda [Phonographic stylization of contaminated speech of Germans in terms of translation]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 4, 94–100. (In Russ.).
- Savenko, E. N. (1999). Kontaminirovannaya rech' inostrantsa v khudozhestvennoy literature i sposoby ee perevoda na drugoy yazyk. [Contaminated speech of a foreigner in fiction and means of its translation into another language]. *Aktual'nye problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii [Topical problems of intercultural communication]* (pp. 149–161). Moscow : The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages Press. (In Russ.).
- Streltsov, A. A. (2024). Osobennosti peredachi kontaminirovannoy rechi germanoyazychnykh personazhey v khudozhestvennoy literature [Means of Expressing Distortions in the English Speech of German–Speaking Characters of English Literature]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya [Issues in Journalism, Education, Linguistics]*, 43 (1), 109–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2024-43-1-109-120>
- Fasmer, M.R. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*. Retrieved January 16, 2023 from <<http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-205-3.htm#zag-8339>> (In Russ.).
- Charles-Luce, J. (1985). Word-final devoicing in German: Effects of phonetic and sentential contexts. *Journal of Phonetics*, 13 (3), 309–324. [https://doi.org/10.1016/S0095-4470\(19\)30762-4](https://doi.org/10.1016/S0095-4470(19)30762-4)
- Piroth, H. G. (2003). Final devoicing and syllabification in German consonant clusters: A phonetic investigation. *Proc. of the 15th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS); Barcelona, August 3–9, 2003* (Vol. 3, pp. 2749–2752). Barcelona.

УДК 811.112.2

Сюткина Надежда Павловна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
nad975@yandex.ru

Семантический синкретизм в аспекте функционирования ЭМОТИВНЫХ КАУЗАТИВОВ

Аннотация

В статье рассматриваются эмотивные каузативы русского языка как пример семантического синкретизма. Их значение определяется двумя категориальными семемами – семемой эмотивности и семемой каузативности. Эти глаголы функционируют в речи в категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации – под воздействием субъекта происходит изменение эмоционального состояния объекта каузации. В такой ситуации может наблюдаться взаимодействие с другими категориями, в частности, с категорией интенсивности, поскольку она тесно связана с эмоциями. Межкатегориальное взаимодействие может осуществляться на разных уровнях языковой системы, в том числе и одновременно на нескольких. В настоящей статье рассматриваются словообразовательные способы интенсификации в ситуации с эмотивными каузативами. Анализ словарных дефиниций восьми приставок, некоторых суффиксов и 90 эмотивных каузативов с этими аффиксами, найденных в Национальном корпусе русского языка, выявил, что с помощью приставок и суффиксов глагол приобретает дополнительные значения, которые можно охарактеризовать как интенсивные способы действия.

Ключевые слова: эмотивный каузатив, ситуация каузации эмоциональной модификации, семантический потенциал, семантический синкретизм, синкрет-образование, эмотивность, каузативность, интенсивность

© Сюткина Н. П. 2024

Для цитирования: Сюткина Н. П. К вопросу о семантическом синкретизме (на примере эмотивных каузативов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 163–172.

Nadezhda P. Siutkina
Perm State University
Perm, Russian Federation
nad975@yandex.ru

Semantic syncretism in the aspect of emotive causatives functioning patterns

Abstract

The article examines emotive causatives of the Russian language as an example of semantic syncretism. Their meanings are determined by two categorical semes: the seme of emotivity and the seme of causation. These verbs function in speech in a categorical situation of causation of emotional modification where under the influence of the subject, a change in the emotional state of the object of causation occurs. In such a situation, there may be an interaction with other categories, particularly with the category of intensity since it is closely related to emotions. Intercategory interaction can take place at different levels of the language system including several levels simultaneously. This article discusses word-formation patterns of intensification in a situation with emotive causatives. The analysis of 8 prefixes' and some suffixes' definitions found in dictionaries and 90 emotive causatives containing them and the specifics of their usage in the Russian National Corpus showed that the prefixes and suffixes help the verb acquire additional meanings that can be characterized as intensive modes of action.

Keywords: emotive causative, situation of causation of emotional modification, semantic potential, semantic syncretism, syncret formation, emotiveness, causativeness, intensity

© Siutkina N. P. 2024

For citation: Siutkina, N. P. (2024). K voprosu o semanticheskom sinkretizme (na primere emotivnykh kauzativov) [Semantic syncretism in the aspect of emotive causatives functioning patterns]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 10 (2), 163–172.

1. Введение [Introduction]

В фокусе нашего внимания находятся эмотивные каузативы – глаголы, семантику которых определяют две категориальные семы: сема эмотивности и сема каузативности, что делает эти лексические единицы синкретичными по своей природе. Эмоции – это прерогатива высшей психической деятельности человека, поэтому ещё одной характеристикой данного класса глаголов является антропоморфность. Ситуация, которую они обозначают, интерперсональна – и субъектом, и объектом воздействия является человек. Кроме обязательных категориально-лексических сем (каузативности и эмотивности), присутствует также дифференциальная сема – сема положительной или отрицательной эмоциональной модификации, которая связана с предполагаемым или реальным результатом каузации. Так, в глаголах радовать, восхищать, осчастливливать, очаровывать и т. п. – имплицитно заложено значение положительной модификации эмоционального состояния, а в глаголах злить, гневить, сердить, обижать и т. п. – отрицательной. Тесное взаимодействие категориальных сем свидетельствует о семантическом синкретизме, присущем этом классу глаголов (о синкрет-семантике и синкрет-образованиях см., напр., [Архипова, Шустова, 2024]). В речи эмотивные каузативы образуют категориальные семантические комплексы, которые представляют собой единство системно-категориальных смыслов (о категориальных семантических комплексах и межкатегориальном взаимодействии см. [Архипова, 2021, 2022, 2023 ; Архипова, Шустова, 2021 а, б ; Шустова, 2021]). В ситуации каузации эмоциональной модификации, которая является категориальной для выбранного класса лексических единиц, возможно взаимодействие с категорией интенсивности, в результате которого возникает эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический комплекс.

2. Анализ межкатегориального взаимодействия в эмотивно-интенсивно-каузативном категориальном семантическом комплексе [Analysis of intercategory interaction in the emotive-intensive-causative categorical semantic complex]

Категория интенсивности относится к семантическим универсалиям, поскольку основывается на количественной характеристике признака. Для понимания сущности интенсивности необходимо обратиться к понятию «норма» – поскольку именно отклонение от неё и интерпретируется как интенсификация. Интенсивность в узком смысле понимается как изменение количественного признака в большую сторону. В широком смысле отклонение от нормы (как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения) является отражением интенсивности.

Важной характеристикой данной категории является её производность, она занимает промежуточное отношение между категориями качественности и количественности. При этом «взаимодействие количественных и качественных характеристик оказывается весьма непростым, с одной стороны, все изменения происходят в рамках данного качества, но с другой стороны, что-то принципиально меняется для челове-

ка» [Родионова, 2004, с. 302]. Таким образом, на первый план выходит «прагматический аспект – субъективная значимость для участников ситуации данного количества признака» [Родионова, 2004, с. 303]. Именно этот аспект ставит данную категорию в один ряд с категорией экспрессивности. С. Е. Родионова называет обязательным параметром интенсивности – выделенность, выдвигание на первый план, поскольку именно это делает такие единицы экспрессивными [Родионова, 2004, с. 303].

Мы рассматриваем каузативность и интенсивность как функционально-семантические категории, которые базируются на соответствующем функционально-семантическом поле (далее – ФСП). А. В. Бондарко отмечал, что существуют поля, «по своему прагматическому содержанию занимающие особое положение» среди других ФСП [ТФГ, 1987, с. 33]. Речь идёт о категориях с выраженным субъективно-прагматическим характером, когда выражение категориального значения подчинено прагматическим задачам. О таком прагматическом характере мы можем говорить относительно категории интенсивности. Так, интенсификаторы используются для того, чтобы высказывание стало более убедительным. «Основное различие между интенсивностью и другими количественными изменениями качества лежит не в сфере денотативной семантики, а в сфере её субъективной интерпретации. Интенсификация, с этой точки зрения, – это количественная модификация качества (отражающая отклонение от «нормальной» меры), делающая это качество существенным (релевантным) для говорящего и / или слушающего выдвигающая данную форму на первый план по её значимости» [Родионова, 2005, с. 157].

В русле функциональной грамматики мы рассматриваем ФСП как «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко, 2001, с. 40]. С этой точки зрения, можно говорить о наличии в языке особого ФСП интенсивности, поскольку значение усиления признака может выражаться фонетическими, словообразовательными, лексическими, морфологическими, синтаксическими средствами. По мнению учёных, лексические, морфологические и словообразовательные средства выражения интенсивности составляют ядерную, а фонетические и синтаксические средства – периферийную зону ФСП интенсивности [Родионова, 2005, с. 159].

Ц е л ь ю настоящего исследования является анализ словообразовательных усиленных единиц, свойственных русскому языку. Словообразовательные средства выражения усиления – аффиксы и их сочетания – относятся к ядерным компонентам ФСП; с их помощью можно выразить значение усиления признака в субстантивных, адъективных и глагольных лексемах [Родионова, 2005, с. 164]. Отметим, что ФСК интенсивности пересекается с ФСК аспектуальности – ещё одной универсальной категорией, в основе которой лежит противопоставление категорий процесса и целостного факта [Бондарко, 1983, с. 129–130]. Смысловым содержанием категории является протекание и распределение действия во времени. Как и другие функционально-семантические категории, категория аспектуальности может быть представлена в виде ФСП, основой для выделения которого является грамматическая категория. Для аспектуальности – это категория вида (аспекта). Это не в равной степени справедливо для всех языков. Например, в германских языках грамматическое ядро у ФСП аспектуальности отсутствует [Мурашов, 2001, с. 89]. В семантике глаголов интенсивность актуализируется как элемент количественной аспектуальности.

Таким образом, категория интенсивности тесно взаимодействует с категорией аспектуальности. В русском языке это взаимодействие может быть реализовано на словообразовательном уровне, который относится к ядерной зоне функционально-семантических полей обеих категорий.

В сфере глагольного словообразования значение интенсивности действия развивают многие приставочные, приставочно-суффиксальные глаголы, выражающие различные способы глагольного действия. Присоединение этих словообразовательных средств, помимо значения усиления вносит и другие компоненты значения: внезапность, начинательность, тщательность, результативность, предельность, нежелательные последствия, направленность действия на множество объектов и т. п.

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве источника материала использовались Национальный корпус русского языка, данные толковых словарей [ТСУ ; ТСО] и словаря словообразовательных элементов [ОСРЯ]. С помощью метода направленной выборки из словарей были отобраны такие лексические единицы, которые синкретично сочетают в себе семы эмотивности и каузативности, интенсивность же выражается в них приставочно-суффиксальным способом. Всего было проанализировано 8 приставок (*вз-*, *пере-*, *при-*, *рас-* (*раз-*), *под-*, *ис-* (*из*), *за-*, *по-*), за которыми в словарях закреплены значения интенсивности, и 90 эмотивных каузативов с данными приставками.

С помощью указанного выше словаря словообразовательных элементов и дефиниционного анализа был проанализирован семантический потенциал отобранных лексем. Нас интересовало то, как компоненты ситуации каузации эмоциональной модификации могут быть представлены на уровне одной лексемы. Семантический потенциал корневой морфемы представлен двумя категориальными семами (эмотивности и каузативности), аффиксы отражают значения, связанные с дополнительными характеристиками действия, которые можно определить как интенсивные способы действия.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Рассмотрим приставочный способ словообразования эмотивных каузативов. С помощью префиксов возникают дополнительные значения, обозначающие характеристику действия в том или ином аспекте. К таким приставкам отнесём: *вз-*, *пере-*, *рас-* (*раз-*), *по-*, *при-*, *под-*, *за-*, *ис-* (*из*). В словарях находим следующие их значения:

Приставка *вз-* означает: резкость, внезапность или силу возникающего, начинающегося действия или состояния; законченность действия, доведение до предела, до какого-либо состояния [ОСРЯ]. В эмотивных каузативах актуализируется значение: резкое доведение до предела испытываемой эмоции (*взбудоражить*, *взбеленить*, *взвинтить*, *встревожить*, *взъярить*, *взъерепенить*, *взбесить*, *взбутенить*). При этом речь идёт преимущественно о негативных эмоциях. Внезапность, резкость и законченность действия, доведение объекта воздействия до соответствующего состояния актуализируют интенсивность способа действия, что можно наблюдать в следующих примерах:

(1) *Вынул из кошелька гривенник за проигранную партию. – На, получай. Становись, по двугривенному! Уж теперь я и **взбутеню** вашу светлость!* (Вл. А. Гиляровский. Люди театра (1932–1935)) (НКРЯ).

(2) *Восторженная, захлёбывающаяся речь подъясаула **взбеленила** делегата, представителя одной из фронтовых частей* (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928–1940)) (НКРЯ).

(3) *Капитан поймал болтающиеся часы и остановился: – Ну-у?! Или прикажете просить вас?! Молчание **взъярило** его ещё больше, и он до визга вытянул голос: – А-а-а, думаете, я пришёл шутить с вами?!* (Н. Н. Ляшко. Стена десятых (1926–1927)) [НКРЯ].

Приставка *пере-* может обозначать: чрезмерность, излишество действия, состояния, а также доведение действия до отрицательного результата; распространение дей-

ствия на множество лиц, предметов или охват действием множества лиц, предметов, а также всего предмета целиком; законченность действия [ОСРЯ]. В эмотивных каузативах с этой приставкой (*перепугать, переволновать, перебулгачить, перебудоражить, перетревожить, перебаламутить*) пересекаются оба этих значения, в результате чрезмерных действий объект каузации доведен до состояния сильной степени проявления отрицательных эмоций (ср. невозможность такого способа словообразования с положительными эмоциями: *перерадовал**, *перевосхищал**, *переосчастливил** и т. п.). При этом действие эмотивных каузативов с данной приставкой как правило распространяется на множество лиц, что актуализируется соответствующим интенсификатором (напр., местоимением *всех*):

(4) *Дед с Парнем отлично отрыбачили в Сухой, выехали со льдом на сломанном моторе, по дороге развлекали всю деревню по рации – включились прямо в лодке, поставили антенну, орали, бакланили, всех **перебаламутили*** (Михаил Тарковский. С людьми и без людей (1983) // «Октябрь», 2003) [НКРЯ].

(5) *Будь я дипломатом, я бы весь свет **перебаламутила**...* [А. П. Чехов. [Безотцовщина] (1878)] [НКРЯ].

(6) *Мы искали тебя по всему дому, **перебудоражили** всю гостиницу...* (А. И. Пантелеев. Ленка Пантелеев (1938–1952)) [НКРЯ].

Приставка **рас-** (**раз-**) означает: интенсивность, полнота действия (*разругать, расчихвостить, раскритиковать, разбранить, растравить, развеселить, распотешишь, раздраконить, расхолодить, распалить, разбередить*); (с суффиксом *-ся*) постепенное нарастание начатого действия и доведение его до высокой степени или чрезмерности (*раскричаться, развеселиться, разволноваться, растревожиться*), в таком случае образуются автокаузативные формы эмотивных глаголов; (с суффиксами *-ива-*, *-ыва-*) длительное, лишённое какой-либо поспешности действие (*растревоживать, расхоложивать, распугивать, раскритиковывать, раздраконивать*) [ОСРЯ]. В следующих примерах эмоциональная реакция, вызванная каузатором, может быть охарактеризована как интенсивная, что дополнительно подчёркивается интенсификаторами, следовательно, мы можем говорить об интенсивном способе действия, актуализируемом данными лексемами:

(7) *Кот, плативший кондукторше, чрезвычайно **развеселил** гостя, и он давился от тихого смеха, глядя, как взволнованный успехом своего повествования Иван тихо прыгал на корточках, изображая кота с гривенником возле усов* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, (1929–1940)) [НКРЯ].

(8) *И только после узнала, что звонил он ей в пиковой ситуации, в перерыве совещания, где подвергся разному, полностью его **расчихвостили**, и вместо того, чтобы сосредоточиться, подыскать доводы для защиты, набрал её телефонный номер* (Н. В. Кожевникова. Ловушка (1985)) [НКРЯ].

Приставка **по-** служит для образования: совершенного вида, обозначающего действие, состоящее из ряда проявлений, приёмов и совершающееся в неопределённо длительный, но сравнительно короткий промежуток времени; для образования, при наличии в глаголе суффиксов *-ива-*, *-ыва-*, несовершенного вида со значением многократной, неопределённой длительности действия (*покрикивать, поругивать, поухаживать, пофыркивать*); для образования, при присоединении к приставочным глаголам совершенного и (реже) несовершенного вида, добавочных оттенков в разговорной речи со значением 'в некоторой степени, не повсюду, немного, отчасти' [ОСРЯ]. В следующих примерах можно наблюдать указанные выше значения интенсивности:

(9) *Разбудив казака довольно невежливым толчком, я **побранил** его, **посердился**, а делать было нечего!* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)) [НКРЯ].

(10) *Ничего я не задумал. Это я так, **позлить** вас. Такой же советский человек, как и вы* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)) [НКРЯ].

(11) *Обе бабушки готовили великолепно, толкаясь и **покрикивая** друг на друга на узкой ереванской кухне* (Сати Спивакова. Не всё (2002)) [НКРЯ].

Анализируя примеры, можно заметить, что в речи интенсивность действия, связанная со значением неопределённо длительного, но короткого отрезка действия, либо стирается, подменяется по аналогии с другими эмотивными каузативами на значение 'немного, в некоторой степени, отчасти', также свойственное этой приставке, либо оба значения накладываются друг на друга. Так, например, в словарях зафиксированы следующие значения: *порадовать* – 'провести некоторое время, радуя кого-нибудь' [ТСУ]; *помучить* – 'заставить мучиться некоторое время' [ТСУ]; *понапугать* – 'немного напугать, навести небольшой испуг на кого-нибудь' [ТСУ], *побранить* – 'слегка браня, выразить неодобрение за что-нибудь' [ТСО]. Обратимся к примерам.

(12) *И, как ни странно, эти-то молодые люди оказались единственными, кто **порадовал** меня в этом неприглядном хостеле* (Наталья Емельянова. Путешественник // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ].

(13) *Ничто меня не может так **порадовать**, как её отсутствие* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [НКРЯ].

(14) *Она решила приготовить настоящий узбекский плов, которым хотела **порадовать** своих московских хозяев* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)] [НКРЯ].

(15) *Да с неё как с гуся вода, тронутая, да и только, **побранят-побранят** да и накормят – куда её денешь?* (Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)) [НКРЯ].

(16) *Да, остро **побранили** Пятнистого, такого ещё не было: ездит теперь только к иностранцам, понимает, что наш народ его не любит ...* (С. Н. Семанов. Дневник (1990) // Дневник 1990 года // НЛО. 2007, № 84, 2004) [НКРЯ].

В приведённых выше примерах глагол *порадовать*, скорее, связан не со значением краткости, непродолжительности действия или ряда действий, а со значением степени испытываемой эмоции (12, 13, 14). В (15) глагол *побранить* актуализирует значение не только степени, но и продолжительности (краткой) повторяемых действий, что подчёркивается и дублетом глагола. А в (16) интенсификатор *остро* свидетельствует о высокой степени совершаемого действия, приставка *по-* позволяет интерпретировать совершенное действие как краткое по длительности.

Приставка *при-* имеет значения полноты, исчерпанности действия, доведение его до конечной, желательной цели (*приворожить, причаровать, пристрастить*); действие, совершающееся не в полном объёме (*пригрозить, притопнуть, прикрикнуть, припугнуть, пристыдить, принизить, прискучить, притомить*); для образования, при присоединении к приставочным глаголам, добавочных эмоциональных оттенков в разговорной речи, обычно со значением 'немного, до некоторой степени' (*приволокнуться, приударить, прицыкнуть, приголубить*) [ОСРЯ].

Значение полноты действия, доведённого до достижения цели, можно наблюдать в следующих примерах:

(17) – *Да мнѣ до того мало нужды, что она твоя невеста, продолжалъ очень серьезно Запорожецъ, — а то горе, что совѣсть меня **причаровала*** (П. А. Кулиш. Черная рада (1846–1857)) [НКРЯ].

(18) *Однако ж она так умела **причаровать** к себе самых степенных козаков (которым, не мешая между прочим заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз* (Н. В. Гоголь. Ночь перед Рождеством (1831–1832)) [НКРЯ].

(19) У меня пунктик такой, отец в детстве **пристрастил**, ну ты знаешь (Екатерина Завершнева. Высотка (2012)) [НКРЯ].

Значение действия, совершающегося в неполном объёме актуализировано в примерах 20, 21, 22:

(20) Я не обижаюсь, нашего брата тоже нужно иногда **припугнуть**, а то от нас, баранов, разве что-нибудь узнаешь? (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)) [НКРЯ].

(21) Сам того не желая, настоятель собора как бы **пристыдил** нас, что мы недостаточно хорошо знаем свою музыку (И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)) [НКРЯ].

(22) Более того, они ругались матом, орали и перестали только после того, как я **пригрозила**, что выброшу компьютер, если это не прекратится (Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004) [НКРЯ].

Приставка **под-** (подластиться, подбадривать, подзуживать, подтрунивать) означает, что действие совершается или состояние проявляется не вполне, до некоторой степени или же дополнительно [ОСРЯ], что наблюдаем в следующих примерах:

(23) В такси я немного **подтруниваю** над ним, но он молчит и как-то отчуждённо улыбается (Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961) [НКРЯ].

(24) Особое, приподнятое настроение зала только усиливало наше, неизбежное для каждого артиста волнение перед выходом на сцену и в то же время как бы **подбадривало** нас (И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)) [НКРЯ].

Приставка **за-** (засмущать, застращать, забранить, затравить, загрызть, заклевать, затормозить) означает доведение действия до крайней степени, до излишества [ОСРЯ].

(26) Ой, ну прям **засмутила** нас всех тут, аж уши порозовели! (Письма в журнал «Хулиган» (2004) // «Хулиган», 15.06.2004) [НКРЯ].

(27) После таких педагогических перегибов коренные хотяновские девчонки, подобно оскорблённым гусыням, собирались налететь на Галку, зашикать её, **заклевать**. (Светлана Крещенская. Черный лебедь, белый лебедь... // «Ковчег», 2014) [НКРЯ].

Приставка **из-** (**ис-**, **изо-**) имеет такие значения, как интенсивно совершить, с интенсивностью испытать действие (*изводить, изругать, избранить*); предельной полноты, исчерпанности, крайней степени проявления или доведения до результата действия (*испугать, измучить, измочалить, иссушить, избаловать, изнежить, истрепать*); (с постфиксом *-ся*) приобретение какого-л. качества, свойства в результате постоянного повторения какого-л. действия (*изнервничаться, изволноваться, измучиться, изругаться, изворчаться, изъехидничаться, истревожиться*) [ОСРЯ]. Следующие примеры демонстрируют, что объект каузации повергается интенсивному воздействию:

(28) И вовсе не было нонсенсом, что официальная критика, благосклонно приняв повесть Аксенова «Коллеги», ругательски **изругала** «Звездный билет», хотя и там извъялась готовность продолжить дело «отцов» (С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004–2008)) [НКРЯ].

(29) ... А теперь старых принято бранить. Вот Айхенвальд **избраниял** Белинского, говорит, что у него не было своих идей, как-будто каждый непременно должен изобретать свои идеи. Зато у него был жар, были идеалы, вообще, – он призывал (Марк Криницкий. Вечеринка (1916)) [НКРЯ].

(30) Рассказать-то он рассказал, но промахнулся относительно себя: виноватым чувствовать себя не перестал, а ещё пуще впал в муку: и изменяет жене, и теперь вот рассказами об изменах её **изводит** (Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)) [НКРЯ].

Доведение до крайней степени, предельной полноты действия наблюдаются в следующих примерах:

(31) Ты **измучил** меня, мерзавец! Ты всю кровь из меня выпил! Ни дня, ни единого дня я не была с тобой счастлива! Зачем ты женился на мне? Отвечай! (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)) [НКРЯ].

(32) Он сидел уже двенадцать лет, но из-за второго лагерного срока конца тюрьме для него не предвиделось. Его жена **иссушила** молодость в бесплодном ожидании (Александр Солженицын. В круге первом, Т. 1, Гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990] [НКРЯ].

(33) С этого времени в Петербурге уже нет «модного человека», равного Дантесу, который и до своей сиятельной метаморфозы был, по свидетельству полковых друзей **«избалован»** постоянным успехом в дамском обществе» (Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001) [НКРЯ].

Глаголы, образованные с помощью приставки *из-* и суффикса *-ся*, носят разговорный характер, представляют собой автокаузатив (пример 34) или актуализируют значение достижения определённого эмоционального предела в результате многократного повторения действия, (примеры 35, 36). В речи часто используются в сопровождении местоимения *весь* и его производных (примеры 34, 35):

(34) Я ничегошеньки не понимаю! Я **вся изволновалась!** Куда ты пропал? (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром (1969)) [НКРЯ].

(35) К полудню путники сильно проголодались, змееныш **весь изворчался**, дескать, почему Ваня не догадался захватить с собой камень, вот Шешина мама, когда они идут куда-нибудь, всегда берёт в дорогу камушек – полижешь камень: ни есть, ни пить не хочется... (В. Ю. Кунгурцева. Ведогони, или Новые похождения Вани Житного (2009)). [НКРЯ].

(36) У тебя, дьякон, нет ли кого на примете? А! головой небось замотал! То-то оно и есть! Ведь я их всех до тонкости знаю... **измошеничались, изъехидничались!** (И. А. Салов. Паук // «Отечественные записки», 1880) [НКРЯ].

В настоящей статье были рассмотрены только некоторые из приставок и суффиксов, актуализирующие значение интенсивности в широком понимании. Приставки и суффиксы реализовывают как значения «выше нормы», так и «ниже нормы», глаголы при этом приобретают дополнительные значения интенсивных способов действия. Здесь представлен не исчерпывающий список подобных словообразовательных формантов, данный вопрос требует дальнейших исследований.

3. Заключение [Conclusion]

Мы рассмотрели словообразовательные способы создания интенсивности в случае с эмотивными каузативами. В ситуации каузатива эмоциональной модификации глаголы интенсивного способа действия могут привносить значения меры, степени, полноты, кратковременности или долговременности, однократности или многократности, исчерпанности, достижения желаемой цели, резкость, внезапность, силы совершаемого действия. Анализ словарных дефиниций восьми приставок, некоторых суффиксов и 90 эмотивных каузативов с этими аффиксами, найденных в Национальном корпусе русского языка, выявил, что с помощью приставок и суффиксов глагол приобретает дополнительные значения, которые можно охарактеризовать как интенсивные способы действия.

Значение словообразовательных формантов наслаивается на основное значение мотивирующего глагола, поэтому мы говорим о семантическом синкретизме. Эмотивные каузативы изначально представляют собой синкрет-образования, в которых пересекаются значения эмотивности и каузативности. Дополнительные значения интенсивности действия позволяют говорить о том, что в случае с такими глаголами реализуется категориальная ситуация интенсификации, следовательно в речи при взаимо-

действии этих трёх категорий мы можем говорить об эмотивно-интенсивно-каузативном категориальном семантическом комплексе.

Библиографический список

- Архипова, 2021 – Архипова И. В. Итеративная таксисная категориальная ситуация: вопросы описания и структурирования (на примере разноструктурных языков) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 46–53.
- Архипова, Шустова, 2021 а – Архипова И. В., Шустова С. В. Семантический потенциал таксисных предлогов немецкого языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 21–37
- Архипова, Шустова, 2021 б – Архипова И. В., Шустова С. В. Категориальная семантика примарного таксиса // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 51–58. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-1-51-58>
- Архипова, 2022 – Архипова И. В. Актуализация таксиса как результат межкатегориальных взаимодействий // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 4–12.
- Архипова, 2023 – Архипова И. В. Таксис и межкатегориальное взаимодействие. Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2023. 178 с.
- Архипова, Шустова 2024 – Архипова И. В., Шустова С. В. Таксис псевдоодновременности в функциональных структурах (на материале немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 44–53.
- Бондарко, 1983 – Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, 1983. 208 с.
- Бондарко, 2001 – Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
- Мурясов, 2001 – Мурясов Р. З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии // Вопросы языкознания. 2001 № 5. С. 86–112.
- Родионова, 2004 – Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М. : МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.
- Родионова, 2005 – Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб. : Наука, 2005. С. 150–169.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru>
- ОСРЯ – Лексикографический интернет-портал : онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online>
- ТСУ – Толковый словарь Ушакова. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/783110>
- ТСО – Толковый словарь Ожегова. URL : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
- ТФГ, 1987 – Теория функциональной грамматики / отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука ; Ленингр. Отд-ние, 1987. 347 с.
- Шустова 2021 – Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-3-82-89>

References

- Arkhipova, I. V. (2021). Iterativnaya taksisnaya kategorial'naya situatsiya: voprosy opisaniya i strukturirovaniya (na primere raznostrukturnykh yazykov) [Iterative taxis categorial situation: Description and structuring issues]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 1, 46–53. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V., Shustova, S. V. (2021 a). Semanticheskiy potentsial taksisnykh predlogov nemetskogo yazyka [Semantic potential of taxis prepositions in German]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 2, 21–37. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V., Shustova, S. V. (2021 b). Kategorial'naya semantika primarnogo taksisa [Categorial semantics of primary taxis]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and Philology]*, 1, 51–58. (In Russ.).

- Arkhipova, I. V. (2022). Aktualizatsiya taksisa kak rezul'tat mezhkategorial'nykh vzaimodeystviy [Actualization of taxis as a result of intercategory interactions]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 4, 4–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-1-51-58>
- Arkhipova, I. V. (2023). *Taksis i mezhkategorial'noye vzaimodeystviye [Taxis and intercategory interaction]*. Novosibirsk : Novosibirsk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V., Shustova, S. V. (2024). Taksis pseudodovremennosti v funktsional'nykh stukturakh (na materiale nemetskogo yazyka) [Taxis of pseudocontemporaneity in functional structures (Based on the material of the German language)]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 1, 44–53. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (1983). *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]*. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (2001). *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]*. 2nd edn. Moscow : Editorial URSS. (In Russ.).
- Muryasov, R. Z. (2001). Nekotoryye problemy kontrastivnoy aspektologii [Some problems of contrastive aspectology]. *Voprosy yazykoznaneya [Topics in the Study of Language]*, 5, 86–112. (In Russ.).
- Rodionova, S. E. (2004). Intensivnost' i yeye mesto v ryadu drugikh semanticheskikh kategoriy [Intensity and its place among other semantic categories]. *Slavyanskiy vestnik [Slavic Herald]* (Vol. 2, pp. 300–313). Moscow : MAKS Press. (In Russ.).
- Rodionova, S. E. (2005). Semantika intensivnosti i yeye vyrazheniye v sovremennom russkom yazyke [Semantics of intensity and its expression in modern Russian]. *Problemy funktsional'noy grammatiki. Poleyvyye struktury [Issues of functional grammar: Field structures]* (pp. 150–169). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- NKRYa. (n. d.). Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (In Russ.). <https://ruscorpora.ru>
- OSRYA. (n. d.). Leksikograficheskiy internet-portal: onlayn-slovari russkogo yazyka [Lexicographic Internet portal: online dictionaries of the Russian language]. (In Russ.). <https://lexicography.online>
- TSU. (n. d.). Tolkovyy slovar' Ushakova [Explanatory Dictionary of Ushakov]. (In Russ.). <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/783110>
- TSO. (n. d.). Tolkovyy slovar' Ozhegova [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. (In Russ.). <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
- Bondarko, A. V. (Ed.). (1987). *Teoriya funktsional'noy grammatiki [Theory of functional grammar]* (TFG). Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2021). Instrumental'nost' v kauzativnoy situatsii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and Philology]*, 3, 82–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-3-82-89>

УДК 81'23; 81'37

Филясова Юлия Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
phill.yield@gmail.com

Концептуализация и категория концепта в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми: интеграция когнитивных и языковых структур

Аннотация

Когнитивная лингвистика – это относительно новое направление в языкознании, которое изучает процессы формирования знаний и закрепления их в языке. Когнитивные исследования помогают понять, каким образом язык зависит от мышления и, наоборот, в какой степени языковая система влияет на процесс мышления. Цель статьи состоит в анализе категории концепта как связующего элемента между когнитивной и языковой системами в трудах одних из основателей когнитивной лингвистики – Рональда Лангакера и Леонарда Талми. Учёные рассматривали когнитивные процессы в качестве главного условия появления концептов – семантических категорий, выраженных в языках в виде лексических и грамматических значений и являющихся системообразующими элементами языковой системы. Согласно Лангакеру и Талми, концепты формируются в результате длительного непрерывного процесса восприятия информации человеком об окружающей действительности различными органами чувств путём рефлексии прошлых событий и прогнозирования развития ситуаций в будущем. Развитие концептов происходит благодаря фреймовому принципу мышления, когнитивной способности установления семантических узлов и составления концептуальных схем, обеспечивающих постоянный анализ отношений между элементами когнитивных систем и экстраполяцией значений. Концептуализация, будучи результатом упорядочивания информации об окружающем мире, установлении семантических связей, интериоризации и категоризации знаний, помогает определять основные свойства объектов и явлений и их ценности для социального сообщества. Поскольку оформление в качестве системных языковых инвариантов приобретают только наиболее существенные смысловые связи, язык является элементом культуры, ценных знаний, обеспечивающих устойчивое развитие общества на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: мышление, семантические связи, концептуальные схемы, культура, культурный релятивизм, лингвистический релятивизм, ментальное сканирование, экстраполяция

© Филясова Ю. А. 2024

Для цитирования: Филясова Ю. А. Концептуализация и категория концепта в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми: интеграция когнитивных и языковых структур // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 173–190.

Yulia A. Filyasova
Saint Petersburg State University of Economics
St Petersburg, Russian Federation
phill.yield@gmail.com

Conceptualization and the category of concept in R. Langacker's and L. Talmy's cognitive theory: Integration of cognitive and linguistic structures

Abstract

Cognitive linguistics is a relatively young field of linguistics which studies the processes of knowledge development and their emergence in language. Cognitive studies help understand to what extent language

depends on cognition and, vice versa, to what degree the language system affects cognition. This paper aims to represent the category of concept as a link between cognitive and language systems based on the works of the founders of cognitive linguistics – R. Langacker and L. Talmy. The scientists are among those who consider cognitive processes as the main condition for generating concepts – semantic categories expressed in languages as lexical and grammatical meanings forming the system of language. According to Langacker and Talmy, concepts appear as a result of a long-term continual process of perceiving information from the environment by different sense organs, performing self-reflection and forecasting future. The development concepts is possible due to the framing principle of thinking, the cognitive ability to establish semantic nodes and create conceptual patterns that lay the basis for constant analysis of relations among the elements of cognitive systems and meaning extrapolation. Conceptualization as a result of information structuring, semantic links development and knowledge categorization determines the main properties of objects and phenomena, along with their values, for a social community. Since the status of linguistic invariants is acquired only by the most significant semantic features, language is viewed as part of culture and a matrix of valuable knowledge providing sustainable development of society in the long term perspective.

Keywords: cognition, semantic links, conceptual schemes, culture, cultural relativism, linguistic relativism, mental scanning, extrapolation

© Filyasova Yu. A. 2024

For citation: Filyasova, Yu. A. (2024). Kontseptualizatsiya i kategoriya kontsepta v kognitivnoy teorii R. Langakera i L. Talmi: integratsiya kognitivnykh i yazykovykh struktur [Conceptualization and the category of concept in R. Langacker's and L. Talmy's cognitive theory: Integration of cognitive and linguistic structures]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 173–190.

1. Введение [Introduction]

Когнитивные способности человека являются предметом многочисленных исследований, рассматривающих соотношение языка и культуры [Черниговская, 2022], механизмы работы мозга и психических функций [Черниговская, 2021], зависимость языка от генетической наследственности [Золян, 2016], становление детской речи [Воейкова, 2017 ; Казаковская, 2017] и др. Под влиянием широкого спектра когнитивных исследований, проводимых в настоящее время учёными по различным направлениям, Т. Г. Скребцова ставит вопрос интегральности когнитивной лингвистики в будущем [Скребцова, 2018]. На необходимости объединения и совместного анализа результатов исследований в языке, психологии, социологии и антропологии акцентирует внимание Т. В. Мишина, с перспективой дальнейшего совместного моделирования когнитивных процессов, стратегий, способностей и способов мышления [Мишина, 2010].

Практически с момента появления когнитивной лингвистики как науки подчёркивается её тесная связь с психологией, изучающей способы человеческого восприятия действительности и формирования системы знаний о мире [Кубрякова, 1994]. Выявлена непосредственная взаимосвязь между информацией и значением, когницией и интерпретацией [Демьянков, 1994], между концептуальными и денотативными значениями слов, между семантикой и прагматикой [Селиверстова, 2002], процессами мышления и значениями языковых единиц [Кибрик, 2008].

Развитие когнитивной лингвистики во многом опирается на анализ мыслительных процессов. Появление языковых единиц как абстрактных сущностей возможно благодаря мышлению, которое закрепляет определённые значения путём экстраполяции. А. Р. Лурия считает, что в основе языковой способности лежит особая форма мышления: «в отличие от животных, человек обладает совсем новыми формами познавательной деятельности ... и отвлечённым мышлением» [Лурия, 1979, с. 5]. На примат мышления указывает И. Кант: «Происхождение понятий по одной форме основывается на рефлексии и на отвлечении от различия вещей, обозначенных некоторым представле-

нием. И, следовательно, тут возникает вопрос: какие действия рассудка образуют понятие, или – что то же – относятся к построению понятия из данных представлений?» [Кант, 1980, с. 397]. Рассуждения Э. Бенвениста также содержат идею об отношениях между языком и мышлением: «мыслительные операции, независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке» [Бенвенист, 1974, с. 104], «мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, ... не могут быть изменены по произволу говорящего» [Там же, с. 106]. Связь языка и мышления отчётливо прослеживается в таких когнитивных механизмах как метафора и метонимия [Елоева и др., 2014], отражающих процесс развития семантического значения путём абстрагирования от прототипической ситуации [Кустова, 2000].

Взаимодействие языка и мышления порождает не только языковые инварианты на уровне фонологии (фонемы), семантики (лексемы) и грамматики (предложения), но и на уровне мышления. Так, например, фонологическая теория, предложенная Н. С. Трубецким, предполагает существование дифференциальных признаков [Трубецкой, 1960], относящихся к категории абстракций: «фонологичность, абстрактность дифференциальных признаков доказывается тем, что с точки зрения объективно-физических характеристик они не являются, как правило, привативными» [Зиндер, 2007, с. 57]. Дифференциальные признаки и другие абстрактные категории лексического и грамматического плана формируется в онтогенезе путём анализа большого объёма речевого материала (или, по аналогии с терминологией языка программирования, анализа больших данных). В. Б. Касевич предлагает ввести дополнительный уровень анализа языковых явлений – префонологический и пресемантический [Касевич, 2020], – которые объясняли бы связь между врождённым языковым механизмом, или общечеловеческим языком по Н. Хомскому, и функционированием конкретного языка.

Одной из категорий до-речевого анализа, являющийся связующим звеном между мышлением и языком, является концепт. В. И. Болотов предлагает считать когнему (по аналогии с фонемой, морфемой и др.) планом выражения концепта. Оба термина культурно и индивидуально обусловлены и связаны восприятием окружающего мира обществом и индивидом [Болотов, 2008]. Концептуальный подход к языку основывается на длительном формировании смыслов в процессе исторического развития человеческого языка, в результате которого слова, используемые носителями языка на современном этапе, хранят в себе множество накопленных смыслов [Самигуллина, 2009]. Разграничение между универсальным (общим) значением слова и конкретным (частным) употреблением позволяет реализовать актуальное членение предложения в синтактике в противопоставление с парадигматическими отношениями, имеющими связь с концептуальными значениями языковых единиц [Розина, 1994].

Активное развитие когнитивной лингвистики как научной дисциплины на протяжении нескольких десятилетий позволило обозначить ряд подходов к изучению семантики языковых единиц [Lakoff, 1986 ; Langacker, 1968, 1986, 1990, 1993, 1995, 1999 a, b, 2000 ; Jackendoff, 1996 ; Cienki, 1996], подойти к проблемам лингвистического детерминизма и релятивизма, которые начали рассматриваться ещё В. Фон Гумбольдтом, и позже Ф. Боасом, Э. Сепиром, Б. Уорфом, Л. Витгенштейном, Р. Брауном, Э. Ленненбергом. Сегодня изучение вопросов лингвоспецифичности и непосредственного участия человека в формировании языкового материала продолжается в [Сенкевич, 2019 ; Бородай, 2019 ; Кибрик, 2023].

Ц е л ь данной работы заключается в анализе категории концепта как связующего элемента между когнитивной и языковой системами в трудах одних из основателей когнитивной лингвистики – Рональда Лангакера и Леонарда Талми. В задачи исследова-

ния входит изучение взглядов учёных на взаимоотношение языка и мышления, языка и культуры, процесс концептуализации в сознании человека и формирование семантических категорий. Рассмотрение категории концепта в различных областях знаний является актуальным направлением современных исследований, поскольку позволяет получать более широкую и полную картину о процессах и явлениях окружающей действительности, чем представления о понятиях, раскрывающих денотативное и сигнификативное значения в словарях и специализированных источниках. Кроме того, концептуальный анализ предоставляет возможность изучать новые явления, которые ещё не отражены в справочной литературе. Наконец, крайне важно обращение к истокам когнитивной лингвистики и дискуссионным вопросам, возникающим по мере развития научных знаний и появлении новых технологических разработок. Прикладное значение когнитивных исследований языка заключается в возможности использования результатов в практике обучения студентов иностранным языкам [Щепилова, 2013 ; Нильсен, 2018 ; Шамина, 2022], обучения компьютерных программ человеческому языку [Фрумкина и др., 1990]. На современном этапе во многом благодаря развитию информационных технологий и искусственного интеллекта, лингвисты всё чаще обращаются к механизмам работы сознания, мышления и порождения речи.

2. Интеграция когнитивных и языковых структур в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми [Integration of cognitive and language structures in R. Langacker's and L. Talmy's cognitive theory]

2.1. Язык и мышление [Language and thinking]

Когнитивная лингвистика рассматривает вопросы соотношения языка и мышления, которые не имеют однозначных соответствий. С одной стороны, мысль как результат сознательной мыслительной активности способна существовать независимо от языка. Простым примером может служить музыкальное произведение или мелодия, которая хранится в памяти и может быть воспроизведена в любое время с помощью вибраций голоса или музыкального инструмента. Язык не участвует в создании музыкальных произведений, однако музыка есть продукт мыслительных операций. Аналогичным образом, скульптор не пользуется лингвистическими средствами при создании скульптур; вербализация не задействована в процессе сборки пазлов. Те случаи, когда человек затрудняется выразить свою мысль, идею или желание, т. е. подобрать слова для того, чтобы найти способ вербализовать их с помощью языковых средств, доказывают, что мышление может существовать вне языка. С другой стороны, большая доля мыслительных процессов невозможна без участия языка. Так, например, арифметика как раздел математики представляет собой концептуальное поле языка с определённым набором языковых знаков, символов и операций, которые значительно облегчают многочисленные функциональные области человеческой деятельности, такие как бухгалтерский учёт и компьютерные технологии. Следовательно, благодаря наличию языковой репрезентации идеи существования арифметики, люди могут пользоваться соответствующими языковыми инструментами и создавать с их помощью новые объекты действительности [Langacker, 1968].

В языке существуют неоднозначные концепты, заставляющие человека размышлять, развивать свои когнитивные способности и формировать определённую картину мира. К таковым относятся «свобода» и «справедливость», которые определяют образ видения реальности, не предоставляя чётких инструментов дифференциации степеней свободы и справедливости. Практически невозможно или крайне сложно дать чёткое языковое определение этим понятиям. Идеи свободы или справедливости индивидуальны и во многом опираются на психический и чувственный опыт индивида. Поскольку

психическое восприятие событий, поведения окружающих и отношений у разных людей и в разных культурах различно, то и идеи свободы и справедливости также крайне вариативны. Кроме того, отношение человека к пониманию идеи свободы и справедливости может меняться со временем в результате качественных изменений в сознании в результате когнитивной обработки данных о социальных отношениях.

Идея зависимости мышления от языка сталкивается со спорным утверждением о том, что язык определяет мышление и способ восприятия окружающей действительности. Формулируя мысли на основе анализа прошлого опыта, люди часто сталкиваются с пониманием ошибочных суждений и склонны пересматривать свои убеждения и установки, отражённые в языке. Примерами коллективного пересмотра стереотипов могут служить пословицы с противоположным значением, например, «Работа не волк, в лес не убежит» vs. «Без труда не выловишь и рыбку из пруда»; «Терпение и труд всё перетрут» vs. «За напрасный труд никто «спасибо» не скажет». Осмысление и переосмысление социальных установок и поведенческих моделей невозможно было бы только на основе самого языка, поскольку однажды созданное клише служило бы правилом, не подлежащим сомнению. Следовательно, мышление существует как более мощная когнитивная субстанция, чем язык. Лингвистическое оформление является частным случаем выражения результатов мыслительных операций, которые опираются на звуки и графические знаки, символически передающие концептуальные образы для возможности осуществления коммуникации, управления, самовыражения, социального объединения и выполнения различных видов деятельности [Langacker, 1999 a].

2.2. Межъязыковые различия [Cross-language differences]

Язык является интегральным компонентом сознания [Langacker, 1995]. Язык, будучи одним из наиболее удобных средств выражения мыслей, способен передавать высокую степень детализации и спецификации информации, включая реальные и гипотетические ситуации, оттенки модальности, которые отличают вербальный язык от жестового языка, эмоционально-экспрессивных способов выражения чувств, музыки, математики и т. д. Тем не менее, человеческий язык не является единым. Языковое многообразие, которое мы наблюдаем по всему миру, демонстрирует очевидные различия в способах концептуальной категоризации и систематизации концептуальных знаний, с одной стороны, и способах их языковой репрезентации, с другой стороны. Так, например, концептуальная дифференциация цветов и их закрепление в языковых знаках различны в русском (*синий, голубой*), английском (только *blue*) и эскимосском языках (*tungujuqtuq*, который имеет значения 'синий' и 'зелёный'). Языковая репрезентация, вероятно, опирается на ежедневный опыт носителей языка, которые сталкиваются с разными видами реальности. Наиболее частотные образы становятся типичными концептуальными категориями, которые отражаются в языке как минимальные значимые языковые знаки, или слова. Такие цвета как синий, голубой или зелёный являются характерными признаками неба, травы, деревьев, т. е. объектов действительности, доступных непосредственному наблюдению. На вопрос «Что может быть голубым или зелёным?» носитель русского языка без труда может назвать «небо» или «деревья». В противопоставление этим цветам представим, например, очень тёмный оттенок тёмно-коричневого цвета, который практически трудно отличить от чёрного (эскимосский *tutepriun*, при этом собственно чёрный – *qirniqtaq*). Носитель языка будет долго подбирать нужное слово или выражение, чтобы точно описать данный оттенок. Обычный носитель английского языка, не будучи экспертом в области колористики, не часто сталкивается с необходимостью описывать объекты крайне тёмных оттенков коричневого цвета, поэтому и языковое выражение данных цветов не получает чёткого закрепле-

ния лингвистическими средствами. В китайском и тонганском языках, а также языке навахо значения 'красный' и 'коричневый' совмещены в одном слове (китайский – *hóng*, тонганский – *kula*, навахо – *lichii*), а для русского, английского и целого ряда других языков это два разных слова (*красный vs коричневый, red vs brown* и т. д.). Подобных примеров можно привести очень много, и далеко не только из сферы цветообозначения.

Мышление человека обусловлено лингвистической категоризацией опыта лишь в той степени, в которой эта категоризация облегчает выражение понятий и способствует осуществлению коммуникации. При отсутствии вербального обозначения какого-либо концепта, которым общество оперирует в повседневной деятельности, коммуникация была бы значительно затруднена. При этом обратное влияние, т. е. влияние языкового знака на концептуальный образ, минимально. При отсутствии языковых знаков для тех или иных концептов, носители языка оперируют дескриптивными конструкциями и условными обозначениями, релевантными для узкого контекста. Так, например, можно создать образ единорога с носом кота, для которого нет существующего слова, однако, данная вербальная лакуна не мешает нам представить себе такого единорога в своём сознании.

2.3. Культура как когнитивная система [Culture as cognitive system]

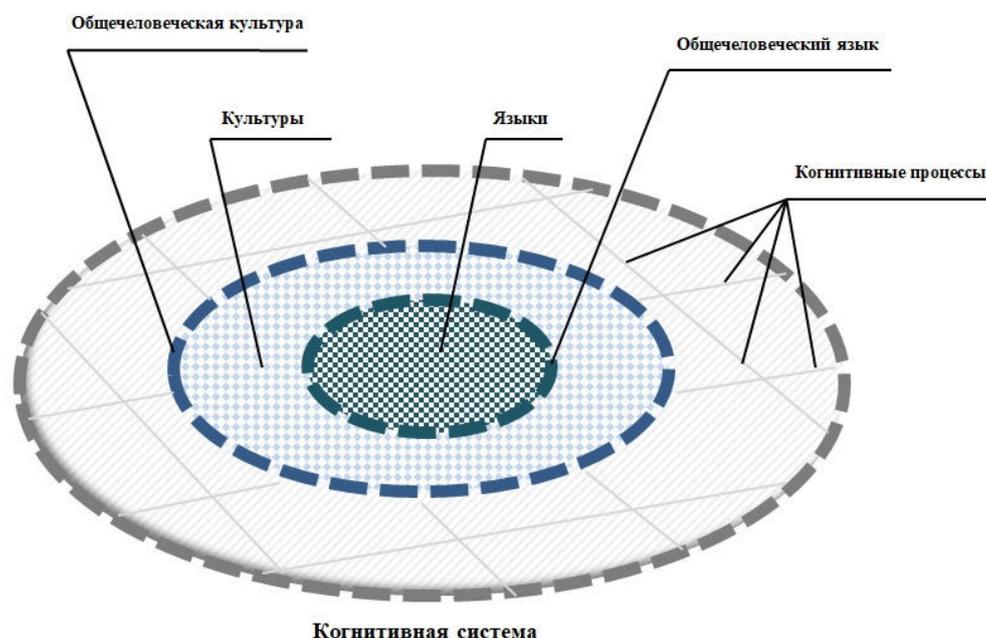
Человеческий мозг представляет собой хорошо организованную систему, которая устроена таким образом, что его основной функцией является создание, развитие и передача культурных ценностей новым поколениям. Эта система содержит ряд когнитивных способностей и функций, которых не обнаруживается у других биологических видов. Содержание данной системы наполнено когнитивно-аффективными схемами и моделями, которые определяют поведение человека. Некоторые аспекты функционирования культуры как когнитивной системы доступны сознательному осмыслению, однако сознание не является обязательным или автоматически включённым компонентом многочисленных операций данной системы [Talmy, 2000 а]. Культура как когнитивная система работает в составе целостной нейронной сети организма человека при восприятии и интерпретации событий и поведения других индивидов. Когнитивная культура выступает как система ценностей и ориентиров и направляет индивида в поведенческой практике выполнения задач и способствует трансляции самой когнитивной культуры для других членов общества.

Культура как когнитивная система выступает в двух ипостасях: как общечеловеческая система ценностей и культура определённого народа, – наподобие когнитивной языковой системы, гипотеза о существовании которой была предложена Н. Хомским. Наличие общечеловеческой культуры подтверждается культурными универсалиями, являющиеся неотъемлемыми компонентами любой культуры. К культурным универсалиям относятся: возраст, спорт, одежда и украшения, причёска, календарь, гигиена, уход и забота о чистоте, приготовление пищи, табу в еде, время приёма пищи, танцы, музыка, празднества, игры, подарки, прогнозирование будущего, толкования снов, образование, медицина, хирургические операции, чудесное исцеление, беременность, токология, послеродовой уход, аблактирование, обычаи пубертатного периода, эсхатология, этика, этноботаника, этикет, юмор, язык, жесты, имена собственные, числительные, правила коммунального проживания, гостеприимство, супружество, семья, гендерные отношения, отношения родства, родственные связи, кровосмешение, ограничения половых отношений, умеренность в выполнении биологических функций, домоводство, декоративное искусство, разведение огня, народное творчество, религиозные ритуалы, похоронные обряды, оплакивание, представления о душе, приветствие, космология, мифология, жертвоприношение высшим силам, суеверия, магия, наблюдение за погодой, ведение торговли, совместный труд, наказание, организация общества,

статусные различия, право на собственность, право наследства, правительство, законы, общественная политика [Murdock, 1949].

Культура акцентирует определённые формы познания посредством создания дискурса и поведенческой практики. Вероятно, сознание считает приоритетными те формы познания, которые культура выделяет как наиболее значимые, поэтому соответствующие нейронные связи отличаются большей плотностью и сложностью. Когнитивистика как наука выдвигает положение о том, что человеческое общество формирует, поддерживает, развивает и передаёт новым поколениям коллективную систему знаний и поведенческие модели, известные как культура определённого народа. Для когнитивной науки важно различать, что является универсальным для всех культур, а что – специфическим для отдельного общества. Внутри каждого культурного сообщества необходимо различать общее и индивидуальное для определения роли и влияния культуры на отдельного индивида, например, одежда, имущество, праздники, подарки и др.

Несмотря на то, что языковая структура сама по себе является универсалией, специфические черты каждой языковой системы культурно обусловлены формами социального взаимодействия, которые представляют ценность в постоянно меняющихся условиях взаимодействия носителей языка. Язык является главным инструментом и интегральным компонентом культуры, отражение которой в языке достаточно глубоко и весьма существенно [Langaker, 1999 b]. Культура и общественные ценности интегрированы в языковую структуру для обеспечения сохранения системы неизменной на протяжении длительного времени (рис. 1).



Р и с у н о к 1. **Схема соотношения языка и культуры в сознании человека**
 [F i g u r e 1. **Language and culture interaction model in human consciousness**]

Язык выполняет интерактивную и семиологическую функции, которые тесно друг с другом связаны. Семиологическая составляющая находит выражение при подборе тех или иных языковых средств для выражения собственных идей, чувств, эмоциональных переживаний, планов и других намерений, однако выражение необходимо для осуществления коммуникации в составе определённого сообщества. Когнитивные образы, получающие вербальную основу, предназначены либо для реально существующего,

либо для воображаемого собеседника. Взаимопонимание и успешная коммуникация возможна только при общении индивидуумов со схожими когнитивными культурными и языковыми системами.

2.4. Концептуальный подход к языку [Conceptual approach to language]

В рамках когнитивной лингвистики рассматриваются три подхода к анализу языка – формальный, психологический и концептуальный. С точки зрения формального подхода, язык предстаёт как автономная система знаков, которая делится на морфологический, синтаксический, лексический и фонетический уровни. Генеративная грамматика также построена на формальных принципах функционирования языка. Психологический подход к языку акцентирует внимание на таких процессах как восприятие, память, внимание и понимание причинно-следственных связей. В рамках психологического подхода оперируют такими категориями как семантическая память, ассоциативные концептуальные связи, структурирование категорий, логическое мышление и контекстуальное окружение. Концептуальный подход позволяет понять, каким образом язык способствует организации содержания концептов, таких как пространство и время, обстоятельства и события, сущности и процессы, движение и местоположение, смысл и каузальность [Talmy, 2006]. К базовым концептам, которые также формируются при активном участии языка, относятся внимание и перспективное планирование, воля и намерение, ожидание и чувства. Психодинамическая сила способствует концептуальной организации языка [Talmy, 1988, p. 72], в то время как социодинамическая сила – распространению концептов среди носителей языка определенного языкового сообщества [Talmy, 1988, p. 75]. Формирование концептов осуществляется с помощью лексических и грамматических (морфологических и синтаксических) средств. Грамматика представляет собой область, в которой получают систематизированное оформление и символическую репрезентацию концепты различного содержания вследствие сложного символического переосмысления отношений между концептами [Langacker, 1986].

В рамках концептуального подхода язык рассматривается как взаимодействие концептуальных структур – таких, которые участвуют при метафорическом моделировании, семантическом фрейминге, анализе контекстуальных связей и интегрировании концептуальных категорий в более крупные структурированные системы концептов. В процессе речепорождения выбор и оценка семантической структуры и грамматической последовательности осуществляются одновременно [Langacker, 1993].

Когнитивная лингвистика занимается изучением семантической стороны языка, которая находится в сознательно контролируемой и осознаваемой человеком области разума. Основным объектом когнитивной лингвистики являются качественные ментальные явления, порождаемые сознанием. Семантика относится к области концептуального содержания, поскольку семантическое значение оформляется языковыми знаками, и представляет собой концептуальную организацию языка. Следовательно, «семантический» является частным случаем более общего термина «концептуальный» [Talmy, 2000 b]. «Концептуальный» и «семантический» находятся в гипер-гипонимических отношениях. Концепт включает большее по объёму содержание, чем языковое значение. Лингвистическое значение получает выражение в языке в целом и в различных языках в частности. Исследование когнитивной семантики – это исследование концептуального содержания и его языковой организации с помощью лингвистических средств. Единая семантическая локализация [Talmy, 2020], вероятно, восходит к более общим когнитивным процессам, позволяющим преодолевать языковую избыточность и разграничивать репрезентации разных концептуальных категорий, которые, в свою очередь, необходимы для повышения коммуникативной эффективности.

Изучение когнитивной семантики опирается на организацию концепта в сознании. Объектом исследования когнитивной семантики выступают качественные явления ментального плана, которые осознаются носителями языка. Когнитивная семантика является областью феноменологии, которая занимается концептуальным содержанием и его структурной репрезентацией в языке. Когнитивная семантика исследует содержание концептов и их выражение в языке. Когнитивная семантика является частью феноменологии, в частности, феноменологии концептуального значения и его выражения в языковой системе. Основным методом анализа феноменологических и когнитивных явлений с точки зрения организации структуры сознания является *и н т р о с п е к ц и я*.

Изучение когнитивной семантики выполняется с помощью методов, раскрывающих связи между языком и сознанием, взаимодействие между когнитивными способностями человека и языковыми формами. Методы когнитивной семантики наиболее близко связаны с изучением мыслительных процессов, ментальных репрезентаций фактов действительности. Так, например, метод интроспекции предполагает организацию и проведение процедур по анализу определённого языкового материала под руководством исследователя. Результаты интроспективных исследований могут быть сопоставлены с результатами других областей знаний, таких как дискурсология и корпусная лингвистика, контрастивные и диахронические исследования, контекстуальный и культурологический анализ, психолингвистические методы наблюдения и эксперименты, исследования в области нейропсихологии.

Единицами анализа могут выступать как элементы поверхностной языковой структуры, так и элементы глубинного семантического уровня. Соотношение между этими двумя системами не всегда однозначное. Набор семантических элементов может быть выражен одним элементом (словом) поверхностной структуры и, наоборот, одна семантическая единица получает языковое выражение с помощью нескольких языковых единиц (словосочетания или выражения). Аналогично, семантические элементы разных типов могут быть выражены одинаковыми типами поверхностных структур или, напротив, одинаковые элементы семантики получают разное выражение с помощью языковых средств. В задачи исследователей входит выявление межъязыкового соотношения между способами выражения глубинной семантической структуры и поверхностного языкового уровня. Процедура исследования включает такие стадии как выявление элементов семантической и поверхностной структур, наблюдение за комбинаторными отношениями с другими элементами, межъязыковое сравнение элементов и их коллокаций, выявление когнитивных процессов и структур, которые могли послужить причиной возникновения и развития подобных феноменов. Данная процедура даёт общее представление об исследовании отношений между единицами глубинного и поверхностного уровней.

Помимо когнитивной семантики, в фокус внимания попадает когнитивная фонология. Единицы фонологического уровня, обладая когнитивной природой, участвуют в процессах речепорождения, смысловоразличения, распознавания образа слов посредством акустических ключей [Завьялова, 2014; Шевченко, 2017, 2018].

2.5. Когнитивные способности человека [People's cognitive abilities]

Человек обладает широким спектром перцептивных способностей, например, способностями восприятия цветов, тональностей, вкусовых различий, запахов, тактильных ощущений, способностями к восприятию пространственных параметров, временных изменений, переживанию эмоций и эмоциональным интеллектом [Langacker, 2000]. Перечисленные способности обладают огромным потенциалом к накоплению человеческого опыта в сознании каждого отдельного индивида. Сознание, в свою очередь, наделено способностью когнитивной обработки полученного опыта и формирования

концептов. Процесс концептуализации носит иерархический характер, т. е. каждый новый концепт, появляющийся в сознании на основе вновь приобретённого опыта, основывается на образованных ранее концептах и встраивается в определённую структуру индивидуальной когнитивной системы. Так, человек способен сравнить собственные впечатления от двух разных событий, сопоставляя их сходства и различия; использовать одну когнитивную структуру для анализа другой когнитивной структуры; абстрагировать или, напротив, детализировать приобретённый опыт с разной степенью погружения в пережитую ситуацию; направлять и фокусировать внимание, а также группировать и монтажировать приобретённый опыт наподобие оператора или видеомонтажёра, монтирующего кадры кинофильма.

Анализ опыта имеет фундаментальное значение для лингвистической семантики. Способность установления связей между объектами реальности с целью их сравнения, оценки отношений, положения относительно других объектов, определяет восприятие действительности как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных событий. В лексических единицах, таких как глаголы, прилагательные, служебные слова, отражаются типы связей и отношений, существующих между объектами и явлениями действительности. Кроме того, человеческое сознание способно группировать схожие объекты по признаку общности функциональных признаков, близости в пространстве и времени и некоторым другим и далее оперировать не отдельными объектами, а классами объектов для решения задач более высокого порядка. Группировка объектов и оперирование целой группой как одной единицей приводит к возникновению концептуальной реификации, или опредмечиванию абстрактных понятий, выраженных существительными. Дальнейший когнитивный процесс носит название ментального сканирования, позволяющего осуществлять «навигацию» по сложной иерархически организованной концептуальной системе, наполняющей человеческое сознание. Человек с большой долей свободы способен ориентироваться в имеющейся у него в сознании системе концептов как с точки зрения статической структуры, так и отслеживая развитие семантических отношений в динамике по мере их формирования.

Содержание концептов хранится в нейронах сложной центральной нервной системы. Человек является носителем концептуальных знаний, интегрированных в высокоорганизованные системы. Когнитивные процессы осуществляются благодаря оперированию концептами в ходе активных мыслительных процессов. Любое предложение обладает смыслом благодаря возможности человека абстрактно представлять ту или иную коммуникативную ситуацию. В процессе коммуникации участники общения могут обсуждать темы, которые напрямую не соотносятся с их непосредственным окружением [Langacker, 1968]. Способность концептуального моделирования отражает возможность людей делиться своими предположениями относительно гипотетических прошлых, настоящих или будущих событий. Гипотетические ситуации, которые становятся предметом обсуждений двух и более коммуникантов, могут не быть основаны на реально происходящих с ними событиях. Человек может извлекать из памяти отдельные обстоятельства или фрагменты ситуаций и конструировать возможные варианты развития событий или устанавливать причинно-следственные связи, о которых он наверняка не знает, но стремится установить. Концептуальное моделирование может осуществляться даже не на том, что человек видел или слышал, но на основе полностью предполагаемых положений. Следовательно, умственные процессы человека не могут быть основаны на сугубо сенсорном опыте. Путём реорганизации и реструктуризации знакомых концептов человеческое сознание способно генерировать новое концептуальное содержание, которое, в свою очередь, является основой творческого потенциала индивида. Концептуальные образы встраиваются в структурированное концептуальное поле сознания; в противном случае, оно не было бы способно осуществлять когнитив-

ную деятельность, имея в арсенале огромное количество концептов, основанных на реальном опыте, и образов, являющихся продуктом когнитивной обработки сенсорных впечатлений, когнитивных конструкторов и гипотетических реальностей.

Когнитивные системы различаются по степени проникновения в глубинные структуры сознания [Talmy, 2000 a]. Так, например, носитель языка может знать только одно значение какого-либо многозначного слова, однако при этом не догадываться о других значениях этого слова. Следовательно, данный носитель языка имеет только поверхностный доступ к семантическому содержанию данного концепта. Метод интроспекции при исследовании конкретной языковой единицы будет характеризовать ту степень глубины сознания, которая доступна носителю языка для непосредственного наблюдения. Принципиальная и наиболее важная функция структурирования когнитивных систем заключается в построении концептуальной когерентности, т. е. создании интегративной и интегрирующей структуры, объединяющей все потенциальные концепты. Данная функция реализуется в двух измерениях – пространстве и времени. Любая когнитивная система обладает свойствами концептуального структурирования, которые могут, но не всегда совпадают со свойствами других когнитивных систем.

Концептуальные представления и образы формируют значения языковых единиц. Лингвистическая семантика раскрывает значения абстрактных сущностей, таких как представления и концепты [Langacker, 1990]. Термин «концептуализация» обладает довольно широкой семантикой; он включает как новые представления, так и устоявшиеся концепты; опирается на сенсорный, кинестетический и эмотивный опыт и зависит от непосредственного контекста (социального, физического, языкового). Поскольку концептуализация является процессом и результатом когнитивной обработки, она нацелена на дифференциацию и характеристику событий, порождающих когнитивный опыт и новые семантические связи.

2.6. Лексика как результат когнитивного осмысления концептуальных представлений [Lexis as a result of cognitive awareness of concepts]

Лексика является первым языковым уровнем, который оформляет языковое выражение концептуальных образов, поскольку слово обладает автономным семантическим содержанием. Лексические единицы формируют содержание когнитивных репрезентаций в составе более крупных языковых единиц. Слова являются универсальными единицами как глубинного, так и поверхностного уровней, поскольку получают фонологическое, фонетическое и синтаксическое оформление в составе высказываний. Посредством слов как независимых единиц языка осуществляется репрезентативная связь между концептуальной структурой и синтаксическими отношениями. Фонетические корреляты оформляют поверхностную структуру высказываний согласно фонологическим правилам на основе фонологических репрезентаций лексических единиц.

Концепты являются не автономными сущностями, а продуктами когнитивной деятельности носителей языка [Langacker, 1999 b]. Следовательно, наряду с объектами концептуализации, необходимо понимать свойства и качества субъектов, создающих концептуальные образы и схемы. В процессе речевого акта каждый участник коммуникации определённым образом воспринимает и видит ситуацию общения. Одновременно, он допускает, что другие собеседники могут смотреть на ситуацию с другой точки зрения. В акте коммуникации складывается общее понимание и видение ситуации каждым её участником.

Лексика является результатом коллективного осмысления человеческого опыта. Лексическая единица объединяет определённую форму и значение, которые остаются неизменными при употреблении в огромном количестве контекстов, которые имеют повторяющиеся признаки, закреплённые в языковом знаке. Слово образуется в процессе

д е к о н т е к с т у а л и з а ц и и по мере того, как случайные признаки редуцируются, оставляя место исключительно для закономерно повторяющихся семантических связей [Langacker, 2000]. Концепты, обретающие статус лексического значения, являются естественными для человеческого понимания и обладают культурной значимостью. Их появление в ходе социального взаимодействия обогащает не только коммуникативную практику, но и когнитивные возможности носителей языка.

Большинство лексических единиц характеризуется значительным спектром взаимосвязанных значений, которые определяют концептуальные схемы (семантические поля) этих лексических единиц. Некоторые значения слов имеют друг с другом прямые семантические связи, основанные на ассоциациях или переносе значения, в то время как другие не всегда однозначны и могут быть результатом диахронических изменений или случайных наименований в отдельных областях знаний. Семантические узлы и категоризация семантических связей различаются глубиной, разветвлённостью и структурной типологизацией. Описание лексического значения должно учитывать все возможные значения слова, которые представляют собой сложную сеть семантических связей. Знание лексических единиц отдельными носителями языка всегда ограничено одним или двумя, как правило, прототипичными (или наиболее употребительными) значениями. Однако лексическое значение слова может иметь несколько прототипичных значений, образующих семантические узлы, или только одно значение, которое не образует сложной концептуальной схемы. Несмотря на то, что гипотетически можно допустить существование разветвлённой сети семантических связей и отношений, не все значения приобретают языковой статус. Для того чтобы значение получило закрепление в словаре, необходимо определить его семантическое соответствие остальным элементам концептуальной схемы.

Семантические узлы концептуальной схемы образуют семантические структуры, характеризующие определённые концептуальные области, являющиеся продуктом концептуализированных знаний в результате переработки перцептивного опыта, идей, комплексов представлений и сложных систем знаний [Langacker, 1990]. Семантическое описание выражения может основываться на значениях отдельных простых лексических единиц или сложных концептов, имеющих специальное энциклопедическое толкование. Другими словами, семантическое описание концептов опирается на знание других концептов. В совокупности концептуальные схемы образуют иерархии семантических структур, в которых значения более сложных концептов опираются на значения простых, на основе как субординационных, так и координационных связей. Изучению может подлежать концептуальная область на любом уровне подобной иерархии с опорой на ассоциативные семантические значения или всю концептуальную схему.

Каковы базовые единицы концептуальных иерархических структур, которые подобно минимальным языковым единицам – фонемам, морфемам, лексемам, синтаксемам, – составляют основу когнитивной лингвистики? Здесь необходимо выделять базовые области когнитивно неразложимых репрезентаций, потенциально способных к формированию новых концептуальных знаний. К таковым можно отнести базовые категории времени, пространства, цвета, звука, температуры и некоторых других. Однако большинство известных семантических категорий относятся к высшим уровням концептуальных иерархий и требуют знания когнитивных областей более низкого уровня. Примером полного концептуального описания понятия может служить существительное нож, семантическая структура которого включает определённую форму, процесс нарезания, столовые приборы в составе других кухонных принадлежностей, характеристики размера, веса, материала, информацию о производителе и др. Безусловно, не все из них относятся к центральным семантическим признакам, о которых способны вспомнить

носители языка при определении понятия «нож». Тем не менее, такое толкование полностью раскрывает концептуальную схему данного понятия.

Рассмотрев сложные концептуальные схемы, формирующие лексическое значение слов, можно утверждать, что лексическая единица представляет собой комплексную категорию, обладающую не одним значением, а целым набором связанных друг с другом смысловых отношений с разной степенью глубины связей, которые образуют сетевые структуры, главным образом, двух типов. Первый тип основан на расширении, или образовании периферийных значений от центральных понятий, а второй тип – на развитии значения, или появлении метафорических переносов.

3. Заключение [Conclusion]

Анализ работ основателей когнитивной лингвистики – Р. Лангакера и Л. Талми – показывает, что учёные рассматривают сознание и мышление как первичные когнитивные системы человека, обеспечивающие функционирование процессов, необходимых для успешной адаптации человека в обществе. Язык как одна из важнейших форм существования и выражения сознания выполняет функцию систематизации знаний, формирования семантических связей и концептов. Несмотря на то, что язык не является единственным способом мышления, он определяет большинство жизненно важных процессов и аспектов существования человека в обществе и устойчивое развитие человеческого общества в целом. Значимым условием функционирования языка выступает культура как накопитель коллективного опыта, аккумулирующий достижения общества, совокупные представления, образы, правила поведения людей, законы окружающей среды и многое другое. Язык является формой хранения и передачи накопленных знаний будущим поколениям.

Согласно положениям Р. Лангакера и Л. Талми, когнитивная система человека содержит как универсальные, так и специфические свойства, которые обеспечивают поддержание общечеловеческих ценностей и передачу специфических культурных традиций, определяющих особенности определённой культуры. К данному выводу учёные пришли по аналогии с теориями Л. С. Выготского [Выготский, 2021] и Н. Хомского [Chomsky, 1955] о врождённом характере мышления и предрасположенности человека к языку и усвоению грамматической структуры. Учёные отмечают, что формирование и передача культурных ценностей имеет критически важное значение для человеческого общества, поскольку именно культура определяет успешную адаптацию и существование индивида на протяжении всей жизни. В произведениях культуры язык закрепляет социальные ценности, передаваемые из поколения и поколение. Формирование концептологических знаний соответствует теориям лингвистического и культурного релятивизма, т. к. материалом установления когнитивных связей выступают конкретные язык и культура.

Концептуальный подход к изучению языка на основе семантических связей возможен благодаря взаимодействию когнитивных процессов и языковых структур. В то время как первые обеспечивают абстрагирование от прототипических ситуаций и установление связей между закреплёнными в сознании концептами и образами, вторые закрепляют в языковых единицах значения, обретающие статус инвариантных в виде денотативного и сигнификативного лексического значения, а также грамматических категорий, позволяющих выражать отношения между объектами реальности и собственного отношения к ним с помощью абстрактных символических знаков. Концепты как единицы мышления являются результатом когнитивной деятельности общества по семантическому моделированию, анализу контекстуальных связей, интегрированию концептуальных категорий и символической репрезентации концептуальных структур.

Библиографический список

- Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
- Болотов 2008 – Болотов В. И. А. А. Потебня и когнитивная лингвистика // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 82–96.
- Бородай 2019 – Бородай С. Ю. Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 106–136. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0005709-8>
- Воейкова 2017 – Воейкова М. Д. Модальность и механизмы усвоения языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. 13, № 3. С. 461–477.
- Выготский 2021 – Выготский Л. С. Лекции по психологии развития // Культурно-историческая психология. 2021. Вып. 17, № 2. С. 7–22.
- Демьянков 1994 – Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- Елоева и др. 2014 – Елоева Ф. А., Перехвальская Е. В., Саусверде Э. Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 78–99.
- Завьялова 2014 – Завьялова В. Л. Когнитивные фонологические исследования в языкознании // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 131–143.
- Зиндер 2007 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2007. 576 с.
- Золян 2016 – Золян С. Т. Вновь о соотносительности языка и генетического кода // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 114–132.
- Казаковская 2017 – Казаковская В. В. Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. 13, № 3. С. 542–575.
- Кант 1980 – Кант И. Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. 710 с.
- Касевич 2020 – Касевич В. Б. Функционально-деятельностные подходы в лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2020. Вып. 17, № 4. С. 532–536. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.401>
- Кибрик 2008 – Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
- Кибрик 2023 – Кибрик А. А. «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки». Итоговая книга У. Чейфа // Вопросы языкознания. 2023. № 4. С. 157–168. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.4.157-168>
- Кубрякова 1994 – Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
- Кустова 2000 – Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
- Лурия 1979 – Лурия А. Р. Язык и сознание. М. : Изд-во Московского ун-та, 1979. 320 с.
- Мишина 2010 – Мишина Т. В. Когнитивизм как междисциплинарный метод в социальных исследованиях // Вестник БГУ. Философия. 2010. № 6. С. 110–114.
- Нильсен 2018 – Нильсен Е. А. Концептуальное моделирование континуально-дискретного восприятия времени // Журнал Сибирского фед. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 11, № 5. С. 787–794. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0270>
- Розина 1994 – Розина Р. И. Когнитивные отношения в таксономии. Категоризация мира в языке и в тексте // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 60–78.
- Самигуллина 2009 – Самигуллина А. С. «Скрытая память» слова (на примере метафорических номинаций) // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 110–118.
- Селиверстова 2002 – Селиверстова О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 12–26.
- Сенкевич 2019 – Сенкевич В. И. Феноменология и реальное языкознание // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Синтаксис текста. Текст в синтаксисе. Лингвистический анализ в Бермудском треугольнике: Комбинаторика – Семантика –

- Прагматика / под ред. Д. Шумской, К. Озга. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 15–23.
- Скребцова 2018 – Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика тридцать лет спустя // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2018. Вып. 15, № 3. С. 465–480. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.311>
- Трубецкой 1960 – Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.
- Фрумкина и др. 1990 – Фрумкина Р. М., Звонкин А. К., Ларичев О. И., Касевич В. Б. Представление знаний как проблема // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 85–101.
- Ченки 1996 – Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68–78.
- Черниговская 2021 – Черниговская Т. В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 17–26.
- Черниговская 2022 – Черниговская Т. В. «Шум» как ключ к семиозису: мозг и культура (40 лет спустя) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Вып. 13, № 2. С. 24–36.
- Шамина 2022 – Шамина Е. А. Обучение иноязычному произношению: когнитивные, психолингвистические и социолингвистические основания // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 202–213. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_202
- Шевченко 2017 – Шевченко Т. И. Когнитивная фонология: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2017. № 5 (776). С. 106–115.
- Шевченко 2018 – Шевченко Т. И. Когнитивная фонология, корпусный анализ, коммуникация // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 457–460.
- Щепилова 2013 – Щепилова А. В. Когнитивизм в лингводидактике: истоки и перспективы // Вестник МГПУ. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. Вып. 1, № 11. С. 45–55.
- Chomsky 1955 – Chomsky N. Logical Syntax and Semantics // Language. Vol. 31, N 1. P. 36–45.
- Jackendoff 1996 – Jackendoff R. How language helps us think // Pragmatics & Cognition. 1996. Vol. 4. P. 1–34.
- Lakoff – Lakoff G. A figure of thought // Metaphor and Symbolic Activity. 1986. Vol. 1. P. 215–225.
- Langacker 1968 – Langacker R. W. Language and its structure: Some fundamental linguistic concepts. New York : Harcourt, Brace and World, Inc., 1968. 260 p.
- Langacker 1986 – Langacker R. W. An introduction to cognitive grammar // Cognitive Science. 1986. Vol. 10, Iss. 1. P. 1–40.
- Langacker 1990 – Langacker R. W. Concept, image and symbol // The cognitive basis of grammar / R. Dirven and R. W. Langacker (Eds). Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1990. P. 2–5.
- Langacker 1993 – Langacker R. W. Grammatical traces of some ‘invisible’ semantic constructs // Language Sciences. 1993. Vol. 15, Iss. 4. P. 323–355.
- Langacker 1995 – Langacker R. W. Cognitive Grammar // Concise History of the Language Sciences / E. F. K. Koerner, R. E. Asher (Eds). Pergamon, 1995. P. 364–368.
- Langacker 1999 a – Langacker R. W. Assessing the cognitive linguistic enterprise // Cognitive linguistics: Foundations, scope, and methodology / T. Janssen, G. Redeker (Eds). Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1999. P. 13–59.
- Langacker 1999 b – Langacker R. W. The contextual basis of cognitive semantics // Language and conceptualization / J. Nuyts, E. Pederson (Eds). Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 229–252.
- Langacker 2000 – Langacker R. W. Grammar and conceptualization. Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2000. 427 p.
- Murdock 1949 – Murdock G. P. Social Structure. New York: Macmillan, 1949. 387 p.
- Talmy 1988 – Talmy L. Force dynamics in language and cognition // Cognitive Science. 1988. Vol. 12, Iss. 1. P. 49–100.
- Talmy 2000 a – Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. MIT, 2000. viii+495 p.
- Talmy 2000 b – Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 2: Typology and process in concept structuring. MIT, 2000. viii+565 p.

- Talmy 2006 – Talmy L. Cognitive linguistics // Encyclopedia of Language and Linguistics / K. Brown (Ed.). Elsevier, 2006. P. 542–546.
- Talmy 2020 – Talmy L. Semantic unilocality // Cognitive Semantics. 2020. Vol. 6, Iss. 2. P. 131–169.

References

- Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika [General linguistics]*. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Bolotov, V. I. (2008). A. A. Potebnya i kognitivnaya lingvistika [A. A. Potebnya and cognitive linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 2, 82–96. (In Russ.).
- Boroday, S. Yu. (2019). Yazyk i poznanie: postrelyativistskaya issledovatel'skaya programma [Language and cognition: A postrelativist research program]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 4, 106–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0373658X0005709-8>
- Voeikova, M. D. (2017). Modal'nost' i mekhanizmy usvoeniya yazyka [Modality and the mechanisms of language acquisition]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]*, 13 (3), 461–477. (In Russ.).
- Vygotsky, L. S. (2021). Lektsii po psikhologii razvitiya [Lectures on the psychology of development]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historic Psychology]*, 17 (2), 7–22.
- Demyankov, V. Z. (1994). Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a variety of interpretative approach]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 4, 17–33. (In Russ.).
- Eloeva, F. A., Perexval'skaja, E. V., Sausverde, E. (2014). Metafora i evristicheskaya funktsiya yazyka (byvaet li yazyk bez metafor) [Metaphor and heuristic function of language (Is a language without metaphor possible?)]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 1, 78–99. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (2007). *Obshchaya fonetika i izbrannye stat'i [General phonetics and selected papers]*. St Petersburg : Filological Faculty of St Petersburg University Press ; Moscow : Academia Press. (In Russ.).
- Zavvalova, V. L. (2014). Kognitivnye fonologicheskie issledovaniya v yazykoznanii [Cognitive phonological research in linguistics]. *Gumanitarnye Issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities Research in the Russian Far East]*, 4 (30), 131–143.
- Zolyan, S. T. (2016). Vnov' o sootnesenosti yazyka i geneticheskogo koda [Rethinking the correlations between language and genetic code]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 1, 114–132. (In Russ.).
- Kazakovskaya, V. V. (2017). Yazykovoe i kognitivnoe v usvoenii epistemicheskoy modal'nosti [Language and cognitive aspects of the acquisition of epistemic modality]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]*, 13 (3), 542–575. (In Russ.).
- Kant, I. (1980). *Traktaty i pis'ma [Treatises and letters]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kasevich, V. B. (2020). Funktsional'no-deyatelnostnye podkhody v lingvistike [Functional-and-behavior communicative approaches in linguistics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 17 (4), 532–536. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.401>
- Kibrik, A. E. (2008). Lingvisticheskaya rekonstruktsiya kognitivnoy struktury [Linguistic reconstruction of cognitive structure]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 4, 51–77. (In Russ.).
- Kibrik, A. A. (2023). «Lingvistika, osnovannaya na myshlenii: kak yazyki preobrazuyut mysli v zvuki». Itogovaya kniga U. Cheyfa [Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds. Wallace Chafe's concluding book]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 4, 157–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.4.157-168>
- Kubryakova, E. S. (1994). Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka [The early stages of cognitivism: Linguistics – Psychology – Cognitive science]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 4, 34–47. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2000). Kognitivnye modeli v semanticheskoy derivatsii i sistema proizvodnykh znacheniy. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 4, 85–109. (In Russ.).
- Luriya, A. R. (1979). *Yazyk i soznanie [Language and consciousness]*. Moscow : Moscow University Press. (In Russ.).

- Mishina, T. V. (2010). Kognitivizm kak mezhdistsiplinarnyy metod v sotsial'nykh issledovaniyakh [Cognitivism as the interdisciplinary method in social researches]. *Vestnik BGU. Filosofiya [BSU Bulletin. Philosophy]*, 6, 110–114. (In Russ.).
- Nilsen, E. A. (2018). Kontseptual'noe modelirovanie kontinual'no-diskretnogo vospriyatiya vremeni [Conceptual Modeling of Discrete-Continuum Time-Perception]. *Zhurnal Sibirskogo fed. un-ta. Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 11 (5), 787–794. (In Russ.). <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0270>
- Rozina, R. I. (1994). Kognitivnye otnosheniya v taksonomii. Kategorizatsiya mira v yazyke i v tekste [Cognitive and taxonomic relations. Categorisation of the world in language and in text]. *Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language]*, 6, 60–78. (In Russ.).
- Samigullina, A. S. (2009). «Skrytaya pamyat'» slova (na primere metaforicheskikh nominatsiy) [Word's «latent memory» (exemplified by metaphorical nominations)]. *Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language]*, 4, 110–118. (In Russ.).
- Seliverstova, O. N. (2002). Kognitivnaya semantika na fone obshchego razvitiya lingvisticheskoy nauki [The role of cognitive semantics in the general development of linguistic science]. *Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language]*, 6, 12–26. (In Russ.).
- Senkevich, V. I. (2018). Fenomenologiya i real'noe yazykoznanie [Phenomenology and Language studies]. In D. Szumska, K. Ozga (Eds), *Yazyk i metod: Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka. Sintaksis teksta. Tekst v sintaksise. Lingvisticheskiy analiz v Bermudskom treugol'nike: Kombinatorika – Semantika – Pragmatika [Language and method. Russian language in the studies of the 21 century. The syntax of the text. The text in syntax. Linguistic analysis in the Bermuda Triangle: Combinability – Semantics – Pragmatics]* (pp. 211–229). Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego Press. (In Russ.).
- Skrebtsova, T. G. (2018). Kognitivnaya lingvistika tridsat' let spustya [Contemporary cognitive linguistics: Thirty years after]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 15 (3), 465–480. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.311>
- Trubetskoy, N. S. (1960). *Osnovy fonologii [Principles of phonology]*. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Frumkina, R. M., Zvonkin, A. K., Larichev, O. I., Kasevich, V. B. (1990). Predstavlenie znaniy kak problema [Representation of knowledge as a scientific problem]. *Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language]*, 6, 85–101. (In Russ.).
- Cienki, A. (1996). Sovremennye kognitivnye podkhody k semantike: skhodstva i razlichiya v teoriyakh i tselyakh [Contemporary cognitively oriented approaches in semantics: Similarities and differences in theories and goals]. *Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language]*, 2, 68–78. (In Russ.).
- Chernigovskaya, T. V. (2021). Neyronauka v poiskakh smyslov: mozg kak barokko? [Neuroscience search for meaning: Brain as Barocco?]. *Voprosy filosofii [Issues in Philosophy]*, 1, 17–26. (In Russ.).
- Chernigovskaya, T. V. (2022). “Shum” kak klyuch k semiozisu: mozg i kul'tura (40 let spustya) [“Noise” as a key to semiosis: The brain and culture (40 years later)]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent [Slovo.ru: baltic accent]*, 13 (2), 24–36. (In Russ.).
- Shamina, E. A. (2022). Obuchenie inoyazychnomu proiznosheniyu: kognitivnye, psikholingvisticheskie i sotsiolingvisticheskie osnovaniya [Foreign Language Pronunciation Teaching: Cognitive, psycholinguistic and sociolinguistic grounds]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (1), 202–213. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_202
- Shevchenko, T. I. (2017). Kognitivnaya fonologiya: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Cognitive phonology: Theoretical and applied aspects]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences]*, 5 (776), 106–115.
- Shevchenko, T. I. (2018). Kognitivnaya fonologiya, korpusnyy analiz, kommunikatsiya [Phonology, corpus analysis, communication]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*, 34, 457–460.
- Shchepilova, A. V. (2013). Kognitivizm v lingvodidaktike: istoki i perspektivy [Cognitivism in linguodidactics: Background and perspectives]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka.*

- Yazykovo obrazovanie [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 1 (11), 45–55. (In Russ.).
- Chomsky, N. (1955). Logical Syntax and Semantics. *Language*, 31 (1), 36–45.
- Jackendoff, R. (1996). How language helps us think. *Pragmatics & Cognition*, 4, 1–34.
- Lakoff, G. (1986). A figure of thought. *Metaphor and Symbolic Activity*, 1, 215–225.
- Langacker, R. W. (1968). *Language and its structure: Some fundamental linguistic concepts*. New York : Harcourt, Brace and World, Inc.
- Langacker, R. W. (1986). An introduction to cognitive grammar. *Cognitive Science*, 10 (1), 1–40.
- Langacker, R. W. (1990). Concept, image and symbol. In R. Dirven and R. W. Langacker (Eds), *The cognitive basis of grammar* (pp. 2–5). Berlin, New York, Mouton de Gruyter.
- Langacker, R. W. (1993). Grammatical traces of some ‘invisible’ semantic constructs. *Language Sciences*, 15 (4), 323–355.
- Langacker, R. W. (1995). Cognitive Grammar. In E. F. K. Koerner, R. E. Asher (Eds), *Concise History of the Language Sciences* (pp. 364–368). Pergamon Press.
- Langacker, R. W. (1999 a). Assessing the cognitive linguistic enterprise. In T. Janssen, G. Redeker (Eds), *Cognitive linguistics: Foundations, scope, and methodology* (pp. 13–59). Berlin, New York : Mouton de Gruyter.
- Langacker, R. W. (1999 b). The contextual basis of cognitive semantics. In J. Nuyts, E. Pederson (Eds), *Language and conceptualization* (pp. 229–252). Cambridge : Cambridge University Press.
- Langacker, R. W. (2000). *Grammar and conceptualization*. Berlin, New York : Mouton de Gruyter.
- Murdock, G. P. (1949). *Social Structure*. New York : Macmillan Press.
- Talmy, L. (1988). Force dynamics in language and cognition. *Cognitive Science*, 12 (1), 49–100.
- Talmy, L. (2001 a). *Toward a cognitive semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems*. MIT Press.
- Talmy, L. (2001 b). *Toward a cognitive semantics. Vol. 2: Typology and process in concept structuring*. MIT Press.
- Talmy 2006 –Talmy, L. Cognitive linguistics. In K. Brown (Ed.), *Encyclopedia of Language and Linguistics* (pp. 542–546). Elsevier Press.
- Talmy, L. (2020). Semantic unilocality. *Cognitive Semantics*, 6 (2), 131–169.

УДК 811.112.2

Чжоу Гуаньци, Тананайко Светлана Олеговна✉
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
stananaiko@mail.ru

Специфика коартикуляции в китайских и русских слогах с палатализованным согласным

Аннотация

В статье обсуждаются универсальные и специфические акустические корреляты проявлений коартикуляции в типологически различных языках, русском и китайском, в рамках такой общefonетической черты, как палатализация. В центре внимания находится динамика второй форманты (F2) в русских и китайских слогах структуры CV с палатализованными и палатальными согласными и гласными: заднего ряда для русского языка и медиалью [i], за которой следовали гласные непереднего ряда, для китайского. Материалом для исследования послужили студийные аудиозаписи четырёх русских дикторов (2 мужчин, 2 женщины, в возрасте 18–20 лет), носителей русской произносительной нормы и четырёх китайских дикторов (2 мужчин, 2 женщины, в возрасте 18–20 лет), носителей путунхуа – стандартного китайского языка. Дикторы начитывали слова, включающие слоги с изучаемыми звуками в контекстах, сходных в обоих языках с общefonетической точки зрения. В ходе исследования были сопоставлены длительность и величина частотного перепада в формантных переходах. Результаты замеров начального и конечного значений F2 на переходном участке и вычисление их разности показали бóльшую величину перепада в китайских слогах по сравнению с русскими. Это может быть обусловлено разным статусом i-образного перехода в изучаемых языках.

Ключевые слова: акустическая фонетика, слог, согласный, гласный, коартикуляция, палатализация, динамика второй форманты

© Чжоу Г., Тананайко С. О. 2024

Для цитирования: Чжоу Г., Тананайко С. О. Специфика коартикуляции в китайских и русских слогах с палатализованным согласным // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 191–200.

Zhou Guanqi, Svetlana O. Tananaiko✉
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
stananaiko@mail.ru

The specifics of coarticulation in Chinese and Russian syllables with a palatalized consonant

Abstract

The article discusses the universal and specific acoustic cues manifesting coarticulation in typologically different languages – Russian and Chinese. The study focuses on the dynamics of the second formant (F2) in Russian and Chinese syllables of CV structure with palatalized and palatal consonants and vowels: non-front vowels for Russian and medial [i] followed by non-front vowels for Chinese. The material was obtained from 4 native speakers of standard Russian (2 men, 2 women, aged 18–20) and 4 native speakers (2 men, 2 women, aged 18–20) of standard Chinese – Putonghua. The speakers read the words including syllables with the targeted sounds in contexts similar for both languages from the viewpoint of General Phonetics. Duration and slope of the formant transitions were compared. The data obtained during F2 measurements at the beginning and end of the transition and calculating their difference showed a steeper F2 slope in Chinese syllables compared to Russian syllables. A possible explanation lies in different status of the i-phase in the two languages.

Keywords: acoustic phonetics, syllable, consonant, vowel, coarticulation, palatalization, second formant dynamics

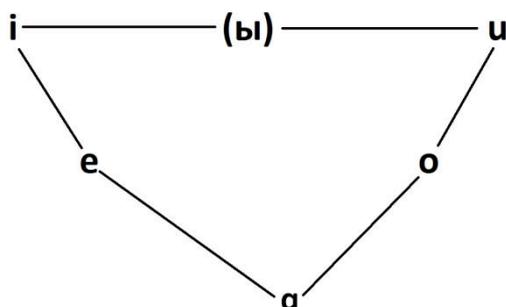
© Zhou G., Tananaiko S. O. 2024

For citation: Zhou G., Tananaiko S. O. (2024). Spetsifika koartikulyatsii v kitayskikh i russkikh slogakh s palatalizovannym soglasnym [The specifics of coarticulation in Chinese and Russian syllables with a palatalized consonant]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 191–200.

1. Введение [Introduction]

Сопоставление динамики второй форманты в китайском и русском языках (их литературных произносительных вариантах) является важной темой для компаративной фонетики и акустического описания обоих языков. Как известно, само наличие сложных коартикуляционных процессов – это универсальное явление, обусловленное строением речевого аппарата человека. При этом, однако, особенности коартикуляционных процессов специфичны для каждого языка [Кодзасов, 2001]. Повышение второй форманты всех гласных, кроме [i] – это один из показателей палатализации предшествующего гласного. С функциональной точки зрения палатализация может быть как фонологически существенным признаком (в русском языке), так и элементом аллофонного варьирования, вызванным коартикуляцией в общefonетическом плане (напр., в английском языке) [Андросова, 2009]. В данном случае сопоставляется коартикуляция двух генетически не родственных и типологически различных языков: китайский язык, который относится к сино-тибетской семье языков, входящей в сино-кавказскую макро-семью, и является по фонологической типологии слоговым, и русский язык, который относится к индоевропейской семье, входящей в ностратическую макросемью, и является по фонологической типологии фонемным [Старостин, 2014].

Рассмотрим фонетическую систему двух сравниваемых языков. Традиционно в русской фонологической системе выделяется 5 или 6 гласных (см. рис. 1). Расхождение касается самостоятельности фонемы /ы/, которая Петербургской фонологической школой признаётся, а Московской фонологической школой отрицается. Дискуссии относительно фонологического статуса /ы/ и основания для расхождения в его трактовках подробно описаны у А. А. Бурькина [Бурькин, 2020].



Р и с у н о к 1. Система гласных фонем русского языка
[Figure 1. The system of Russian vowels]

Такой компактный вокализм, несомненно, способствует значительному аллофонному варьированию русских гласных. В частности, хрестоматийным примером такого варьирования является появление полностью или частично продвинутых вперед гласных после мягких согласных.

Русский консонантизм, наоборот, является достаточно объёмным, и в большой мере его размер, от 32 до 36 фонем¹, создаётся за счёт наличия параллельных рядов твёрдых и мягких согласных (см. табл. 1)². Мягкие согласные представляют собой самостоятельные фонемы, и их традиционно трактуют в русской фонетике как палатализованные, а не как палатальные, хотя некоторые мягкие фонемы, например, заднеязычные, по своей артикуляции являются, по сути дела, палатальными, так как их место образования продвинуто вперед до палатальной зоны. Палатальным принято считать только среднеязычный /j/, и, разумеется, после него все процессы аккомодации типологически сходны с теми, что имеют место после мягких согласных.

Т а б л и ц а 1. Система согласных фонем русского языка
[Table 1. The system of Russian consonants]

			губные		перед- неязычные	среднеязыч- ные	заднеязыч- ные
			губно-губные	губно-зубные			
шумные	смычные	чистые	p p' b b'	-	t t' d d'	-	k (k') g (g')
		аффрикаты	-	-	c c'	-	-
	щелевые	однофокусные	-	f f' v v'	s s' z z'	-	x (x')
		двухфокусные	-	-	š ž (š':)	-	-
сонанты	смычные		m m'	-	n n'	-	-
	щелевые	срединные	-	-	-	j	-
		боковые	-	-	l l'	-	-
	дрожящие		-	-	r r'	-	-

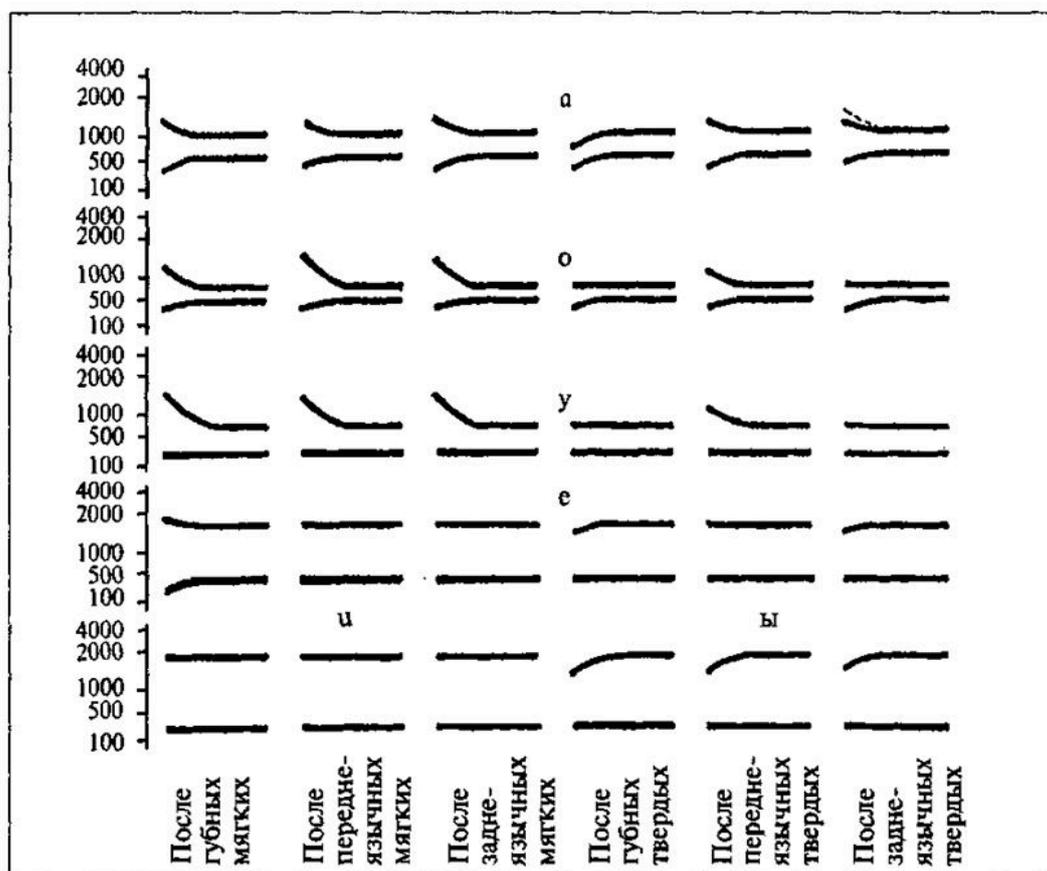
В русском языке слоги типа «мягкий согласный + гласный» являются частотными и типичными, так как оппозиция твёрдых и мягких согласных – это одна из системобразующих оппозиций русского консонантизма, а твёрдые и мягкие согласные образуют фонемные пары (см. табл. 1). Эта оппозиция включает все согласные русского языка, кроме всегда твёрдых /š/, /ž/, /c/, всегда мягкого /č'/ и /j/, который в силу своей палатальной природы не может быть твёрдым. В последовательности С'Г, где С' – это мягкий (палатализованный) согласный, а Г – любой гласный, происходит следующее. Наличие перед гласными согласных с основной или дополнительной палатальной артикуляцией (т. е. мягких) неизбежно сдвигает ряд любого гласного, кроме /i/, в направлении [i]- или [j]-образной артикуляции (особенно в начале гласного). По закону аккомодации в начале гласного образуется так называемый [i]-образный переходный участок – фрагмент гласного, на котором происходит переход от передней [i]-образной артикуляции, порождённой предшествующим мягким согласным, к собственным характеристикам непереднего гласного, и чем более задним является основной аллофон гласного, тем более ярко выраженным будет переходный участок. Иногда непередний гласный вообще не реализуется как таковой, а представлен продвинутым вперёд аллофоном, т. е. в процессе его произношения не достигается целевое положение артикуляторов, а гласный

¹ Санкт-Петербургская школа признаёт фонемную самостоятельность мягких заднеязычных и звука [š:], а Московская фонологическая школа эту самостоятельность отрицает. О теоретических расхождениях между МФШ и ПФШ по поводу фонемного статуса мягких согласных см., напр., [Тананайко, 2023].

² Мягкость согласных фонем обозначена запятой верхним индексом.

утрачивает собственный тембр: «Положение языка при произнесении гласных ... зависит от целевых язычных артикуляций соседних согласных, и это может проявляться не только на граничных участках гласного, но и в интервале выдержки. Если имеются существенные различия в целевых положениях языка у соседних звуков, артикуляционная цель гласного может быть и не достигнута. Это наблюдается, например, в русском языке при произнесении задних гласных /у, о, а/ в соседстве с мягкими согласными, целевая артикуляция которых предполагает подъём средней части языка к твердому нёбу, т. е. палатализацию. Аккомодация приводит к тому, что в данном контексте указанные гласные произносятся с более высоким и более передним положением языка сравнительно с произнесением в изолированном положении. ... артикуляционный “недострел” может быть связан ... с сильным контекстным влиянием» [Кодзасов, 2001, с. 68].

Как известно из акустической фонетики [Бондарко, 1998], вторая форманта связана с рядом гласного, поэтому при продвижении задних гласных вперёд после мягких согласных динамика второй форманты будет основным показателем специфики переходных процессов от согласного к гласному в слогах данного типа (см. рис. 2 – гласные обозначены кириллицей).



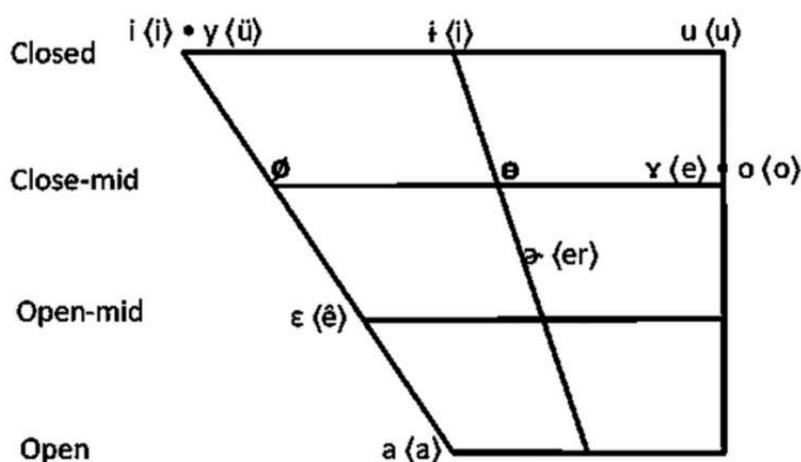
Р и с у н о к 2. Динамика F1 и F2 после разных групп твёрдых и мягких согласных [Бондарко, 1998, с. 79]

[Figure 2. F1 and F2 dynamics after different groups of non-palatalized and palatalized consonants [Bondarko, 1998, p. 79]]

В китайском языке принято выделять консонантные инициалы и вокалические финалы. Китайские финалы включают простые гласные (которые соответствуют монофтонгам) и сложные звуки (соответствующие дифтонгам) [Chen, 2023, p. 162] (см.

рис. 3), а также два носовых сонанта [n], [ŋ], которые в данном исследовании не рассматриваются.

Помимо монофтонгических финалей, в путунхуа имеется ещё 9 сложных финалей, это [ei], [ai], [ao], [ou], [ia], [ua], [uo], [ao] и [üe] [Zhang, 2002, p. 57]. Для задач настоящего исследования непринципиально, является ли гласный в китайском слого монофтонгом или частью дифтонга, на специфику формантного перехода второй форманты это не повлияет.



Р и с у н о к 3. Монофтонги китайского языка (путунхуа), обозначенные символами МФА

[F i g u r e 3. Chinese (putonghua) monophthong indicated by the IPA symbols]

Набор инициалей в путунхуа включает 22 звука (см. табл. 2 – серым выделены палатальные согласные).

Т а б л и ц а 2. Инициали в путунхуа, использованы значки МФА [Yuen, 2011, p. 50]
[T a b l e 2. Initials in Mandarin Chinese, IPA used [Yuen, 2011, p. 50]]

Manner \ Place	Unaspirated Stops	Aspirated Stops	Nasals	Fricatives	Voiced Continuants
Labials	b	p ^h	m	f	-
Dentals	d	t ^h	n	-	l
Dental	ts	ts ^h	-	s	-
Sibilants					
Retroflexes	tʂ	tʂ ^h	-	ʂ	ɹ
Palatals	tɕ	tɕ ^h	-	ɕ	-
Gutturals	g	k ^h	(ŋ)	χ	ʁ~ø

В путунхуа насчитывается 3 палатальных звука. В этом едины как исследователи XX века [Yuen, 2011, p. 50], так и авторы более современных работ [Wang, 2019 ; Wang, 2020] (см. табл. 2, 3).

Т а б л и ц а 3. **Инициали путунхуа, использованы символы МФА [Wang, 2020, p. 5]**
 [T a b l e 3. **Initials in Mandarine Chinese, IPA symbols [Wang, 2020, p. 5]**]

	Labial	Dental	Retroflex	Palatal	Velar
Stop	p p ^h	t t ^h	-	-	k k ^h
Affricative	-	ts ts ^h	tʂ tʂ ^h	tɕ tɕ ^h	-
Fricative	f	s	ʂ ʐ	ç	x
Nasal	m	n	-	-	ŋ
Liquid	-	l	-	-	-

Артикуляторные описания этих звуков всегда фиксируют процесс палатализации, выражающийся в наличии дополнительной среднеязычной артикуляции. Отмечается, что если за звуком не следует гласный переднего ряда верхнего подъёма [i] или [y], то за этим согласным следует палатальный глайд [j] или [ç]. Поэтому слоги, обозначаемые в пиньине как начинающиеся на ji-, qi-, xi-, ju-, qu-, xu-, за которыми следует гласный, с фонетической точки зрения описываются как начинающиеся на [tʂ^j], [tʂ^h^j], [s^j], [tɕ^j], [tɕ^h^j], [s^ç] [Duanmu, 2000]. Необходимо указать, что с точки зрения фонологии китайские альвео-палатальные согласные трактуются по-разному. Например, у Нормана [Norman, 1988] указано, что, поскольку они находятся в дополнительной дистрибуции с зубными [tʂ, tʂ^h, s], с велярными [k, k^h, x] и с ретрофлексными [tʂ, tʂ^h, ʂ], их следует рассматривать как аллофоны фонем одного из этих рядов³.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В процессе проведения эксперимента осуществлялось сопоставление динамики второй форманты в русских и китайских слогах структуры CV относительно сходного звучания. Слоги включали палатализованные и палатальные согласными и гласными. В русском языке это были слоги с гласными заднего ряда /a, o, u/, в китайском – слоги с медиалью [i] и субфиналью, начинающейся с гласных непереднего ряда⁴. Заднеязычные согласные не рассматривались, поскольку они невозможны в китайском языке в подобном контексте. Материалом послужили студийные аудиозаписи 4 русских дикторов (2 мужчин, 2 женщины, возраст 18–20 лет), носителей русской произносительной нормы и 4 китайских дикторов (2 мужчин, 2 женщины, возраст 18–20 лет), носителей стандартной произносительной нормы китайского языка – путунхуа. Дикторы начитывали слова, включающие слоги с изучаемыми звуками в сходных (в русском и китайском) фонетических контекстах.

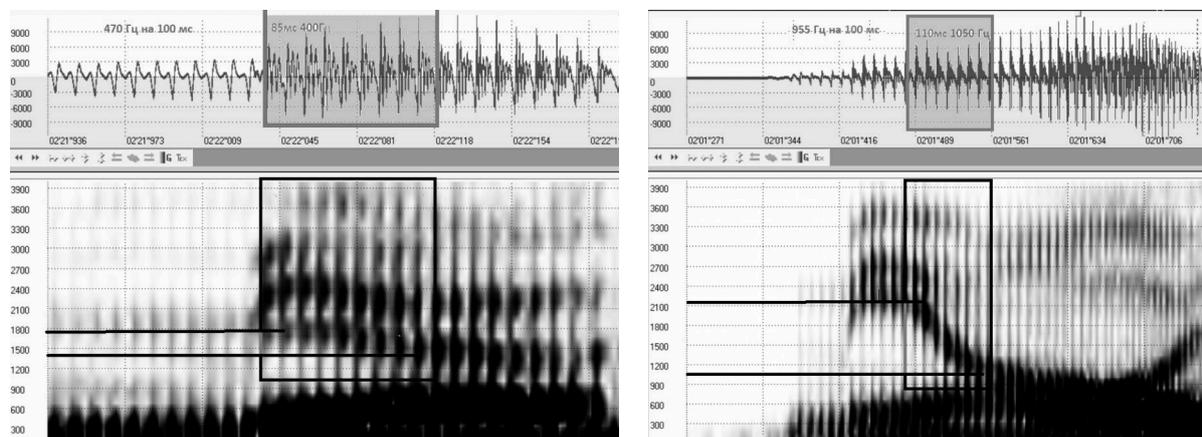
В русском языке были подобраны слова, где изучаемые слоги были ударными, в китайском языке подбирались слова, где изучаемые слоги оказывались сильными формами, и в обоих языках дикторов просили читать слова максимально чётко и разборчиво. Всего было прочитано 88 русских и 88 китайских слов, в которых палатализованные согласные находились перед непередними гласными.

Следующим этапом работы стало изучение динамики F2 в русских и китайских слогах. Для этого измерялись 1) длительность [i]-образного перехода в начале F2 в каж-

³Наличие фонем в китайском языке спорно. На это указывает, например, В. Б. Касевич [Касевич, 1977, с. 45–46].

⁴О структуре слога в китайском языке см. [Спешнев, 1980, с. 11].

дом слоге, 2) перепад по F2 (разница между начальным и конечным значениями F2 на переходном участке). Затем вычислялся перепад по частоте в расчёте на 100 мс, что позволяло сравнить крутизну формантных перепадов для каждого гласного в русском и китайском языках (см. рис. 4, где прямоугольником выделена зона [i]-образного перехода), после чего рассчитывался средний перепад F2 на 100 мс для разных групп согласных.



Р и с у н о к 4. Осциллограмма и спектрограмма слога [m'já] в русском слове мясо [m'ása] (слева) и в китайском слове miao xiao (справа)

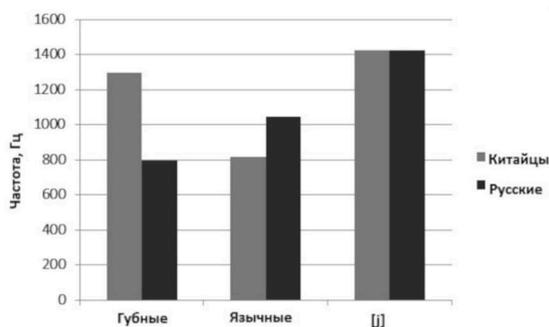
[F i g u r e 4. Waveform and spectrogram of the syllable [mja] in the Russian word 'мясо' [m'ása] (left) and in the Chinese word 'miao xiao' (right)]

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

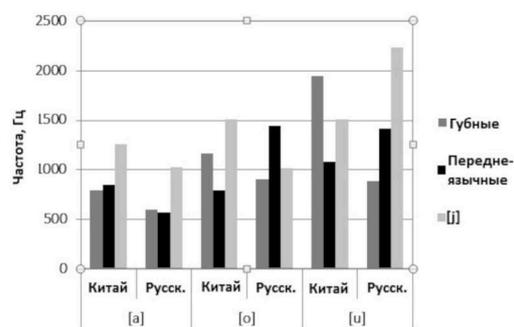
В ходе статистического анализа были получены следующие данные. В обоих языках значение перепада F2 (см. рис. 5) для звука [j] превышает все остальные значения, при этом оно почти одинаково в обоих языках. Это легко объяснимо: именно при артикуляции палатального аппроксиманта [j] язык поднимается максимально высоко, что приводит к сильному перепаду между его второй формантой (около 2500 Гц) и второй формантой непередних гласных. Однако более детальный анализ показывает, что значение перепада после [j] неодинаково для различных гласных в обоих языках (см. рис. 6): для [a] и [o] оно меньше в русском, чем в китайском, а для [u] наоборот, в русском значение больше. Превышение русского перепада для [u] таково, что именно оно уравнивает среднее арифметическое значение перепадов для обоих языков. Для губных согласных (см. рис. 5) перепад больше в китайском, чем в русском. Для переднеязычных в целом (см. рис. 5) в русском языке перепад больше, чем в китайском, но это превышение достигается за счёт (см. рис. 6) динамики F2 у лабиализованных гласных [o] и [u]; для [a] картина обратная, в русском перепад больше, т. е. в русском языке F2 значение ниже, чем в китайском, иначе говоря, русский [a] реализуется как более задний по сравнению с китайским в данных консонантных контекстах.

Зависимость перепада от гласного очевидна (см. рис. 7): перепад тем больше, чем гласный сильнее отодвинут назад: в обоих языках меньше всего он для [a], больше для [o] и максимален для [u], что объясняется артикуляторными и, следовательно, акустическими характеристиками соответствующих звуков: из трёх изучаемых гласных у гласного [u] вторая форманта минимальна, а у [a] – максимальна. При этом для всех гласных перепад в китайском несколько превышает перепад в русском, и это превышение максимально для [a] и минимально для [u]. Вероятно, это указывает на бóльшую самостоятельность элемента [i] в китайском языке по сравнению с русским. В китайском языке этот элемент слога является медиалью, т. е. отдельным звуком (или фонемой, если при-

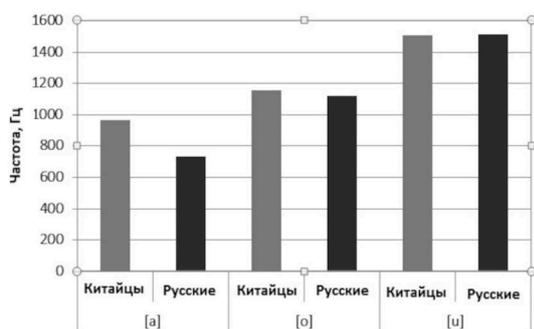
нять точку зрения, что в китайском языке есть фонемы). В русском языке элемент [i] представляет собой переходный участок гласного, возникающий после мягкого согласного, и фонологически несамостоятелен.



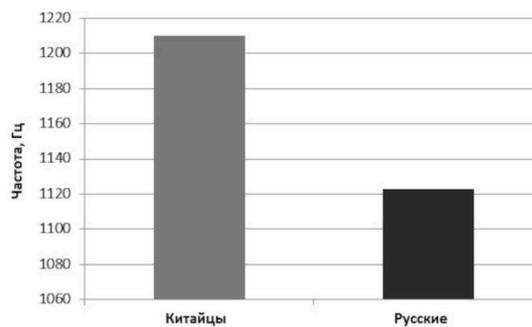
Р и с у н о к 5. Динамика F2 после различных типов согласных, данные усреднены по всем гласным
[Figure 5. F2 dynamics after different types of consonants, the data are averaged across all vowels]



Р и с у н о к 6. Динамика F2 после различных типов согласных перед разными гласными
[Figure 6. F2 dynamics after different types of consonants before different vowels]



Р и с у н о к 7. Динамика F2 для различных гласных, данные усреднены по всем типам согласных
[Figure 7. F2 dynamics for different vowels, the data are averaged across all types of consonants]



Р и с у н о к 8. Динамика F2 в китайском и русском языках, усреднённые данные
[Figure 8. F2 dynamics in Chinese and Russian, average data]

Средние значения перепада F2 (см. рис. 8), т. е. значения, усреднённые по всем группам согласных и по всем гласным, в китайском языке несколько больше, чем в русском.

3. Заключение [Conclusion]

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что слоговая структура китайского языка и нечленимость слога как значимой единицы не обязательно предполагают большую артикуляторную и, следовательно, акустическую взаимозависимость звуков по сравнению с русским языком. В данном случае имеет значение разный статус элемента [i] в русском и китайском слогах. В русском языке он представляет собой [i]-образный переход, который неизбежно появляется в результате коартикуляции у глас-

ных заднего ряда после мягких согласных и с точки зрения фонемного членения входит в гласный, следовательно, перцептивно является не самостоятельным звуком, а показателем мягкости предшествующего согласного. В китайском языке [i] – это медиаль, которая является отдельным элементом слога.

Анализ направления движения и крутизны перепада по F2 наряду с явным сходством – выраженным движением от большего значения к меньшему, прямой зависимостью от глубины ряда гласного, а также максимальным повышением после палатального согласного – показал и различия, состоящие в разной реакции на губные и переднеязычные согласные, и несовпадающее соотношение перепадов с гласными. Это обусловлено разницей качества задействованных согласных и гласных в изучаемых языках.

Библиографический список

- Андросова, 2009 – Андросова С. В., Гнатюк Е. В., Шуйская Т. В. К вопросу о палатализации согласных в национальных вариантах английского языка // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2009. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. С. 129–137.
- Бурькин, 2020 – Бурькин А. А. Дискуссионные проблемы русской фонологии и способы их решения (с позиций фонологической школы Л. В. Щербы) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 3. С. 17–33. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_17_33
- Бондарко, 1998 – Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 276 с.
- Касевич, 1977 – Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука 1977. 146 с.
- Кодзасов, 2001 – Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 591 с.
- Спешнев, 1980 – Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980, 141 с.
- Старостин, 2014 – Старостин Г. С. Языковые макросемьи // postnauka.ru (2014). URL : https://www.youtube.com/watch?v=Or4seOfhRt8&ab_channel=%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0 (дата обращения : 24.05.2024).
- Тананайко, 2023 – Тананайко С. О., Денисьева М. В. Перцептивные характеристики звука [ʃ':] в русском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 117–125. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_117
- Chen, 2023 – Chen Yu. A contrastive study of English and Mandarin vowel systems and its implications for TESOL // Proc. of the 4th International Conference on Educational Innovation and Philosophical Inquiries P. 160–165, Beijing, 2023. <https://doi.org/10.54254/2753-7064/8/20230990>
- Duanmu, 2000 – Duanmu S. The phonology of Standard Chinese. Oxford: Oxford University Press, 2000. 308 p.
- Norman, 1988 – Norman J. Chinese. Cambridge: Cambridge University Press. 292 p.
- Wang, 2019 – Wang Xinchun, Chen Jianhong. English speakers' perception of Mandarin consonants: The effect of phonetic distances and L2 experience // Proc. of the 19th International Congress of Phonetic Sciences, Melbourne, Australia 2019 / S. Calhoun, P. Escudero, M. Tabain & P. Warren (Eds.). Canberra, Australia : Australasian Speech Science and Technology Association Inc. P. 250–254.
- Wang, 2020 – Wang X., Chen J. The acquisition of Mandarin consonants by English learners: The relationship between perception and production // Languages. 2020. Vol. 5, Iss. 2. P. 1–20. <https://doi.org/10.3390/languages5020020>
- Yuen, 2011 – Yuen R. A grammar of spoken Chinese. Beijing : The Commercial Press, 2011. 855 p.
- Zhang, 2002 – Zhang J. A comparative study of English and Chinese vowels and its pedagogical significance // Journal of PLA University of Foreign Languages. 2002. Vol. 25, Iss. 1. P. 56–59.

References

- Androsova, S. V., Gnatiuk, E. V., Shuiskaya, T. V. (2009). K voprosu o palatalizatsii soglasnykh v natsionalnykh variantakh angliyskogo yazyka [Palatalizing in some accents of English: Universal and typological features]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya.*

- Vostokovedenie. Zhurnalistika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]*, 3, 129–137. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2020). Diskussionnye problemy russkoy fonologii i sposoby ikh reshenia (s pozitsiy fonologicheskoy shkoly by L. V. Shcherba) [Discussion problems of Russian phonology and ways of their solution (From the standpoint of the Phonological School of L. V. Shcherba)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 6(3), 17–33. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_17_33
- Bondarko, L. V. (1998). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka [Modern Russian phonetics]*. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Kasevich, V. B. (1977). *Elementy obshchey lingvistiki [The elements of general linguistics]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kodzasov, S. V., Krivnova O. F. (2001). *Obshchaya fonetika [General phonetics]*. Moscow : RGGU Press. (In Russ.).
- Speshnev, N. A. (1980). *Fonetika kitayskogo yazyka [Chinese phonetics]*. Leningrad : Leningrad University Press. (In Russ.).
- Starostin, G. S. (2014). Yazykovyye makrosemyi [Language macrofamilies]. *postnauka.ru*. Retrieved May 24 2024 from <https://www.youtube.com/watch?v=Or4seOfhRt8&ab_channel=%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0>. (In Russ.).
- Tananaiko, S. O., Denisieva, M. V. (2023). Pertseptivnye kharakteristiki zvuka [š':] v russkom yazyke [Perceptual features of the sound [š':] in Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9(1), 117–125. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_117
- Chen, Yu. A contrastive study of English and Mandarin vowel systems and its implications for TESOL. *Proc. of the 4th International Conference on Educational Innovation and Philosophical Inquiries* (pp. 160–165). Beijing. <https://doi.org/10.54254/2753-7064/8/20230990>
- Duanmu, S. *The Phonology of Standard Chinese*. Oxford : Oxford University Press.
- Norman, J. *Chinese*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Wang, X., Chen, J. (2019). English speakers' perception of Mandarin consonants: The effect of phonetic distances and L2 experience. In S. Calhoun, P. Escudero, M. Tabain & P. Warren (Eds.), *Proc. of the 19th International Congress of Phonetic Sciences, Melbourne, Australia 2019* (pp. 250–254). Canberra, Australia : Australasian Speech Science and Technology Association Inc.
- Wang X., Chen J. (2020). The acquisition of Mandarin consonants by English learners: The relationship between perception and production. *Languages*, 5(2), 20. <https://doi.org/10.3390/languages5020020>
- Yuen, R. (2011). *A grammar of spoken Chinese*. Beijing : The Commercial Press.
- Zhang, J. (2002). A comparative study of English and Chinese vowels and its pedagogical significance. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, 25(01), 56–59.

УДК 811.111.26

Lyalya G. Yusupova
Ural State Mining University
Yekaterinburg, Russian Federation
lyalyax@bk.ru

Image as the most important cognitive component in the functioning of figurative meanings

Abstract

This article attempts to consider the mechanisms of metaphoric conceptualization of the anthropomorphic space of human life activity through identification, systematization, and description of the semantic structure and functional properties of metaphoric units. The current stage in the study of the functional development of figurative meanings finds its utmost relevance when linguistic phenomena are analyzed on the basis of the anthropocentric approach with an emphasis on a human as the object of conceptual awareness. It can be said that the very nature of polysemy is anthropomorphic since it is initially inherent in the human consciousness to handle the experience gained in the processes of conceptualization and categorization of the surrounding world. Yet, the images resulting from the interaction of a person as a subject of language with the real objects surrounding him / her emerge as the brain constructions rather than mirror reflections of the surrounding reality. The system of images is included in both collective and individual view of the world as mentality that reflects the ideas about the world around us, about a person's place in it and the subsequent verbalization of this experience. The practical part of this study considers imagery as a holistic model of the semantic structure exemplified by the word *suit* with 10 definitions and 15 functioning patterns. The paper argues that the image has an undifferentiated nature, like gestalt. It is syncretic in the way that it combines different sensually perceived mental aspects and objects into a single whole.

Keywords: anthropomorphic space, mechanism of conceptualization and categorization, polysemantic word, cognitive image, semantic structure of a word, semantic component

© Yusupova L. G. 2024

For citation: Yusupova, L. G. (2024). Image as the most important cognitive component in the functioning of figurative meanings. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 201–208.

Юсупова Ляля Гайнулловна
Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
lyalyax@bk.ru

Образ как важнейшая когнитивная составляющая функционирования переносных значений

Аннотация

Данная работа представляет собой попытку исследования механизмов концептуализации метафорическими единицами антропоморфного пространства жизнедеятельности человека путём выявления, систематизации и описания их семантической структуры, функциональных свойств. Современный этап изучения развития функционирования переносных значений наиболее актуален при антропоцентрическом подходе к анализу языковых явлений с акцентом на человека как субъекта понятийного осмысления. Можно сказать, что сама природа полисемии антропоморфична, поскольку изначально присуща человеческому сознанию, обрабатываемому получаемый опыт в процессах концептуализации и категоризации окружающего мира. При этом образы – это результат взаимодействия человека как субъекта языка и объ-

ектов окружающей его действительности; возникающие образы являются конструкциями мозга, а не зеркальными отображениями окружающей действительности. Система образов входит в коллективную и индивидуальную картину мира как ментальность, отражающая представления об окружающем мире, о месте в нём и последующей вербализации этого опыта. В практической части исследования образность рассмотрена как модель семантической структуры слова, взятая в целостности, и проиллюстрирована на примере слова *suit* с 10 определениями и 15 случаями функционирования. Выявлено, что образ имеет нерасчлененный характер, как гештальт, и является синкретичным в том смысле, что он объединяет разные чувственно воспринимаемые ментальные аспекты и объекты в целостный облик.

Ключевые слова: антропоморфное пространство, механизм концептуализации и категоризации, многозначное слово, когнитивный образ, семантическая структура слова, семантический компонент

© Юсупова Л. Г. 2024

Для цитирования: Юсупова Л. Г. Образ как важнейшая когнитивная составляющая функционирования переносных значений // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 201–208.

1. Introduction

Imagery is known to be an important component of cognitive understanding of the mechanisms ensuring the formation and functioning of phraseological units and metaphors. The content of these units is based on the set of images that emerge in perceiving the fragments of reality in the human psyche which is necessary for a human to function in society. The perception itself considerably depends on the structural features of the human body and sociocultural traditions that contribute to the formation of human consciousness. Studying figurativeness, we share the opinion that the expressions such as *falling or rising prices, in the atmosphere of full democracy, in a row of other military men*, etc., are figurative. “Never for a moment do we imagine literally *falling* and *rising prices*, the literal *atmosphere* of literally *full* democracy, or a literal *row* of other military men” [Gorelov, 1997, p. 40]. I. N. Gorelov shares W. Chafe’s view about the interpretation of the idiom *red herring* (false trail) when consciousness is not free from the ideas about the fish of red colour. The experiment conducted by I. N. Gorelov confirms that W. Chafe’s theory [Chafe, 1975] is valid only for children’s perception of speech.

Meanwhile, S. A. Pesina is confident that the expression like *red herring* has a better chance of getting a figurative response than the other expressions presented by I. N. Gorelov. The more specific and referential the meaning of a metaphor is, the more visual and vivid is the image the word conveys. On the contrary, the more abstract the expression is, the more fleeting and schematic is the image behind it. An image largely seems to be a subjective phenomenon. S. Bally notes, “If a native speaker sees an image, the expression should really be considered as figurative” [Bally, 1961, p. 224].

The formation of emotional responses in the neurobiological sense is closely connected with the organization of neural patterns providing the basis for the emergence of images which are not a passive reflection of the brain work. Observing different objects, people form comparable images. However, it does not mean that a person perceives a visible image as a picture of an object. Within the framework of the theory of corporeality, “a certain ensemble of sensor detectors distributed throughout our body helps to construct neural patterns that map significant interactions of the body with an object according to various parameters” [Damasio, 1999, p. 325]. The image is formed under the influence of changes in the human body as the physical structure of a particular object interacts with the consciousness.

The activity of the subject in the process of image construction and the secondary nature of the image in relation to the objective reality act as the fundamental factors. In terms of biolinguistics, the images that arise in the human brain are the brain constructs “prompted” by

the objects rather than their mirror reflections. Imagery functions as a link between the reality and its idea of linguistic awareness, with the image being an indirect, detached reflection of reality.

While representing objects and phenomena of the surrounding reality, imagery aims at concretization and integrity. For example, a dog mentioned in the process of communication is not understood as a combination of features attributed to it: a domestic animal, covered with fur, likes to gnaw bones, guards the house, etc. The human consciousness forms the image of a dog through the conceptual idea of an animal which is given figuratively. Images can become overgrown with details and specifications including those resulting from the speculation if a communicative situation requires it. Distinguishing images from ideas, A. A. Potebnya notes that ideas as an instinctive beginning of self-consciousness are fleeting and demand the language help [Potebnya, 1989, p. 152]. But when the conditions of communication call for an immediate response, an individual can instantly “cover” a surprisingly large amount of information enhancing this ability linguistically. At the same time, the anthropomorphism of figurative perception lies in the fact that abstract non-objective concepts are comprehended through the image of the objective world.

2. Material and methods

The lexeme *suit* from the lexical thematic group “Clothing” was chosen as the research object. Cognitive approach was used to study figurative meanings on the basis of the cognitive images underlying them with reference to nominative non-derivative meanings, speech and linguistic contexts. 10 definitions and 15 functioning patterns were analyzed.

3. Results and discussion

The primary meaning of the polysemantic word *suit* (1) is singled out on the basis of the semantic components of the definitions from various dictionaries. The most frequent semantic components of the nominative-non-derivative (NN) meaning are presented in Table 1.

Table 1. Frequent semantic components of the NN meaning of the polysemant *suit*

Semantic component	Number of repetitions
<i>a set of clothes</i>	7
<i>a set of garments</i>	2
<i>consisting of skirt</i>	9
<i>consisting of a jacket</i>	7
<i>consisting of trousers</i>	7
<i>made from the same material</i>	4
<i>Outer</i>	3
<i>made of the same fabric</i>	2
<i>designed to be worn together</i>	2

3.1. *Suit* as a set of clothes or a clothing item

A set of clothes to be worn on a particular occasion or for a particular activity [ODEL]; a set of clothes made from the same cloth, usually a jacket with pants or a skirt [Quick def]; a set of garments (usually including a jacket and trousers or skirt) for outerwear all of the same fabric and color (“*They buried him in his best suit*”) [Wordnet]; *a man's suit consists of a jacket, trousers, and sometimes a waistcoat, all made from the same fabric* [COBUILDIC];

a jacket and trousers or a jacket and skirt that are made from the same material: *All the businessmen were wearing pinstripe suits* [CIDENn]; a set of clothes made from the same cloth, usually a jacket with pants or a skirt [MackM]; a set of clothing, armor, or the like, intended for wear together [Infoplease].

Thus, the generalized NN meaning of the noun suit can be represented as *a set of clothes consisting of a jacket and a skirt or trousers that are made out of the same material*. It should be noted that ALLWORDS dictionary has moved the meaning “a set of clothes” to the fourth position while the first is the lexical-semantic variant (LSV) “an attempt to end something by legal means; a legal action to recover the right or claim in court; a lawsuit”. Meanwhile, DICT.COM and Online plain dictionaries put first the meaning “a set of clothes” together with the meaning “a full set of ammunition” or “in general a complete set of something similar”: a set of clothing, armor, or the like, intended for wear together.

Then, the NN meaning is narrowed down to the meaning associated with the limitation of the functional use of this clothing attribute: *suit (2) – a set of clothes to be worn on a particular occasion or for a particular activity (Being cold is no fun, so pack the right diving suit and be damned, but remember that your head is the area of greatest heat loss)* [OXFORD]. This LSV is also used in some synonyms such as *dress, outfit, set of cloths, costume, ensemble*. The rest of the analysis (3–10) is presented in Table 2:

Table 2. Metonymic and metaphorical meanings of the substantive *suit* and their basic semantic components

Metonymic and metaphorical interpretations and their speech implementations	Basis for the meaning transfer	Basic semantic components underlying the substantive <i>suit</i>
<i>suit (3) – someone who works in an office and wears a suit</i> [Macmillan] (metonymy) (<i>The issue wouldn't have entered the public domain were it not for the suits within these organizations discussing these proposals over a coffee when on SPL business</i>) [OXFORD]	transfer based on two mechanisms: 1) adjacency: “clothes worn by a human – a human”; 2) synecdoche, since it refers to those who wear a uniform on service/at work and who are only interested in the financial side of the matter, i.e.; it marks a disdainful attitude towards a person who is able to think only about business and numbers; mostly used in relation to middle and senior management with a negative connotation)	based on the primary meaning: <i>suit (1) – a set of clothes consisting of a jacket and a skirt or trousers that are made out of the same material</i>
<i>bag suit (4)</i> [OXFORD] (<i>If you, like Colthirst, find yourself donning a suit of armor at work, then your workplace has become a battlefield</i>)	similarity of a human suit to battle armor: a suit is a complete set of clothing that covers and, therefore, protects a human body. To the same extent, armor or armored clothing covers a warrior protecting him from wounds	<i>a set of pieces of armor, complete, worn by soldiers/warriors, covering the whole body, to protect the body in battle</i>
<i>suit (5)</i> [OXFORD] (metaphor) (<i>A new vessel would always be provided with at least two suits of sails from the sail-making firm engaged by the owner</i>) [OXFORD]	similarity of a suit as a clothing set consisting of a jacket and trousers or a jacket and a skirt i.e. quite a complete set of clothes to a complete set of sails or masts necessary for sailing (similar to the function “to supply”)	<i>set of sails/masts, complete, required for a ship</i>
<i>suit (6)</i> [OXFORD] (metaphor) (<i>The other players must all play spades if they can, but players 2 and 3 have no spades and so are allowed to play other suits</i>) [OXFORD]	the concept of a complete set of cards of the same rank and all four suits; based on the image associated with such a complete clothing set as a suit. Five cards of the same suit in poker or bridge are called "Flush".	<i>one of four sets of playing cards, distinguished by their pictorial symbols, into which a deck of playing cards is divided</i>
<i>suit (7)</i> [AHDENL] (metaphor)	an umbrella LSV for the previous two meanings based on the similarity of a suit as a set of clothes to a complete set of any things or objects (rooms, buildings, compositions, tools, etc.) considered as a single whole, having similar functions and viewed as a collection	<i>a group of things/objects, similar, related, used together, considering as a whole</i>

Continuation of Table 2

Metonymic and metaphorical interpretations and their speech implementations	Basis for the meaning transfer	Basic semantic components underlying the substantive suit
<i>suit</i> (8) [Online plain] (metaphor)	similarity of a suit as a clothing set, including at least two components, to a situation where these objects are in motion, following one another in a certain order	<i>a group of things/objects, similar, related, used together; considering as a whole, that follow one another in order</i>
<i>suit</i> (9) [Online plain] (metaphor)	the same as the previous LSV referring to the objects following one another in order but, in this case, attempting to get a result: to reach the end of a process or to obtain something for use	<i>a group of things/objects, similar, related, that follow one another in order; an attempt to get a result, gain an end/an object</i>
<i>suit</i> (10) [Online plain] (metaphor)	conceptual metaphor: it refers to the very process of following in order rather than to the objects or people; being an abstract concept, it is associated with the closest and most understandable artifact for a person which is a suit, namely, a suit (7) which is a group of things used together ; a set or collection; a group of similar or related objects or items considered as a whole	<i>the act/process of following, in order, regular</i>

3.2. *Suit* as a part of legal discourse

Special emphasis should be placed on the meaning *suit* (11) which is not connected with cloths whatsoever but is found in legal discourse. It is the short for *l a w s u i t* – a petition or entreaty made to a person in authority: *Nothing can be expected from her avarice, unless it be wrested from her by a lawsuit* («Arthur Mervyn» by Charles Brockden Brown); *It is a matter of great moment to end lawsuits between men of such eminence in the State as these* («The Letters of Cassiodorus» by Cassiodorus); *He could even go so far as to bring Brennan to lawsuit to have Brennan stopped from his interference* («The Fourth R» by George Oliver Smith); (synonyms: *legal action, suit at law, case, court case, action, cause, legal proceeding, legal process, proceedings, judicial proceedings, litigation, trial, legal contest, legal dispute, bringing to book, bringing of charges, indictment, prosecution*).

The emergence of the term *lawsuit* (petition or entreaty) in the legal discourse of Great Britain dates back to 1615–1625. Originally, *lawsuit* was used as two words – *law suit*. In the XVIII–XIX centuries, lawyers distinguished between the expressions *to bring an action at law* (i. e. ‘to sue in accordance with the law’) and *suit in equity* (i. e. ‘a claim based on the rules of justice’). Such a distinction was exemplified in the text “Civil Rights Act” of 1871. The merger of the common law and the equity law in England reflected in the legal acts of 1873 and 1875 led to the loss of semantic differences between the two lexical units. It became possible to use *lawsuit* as one word meaning ‘legal process’. This meaning is presumably based on *suit* (7) which is a group of similar or related objects or items considered as a whole, that is, some generalized meaning. This LSV includes such components as *a proceeding, in a court of law, following in order, concerns a disagreement between two people / organizations, other than a criminal legal proceeding against someone*.

Suit (12) – short for *l a w s u i t*: The process of trying to win a woman's affection, typically with a view to marriage [OXFORD]. The act of wooing in love; the solicitation of a woman in marriage; courtship [Online plain]. (*He could not compete with John's charms in Marian's eyes and his suit came to nothing; He took the rejection of his suit to the princess hard, and has plotted revenge against those caused the rejection of his suit. The knight undertakes a love suit to the daughter of Selestinus, a wise emperor in Rome, and certain*

strange terms are agreed upon between them as the condition of her favor) [OXFORD] a man's courtship of a woman. (*She showed no interest in marriage, and eventually he gave up his **suit***) [wordsmyth] (synonyms: *courtship, wooing*). This metaphor conveys the concept of the process of courting a desired woman with the intent to win her heart and the view of further marriage. This LSV relates to the previous one and suggests the presence of certain obligations according to the “norms of justice” which were previously called *suit* in equity or The meaning is based on such semantic components as *the process of seeking the love of a woman, with the intent to marry*.

3.3. *Suit* in phraseological units

The word *suit* appears in some phraseological units (PU). Two of them are considered below.

Suit (13) – to follow suit: to play a card of the same suit as the card played immediately before it; to act in the same way as someone else [Collins] (*The day the United States declare war on Nazi Germany, the Central and South American republics will **follow suit***. (P. Fitzgerald «Human voices»)); *If the ME's office had seen fit not to give her any information, it seemed wise **to follow suit*** (J. A. Jance «Breach of duty»). This phraseological unit emerged in the middle of the 19th century. It was borrowed from a card game where players were required to use cards of the same deck. Later, due to the LSV abstraction, the PU began to denote a situation when someone acts in the same way as another. The phraseological unit is based on the meaning of *suit (6)*, but, unlike the latter, it means just ‘a deck of cards’ rather than ‘a set of cards of the same rank in all four different suits’ (*any of the sets distinguished by their pictorial symbols into which a deck of playing cards is divided*).

Suit (14) – strong suit: something that one excels in – *I know it's not your **strong suit**, duck, but yon Yankee bloke is busy outside* (Christina Jones «Tickled pink»); *Do you really think a disinterested observer would declare fidelity to be your **strong suit**?* (Howatch, Susan «Absolute truths»); *I settled myself as well as I could into my position beside the pool and prepared to exercise patience – not normally my **strong suit*** (Tapply, William «Follow the sharks»). This phraseological unit is used to mean ‘to be one’s strength’, ‘to succeed in something’. It is also supposedly associated with a card game when a player has strong cards in his/her hands. In accordance with the anthropomorphic principle, a familiar and concrete situation of a card game is used to interpret a more complex and abstract scenario associated with a winning position in any conceivable situation a person can find himself/herself.

4. Conclusion

The analysis of the LSV of the noun *suit* shows that the structure of this lexeme is based on both the NN meaning and the identified semantic components. The study enables to draw a number of conclusions. Firstly, it is evident that the phraseological units as part of the polysemant are based not on the NN meaning but rather on one of the figurative meanings. Thus, the metaphor *suit (6)* denoting a deck of cards or, more precisely, a hand of cards.

Secondly, all the metonymic and metaphorical meanings contain the seme of comparison ‘as if’ that provides a reason to bring them back to the nominative non-derivative meaning. Table 3 shows the other secondary meanings of the word *suit*.

The analysis has resulted in distinguishing three semantic clusters. The first cluster involves a cognitive image associated with a set or a group of similar objects used as a whole or following one another in a certain order. The second cluster conveys the concept of a legal action over disagreements that are not criminal in nature. The third cluster assumes the scenario of courting a desired woman with the intent to marry her.

Table 3. Metonymic and metaphorical meanings of the polysemant *suit* and their basic

Metonymy	Basic semantic components underlying the word <i>suit</i>
<i>suit</i> (3) – someone who works in an office and wears a suit, especially a senior manager who you dislike because they think only about the financial aspects of a business [Macmillan]	<i>contents associated, in a certain way, when part of the clothing (suit (1) – is issued for the person (synecdoche: part – whole)</i>
Metaphor	Basic semantic components underlying the word <i>suit</i>
<i>suit</i> (4) – a complete set of pieces of armor for covering the whole body [OXFORD]	<i>set of metal coverings, worn by soldiers/warriors, to protect the body in battle</i>
<i>suit</i> (5) – a complete set of sails required for a ship or for a set of spars [OXFORD]	<i>set of sails/masts, complete, required for a ship</i>
<i>suit</i> (6) – any of the sets distinguished by their pictorial symbols into which a deck of playing cards is divided, in conventional decks comprising spades, hearts, diamonds, and clubs [OXFORD]	<i>one of four sets of playing cards, distinguished by their pictorial symbols, into which a deck of playing cards is divided</i>
<i>suit</i> (7) – a group of things used together; a set or collection: a suit of tools [AHDEnL]	<i>a group of things/objects, similar; related, used together, considering as a whole</i>
<i>suit</i> (8) – things that follow in a series or succession [Online plain]	<i>a group of things/objects, similar; related, used together, considering as a whole, that follow one another in order</i>
<i>suit</i> (9) – the act of suing; the process by which one endeavors to gain an end or an object; an attempt to attain a certain result; pursuit; endeavor [Online plain]	<i>a group of things/objects, similar; related, that follow one another in order; an attempt to get a result, gain an end/an object</i>
<i>suit</i> (10) – regular order; succession. [Online plain]	<i>the act/process of following, in order, regular</i>
<i>suit</i> (11) – short for lawsuit (a) – a petition or entreaty made to a person in authority [OXFORD]	<i>a proceeding, in a court of law, following in order, concerns a disagreement between two people/ organizations, other than a criminal legal proceeding against someone</i>
<i>suit</i> (12) – short for lawsuit (b) – the process of trying to win a woman's affection, typically with a view to marriage [OXFORD]	<i>the process of seeking love of a woman, with intent to marry</i>

The obtained results enable to conclude that the image can have an undifferentiated syncretic character, combining different sensual and mental essences and objects into a holistic model. A vivid comparison based on reality can revive a hackneyed image associated with direct nomination and increase its expressiveness. Without being a mirror reflection of the surrounding reality, the system of images behind the structure of a polysemantic word has been particularly shown as having an undifferentiated syncretic character, connecting different sensual and mental essences and objects into a single whole.

References

- Gorelov, I. N. (1997). *Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]: A coursebook*. Moscow : Labirint Press. (In Russ.).
- Chafe, W. L. (1975). *Znachenije i struktura jazyka [Meaning and structure of language]*. Moscow: Progress Press. (In Russ.).
- Pesina, S. A. (2011). *Slovo v kognitivnom aspekte [Word in cognitive aspect]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Bally, S. (1961). *Frantsuzskaya stilistika [French stylistics]*. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Damasio, A. (1999). *The feeling of what happens: Body and emotions in the making of consciousness*. NY, San Diego, London : Harcourt Press.
- Potebnya, A. A. (1989). *Slovo i mif [Word and myth]*. Moscow : Pravda Press. (In Russ.).
- Kunina, A. V. (1955). *ARFS: Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar [English-Russian phraseological dictionary]*. Moscow : GIINS Press. (In Russ.).

- Kubryakova, E. S. (1996). *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov [A brief dictionary of cognitive terms]*. Moscow : Moscow State University Press. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (2002). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheiy [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological units]*. Moscow : Azbukovnik Press. (In Russ.).
- ACD. (1951). American College Dictionary. New York : Random House Press.
- AHDEL. (n. d.). The American Heritage Dictionary of the English Language. Retrieved from <<http://www.bartleby.com>>.
- CADE. (2003). Cambridge Dictionary of American English. Oxford : Oxford University Press.
- CIDE. (1996). Cambridge International Dictionary of English Language. Cambridge : Cambridge University Press.
- CIDI. (n. d.). Cambridge International Dictionary of Idioms. Retrieved from <<http://dictionary.cambridge.org>>.
- COBUILD. (1990). Colins Cobuild: Collins Cobuild English Language Dictionary. London ; Glasgow : Collins Press.
- Infoplease: Infoplease Dictionary. Retrieved from <<http://www.infoplease.net>>.
- LDCE. (n. d.). Longman Dictionary of Contemporary English. (2005). Pearson Education Limited Press.
- Webster. (n. d.). Webster's Online Dictionary, 10th edition. Retrieved from <<http://www.m-w.com>>.
- NWDEL. (1989). New Webster's Dictionary of English Language. Dehli : Surgeet Publications Press.
- OXFORD. (1980). Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press.
- WTNID. (1961). Webster's Third New International Dictionary. Springfield (Mass) Merriam co Press.
- Quick Def. (n. d.). Quick definitions. Retrieved from <<http://www.onelook.com>>.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.
The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

УДК 811.111(075.4)

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
fedulenkova@list.ru

Об актуальности лекции как жанра академического дискурса. Рецензия на монографию: И. П. Хутыз «Жанры дискурса академической среды. Традиционное и новое»

Аннотация

В рецензии даётся высокая оценка монографии И. П. Хутыз «Жанры дискурса академической среды. Традиционное и новое», значительная часть которой посвящена лекции как особому жанру академического дискурса, способному за относительно короткое время передать значимый объём информации необходимому числу слушателей. Особенно это касается лекций, размещённых на сайтах вузов и различных образовательных платформах. Рассматриваются следующие характеристики лекции как вида институциональной коммуникации: целенаправленность и стратегичность, структурность и фазовость, определённая ритуальность и предсказуемость, спонтанность и разнородность, цельность и фрагментарность. Большое внимание уделяется структурной организации лекционного дискурса, его макроструктуре, включающей содержательные компоненты обязательного и необязательного характера. Аргументируется взаимосвязь структурных характеристик лекции с качеством усвоения информации. И. П. Хутыз исследует вопросы интерактивности, необходимой для установки контакта с аудиторией, предлагает средства, направленные на диалогизацию лекционного дискурса, приёмы генерации интерактивности с помощью вопросов, личного нарратива, метафор и идиом, детально рассматривает функции вопросов в структуре лекции. Кроме того, автор выявляет метадискурсивные средства, задействованные в организации лекции, даёт характеристику её паралингвистическим и кинесическим компонентам. Изучая вопросы структурности и фазовости лекции, автор фокусирует своё внимание на кросс-культурных особенностях лекции. Несомненная актуальность, новизна, оригинальность трактовок, теоретическая и практическая значимость монографии делают возможным её использование не только в научных, но и в лингво-прагматических целях.

Ключевые слова: жанр, устный академический дискурс, новый формат лекции, когнитивная специфика, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики.

Для цитирования: Федуленкова Т. Н. Об актуальности лекции как жанра академического дискурса. Рецензия на монографию: И.П. Хутыз «Жанры дискурса академической среды. Традиционное и новое» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 209–214.

Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

The importance of lecture as a genre of academic discourse. Review of the monograph by I. P. Khutyzyz “Genres of discourse of the academic environment. The traditional and the new”

Abstract

This review highly appreciates the monograph by I. P. Khutyzyz “Genres of discourse of the academic environment. The Traditional and the New”, whose significant part is devoted to the lecture as a special genre of academic

discourse capable of transmitting a significant amount of information to the required number of listeners in a relatively short time. It is especially true for lectures posted on university websites, as well as on various educational platforms. The following characteristics of the lecture as a type of institutional communication are considered: focus and strategy, structurality and phase, a certain ritualism and predictability, spontaneity and heterogeneity, integrity and fragmentation. Much attention is paid to the structural organization of the lecture discourse, its macrostructure, including meaningful components, which in turn include mandatory and optional episodes. The interrelation of the structural characteristics of the lecture with the quality of information assimilation by students is argued. I. P. Khutyz also explores the issues of interactivity necessary to establish contact with the audience, suggests means aimed at dialogizing the lecture discourse, points to techniques for generating interactivity using questions, personal narrative, metaphors and idioms. The functions of questions in the lecture structure are considered in detail. In addition, the author identifies the meta-discursive means involved in the organization of the lecture, characterizes its paralinguistic and kinesic components. Studying the issues of structurality and phase of the lecture, the author focuses on cross-cultural features of the lecture. The undoubted relevance, novelty, originality of interpretations, theoretical and practical significance of the monograph make it possible to use it not only for scientific but also for linguistic and pragmatic purposes.

Keywords: genre, oral academic discourse, new lecture format, cognitive specificity, communicative strategies, communicative tactics

For citation: Fedulenkova, T. N. (2024). Ob aktual'nosti lektzii kak zhanra akademicheskogo diskursa. Retseziya na monografiyu: I. P. Khutyz «Zhanry diskursa akademicheskoy sredy. Traditsionnoe i novoe» [The importance of lecture as a genre of academic discourse. Review of the monograph by I. P. Khutyz “Genres of discourse of the academic environment. The traditional and the new”]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 209–214.

Монография доктора филологических наук, профессора Кубанского государственного университета И. П. Хутыз привлекает чрезвычайной актуальностью обсуждаемых вопросов и прежде всего вопросами, связанными с лекционным дискурсом. Занимаясь лекционной работой в вузе на филологических факультетах и факультетах романо-германских языков в течение полувека, каждый раз задаю себе вопросы, чем же может быть привлекательна моя лекция для аудитории и как её подготовить и преподнести так, чтобы она не только сообщала определённый учебной программой объём знаний, но и оставила неизгладимые впечатления о предмете обсуждения, не только пробуждая интерес к преподаваемой вузовской дисциплине, но и стимулируя стремление студентов к научным исследованиям в области фразеологии, стилистики, сопоставительной типологии германских языков.

На многие злободневные вопросы можно найти ответы в этой книге Ирины Хутыз. В своей работе автор отмечает способность лекционного дискурса варьироваться в зависимости от контекста коммуникации и его участников и, несмотря на то, что институциональная коммуникация характеризуется определённой ритуальностью и предсказуемостью, быть спонтанным и разнородным. Например, выбор речевых и иллюстративных средств, используемых лектором, зависит от того, на каком курсе читается лекционный курс, насколько осведомлена аудитория о предмете лекции, особенно в случае чтения лекций специалистом при переподготовке, повышении квалификации слушателей и прочее.

Анализируя многочисленные и многоаспектуальные исследования лекционного дискурса, автор подмечает, что интерес исследователей к лекционному дискурсу вызван тем, что он продолжает оставаться основной формой обучения в вузе, важным средством научной коммуникации. Поддерживая мнение большинства исследователей лекционного дискурса, определяющих лекцию как эффективную форму передачи информации, одновременно замечая, что лекция зачастую неэффективна в том, чтобы

вызывать у студентов интерес к дисциплине, И. П. Хутыз приходит к выводу, что, если лекция неэффективна в обучении, проблема скорее не в самой лекции то есть не в её форме, а в её исполнении, в её подаче, в её использовании. Совсем не случайно, что в связи с этим интенсифицируется поиск эффективных способов передачи информации посредством лекции, что привлекает внимание лингвистов различных научных школ и направлений.

Будучи основной формой образовательной деятельности, лекция продолжает оставаться типичной формой передачи знаний и опыта (о других видах, формах и жанрах профессионально ориентированной и публичной коммуникации см.: [Викулова, 2020, с. 195–211]).

Контексты, в которых выступает лектор, многообразны: лекцию читают знакомой аудитории обучающихся, а возможно, и специалистам из другой организации. Контекст, тип адресата влияют на то, как реализуется интенция лектора, какие стратегии используются для её достижения. В связи с тем, что лекция как форма передачи нового знания востребована в различных институциональных ситуациях, её содержание и структура не представляются чем-то неизменным, а воспринимаются как результат творческой деятельности лектора. Успешная лекция способствует активному и, как следствие, эффективному процессу обучения. Манера лектора, проведение викторин и дискуссий, варьирование типов деятельности в ходе проведения лекции, использование технических средств, вовлечённость студентов в работу – компоненты успешной лекции.

Многие вузы размещают лекции своих преподавателей на сайте университета; лекции различной тематики доступны для широкой аудитории на англоязычной платформе TED, русскоязычном портале Academia и т. д. Таким образом, как указывает автор, первая причина, по которой лекция остаётся популярной формой передачи знаний – это актуальная и интересная информация, передаваемая с помощью лекции.

Вторая важнейшая причина, по которой лингвисты фокусируются на лекционном дискурсе, вызвана ростом числа международных студентов, которые приезжают в зарубежный вуз со своими представлениями о том, как выстраивается процесс обучения и, как следствие, как читается и проводится лекция. Безусловно, эта причина актуальности изучения лекционного дискурса наиболее значима для образовательных программ, обучение по которым ведётся на английском языке.

Автор обращает внимание читателя на взаимосвязь структурных характеристик лекции с качеством усвоения информации обучающимися, в связи с чем лингвист активно занимается изучением возможностей структурного описания лекционного дискурса. Например, в одной из первых попыток изучить структуру лекции в 1979 году исследователи разделили её на акты или переходы, о которых сигнализируют дискурсивные маркеры. Анализ этих переходов способствует пониманию структурной композиции лекции и смыслового наполнения каждого из элементов структуры. Также в системе лекционного дискурса выделялись макро- и микроструктуры. Согласно данному видению структурной организации лекционного дискурса, макроструктура содержит содержательные компоненты, которые в свою очередь включают обязательные и необязательные эпизоды, например ожидания (необязательный компонент), ключевое содержание (обязательный компонент), развитие темы (обязательный компонент), заключение (обязательный компонент). Микроструктура представлена уже упомянутыми переходами, например такими, как суммирование.

В монографии предлагается оригинальное видение структурной организации лекционного дискурса, в которой выделяется шесть фаз, разделённых на две группы. Первая группа – метадискурсивная – комментирование по дискурсу лекции; она включает следующие фазы:

– структурную, направленную на информирование о том, как дискурс лекции будет организован;

- завершающую, которая суммирует информацию, представленную в лекции;
- оценивающую, присутствующую там, где лектор даёт критическую оценку излагаемой информации, высказывая своё мнение.

Вторая группа фаз, неметадискурсивная, привязана к идеационному содержанию (термин автора, см.: [Хутыз, 2021, с. 71]) лекционного дискурса и включает следующие фазы, или компоненты:

- интерактивную, которая является важной характеристикой вариантов данного дискурса;
- теоретико-содержательную, которая передаёт теоретическую информацию.

Рассматривая различные подходы к изучению англоязычного лекционного дискурса, автор обобщает фокусировку внимания исследователей на следующих проблемах:

- на изучении направляющих информационный поток дискурсивных маркеров, способствующих его эффективному восприятию,
- на применяемых лекторами стратегиях при изложении материала,
- на контрастивных исследованиях лекций, результаты которых способствуют пониманию культурной специфики конструирования и интерпретации данного вида дискурса.

Лекционный дискурс, занимающий пограничное положение между письменным и устным, ритуальным и спонтанным, рассматривается довольно часто в кросс-культурном ключе. Примечательно, что активизация этого направления началась в эпоху глобализации, когда многие вузы внедрили академические программы, обучение в которых ведётся на английском языке.

Автор данной монографии фокусирует своё внимание на кросс-культурных особенностях лекции и выражает солидарность с испанскими лингвистами Э. Д. Милне и Б. Н. Перуча, которые, опираясь на уже упомянутые исследования о структурности и фазовости лекции, выявляют метадискурсивные средства, задействованные в организации лекции. Маркирование структурной, завершающей и оценивающей фаз крайне важно для понимания информации, но, как показал контрастивный анализ лекций на испанском и английском языках, к сожалению, читая лекции не на родном языке, испанские лекторы часто забывают об этих метадискурсивных средствах. И. П. Хутыз подчёркивает, что лекторам, выступающим не на родном, как правило, на английском языке, нужна специальная подготовка, чтобы они максимально учитывали компоненты лекции, выделяли переходы между ними. Активное использование средств диалогизации и завершающих маркеров в лекционном дискурсе играет значимую роль в восприятии информации студентами.

Действительно, исследования лекционного дискурса демонстрируют, что метадискурсивные средства или дискурсивные маркеры играют важнейшую роль в раскрытии темы лекции. Такие маркеры автор называет разговорными маркерами интерактивности в «монологическом» дискурсе лектора. Это маркеры, фокусирующие внимание студенческой аудитории, служащие средством помощи лектору убедиться в согласованности, понимании; отмечающие переход к новой части блока информации подтверждения наличия разделяемых знаний.

Анализируя устный дискурс пленарных лекций, И. П. Хутыз детализирует такие его характеристики, как динамизм, ситуативность, форма и содержание. Начиная с лингвистического анализа лекции, автор затем обращается к паралингвистическим и кинесическим компонентам лекции. При этом отмечается, что дополнительные пояснительные вставки часто используются лекторами, чтобы объяснить некоторые вопросы по теме и усилить диалог с аудиторией. Пояснительные вставки связываются семантически, прагматически и формально с дискурсом лекции с помощью ключевых

слов. Выявив пояснительные вставки, исследователь проводит их анализ с учётом мультимодальных аспектов лекции, т. е. принимая во внимание все возможные компоненты, влияющие на восприятие информации аудиторией: а) жесты, движение головы, мимику и взгляд; б) тип жестов (иконические, метафорические, дейктические, а также жесты, не связанные с содержанием лекции); в) функции кинесики (референция, когезия, интерактивная и прагматическая) в дискурсе; г) взаимодействие невербальной части с вербальной: наличие семантической и прагматической синхронии, расширение значения; д) голос и его вариации (см. также [Ирисханова, 2022, с. 63–109]).

Считая вопросы важным и эффективным средством конструирования взаимопонимания с аудиторией, автор разделяет их по функции на два класса, а именно на вопросы, ориентированные на аудиторию, и вопросы, ориентированные на содержание. Вопросы с ориентацией на аудиторию инициируют какую-нибудь реакцию аудитории, возможно ответ. Вопросы, ориентированные на содержание лекции, призваны разъяснить, обозначать переход от одного тематического раздела к другому. В монографии представлена классификация лекционных вопросов, в которой выделяется восемь типов по целенаправленности: 1) проверить; 2) вызвать ответную реакцию; 3) вызвать корректирующий ответ; 4) приглашение задать вопрос; 5) приглашение студентам вмешаться в лекцию; 6) разъяснение и повтор; 7) подтверждение; 8) согласие.

Ориентированные на содержание вопросы не предполагают ответной реакции аудитории. В этой категории выделяется четыре подкатегории вопросов по их функциям: ввести информацию, задать риторический вопрос, помочь с примером, затронуть проблему. И. П. Хутыз отмечает, что не рассматривала вопросы на предмет мультифункциональности, хотя, очевидно, эту тему можно развивать в данном направлении.

Анализ данных, полученных в результате исследования лекционного дискурса, позволяет автору установить факторы эффективного восприятия информации:

- контакт лектора с аудиторией,
- «инструменты», с помощью которых лектор удерживает внимание слушающих,
- использование инклюзивного мы, вопросов, вставок, прерывающих поток информации, ссылок на общеизвестную информацию,
- приведение примеров и применение визуальных средств,
- использование шуток и анекдотов из собственного опыта, чтобы «очеловечить» личность лектора, придать дискурсу индивидуальность (о манипулятивном потенциале стилистических приёмов см. [Копнина, 2023, с. 80–93]).

Подчёркивается особая роль юмора как средства, выполняющего несколько важных функций в образовательном процессе и прежде всего: а) педагогическую функцию (вовлечение студентов в образовательный процесс) и б) социальную функцию (создание атмосферы взаимопонимания, усиление позитивного восприятия лектора слушателями) (о прагматике коммуникативных манипуляций см.: [Карасик, 2021, с. 200–266]).

Автор отмечает, что ясность излагаемой информации достигается посредством трёх основных компонентов: а) вовлечённости аудитории в процесс изложения информации, б) трансформирования, подразумевающего преобразование имеющегося знания под воздействием полученной информации в новую систему знаний и оценок, в) активизации, т. е. усвоения новой информации и понимания возможностей её практического применения.

Подводя итог вышесказанному, отметим ещё раз, что лекция как жанр академического дискурса представляется для исследователей актуальным объектом исследования в силу того, что лекция продолжает быть одной из наиболее распространённых форм передачи информации как в академической среде, так и в иных профессиональных контекстах. Подходы к исследованию лекционного дискурса многообразны, что вызвано значимым разнообразием предмета исследования в системе лекционного дискурса, обладающего множеством характеристик.

В целом, новаторский характер монографии И. П. Хутыз состоит в детализации коммуникативной стратегии кооперации, направленной на установление контакта с аудиторией, на формирование доброжелательных и доверительных отношений между лектором и аудиторией, стратегии, которая реализуется посредством ряда коммуникативных тактик, включая тактики диалогизации, тактики управления вниманием, тактики очеловечивания лектора, тактики объяснения лектором своих действий.

Инновационность работы заключается в том, что автор предлагает приёмы интерактивности лекторского дискурса не только побуждающие интерес к предмету, но и призванные формировать социальное равенство студентов и преподавателей, стимулирующие их самосознание и ответственность в процессе обучения.

Данная монография будет интересна не только исследователям жанра академической лекции и преподавателям, читающим лекции в вузе, но и всем, кто желает овладеть этим замечательным искусством.

Библиографический список

- Викулова и др., 2020 – Коммуникация: Теория и практика: учебник / Л. Г. Викулова, М. Р. Желтухина, С. А. Герасимова, И. В. Макарова. М.: ИД ВКН, 2020. 336 с.
- Ирисханова, 2022 – Полиmodalные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. 2-е изд. М.: ИД ЯСК, 2022. 448 с. (Studia Philologica).
- Карасик, 2021 – Карасик В. И. Языковая пластика общения. М.: Гнозис, 2021. 536 с.
- Копнина, 2023 – Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 9-е изд. М.: ФЛИНТА, 2023. 172 с.
- Хутыз, 2021 – Хутыз И. П. Жанры дискурса академической среды: традиционное и новое. М.: ИД ВКН, 2021. 132 с.

References

- Vikulova, L. G., Zheltuhina, M. R., Gerasimova, S. A., Makarova, I. V. (2020). *Kommunikatsiya: Teoriya i praktika [Communication: Theory and Practice]: A coursebook*. Moscow: ID VKN Press.
- Iriskhanova, O. K. (Ed.). (2022). *Polimodal'nye izmereniya diskursa [Polymodal dimensions of discourse]*. 2nd edn. Moscow: ID YaSK Press. (Studia Philologica).
- Karasik, V. I. (2021). *Yazykovaya plastika obshcheniya [Language plasticity of communication]*. Moscow: Gnozis Press.
- Kopnina, G. A. (2023). *Rechevoe manipulirovanie [Speech manipulation]: A coursebook*. 9th edn. Moscow: FLINTA Press.
- Khutyz, I. P. (2021). *Zhanry diskursa akademicheskoy sredy: traditsionnoe i novoe [Genres of academic discourse: Traditional and new]*. Moscow: ID VKN.

Наши авторы

- Баландина Екатерина Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Южно-Уральского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: balandinaes@susu.ru
- Брагина Анфиса Павловна*, магистрант кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: fizabr@gmail.com
- Горбунова Виктория Александровна*, канд. филол. наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: vicgor89@mail.ru
- Завьялов Виктор Николаевич*, д-р филол. наук, проф. Высшей школы русской филологии Тихоокеанского гос. ун-та, г. Хабаровск, Российская Федерация, email: victoroff@list.ru
- Зарубина Елена Сергеевна*, аспирант кафедры русского языка и литературы Дальневосточного фед. ун-та, г. Владивосток, Российская Федерация, email: e.s.zarubina@yandex.ru
- Зубарева Екатерина Олеговна*, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: fialka21-85@mail.ru
- Иванашко Юлия Петровна*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Коробова Виктория Николаевна*, преподаватель Дальневосточного высшего общевоинского командного ордена Жукова училища им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: semvik85@mail.ru
- Кремлева Виктория Андреевна*, магистрант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: victoria.kremleva@bk.ru
- Лагута Нина Владимировна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nlaguta@mail.ru
- Ладисова Ольга Владимировна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Благовещенского гос. пед. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: ladisova@yandex.ru
- Ма Татьяна Юрьевна*, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: tdovnar@mail.ru
- Морозова Ольга Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru
- Никитичев Илья Геннадьевич*, аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского гос. ун-та, г. Курск, Российская Федерация, email: ignikitchev@mail.ru
- Полухина Светлана Владимировна*, аспирант Ин-та лингвистики Российского гос. гум. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: svp.linguae@gmail.com
- Процукович Елена Александровна*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Смирнова Алина Андреевна*, магистр лингвистики, учитель Языковой школы «ПифагорУМ», г. Благовещенск, Российская Федерация, email: alinamacb@gmail.com
- Стрельцов Алексей Александрович*, <https://orcid.org/0000-0002-7882-0495>, канд. пед. наук, доцент, доцент Ин-та филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного фед. ун-та, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, email: al-astr@yandex.ru
- Сюткина Надежда Павловна*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: nad975@yandex.ru
- Тананайко Светлана Олеговна*, канд. филол. наук, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: stananaiko@mail.ru
- Тирон Екатерина Леонидовна*, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: krupich_katja@mail.ru
- Уртегешев Николай Сергеевич*, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: urtegeshev@mail.ru
- Федуленкова Татьяна Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, д-р филол. наук, проф. кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского гос. ун-та, проф. Северного (Арктического) фед. ун-та им. М. В. Ломоносова, член Научного Совета по филол. наукам Российского Профессорского собрания, член-кор. Российской Академии Естественных наук, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru
- Филясова Юлия Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского гос. эконом. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: phill.yield@gmail.com
- Хэ Цзэ*, аспирант Высшей школы русской филологии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Российская Федерация, email: 2016106893@pnu.edu.ru
- Чжоу Гуаньци*, аспирант кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: 770511959@qq.com
- Шереметьева Елена Сергеевна*, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного фед. ун-та, г. Владивосток, Российская Федерация, email: e.sheremetyeva@gmail.com
- Шустова Светлана Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>, д-р филол. наук, проф. кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru
- Юсупова Ляля Гайнулловна*, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Уральского гос. горного ун-та, г. Екатеринбург, Российская Федерация, email: lyalyax@bk.ru

Our authors

- Ekaterina S. Balandina*, PhD in Philology, Assistant Professor, Foreign Languages Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: balandinaes@susu.ru
- Anfissa P. Brahgina*, Master student, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: fizabr@gmail.com
- Viktoriya A. Gorbunova*, PhD in Philology, researcher, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation, email: vicgor89@mail.ru
- Victor N. Zavyalov*, Doctor of Philology, Professor, Russian Philology School, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation, email: victoroff@list.ru
- Elena S. Zarubina*, PhD student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, email: e.s.zarubina@yandex.ru
- Ekaterina O. Zubareva*, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: fialka21-85@mail.ru
- Yulia P. Ivanashko*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Victoria N. Korobova*, teacher, Far Eastern Higher Combined Arms Command Order of Zhukov School named after Marshal of the Soviet Union of K.K. Rokossovsky, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: semvik85@mail.ru
- Viktoriya A. Kremleva*, Master student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: victoria.kremleva@bk.ru
- Nina V. Laguta*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Communication and Journalism, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nlaguta@mail.ru
- Olga V. Ladisova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: ladisova@yandex.ru
- Tatyana Yu. Ma*, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: tdovnar@mail.ru
- Olga N. Morozova*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru
- Ilya G. Nikitichev*, PhD student, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, email: ignikitichev@mail.ru
- Svetlana V. Polukhina*, PhD student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, email: svp.linguae@gmail.com
- Elena A. Protsukovich*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Alina A. Smirnova*, Master of Linguistics, teacher, PifagorUM Language School, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: alinamacb@gmail.com
- Aleksey A. Streltsov*, <https://orcid.org/0000-0002-7882-0495>, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, email: al-astr@yandex.ru
- Nadezhda P. Siutkina*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: nad975@yande.ru
- Svetlana O. Tananaiko*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Phonetics and Methodology of Teaching Foreign Languages, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: stananaiko@mail.ru
- Ekaterina L. Tiron*, PhD in Art, leading researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: krupich_katja@mail.ru
- Nikolay S. Urtegeshev*, Doctor of Philology, leading researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: urtegeshev@mail.ru
- Tatiana N. Fedulenkova*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru
- Yulia A. Filyasova*, PhD in Philology, Saint Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russian Federation, email: phill.yield@gmail.com
- Xe Ze*, PhD student, Russian Philology School, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation, email: 2016106893@pnu.edu.ru
- Zhou Guanqi*, PhD student, Department of Phonetics and Methodology of Teaching Foreign Languages, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: 770511959@qq.com
- Elena S. Sheremetyeva*, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, email: e.sheremetyeva@gmail.com
- Svetlana V. Shustova*, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru
- Lyalya G. Yusupova*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages and Business Communication, Ural State Mining University, Yekaterinburg, Russian Federation, email: lyalyax@bk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Баландина Е. С.</i>	Оценочность как способ моделирования пространства в географических очерках XIX века	5
<i>Горбунова В. А.</i>	Аффиксальное образование наречий в ульчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским)	15
<i>Завьялов В. Н., Хэ Ц.</i>	Противительные союзы <i>а, но, да</i> в русских говорах Приамурья (коммуникативно-прагматический аспект)	27
<i>Зарубина Е. С., Шереметьева Е. С.</i>	Формирование подчинительных союзов на базе производных предлогов: союз <i>исходя из того(,) что</i>	42
<i>Зубарева Е. О., Шустова С. В.</i>	Языковая профессиональная карта русскоязычного миграционного дискурса	51
<i>Коробова В. Н., Ладисова О. В.</i>	Основы построения Тематического словаря диалектной лексики Амурской области	60
<i>Лагута Н. В.</i>	Адъективная лексика, репрезентирующая пространственные отношения в русских говорах Приамурья	71
<i>Ма Т. Ю., Брагина А. П.</i>	Гендерно-маркированная лексика с компонентом «man» / «woman» в английском языке	79
<i>Морозова О. Н., Кремлева В. А., Тирон Е. Л., Уртегешев Н. С.</i>	Опыт акустического анализа эвенкийской песенной речи. Часть 1	93
<i>Никитичев И. Г.</i>	Выбор средств речевого воздействия как фактор эвристичности в академическом дискурсе билингвов	107
<i>Полухина С. В.</i>	Структурные особенности относительных предложений в русском интеръязыке сирийских студентов	123
<i>Смирнова А. А., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А.</i>	Фонетическая интерференция в англоязычной речи детей-китайцев младшего дошкольного возраста	133
<i>Стрельцов А. А.</i>	Средства выражения искажений в русскоязычной речи «немцев» – персонажей произведений русско-советской литературы	147
<i>Сюткина Н. П.</i>	Семантический синкретизм в аспекте функционирования эмотивных каузативов	163
<i>Филясова Ю. А.</i>	Концептуализация и категория концепта в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми: интеграция когнитивных и языковых структур	173
<i>Чжоу Г., Тананайко С. О.</i>	Специфика коартикуляции в китайских и русских слогах с палатализованным согласным	191
<i>Юсупова Л. Г.</i>	Образ как важнейшая когнитивная составляющая функционирования переносных значений	201
Рецензии		
<i>Федуленкова Т. Н.</i>	Об актуальности лекции как жанра академического дискурса. Рецензия на монографию: И. П. Хутыз «Жанры дискурса академической среды. Традиционное и новое»	209
Наши авторы		215

CONTENTS

Original Papers

<i>Balandina E. S.</i>	Evaluation as a way of inspace modeling in geographical essays of the XIX century	5
<i>Gorbunova V. A.</i>	Adverb production by affixation in the Ulch language (Comparing Nanai and Orok)	15
<i>Zavyalov V. N., Xe Ž.</i>	The adversative conjunctions <i>a</i> 'but', <i>no</i> 'but', <i>da</i> 'but' in the Russian dialects of the Amur Region (Communicative and pragmatic aspects)	27
<i>Zarubina E. S., Sheremeteva E. S.</i>	Development of subordinating conjunctions on the basis of derived prepositions: The conjunction <i>ishkhodya iz togo(,) chto</i> 'based on the fact that'	42
<i>Zubareva E. O., Schustova S. V.</i>	The language professional map of the Russian-speaking migration discourse	51
<i>Korobova V. N., Ladisova O. V.</i>	The basics of building a Thematic dictionary of dialect vocabulary of the Amur Region	60
<i>Laguta N. V.</i>	Adjectives representing spatial relations in the Amur local accents of Russian	71
<i>Ma T. Yu., Brahgina A. P.</i>	Gender-specific vocabulary with the component “man” / “woman” in English	79
<i>Morozova O. N., Kremleva V. A., Tiron E. L., Urtegeshev N. S.</i>	Experience of acoustic analysis of Evenki vocal speech. Part 1	93
<i>Nikitichev I. G.</i>	Speech influence means selection as a factor of heuristics in academic discourse of bilinguals	107
<i>Polukhina S. V.</i>	Structural properties of relative clauses in Russian interlanguage of Syrian students	123
<i>Smirnova A. A., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A.</i>	Phonetic interference in English speech of Chinese pre-schoolers	133
<i>Streltsov A. A.</i>	Means of expressing distortions in the Russian speech of “Germans” – characters of Russian and Soviet literature	147
<i>Siutkina N. P.</i>	Semantic syncretism in the aspect of emotive causatives functioning patterns	163
<i>Filyasova Yu. A.</i>	Conceptualization and the category of concept in R. Langacker’s and L. Talmy’s cognitive theory: Integration of cognitive and linguistic structures	173
<i>Zhou G., Tananaiko S. O.</i>	The specifics of coarticulation in Chinese and Russian syllables with a palatalized consonant	191
<i>Yusupova L. G.</i>	Image as the most important cognitive component in the functioning of figurative meanings	201
Reviews		
<i>Fedulenkova T. N.</i>	The importance of lecture as a genre of academic discourse. Review of the monograph by I. P. Khutyž “Genres of discourse of the academic environment. The traditional and the new”	209
Our authors		215

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 10, No 2, 2024.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 13.06.2024. Подписано к печати 11.06.2024. Дата выхода в свет 25.06.2024.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 25,57 Тираж 1000. Заказ 279. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.